

Заметки о войне на уничтожение

Восточный фронт 1941–1942 гг.
в записях генерала Хейнрици

под редакцией Йоханнеса Хюртера

перевод с немецкого, предисловие к русскому изданию,
комментарии Олега Бэйдя и Игоря Петрова

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Johannes Hürter (Hrsg.)

Notizen aus dem Vernichtungskrieg

**Die Ostfront 1941/42 in den Aufzeichnungen
des Generals Heinrici**

Заметки о войне на уничтожение

*Восточный фронт 1941–1942 гг.
в записях генерала Хейнрици*

под редакцией Йоханнеса Хюртера

перевод с немецкого, предисловие к русскому изданию,
комментарии Олега Бэйдя и Игоря Петрова

Санкт-Петербург 2018

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)62
3-32

Перевод выполнен по изданию: Notizen aus dem Vernichtungskrieg. Die Ostfront 1941/42 in den Aufzeichnungen des Generals Heinrici. Darmstadt: WBG, 2016.

3-32 Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., предисловие к рус. изд., коммент. О. И. Бэйдя, И. Р. Петрова. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 328 с.

ISBN 978-5-94380-266-9

Хотя генерал Готхард Хейнрици не написал собственных мемуаров о «восточном походе», после него остались подробнейшие письма семье и личный дневник, который он вел всю войну. Эти записки, изначально не предназначенные для чужих глаз и попавшие в поле зрения историков только в конце 90-х, рисуют новую, откровенную в своей беспощадности картину оккупации и войны против СССР. Почти ежедневные эмоциональные и критические письма, избежавшие переработки постфактум, резко отличаются как от книг, вышедших после войны из-под пера других немецких военачальников, так и от скучной оперативной истории. Порой самодовольные, порой грустные или язвительные размышления о политике, настоящем, будущем перемежаются сиюминутными зарисовками фронтовой действительности, полной взаимной ненависти, военных кризисов, невыносимых условий и невыполнимых приказов. В заметках генерала хватает частностей, характерных скорее для текстов окопных солдат, но при этом читателю предоставляется широкая перспектива штабного офицера: Хейнрици последовательно командовал корпусом, армией, группой армий, начав с наступления на Москву, а закончив обороной Берлина. Через довоенные письма и дневниковые записи, дополняющие основной текст, становится ясно, как из сына пастора, консервативного молодого офицера выковался пессимистичный, аналитически мыслящий генерал вермахта, который, участвуя в преступном колониальном походе против СССР, поставил весь свой талант стратега на службу Гитлеру.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)62

- © WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), Darmstadt, Germany, 2016
- © О. И. Бэйдя, И. Р. Петров, перевод на русский язык, коммент., предисловие к русскому изданию, 2018
- © Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018

ISBN 978-5-94380-266-9

Содержание

<i>Олег Бэйда, Игорь Петров. «Забытый голос с самых верхов»:</i> предисловие к русскому изданию.....	6
<i>Йоханнес Хюртер. Совершенно нормальный генерал</i> вермахта (предисловие)	25
Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици	
До начала русской кампании, октябрь 1940 г. — июнь 1941 г.	40
Наступление, июнь–сентябрь 1941 г.	60
Наступление на Москву, октябрь–ноябрь 1941 г.	101
Ответный удар, декабрь 1941 г. — январь 1942 г.	133
Стабилизация фронта, февраль–июнь 1942 г.	179
Приложение 1. Записи и письма 1915–1940 гг.	211
Приложение 2. На пути к полному поражению — документы 1942–1945 гг.	261
Список источников и литературы	325

«Забытый голос с самых верхов»: предисловие к русскому изданию

«Побежденные пишут историю»

В среде историков-германистов, изучающих период Второй мировой войны, существует такая шутка: хотя немецкие генералы и не смогли одержать победу в войне, после войны их PR-стратегия оказалась выигрышной. Несмотря на то что на поле боя вермахт потерпел поражение, а знамена поверженных дивизий Третьего рейха были брошены к мавзолею в Москве, война для проигравшей стороны перенеслась на страницы послевоенных книг, мемуаров, исследований. И, как ни удивительно, почти 40 лет на бумажно-литературном фронте вермахт находился лишь в одном шаге от победы, а штандарты его продолжали гордо реять.

Возможность создать миф о «чистом вермакте, который не запятнал себя кровью невинных», вчерашним немецким командирам дало Историческое отделение армии США (Historical Division of the United States Army)¹. Прагматичным заокеанским джентльменам было ясно, что союз с большевиками крайне непрочен, а за разделом послевоенной Европы последует дальнейшее расширение советской сферы влияния. Нужно было оценить вероятного противника, т. е. Красную армию, и никто, кроме воевавших с ней на протяжении четырех лет немецких офицеров, не мог бы сделать это лучше. Так в Историческом отделении появилась секция по изучению немецкой оперативной истории под руководством полковника Гарольда Э. Поттера. Одну из центральных ролей в наборе авторов сыграл официальный военный историк армии США бригадный генерал Сэмюэл Лайман Этвуд Маршалл.

Американцы убедили бывшего начальника генштаба сухопутных сил генерал-полковника Франца Гальдера возглавить проект по «написанию истории недавней войны». Гальдер пользовался огромным уважением своих соратников, а американцы — что парадоксально — считали его «оппонентом» Гитлера, каковым он никогда не был. Как и у американцев, прагматика лежала в основе сотрудничества теперь уже с немецкой

¹ Об этом проекте см. исчерпывающую работу: *Howell E.-J. Von den Besiegten lernen? Diekriegsgeschichtliche Kooperation der U.S. Armee und der ehemaligen Wehrmachtseilite 1945–1961.* Berlin: De Gruyter, 2016.

стороны: по словам Гальдера, произнесенным в октябре 1946 г., было важно «продолжить борьбу с большевизмом»². Так же считали и другие высшие чины, вроде генерала Рейнхарда Гелена, организовавшего с помощью и под контролем американцев западногерманскую разведку — «ведомство Гелена», впоследствии переименованное в BND³.

С июня 1946 г. более 300 плененных немецких офицеров, большинство из них были генералами, принялись за работу⁴. Тем временем политический климат в Европе быстро ухудшался. В начале 1947 г. Историческое отделение армии США скорректировало общую задачу, пожелав увидеть не только оперативную историю, стратегические и тактические зарисовки в исполнении высших чинов вермахта, но и исследования, посвященные Советскому Союзу.

В июле 1947 г. Гальдер получил официальное шефство над группой интернированных офицеров в Нойштадте под Аллендорфом. С расширением проекта он возглавил так называемую контрольную группу, состоявшую из восьми бывших чинов генштаба, а летописцы транзитом через Кёнигсштайн перебрались в Карлсруэ, где и оставались до закрытия проекта в 1961 г.

Можно сменить габардиновый китель германской армии с карминовым приборным цветом штабистов на аккуратный гражданский пиджак, но нельзя изменить сознание и вбитые за годы службы принципы генштаба. «Борьба с большевизмом» продолжалась: Гальдер предпочитал обращение «господин генерал», руководил «боевыми действиями», разворачивавшимися на машинописных страницах. Он давал ценные указания, прорабатывал «стратегию наступления», обрабатывал и редактировал отчеты «наступающих соединений» (тексты вовлеченных в проект лиц). В марте 1947 г. генерал-фельдмаршал Георг фон Кюхлер наставлял своих соавторов: «Описывать стоит *немецкие* свершения, рассма-

² Wette W. *The Wehrmacht: History, Myth, Reality*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. 230.

³ О деятельности армейской разведки в годы войны см.: Pahl M. *Fremde Heere Ost: Hitlers militärische Feindaufklärung*. Berlin: Ch. Links, 2012. О деятельности ведомства Гелена после войны см.: Franceschini C., Friis T. W., Schmidt-Eenboom E. *Spionage unter Freunden: Partnerdienstbeziehungen und Westaufklärung der Organisation Gehlen und des BND*. Berlin: Ch. Links, 2017.

⁴ Здесь и далее о проекте см.: Wette W. *The Wehrmacht: History, Myth, Reality*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. 229ff. Любопытно отметить, что схожая идея во время Второй мировой войны разрабатывалась самими немцами: военно-исторический отдел верховного командования сухопутных сил под началом генерал-майора Вальтера Шерффа с 1942 г. активно привлекал к работе советских военнопленных, большей частью старших офицеров из лагеря Хаммельбург, которые должны были писать «историю разгрома своих частей».

триваемые с немецкой точки зрения; это станет мемориалом нашим войскам»⁵. Через 12 лет, подводя итоги своей деятельности, уже сам Гальдер писал тогдашнему министру обороны ФРГ Францу Йозефу Штраусу: «Я знаю, что успех никогда не пришел бы, если бы не самоотверженная и зачастую жертвенная работа старых товарищей [...] снова вставших плечом к плечу в деятельности, которая — пусть внешне и опиралась на американскую армию — преследовала лишь одну цель: служить Германии и ее будущим войскам [...] Нашей работой мы уже сейчас закрепили в веках сверхчеловеческие достижения немецких солдат, служивших своему народу»⁶.

Для работы над проектом американские партнеры предоставляли генералам трофейные немецкие материалы из закрытых архивов — этого права добился Гальдер. Во время встречи в мае 1954 г. с социологом Гансом Шпайером он упомянул, что благодаря этому немцы могут начать писать «серьезную военную историю»; особенно Гальдера изумляло, насколько же мемуарные повествования отличаются от документальной фактуры (что само по себе красноречиво говорит об уровне «исторической экспертизы»)⁷.

Такой доступ к архивам, с одной стороны, пробил путь к первичной информации, с другой стороны, как вспоминал генерал барон Гейр фон Швеппенбург, если какой-то эпизод с преступным содержанием надо было обойти, это было возможно сделать⁸. Немецкие профессиональные историки тем временем получили доступ к этим же материалам только в 70-е.

Благодаря этому проекту участники в некотором смысле смогли восстановить свое потрепанное капитуляцией реноме: теперь они не только ценились как свежее испеченные научные сотрудники в генеральских чинах, но и имели безусловное влияние на первых исследователей, в то время только начинавших заниматься изучением войны. Работа профессионального историка над соответствующей проблематикой, таким

⁵ *Wegner B.* Erschriebene Siege: Franz Halder, die 'Historical Division' und die Rekonstruktion des Zweiten Weltkrieges im Geiste des deutschen Generalstabes // *Politischer Wandel, organisierte Gewalt und nationale Sicherheit: Beiträge zur neueren Geschichte Deutschlands und Frankreichs: Festschrift für Klaus-Jürgen Müller* / hrsg. von E. W. Hansen, G. Schreiber, B. Wegner. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1995. S. 294–295.

⁶ Письмо Гальдера Штраусу, 9 июня 1959 г. // BArch. N 220/83. Bl. 177.

⁷ *Speier H.* From the Ashes of Disgrace: A Journal from Germany 1945–1955. Amherst: University of Massachusetts Press, 1981. P. 255.

⁸ *Ueberschär G.* Generaloberst Franz Halder: Generalstabschef, Gegner und Gefangener Hitlers. Göttingen: Muster-Schmidt Verlag, 1991. S. 95.

образом, означала почти неизбежное взаимодействие с самими упоминаемыми акторами: благодаря личным связям с первыми авторами немецкие генералы смогли ограничивать исследование недавнего прошлого⁹. В некотором смысле тема была монополизирована, и порой даже историкам из стран-победительниц приходилось, если они желали получить ту или иную справку, подстраиваться под взгляды Гальдера и К^о и буквально лебезить перед ними, извиняясь за ошибочные — с точки зрения упомянутых выше «сверхчеловеческих достижений» — трактовки.

Это значило, что вся критика и все обвинения в преступлениях, в которых вермахт безусловно был повинен, выносились за скобки — победы же, напротив, подчеркивались. Из-за специфического микроклимата проекта и общих идеологических воззрений авторов подобная ситуация не вызвала никаких проблем в «историческом генштабе». Влияние Гальдера было столь велико, что распространялось и на то, как подавались статьи о войне в гражданской прессе¹⁰. Фактически он может быть назван отцом родившегося в 50-е гг. мифа о «чистом вермакте», появившегося вопреки и почти одновременно с судебными процессами над некоторыми из генералов¹¹.

Американцы знали о желаниях и скрытых мыслях своих вчерашних визави, так как — прагматизм превыше всего! — прослушивали все их разговоры¹². Имея в своем распоряжении тысячи пленных офицеров, американцы так и не начали изучение социальной картины германского офицерского корпуса, сосредоточившись лишь на конкретном нужном им материале¹³. Соответственно, желания немцев «отмыть» самих себя им были по большому счету безразличны.

⁹ Здесь особенно показателен пример Бэзила Лиддела Гарта, см.: *Searle A. A Very Special Relationship: Basil Liddell Hart, Wehrmacht Generals and the Debate on West German Rearmament, 1945–1953 // War in History. 1998. Vol. 5. No. 3. P. 327–357.*

¹⁰ *Ueberschär G. Generaloberst Franz Halder. S. 92ff.*

¹¹ *Searle A. Revising the 'Myth' of a 'Clean Wehrmacht': Generals' Trials, Public Opinion, and the Dynamics of Vergangenheitsbewältigung in West Germany, 1948–60 // German Historical Institute London Bulletin. 2003. Vol. 25. No. 2. P. 17–48.*

¹² О других «генеральских прослушках» подобного рода см.: *Neitzel S. Abgehört: Deutsche Generäle in britischer Kriegsgefangenschaft 1942–1945. Berlin: Propyläen, 2007. О «прослушках» обычных бойцов см.: Нейтцель З. Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боев, страданий и смерти. М.: Эксмо, 2013.*

¹³ О характеристиках немецких офицеров см.: *Muth J. Command Culture: Officer Education in the U.S. Army and the German Armed Forces, 1901–1940, and the Consequences for World War II. Denton: University of North Texas Press, 2011. P. 28–29.*

Уже к марту 1948 г. было создано более 1000 отдельных текстов общим объемом в 34 000 страниц. Всего же проект просуществовал 15 лет, за это время в нем поучаствовало более 700 немецких офицеров, а на свет появилось более 2500 отдельных работ по разным темам¹⁴. По состоянию на середину 60-х, часть созданных немцами текстов хранилась в библиотеке Командно-штабного колледжа Сухопутных войск США в Канзасе, другая часть осела в армейском центре военной истории в Вашингтоне. На основе обобщенного американской армией опыта вермахта писались военно-исторические работы, а офицеры получали научные степени¹⁵.

Задумка во многом окупила вложенные усилия: на выходе были получены не только работы на заданные темы, но и произведен анализ полевого устава американской армии¹⁶. Некоторые тексты, рожденные в недрах проекта, до сих пор представляют академический интерес и издаются¹⁷. За заслуги перед «отечеством» в июне 1961 г. Гальдер получил Meritorious Civilian Service Award, вторую по старшинству награду для гражданских лиц, сотрудничавших с федеральными агентствами США¹⁸.

Хотя проект и был завершен, использование немцев не закончилось даже через 20 лет: после поражения во Вьетнаме американские военные в середине 70-х сместили свой фокус на вопрос борьбы в условиях превосходящих танковых сил противника. Генерал танковых войск Герман Бальк, изначально отказавшийся сотрудничать в проекте, в начале 80-х передумал и начал участвовать в конференциях и давать высокопоставленным американцам советы, оказавшие непосредственное влияние на разработку стратегической доктрины AirLand Battle. Даже

¹⁴ Smelser R., Davies II E. J. The Myth of the Eastern Front: The Nazi-Soviet War in American Popular Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 65.

¹⁵ См., например: Hardesty Jr. G. D. Impact of German Military Resistance Movements upon Field Commanders of the German Army, 1933–1944. Master of Military Art and Science thesis. U.S. Army Command and General Staff College. Kansas, 1964.

¹⁶ On the German Art of War: Truppenführung / ed by B. Condell, D. T. Zabecki. Boulder, 2001. P. 279–288; Strohn M. The German Army and the Defence of the Reich: Military Doctrine and the Conduct of the Defensive Battle 1918–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 247f.

¹⁷ Raus E., Natzmer von O. The Anvil of War: German Generalship in Defense of the Eastern Front during World War II. New York: Skyhorse Publishing, 2016.

¹⁸ Hartmann C. Franz Halder — Der verhinderte Generalstabschef // Die Militärelite des Dritten Reiches. 27 biographische Skizzen / hrsg. von R. Smelser, E. Syring. Berlin: Ullstein, 1995. S. 218.

в 90-е гг. опыт немцев пристально изучался в высших военных учебных заведениях США¹⁹.

К слову, это было не единственное предприятие подобного рода. Несколько в тени остался совершенно секретный «Проект Хилл» (Hill Project) — совместное детище военной разведки Британии, Канады и США. Цель стартовавшего летом 1945 г. и осуществленного на американской земле начинания была похожей: пленные германские чины проводили исследования на интересующие союзников темы и писали обстоятельные аналитические записки²⁰. Научную базу исследований составили трофейные материалы, хранившиеся в Немецкой военной документальной секции (GMDS) в лагере Ритчи, штат Мэриленд. После завершения проекта в апреле 1946 г. пленные были репатриированы в Германию²¹.

У американско-германского сотрудничества были мощные побочные культурно-исторические эффекты — быть может, даже более важные, чем фактологический потенциал самих текстов. Именно из-за проекта Исторического отделения сформировались устойчивые идеалистические представления о германской армии: якобы руководство неизменно было суперпрофессиональным, а солдаты вермахта всегда и везде проявляли чудеса стойкости и боевого духа.

Удалось зацементировать и более глобальные спорные образы. Во-первых, сам вермахт в целом и его командование в частности преподносились как жертвы Гитлера в историческом смысле. Как минимум они были слепым орудием его произвола, как максимум же всегда протестовали из-за преступлений, организовали сопротивление, дошло даже до покушения на фюрера. Это было лукавство: конечно, вермахт не был однороден и в нем были представлены разные мнения, но на высшем уровне большинство генералов вполне осознанно следовало руководящей линии, да и к участникам заговора 20 июля 1944 г. сами пишущие относились в лучшем случае амбивалентно, в худшем — как к предателям²². Во-вторых, генералам удалось отделить историю войны от смысла нацистской войны, т. е. от расширения сферы власти нацистов в целом

¹⁹ См.: *Order in Chaos: The Memoirs of General of Panzer Troops Hermann Balck* / ed. by D. T. Zabecki, D. J. Biederkarten. Lexington: University Press of Kentucky, 2015.

²⁰ *Mallett D. R. Western Allied Intelligence and the German Military Documentation Section // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46. No. 2. P. 383–406.*

²¹ *Mallett D. R. Hitler's Generals in America: Nazi POWs and Allied Military Intelligence. Lexington: University Press of Kentucky, 2013. P. 140–158.*

²² Об отношении к антигитлеровской оппозиции см.: *Lockenour J. Soldiers as Citizens: Former Wehrmacht Officers in the Federal Republic of Germany, 1945–1955. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2001. P. 153ff.*

и чаемого «жизненного пространства» в частности, от защиты политического строя и всего, что он предполагал. Немецкие солдаты и офицеры «просто» сражались в отрыве от режима, который дал им в руки оружие и указал направление стрельбы. Всё это подавалось как «служба своему народу», «защита Родины» — *какой* родины, не уточнялось. Цели войны обозначались отдельно и назывались «гитлеровскими целями». Гитлер при этом предстал, конечно же, упертым дилетантом, который вставлял палки в колеса и танковые гусеницы. Банальные *прогнозируемые* факторы вроде морозов и бездорожья, усложняющие любую войну, сыграли, с точки зрения генералов, *ключевую роль* в их поражении. Сами же они оставались безгрешными.

Ситуация начала меняться только в середине 70-х гг., когда в Германии появилось новое и весьма критично настроенное поколение молодых историков, которым были безразличны или даже неприятны свершения их собственных отцов. Выдержав тяжелые дискуссии 80-х гг., известные как *Historikerstreit* («спор историков»), и обсуждения, вышедшие за границы чисто академической сферы, пройдя через череду новых работ, показывавших полноценное участие армейских структур в оккупационной политике и в войне на уничтожение на востоке, германское общество столкнулось с необходимостью признать фактическое положение вещей уже становившегося далеким прошлого²³. И оно нашло в себе силы сделать это, хотя пилюля была очень и очень горькой; пожалуй, это один из немногих примеров, когда академические споры в кругу специалистов-интеллектуалов оказали прямое влияние на целую страну²⁴. На удивление долго продержавшийся миф о «чистом вермахте» рухнул²⁵. Его основные создатели на тот момент были уже давно мертвы — в лучший мир они ушли с полным убеждением в собственной правоте и с уверенностью, что будущие поколения будут учить историю войны в их интерпретации.

²³ Среди прочих ранних и поздних работ см.: *Streit C. Keine Kameraden: die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978; *Schulte T. J. The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia*. Oxford; New York, 1989; *Vernichtungskrieg — Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944* / hrsg. von H. Heer, K. Naumann. Hamburg: Hamburger Edition, 1995; *Römer F. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008.

²⁴ О послевоенных дискуссиях и памяти в немецком обществе см.: *Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века*. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

²⁵ *Кауганов Е. Выставка «Преступления вермахта» 1995–1999 гг. и ее вклад в немецкую культуру памяти о нацистском прошлом // Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 3. С. 421–436.

Литература «утерянных побед»

Помимо строго очерченных рамками одной темы текстов, многие из участников американско-германского исторического проекта впоследствии написали свои собственные мемуары, перенеся на бумагу опыт поражения, поданный через вышеописанную идеологизированную оптику. Вышедшие в 1955 г. мемуары генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна «Утерянные победы» (уже само название весьма символично) можно считать одним из наиболее типичных примеров такого рода литературы.

И в ФРГ, и в ГДР, и в СССР социум был глубоко травмирован опытом насилия и разрушений: психологические последствия трагедии 1939–1945 гг. были долговременными, а незатянувшиеся раны в ткани общества отравляли жизнь даже спустя много лет после сокрушения нацизма²⁶. Накаленные дискуссии о войне и вермахте играли большую роль в печатно-радийном противостоянии двух Германий — частей разорванной напополам поражением страны²⁷. Бывшие чины вермахта служили в армиях молодых государств, а именно в бундесвере и Национальной народной армии ГДР²⁸. Военный институт ФРГ постоянно оглядывался на неудобное прошлое, пытаясь найти к нему подход, колеблясь между полным отрицанием, критичным континуитетом и необходимостью опираться на традицию²⁹.

²⁶ Об условиях жизни и борьбе за свои права советских ветеранов см.: *Dale R. Demobilized Veterans in Late Stalinist Leningrad: Soldiers to Civilians*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2015. Об опыте германских ветеранов и их возвращении в общество см.: *Goltermann S. Die Gesellschaft der Überlebenden. Kriegsheimkehrer und ihre Gewalterfahrungen im Zweite Weltkrieg*. München: Deutsche Verlagsanstalt, 2009; *Wienand C. Returning Memories: Former Prisoners of War in Divided and Reunited Germany*. Rochester, New York: Camden House, 2015.

²⁷ Об участии генералов вермахта в этих дискуссиях см.: *Searle A. Wehrmacht Generals, West German Society, and the Debate on Rearmament, 1949–1959*. Westport, CT: Praeger, 2003. О спорах и исторической памяти в ФРГ и ГДР см.: *Morina C. Legacies of Stalingrad: Remembering the Eastern Front in Germany since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

²⁸ О бывших офицерах вермахта в рядах бундесвера см.: *Pauli F. Wehrmachtoffiziere in der Bundeswehr: das kriegsgediente Offizierkorps der Bundeswehr und die Innere Führung 1955–1970*. Paderborn: Schöningh, 2010. О бывших офицерах в рядах ННА ГДР см.: *Lapp P. J. Ulbrichts Helfer: Wehrmachtsoffiziere im Dienste der DDR*. Bonn: Bernard und Graefe, 2000.

²⁹ См.: *Molt M. Von der Wehrmacht zur Bundeswehr: Personelle Kontinuität und Diskontinuität beim Aufbau der Deutschen Streitkräfte 1955–1966*. Dissertation. Ruprecht-Karls-Universität. Heidelberg, 2007; *Echternkamp J. Soldaten im Nachkrieg: Historische Deutungskonflikte und westdeutsche Demokratisierung 1945–1955*.

Противостоящие германские политические системы использовали высших чинов вермахта в этой битве за формирование образа недавней истории: крупные фигуры генерал-фельдмаршалов Эриха фон Манштейна и Фридриха Паулюса применялись в качестве своеобразных весомых аргументов³⁰.

Столкновение мемуарных нарративов, в том числе формируемых извне и подвергавшихся добровольной самоцензуре, не могло не отразиться на производимой и переводимой литературе. И вновь на сцену выходили представители исторического проекта. В Советском Союзе за свершениями немецких писателей в погонах, конечно же, следили. Подобная военно-литературная деятельность давала пищу и фундамент для важного пропагандистского хода, а именно обвинения вчерашних западных союзников во вскармливании «агрессивной немецкой военщины», которая-де спит и видит, как бы снова начать наступление на восток, теперь уже в составе блока НАТО и с ядерным оружием в арсенале.

В 1957 г. Воениздат в СССР перевел и опубликовал труд генерал-полковника Гейнца Гудериана³¹. В том же году публикации удостоился Манштейн, хотя книгу быстро изъяли из обращения и отправили в спецхран³². В 1958 г. Воениздат издал книгу «Роковые решения» — сборник, написанный авторским коллективом из бывших высших чинов вермахта в рамках исторического проекта³³. Выходили и некоторые мемуары офицеров чином пониже — например, полковника Рудольфа Петерсхагена или воевавших в Сталинграде майора Гельмута Вельца и офицера разведотдела Иоахима Видера³⁴. В условиях хрущевской оттепели подобные издания оказались ограниченно возможны и относительно допустимы; разумеется, бдительные редакторы сопровождали их предисловиями и примечаниями в соответствии с советской идеологической линией.

München: De Gruyter, 2014; Gedenkstätten des NS-Unrechts und Bundeswehr. Bestandsaufnahme und Perspektiven / hrsg. O. von Wrochem, P. Koch. Paderborn: Schöningh, 2010.

³⁰ См. соответствующие главы о послевоенных годах в: *Wrochem von O.* Erich von Manstein: Vernichtungskrieg und Geschichtspolitik. Paderborn: Schöningh, 2009; *Diedrich T. Paulus*: Das Trauma von Stalingrad. Paderborn: Schöningh, 2011.

³¹ *Гудериан Г.* Танки — вперед! М.: Воениздат, 1957.

³² *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957.

³³ *Роковые решения* / под ред. д-ра истор. наук полковника П. А. Жилина. М.: Воениздат, 1958.

³⁴ *Петерсхаген Р.* Мятая совесть. М.: Воениздат, 1959; *Вельц Г.* Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта. М.: Мысль, 1965; *Видер И.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М.: Прогресс, 1965.

Несмотря на то что за оттепелью последовал застой, а особое внимание официоза оказалось приковано к боям на плацдарме «Малая земля» и личной роли Л. И. Брежнева в победе над Германией, выпуск серо-зеленых мемуаров не прекратился, а даже расширился. В 1962–1964 гг. в ФРГ был издан трехтомник военных дневников Гальдера, который и по сей день пользуется заслуженной славой важнейшего первоисточника. Любопытно, что сам Гальдер в переписке умалял его значение, постоянно именуя его «мой так называемый дневник». По мнению генерал-полковника, это были лишь «ежедневные заметки» (*Tagesnotizen*)³⁵ — черновики, нуждающиеся в осмыслении и переработке. Воениздат оперативно перевел и издал эти дневники. Разумеется, не обошлось без лакун: партийные цензоры выбросили всё то, что противоречило основному представлению о главной войне в истории СССР³⁶. Тираж же только второго тома составил 65 000 экземпляров.

Подобными циклопическими тиражами выходили мемуары и тех идеологически приемлемых бывших чинов вермахта, что в плену встали на путь антинацистской борьбы и позже участвовали в создании ННА ГДР, и тех, кто иным образом переосмыслил свой жизненный путь. Так, были изданы мемуары генерал-полковника Йоханнеса (Ганса) Фрисснера, антифашиста Отто Рюле, бывшего штабс-офицера бундесвера Бруно Винцера, адъютанта Паулюса Вильгельма Адама, полковника Луитпольда Штейдле, генерал-лейтенанта Винценца Мюллера³⁷.

Не исключено, что это локальное мемуарное изобилие было косвенно связано и с новой восточной политикой, которую проводила ФРГ после прихода к власти социал-демократов во главе с Вилли Брандтом. Руководители стран пытались найти точки соприкосновения в том числе и в плоскости исторической памяти. Впоследствии Брандт вспоминал, что в сентябре 1971 г. Брежнев прямо сказал ему: «Я тебя понимаю,

³⁵ Письмо Гальдера в издательство Кипенхойер и Витч, 12 января 1961 г. (BArch. N 220/84. Bl. 265).

³⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. I. От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (14.08.1939 г. — 30.06.1940 г.). М.: Воениздат, 1968; Т. II. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (01.07.1940 — 21.06.1941). М.: Воениздат, 1969; Т. III. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 — 24.09.1942). М.: Воениздат, 1971.

³⁷ Фрисснер Г. Проигранные сражения. М.: Воениздат, 1966; Рюле О. Исцеление в Елабуге. М.: Воениздат, 1969; Винцер Б. Солдат трех армий. М.: Прогресс, 1971; Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. М.: Прогресс, 1972; Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. М.: Прогресс, 1973; Мюллер В. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. М.: Прогресс, 1974.

когда вопрос касается [разделения] Германии. Но за это несет ответственность Гитлер, а не мы»³⁸. В мае 1973 г. Брежнев посещал Бонн: на званом ужине генсек упомянул о жертвах, которые принесла война, а Брандт зачитал письмо одного убитого солдата вермахта, сожалевшего о войне и призывавшего к миру. Очевидно, какой-то общий баланс и базис был найден: Брежнев расчувствовался, звучали эмоциональные тосты, в глазах русских гостей стояли слезы³⁹.

С распадом Советского Союза ситуация круто изменилась. Наступил звездный час давно почивших генералов — они вновь повели свои броневые армады на восток: только вместо линии «Архангельск–Астрахань» бумажные танковые клинья теперь наступали на полки книжных магазинов молодой Российской Федерации. Жаждающая ниспровержения советских мифов и не слишком требовательная изголодавшаяся русскоязычная аудитория оказалась благодарным потребителем. Книги быстро раскупались. Всплеск интереса был объясним: при советской власти подобная «неподцензурная» литература (даже несмотря на тиражи) широкой общественности была малодоступна или недоступна вообще. Мемуары немцев, пусть и написанные 30–40 лет назад, открывали что-то совершенно новое, иное по сравнению с заезженными, отлакированными и несколько раз переписанными «воспоминаниями и размышлениями» высших командиров РККА.

Побочным эффектом такого потока специфической литературы стало то, что часть русскоязычных читателей незаметно для себя впитала тот авторский взгляд, который и породил миф о «чистом вермахте». Германские генералы открылись неискушенному, алчущему знаний потребителю как профессионалы высочайшей пробы, стоявшие во всем сиянии золотого витого шнура своих погон, быть может, лишь в полушаге от победы. Суровые и бескомпромиссные, но в то же время честные и благородные служаки не смогли ее достичь только из-за внезапно нагрянувших чудовищных холодов и из-за недоучки-ефрейтора, заходившегося в истерике и не слушавшего своих всезнающих и премудрых генералов, из-за этого дилетанта, который, к несчастью для них, был главой их государства. Они не совершали никаких преступлений! В легендарной сцене в «17 мгновениях весны» терзаемый перспективами войны генерал, ехавший со Штирлицем в поезде, сформулировал этот взгляд наиболее точно: «Жгли СС — мы воевали».

Хотя уже к началу 2000-х гг. на русский язык было переведено достаточное количество книг, основной темой которых были именно пре-

³⁸ Brandt W. Erinnerungen. Berlin: Ullstein, 1994. S. 209.

³⁹ Morina C. Legacies of Stalingrad. P. 211–212.

ступления германской армии, «миф о чистом вермахте» оказался достаточно живуч, и его отголоски по сей день находят отклик не только у рядовых читателей военно-исторической литературы, но и у вполне реномированных историков.

«Обычный генерал вермахта»

Хотя генерал-полковник Готхард Хейнрици закончил войну как командующий группой армий, оборонявшей Берлин, он был лишь первым среди равных — по своим качествам и свершениям он представляется совершенно нормальным генералом вермахта. Неудивительно, что и он был активным сотрудником Исторического отделения армии США. Мемуаров о Второй мировой войне Хейнрици так и не написал, в его архиве сохранились лишь наброски к ним⁴⁰, зато после него остались интереснейший дневник и коллекция писем, которые он писал с фронта своим близким.

Впервые записки Хейнрици вышли в Германии в 2001 г.⁴¹ Книга пришлось по вкусу читателям, и небольшой тираж быстро разлетелся. Английская версия вышла лишь в конце 2014 г.; перевод, на наш взгляд, оставляет местами желать лучшего, но сама работа получила хорошие отзывы⁴². В мае 2016 г. в Германии вышло новое издание, исправленное и значительно расширенное⁴³. Незамеченной книга не прошла. К 75-летней годовщине нападения на СССР журнал «Шпигель» посвятил дневникам генерала отдельную статью. Резюме журнала: «[Записки] отражают войну на Восточном фронте так, что редкий исторический источник, вышедший из-под пера высокого немецкого чина, может с ними сравниться»⁴⁴.

Записки Хейнрици стоят особняком и не вполне встраиваются в известный корпус текстов немецкой «генеральской правды», которые

⁴⁰ *Heinrici G. Meine militärische Laufbahn.* Waiblingen, 1966 (BArch. N 265/26).

⁴¹ *Hürter J. Ein deutscher General an der Ostfront. Die Briefe und Tagebücher des Gottthard Heinrici 1941/42.* Erfurt: Sutton, 2001.

⁴² *A German General on the Eastern Front: The Letter and Diaries of Gottthard Heinrici, 1941–1942 / ed. by J. Hürter, transl. by Ch. Brocks.* Barnsley: Pen & Sword Military, 2014.

⁴³ *Notizen aus dem Vernichtungskrieg. Die Ostfront 1941/42 in den Aufzeichnungen des Generals Heinrici / hrsg. von J. Hürter.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2016.

⁴⁴ *Von Lüpke M.* Stark aufgeräumt, ohne Gnade. URL: <http://www.spiegel.de/einestages/deutscher-ueberfall-auf-sowjetunion-gottthard-heinricis-tagebuch-a-1098231.html> (дата доступа 01.01.2018).

сочинялись в 1950–1970 гг. с учетом послезнания и с идеологически верной расстановкой приоритетов, так что информация о военных преступлениях вермахта замалчивалась, а сами тексты нередко использовались для самооправдания. Иную оптику его дневникам придает вовсе не то, что Хейнрици по своим идеологическим воззрениям или чертам характера существенно отличался от тех же Манштейна или Гудериана; напротив: доработай он свои мемуары, и они, скорее всего, встали бы в общий ряд под броским названием вроде «В двух шагах от Москвы». Особость и ценность писем и дневников Хейнрици в первую очередь в том, что они писались непосредственно в гуще событий и не подвергались последующей до- или переработке. Его записки одинаково далеки и от скучной оперативной истории с пересказом журналов боевых действий, и от однообразных повествований о том, как brave герой протагонист раз за разом побивает одним махом всех врагов.

В книге представлены источники трех видов: регулярные письма жене, записи в дневнике, а также такая текстуальная форма, как «отчет семье», в которой анализ текущей военной ситуации сочетается с попыткой предсказать дальнейшее развитие событий и с личными впечатлениями от наблюдаемого вокруг. Письма и отчеты нередко передавались по частным каналам, что позволяло автору не оглядываться на военную цензуру.

Записки пестрят эмоциональными деталями, больше характерными для «окопных» солдат и унтер-офицеров, а не для тех, кто в штабах пердвигал соединения по карте. То самодовольные и напыщенные, то грустные и отчаянные, то язвительные и критические размышления о политике, настоящем и будущем перемежаются сиюминутными зарисовками фронтовой действительности, полной военной жестокости, трескучих морозов, невыносимых условий и невыполнимых приказов. Взгляд этот широк — ведь Хейнрици провел всю войну на Восточном фронте, последовательно командуя корпусом, армией, группой армий.

Личность

Хейнрици был нацистом и одновременно не был им. Ему не чужды постулаты и ценности Третьего рейха: его воспитала прусская среда, в которой консерватизм был тесно увязан с антипатией к евреям и славянам. После войны он заявлял, что был в оппозиции к режиму, в том числе ссылаясь на свои записи, но они демонстрируют скорее лояльность и повиновение. Отдельные критические пассажи в адрес фюрера и других нацистских бонз не должны вводить в заблуждение: с чрезмерными, с его точки зрения, гонениями на близкую ему по взглядам центристскую оппозицию

после прихода нацистов к власти он быстро примиряется, и ламентации сменяются восторженными рассказами о том, как умело новая власть инсценирует свои манифестации и торжества. Да, есть в записях частные оговорки, но в середине 30-х гг. соглашательство и желание найти свое место в новой Германии явно перевешивали в Хейнрици иные, менее прагматичные, побуждения. Тогда он еще восхвалял «гений» Гитлера, хотя позже, уже на Восточном фронте, чаще обиженно критиковал его же упрямство. Однако и эта критика больше похожа на психотерапевтический «выпуск пара»: от настоящего бунта Хейнрици был далек не только на мостовых Берлина, но и на заснеженных просторах Советской России. Вместе с переменами настроения колебались и прогнозы относительно исхода войны: то он твердо верил в победу Германии, то погружался в безысходность, видя неумолимо надвигающийся разгром.

Хейнрици был рассудительным, но послушным орудием нацистского режима и тем самым расширял сферу власти фюрера на восток от Дахау и Треблинки. Он несет частичную ответственность за войну против СССР, так как занимал слишком высокий пост, чтобы после подписания капитуляции просто сказать: «Я лишь выполнял приказ». Он знал о геноциде евреев, но относился к этому с безразличным высокомерием.

Будучи желчным пессимистом со сварливым характером, Хейнрици не был склонен впадать в эйфорию и сохранял относительно реалистичный взгляд на вещи. Одно, впрочем, отличало его от других высокопоставленных немецких военных: сильная склонность к рефлексии — качество редкое, так как этика людей его круга не поощряла подобное. Он позволял себе роскошь иметь собственное мнение по многим политическим и военным вопросам, был наблюдателен и требователен. Как военачальник он обладал харизмой и безусловным талантом, не отсиживался в штабах, а регулярно выезжал на фронт и по праву считался одним из лучших командующих вермахта.

Хейнрици предстает перед читателем пограничным, немного архаичным, даже по меркам 40-х гг., типажом. Религиозность для него была не просто частью культуры: истовое, горячее упование на помощь свыше сосуществовало с новой теологией, в которой роль божества играл политический лидер, — и верой, которую несли на своих штыках солдаты его армии.

«Русский»

С ходом войны одной из центральных тем дневников Хейнрици становится военная и психологическая оценка противника, как правило опирающаяся на конкретные боевые эпизоды и личные субъективные

переживания. После войны некоторые немецкие генералы объясняли свои неудачи несчастливой комбинацией суровых погодных условий и неисчислимых резервов, снова и снова бросаемых в бой советским командованием вопреки немалым потерям. Хотя некоторые написанные по горячим следам записи Хейнрици служат печальной иллюстрацией этих потерь, в целом дневник показывает существенно более сложную картину, в которой большое количество жертв сочетается с крепостью и мужественностью самих войск.

У Хейнрици красноармейцы — беспощадный противник, на фоне которого все прочие выглядели блекло. По тексту разбросаны замечания относительно стойкости, яростности, злобности, хитрости, фанатизма советских русских⁴⁵. Изредка генерал даже хвалил красноармейцев за выучку и самопожертвование, признавал их закаленность. Летом 1941 г. Хейнрици искал ответ на вопрос «Почему они не сдаются?» и быстро различил за массами людей нечто большее, а именно механизм, что их воспитал, мобилизовал, одел, накормил, вооружил и направил, — большевистскую систему.

Да, к 1941 г. система, имевшая колоссальные человеческие и материальные ресурсы, воспитала в своих защитниках боевое упорство, привила им идеологическое горение и способность к неукоснительному повиновению воле руководства⁴⁶. Однако сильные стороны системы были ее же недостатками: нередко советское командование не считалось с собственными жертвами, отдельные боевые действия, особенно в начале войны, отличались сумасбродством, а у личного состава даже в тактической несложной боевой обстановке порой отсутствовала инициатива.

Летом и осенью 1941 г. Хейнрици бросается в глаза и другое противоречие. С самых первых дней обобщенные красноармейцы сильны и бесстрашны: активно обороняются и контратакуют, в безнадежных ситуациях предпочитают смерть пленению. Но в то же время они сдают поодиночке и группами, с оружием и без, дерутся за немецкие «пропуски в плен», а в отрыве от коллектива представляют собой испуганных, крайне пассивных и разобщенных индивидуумов⁴⁷. На допросах утверждают, что воевать не хотят, всё валят на комиссаров, которые за-

⁴⁵ О боевой эффективности и мотивации красноармейцев см.: Reese R. R. *Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II*. Lawrence: University Press of Kansas, 2011.

⁴⁶ О внутреннем мире и условиях войны для красноармейцев см.: Merridale C. *Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945*. New York: Henry Holt & Company, 2006.

⁴⁷ О советских дезертирах см.: Edele M. *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers became Hitler's Collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

ставляют сражаться до последнего, страдая расстрелами в плену. Вышколенный пруссак так и не постиг сути этого «управляемого хаоса» и не смог понять, как эти явления могут сосуществовать.

Генерал тщетно надеялся на психологический перелом и последующий переворот в русском тылу. Хотя масштаб коллаборационизма в начале войны не позволяет говорить о «единении советских граждан перед лицом врага», новый общественный строй сдал экзамен, который ему устроили: несмотря на демонтаж старого общества, колхозы, голод, повальную бедноту, репрессии, уничтожение религии и частных свобод, несмотря на поражения РККА, перебежчиков, коллаборационистов, панику — в основном граждане СССР оказались готовы сражаться с оккупантами.

«На чужой земле»

Разумеется, о своих солдатах Хейнрици пишет больше, чем о чужих. Если на первом этапе войны проблемы пополнения войск, снабжения, логистики и гигиены кажутся лишь пометками на полях рассказов о неудержимом наступлении на восток, то с октября 1941 г. тон заметно меняется. Личного состава становится всё меньше, но пополнение не поступает. Заканчивается бензин, а вместе с ним и подвоз продовольствия. Солдаты исправно кормят вшей, а вот самих солдат кормят не особо. Вермахт переходит на снабжение себя провиантом «с земли», фактически обдирая и обрекая на голодную смерть местных жителей. Тем временем дороги превращаются в непролазные топи, затем ударяют морозы и в лазаретах больных дизентерией сменяют обмороженные.

Хейнрици приходится буквально выпрашивать разрешение на отступление: с середины декабря сам он не вправе принимать подобные решения, даже исходя из оперативной необходимости, — фюрер запретил отступать. К Новому году тональность дневника окончательно меняется: мрачные натуралистические картины солдатского быта («вымотанные, малочисленные, завшивленные и обессиленные люди» (с. 163 наст. изд.), «с гниющими ранами по всему телу из-за постоянной чесотки [...] в рваной форме, покрытые грязью и паразитами» (с. 155 наст. изд.)) чередуются с критикой решений вышестоящего командования и благодарностями Всевышнему («Вчера Он нам помог в последний момент, когда не было уже иного спасения. Я могу лишь верить всё Ему» (с. 165 наст. изд.)).

В то же время пропаганда рассказывала о том, насколько прекрасно развивается наступление: падение советской столицы совсем близко, беспощадный меч германской армии занесен и вот-вот опустится на

«гидру большевизма», снабжение работает как швейцарские часы, а победоносные армии получают всё необходимое. Собственной пропаганде в Берлине доверяли больше, чем донесениям с передовой. Зимой 1942 г. Хейнрици повысили и он принял 4-ю армию, но и с ней испытал своеобразное дежавю: проблемы с пополнением, снабжением, болезнями и тому подобным на армейском уровне были еще более вопиющи, чем на корпусном. Его армия пять месяцев сидела практически в окружении, будучи вынуждена оборонять узенькую (временами на одном из участков сужающуюся до полутора километров в ширину) полосу земли под Юхновом и с фронта, и с тыла. Ежедневные осложнения, именуемые Хейнрици кризисами, советские прорывы, попытки раз за разом залатать «иголкой без нитки» это рваное лоскутное одеяло двух фронтов вгоняли генерала в депрессию.

Меняется по ходу повествования и отношение автора к местному населению. Война перемешала все эпохи: среди обломков гибнущего Советского Союза и реликтов давно стертой с карты Российской империи новая немецкая власть пыталась укрепиться с помощью виселиц и расстрелов. Глазам оккупантов представляли дотла выгоревшие, разбомбленные города, горькая крестьянская нищета, разоренные храмы, заброшенные разбитые склепы «бывших людей». Непроходимые чащи прятали разгромленные соединения, скрывали скитающихся оголодавших окруженцев. Одни местные жители выдавали партизан, другие сами становились партизанами и жестоко мстили первым. По бесконечным просторам полыхающей страны бродили толпы обездоленных беженцев.

Осенью 1941 г. грязные крестьяне, теснящиеся в грязных избах грязной деревни под названием Грязново, представляют для Хейнрици интерес скорее энтомологический. Он высокомерно лорнетирует их, почти как клопов, которых верный денщик извлекает из его брюк. По совету одного из своих переводчиков он даже перечитывает русскую классику — Николая Лескова и Льва Толстого — и находит в ней ответ на вопрос «Почему же в России всё настолько отсталое и заброшенное?» — потому что русские крестьяне добродушны и послушны, но ленивы и безынициативны. Коммуникация с местными сведена к минимуму: у них отбирают продукты, а в случае неповиновения вешают. На этом фоне идеи Розенберга о колонизации советской территории и превращении России в ресурсно-сырьевой придаток воспринимаются генералом одобрительно.

Проходит всего лишь год, и интенции в корне меняются. Нет, Хейнрици по-прежнему относится к русскому населению в целом неприязненно, но внезапно обретает интерес к психологическим нюансам, ранее игнорированным: желает склонить настроения местных жителей

в свою сторону, радуется тому, что «общее отношение стало более дружелюбным и открытым» и даже соглашается с тем, что «лишь вместе с ними, а не против их воли следует завоевывать Россию. Кто владеет народом, тот владеет Россией». Впрочем, эти благие пожелания так и остались сухой теорией: до самого конца оккупации на занятых нацистами российских территориях не было введено никаких политических свобод.

Хейнрици шокировало падение нравов, глубина насилия и деформация человеческого поведения, которые он неоднократно сравнивал с Тридцатилетней войной. На его глазах едва надевшие униформу немецкие обыватели превращались в кровожадных и безжалостных ландскнехтов. Особенно показательна история Ганса Бейтельшпахера, одного из переводчиков генерала. Он родился в 1905 г. в немецком поселке под Одессой, учился сначала в Новороссийском университете, затем, перебравшись в Германию, в Штутгарте. Стал ученым-почвоведом, в 1933 г. защитил диссертацию, работал в Кёнигсбергском университете. Был призван в вермахт, служил в чине лейтенанта в разведотделе корпуса. Осенью 1941 г. организовал отряд по борьбе с партизанами, после чего «никогда не возвращался, не пристрелив или не повесив нескольких разбойников». Именно его Хейнрици просил не вешать партизан прямо под окном — натруженным очам генерала представлял «не самый приятный вид с утра». Отметим, что после войны Бейтельшпахер не понес никакой ответственности за совершенные им преступления и продолжил успешную научную карьеру почвоведа в Брауншвейге.

Основную часть книги составляют почти ежедневные письма жене, отчеты семье и записи в дневнике с сентября 1940-го по июнь 1942 г.: подготовка к операции «Барбаросса», нападение на СССР, летние победы, осеннее наступление на Москву, поражение под Москвой и последующая ретирада с затяжным периодом кровопролитных зимне-весенних боев под Юхновом и Спас-Деменском.

Дополняют этот материал ключевые выдержки из корреспонденции и дневников предыдущего (январь 1915 — июнь 1940 г.) и последующего (июль 1942 — май 1945 г.) периодов, призванные продемонстрировать становление мировоззрения автора и изменения в нем с течением времени, показать его реакцию на основные исторические события: поражение в Первой мировой войне, реалии Веймарской республики, приход нацистов к власти и становление «новой Германии» с ее диктатурой и Нюрнбергскими законами, начало Второй мировой войны, поражение под Сталинградом, оборонительные сражения 1943 г., отступление 1944 г. и, наконец, оборону Берлина и поражение Германии.

Предваряет дневники предисловие одного из лучших современных специалистов по истории Второй мировой войны — профессора

Йоханнеса Хюртера, который провел всю неподъемную работу по извлечению, расшифровке и комментированию дневников (мы видели оригинальные письма в Бундесархиве — почерк генерала был далек от каллиграфического идеала). Русский перевод сделан по новому немецкому изданию; в некоторых местах мы сочли уместным дополнить текст нашими комментариями.

Можно лишь согласиться с резюме журнала «Шпигель»: то, сколь красочно и беспощадно четко Хейнрици обрисовал колониальный поход Третьего рейха, делает его одним из самых ярких немецких летописцев Второй мировой войны и германо-советского фронта. Мы надеемся, что и для русского читателя эта книга окажется важна и интересна, позволит задуматься, а в каких-то случаях, возможно, и заново осмыслить свои представления о той войне, давно закончившейся, но всё еще бушующей в нашей памяти.

О. И. Бэйда, И. Р. Петров

Совершенно нормальный генерал вермахта (предисловие)¹

Нет, не столь уж они кратки, те записи, что представлены здесь. Тем самым они плохо подходят под нынешнее определение слова «заметка», скорее они отвечают латинскому *notitia*: (по)знание, понятие. Немецкий толковый словарь Якоба и Вильгельма Гриммов (том 13, колонка 965) дает для глагола «замечать» определение «записывать что-то примечательное, делать отметки». В многочисленных дошедших до нас личных дневниках и письмах Готхарда Хейнрици более всего бросается в глаза его стремление обратить внимание на всё примечательное и весомое из пережитого им, сохранить это в памяти, сопроводив собственными комментариями. Побуждение к этому было столь сильно, что Хейнрици даже в самые загруженные работой дни всегда находил время для своих заметок, для того, чтобы записать и отметить. Возникшие таким образом материалы, будь то дневник, письма жене или отчеты для всей семьи, должны были стать памяткой и основой для позднейших мемуаров. Но прежде всего они были автобиографическими самооправданиями в прямом смысле слова — ответом перед самим собой, перед родными, перед потомками и — самоочевидно для верующего Готхарда Хейнрици — перед Богом. Такой способ восприятия событий, являясь отражением собственных чувств и ощущений, был подчеркнута субъективен и обращен внутрь. Это отвечало традиции распространенного в протестантской среде Восточной Пруссии пиетистического взгляда в себя, с которой Хейнрици как отпрыск новопиетистически-ориентированной семьи (движение пробуждения) был знаком. Побуждение оставить свидетельство своего восприятия, своих мыслей и действий становилось тем сильнее, чем больше росла возложенная на него военная ответственность и чем драматичнее развивались события.

¹ Этот текст должен дать читателю указания, способствующие лучшему пониманию публикуемого документального комплекса и его исторического контекста, но без детального рассмотрения отдельных составляющих его документов. Подробное описание материалов архива Хейнрици см. в: *Hürter J. Ein deutscher General an der Ostfront. Die Briefe und Tagebücher des Gotthard Heinrici 1941/42.* Erfurt: Sutton, 2001. S. 11–52. В общем о генералитете на Восточном фронте в 1941–1942 гг. см.: *Hürter J. Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42.* München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006.

Война на уничтожение. Внимание Хейнрици было прежде всего приковано к войне, которая действительно была исключительной и которая является главной темой этого издания. Война между Германией и СССР, начатая 22 июня 1941 г. внезапным нападением вермахта, была самым большим, кровопролитным и значимым из единичных конфликтов Второй мировой войны, и, согласно классической формулировке Андреаса Хильгрубера, она представляла собой «расово-идеологическую войну на уничтожение»². Военные цели, которые ставил перед собой Гитлер и его присные, включали в себя уничтожение «иудобольшевизма», овладение важными экономическими ресурсами и захват нового «жизненного пространства на Востоке». Словосочетание «война на уничтожение» стало сейчас синонимом попытки осуществить эти сколь утопические, столь и преступные замыслы. Немецкая кампания с такими ее шокирующими проявлениями, как Холокост и массовые преступления против советских солдат и гражданских лиц, ныне хорошо изучена в Германии. Со времен дебатов о гамбургской выставке «Преступления вермахта» (1995) она прочно увязана в общественном восприятии с критическим осознанием истории. Однако термин «уничтожение» не следует рассматривать слишком узко. Записи Хейнрици настойчиво напоминают о том, что эта война унесла миллионы жизней не только на оккупированных территориях за линией фронта, которым немцы несли смерть и запустение, но и в ходе регулярных боевых действий. На советской стороне погибли предположительно около восьми миллионов красноармейцев (кроме того, умерли около трех миллионов военнопленных и пятнадцать миллионов гражданских, в сумме более 26 миллионов человек!). Но и потери вермахта (2 743 000 убитых только на Восточном фронте) были настолько огромны³, что о «войне на уничтожение» по праву можно говорить и оставив в стороне немецкие преступления в собственном тылу. К этому добавляется неисчислимый материальный урон, прежде всего из-за разрушений на той части советской территории, на которой велась война. И наконец, эта начатая национал-социалистической Германией война уничтожила также восточные немецкие земли с большей частью их населения — родину Готхарда Хейнрици.

Происхождение. Восточный пруссак, протестант, отец — пастор, один из дедов — тоже пастор, другой (отец матери) — прусский офицер из старого дворянского рода (саксонского). Эти сведения характеризуют

² Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt am Main: Bernard & Graefe, 1965. S. 530.

³ Цифры по: Hartmann C. Unternehmen Barbarossa. Der deutsche Krieg im Osten 1941–1945. München: C. H. Beck, 2011. S. 115f.

определенную среду, которая оказала влияние на менталитет и биографию. Хейнрици происходил из так называемых желательных кругов дворянско-бюргерской ведомственной аристократии, которая считалась в Пруссии и в Германской империи столь верной родине и годной к военной службе. Как родившийся к востоку от Эльбы протестант, сын пастора и внук офицера-аристократа, он был особо «желателен», перед ним были открыты и военная служба, и церковная карьера. То, что единственный сын протестантского священника решил выбрать профессию солдата, вовсе не умаляет того влияния, которое оказала семья на формирование его характера. Отец Пауль Хейнрици проповедовал в восточнопрусском окружном городке Гумбиннен, где Готхард Хейнрици провел первые 18 лет своей жизни, позже его отец стал суперинтендентом в Гольдапе, а с осени 1907 г. — первым пастором и суперинтендентом в церкви св. Троицы в Кёнигсберге. Дом пастора в Кёнигсберге стал для сына главным семейным очагом во время его офицерской карьеры, сопровождаемой многочисленными переводами и переездами, к тому же и его жена происходила из Кёнигсберга. Церковь в приграничной и тем выделяющейся на общем фоне Восточной Пруссии являла собой своеобразную смесь черт пиетистических и воинственных, особенно в ней были развиты национализм и антииудаизм. Разумеется, по политическим взглядам родители были близки к консерваторам, затем к националистам. В Первую мировую войну отец вступил в Пангерманский союз, который выступал за «победный мир» и аннексии. Сын не остался в стороне от всего этого. Даже в послевоенных воспоминаниях Хейнрици о родительском доме и своей восточнопрусской родине встречается типичная для того времени риторика «борьбы народов» против поляков и русских, равно как и антисемитские пассажи⁴.

Карьера. От кайзеровского генштабиста до генерал-полковника в гитлеровском вермахте — военная карьера Хейнрици была до шаблонности типичной. Поступление 8 марта 1905 г. на должность кандидата в офицеры в пехотный полк в Тюрингии и отстранение заслуженного генерала от командования группы армий «Висла» 29 апреля 1945 г. обозначили начало и конец более чем 40-летней службы профессионального военного в трех армиях трех политических систем: армии прусской монархии, рейхсвере Веймарской республики и вермахте национал-социалистической диктатуры. Его превосходной карьере способствовало то, что он происходил из «годной к офицерской службе» среды и рано

⁴ См. бесчисленные мемуарные заметки после 1945 г. в фонде Хейнрици, особенно BAArch. N 265/23, 24.

доказал свою способность к службе в генеральном штабе. Хотя уже выписанное направление в военную академию было аннулировано с началом Первой мировой войны, Хейнрици в ходе войны и без прохождения требуемого в мирное время обучения получил знаменитые красные лампы генштабиста. Это создало неплохую перспективу для принятия в рейхсвер и дальнейшей карьеры вплоть до генеральского чина в вермахте. В элитной верхушке генералов сухопутных войск до 1945 г. доминировал тип генштабиста кайзеровских времен. Сходство биографий людей, занимавших посты командиров армейских корпусов, командующих армиями и группами армий, было особенно велико: в основном 1880-х гг. рождения, по происхождению из «желательных кругов» и с карьерой, включающей адъютантство, службу в генеральном штабе и военном министерстве. Этот «генералитет генерального штаба», как метко, хотя и с пренебрежительной коннотацией именовал его Геббельс⁵, был продуктом традиционных, основанных прежде всего на обучении и проверке «службой за рабочим столом», критериев отбора. Хотя это не отвечало национал-социалистическому идеалу «фронтového бойца», Гитлеру практически до конца приходилось ориентироваться на старую элиту, так как ему не хватило времени, чтобы создать новый генералитет согласно критериям «близости к фронту» и «верности фюреру». То, что Хейнрици после хорошей, но вполне стандартной, со своевременными повышениями в чинах, карьеры в январе 1942 г. удалось получить пост командующего армией и оставаться в строю практически до конца войны, объясняется прежде всего тем, что он прекрасно проявил себя во многих сражениях как специалист по упорным оборонительным боям. Как раз Хейнрици является показательным примером того, что Гитлер, несмотря на всё свое недоверие, всё же вполне мог полагаться на большую часть своей «классической» военной элиты.

Слом 1918/19. Из трех сломов общественных систем, которые Хейнрици пережил, находясь на военной службе, первый оказал особенно сильное воздействие на развитие его личности. Двойной шок военного поражения и низвержения монархии оставил глубокий след и существенно повлиял на то, что он, как и большинство профессиональных офицеров, без особых шероховатостей встроился в национал-социалистическую диктатуру. Национально-консервативное воспитание в семье и в армии помогало переложить вину на «внутренних» врагов, на социалистов и евреев, которые обвинялись в том, что подточили и осла-

⁵ Die Tagebücher von Joseph Goebbels // Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte / hrsg. von E. Fröhlich. T. II. Bd. 2. München: K. G. Saur. S. 538 (запись от 18 дек. 1941 г.).

били государство, армию и общество. Его записи осени 1918 г. демонстрируют, сколь рано Хейнрици перенял нарратив об «ударе ножом в спину» (*Dolchstoßlegende*). На воспринятое как катастрофа окончание войны наложились личные переживания во время революционных беспорядков и национальных конфликтов в Западной и Восточной Пруссии. Уже присутствовавшая скрытая враждебность к «социалистам/марксистам/большевикам», «евреям», «полякам/славянам/восточным народам» в 1918–1919 гг. существенно радикализировалась и переплывалась в расплывчатый «образ врага», который с тех пор мог всегда всплыть в памяти. Но Хейнрици был достаточно умен, чтобы не возлагать всю ответственность за революцию и поражение на «врагов рейха» и «предателей». Он понимал, что тяжесть долгой, становившейся всё более тотальной войны была чрезмерна для немецких войск. Профессиональный урок, который Хейнрици, как и многие кадровые военные, вынес из этого для «будущей войны» — предотвращение войны как таковой не соответствовало образу мыслей офицера — был таким: следует по возможности избегать «тотальной» войны на истощение посредством быстрых, решающих для хода кампании наступательных ударов, но тем не менее последовательно готовить весь народ к военным тяготам. Опыт военного перенапряжения и внутреннего слома с 1918–1919 гг. делал еще привлекательнее заклинания о милитаризованном боевом и народном сообществе. Тяга военной элиты к «сильному государству», которое бы обеспечивало национальное единство и вооружение армии, привела в итоге к приятию и тоталитарного его варианта.

Слом 1933/34. Веймарская республика воспринималась продвигающимися по карьерной лестнице кадровыми офицерами, такими как Хейнрици, противоположностью «сильного» и «национального» государства. Это не мешало им служить в рейхсвере, в «вермахте республики», и благодаря задействованию на должностях войсковых офицеров, учителей тактики, «помощников командиров» (генштабистов) — прежде всего в военном министерстве в Берлине, — создать предпосылки для будущей карьеры в гитлеровском вермахте. Хейнрици интересовался политикой, внимательно следил за кончиной республики и установлением национал-социалистического господства, что показывает ложность типичного для бывших генералов вермахта самооправдания — провозглашаемой собственной аполитичности. Он не оплакивал «марксистско-иудейскую» республику и с удовлетворением констатировал, что ее адепты отстранены от власти. Более умеренный, консервативный, возможно, даже монархический тип авторитарного режима был бы ему милее, но он вскоре признал национал-социалистическую диктатуру свершившимся фактом и подстроился под нее. Как и многие автобиографические документы

того времени⁶, записи Хейнрици 1933–1934 гг. демонстрируют желание найти свое место в новой политической системе, определить поведение в ней и встроить собственные убеждения и свою биографию в изменившийся политический ландшафт. Изначальный скепсис по отношению к новым властителям и недовольство перегибами их политики полностью не исчезли, но постепенно уступили место — вероятно автосуггестивному — подчеркиванию позитивных, с его точки зрения, аспектов. Главной точкой соприкосновения с «открытой мировоззренческой сферой»⁷ национал-социализма была для Хейнрици «национальная мысль». Под ней офицер понимал цель создания объединенной и обороноспособной нации, сознающей свою силу как во внутренней, так и во внешней политике, то есть уже упомянутый идеал боевого национального сообщества. То, что он верил в возможность воплощения национал-социалистическим режимом этого идеала и таким образом смог вписать собственные военно-политические желания и биографический опыт в политику и идеологию нового государства, сделало Хейнрици уже в момент перелома в 1933–1934 гг., несмотря на все оговорки, сторонником гитлеровской диктатуры. Этому помогало и то, что его весьма впечатляла репрезентативная сторона нового режима: митинги, шествия, партийные съезды, приемы и прочие инсценировки, которые умело демонстрировали преемственность между «старыми» и «новыми» правами.

Национал-социализм. Делают ли известная близость и частичная идентификация, которые с самого начала характеризовали его отношения с национал-социалистическим режимом, Хейнрици национал-социалистом или нет — вопрос несущественный. Куда более важным является то, что он как традиционный правый националист (будучи офицером он не мог вступать в партии) принадлежал к той части политического спектра, граница которой с радикально правыми течениями была размыта. В политико-идеологической среде «национального лагеря» существовал консенсус относительно того, что авторитарное государство должно устранить «слабую» либеральную демократию и вновь превратить Германию в великую державу через национальное объединение, отторжение всех «вредных элементов», вооружение и экспансию⁸. То, что для нацио-

⁶ См.: *Steuwer J., Leßau H.* "Wer ist ein Nazi? Woran erkennt man ihn?" Zur Unterscheidung von Nationalsozialisten und anderen Deutschen // *Mittelweg* 36. 2014. Heft 1. S. 30–52.

⁷ Термин из *Lutz R.* Radikales Ordnungsdenken und die Organisation totalitärer Herrschaft. Weltanschauungseliten und Humanwissenschaftler um NS-Regime // *Geschichte und Gesellschaft*. 2001. Jahrg. 27. S. 5–40, примеч. S. 28.

⁸ См.: *Ulrich H.* Wer waren die Nationalsozialisten? Typologien des politischen Verhaltens im NS-Staat // *Karrieren im Nationalsozialismus. Funktionseliten zwischen*

нал-консерваторов вроде Хейнрици «братки-дебоширы» внутри национал-социалистического движения выглядели отталкивающе, то, что политика репрессий казалась им порой чересчур brutальной, а политика экспансии чересчур рискованной, как правило, ничего не меняло в фундаментальном одобрении, готовности участвовать в жизни нового государства и использовать возможности, которые оно предоставляло «немецкому народу» и отдельным лицам.

И в этом отношении автобиографические заметки Хейнрици весьма характерны. Центральным отправным пунктом его слияния с национал-социализмом и интеграции в национал-социалистическое государство была личность Гитлера, который вызывал у него одновременно изумление и восторг: он был и «Гитлером», от которого Хейнрици до конца дистанцировался, и «фюрером», чьими успехами он до конца восхищался. Вполне осознанные колебания между близостью и отходом в сторону служили испытанным средством для того, чтобы в зависимости от ситуации идентифицировать себя с властью или обособиться от нее. Тем легче было убеждать себя, что постоянно находишься на «правильной», с моральной и политической точки зрения, стороне. Хейнрици мог осуждать действия режима в «расовом вопросе» или (как верующий протестант, занимающий позицию между «Немецкими христианами»⁹ и Исповедующей церковью¹⁰) церковном вопросе, он мог критиковать в мирное время некоторые внешнеполитические маневры, а в военное — всё сильнее со временем — ошибки военного руководства и оккупационной политики, но «в общем и целом» поддерживать его. Однако в преддверии грозящего поражения, и особенно после окончания войны, ему удалось истолковать свое недовольство и критику отдельных пунктов как общее неприятие национал-социалистического режима. Пример Хейнрици подсказывает, как легко было оправдать собственную амбивалентность, сперва встроив себя в национал-социалистическую диктатуру, а затем, дистанцировавшись от нее, разумеется, не ставить перед собой вопросов о последствиях собственного соучастия в государственной тирании.

Mitwirkung und Distanz / hrsg. von G. Hirschfeld, T. Jersac. Frankfurt am Main; New York: Campus, 2004. S. 17–42 (на S. 35 содержится точная формулировка об «амальгамации национал-социалистов с представителями других радикально-националистических направлений и консервативных элит»).

⁹ Примеч. рус. ред.: немецкое протестантское пронацистское движение, образованное в 1932 г. После прихода нацистов к власти фаворизировалось ими.

¹⁰ В 1934 г. часть протестантов посредством Барменской декларации выступила против взятия нацистами политических и общественных движений под свой контроль (*Gleichschaltung*) и образовала Исповедующую церковь. Ее самыми известными представителями были Дитрих Бонхёффер и Мартин Нимёллер.

Хейнрици был нацистом ровно настолько, насколько он им не был. Существенен, однако, факт его соучастия и не то, что его разделяло с «этими» национал-социалистами, а то, что его объединяло с ними.

Антисемитизм. Хейнрици был антисемитом. Пусть этот вердикт покажется поспешным, но доказательства в данном случае неоспоримы. Поражение и смена власти в 1918–1919 гг., Веймарская республика, англо-американские враги во Второй мировой войне — всё это для него однозначно было «жидовским». Первые антиеврейские действия национал-социалистического режима Хейнрици комментировал, частично критикуя их, но частично и поддерживая. Насильственные акции, такие как бойкот марта 1933 г. или погром ноября 1938 г., заходили, с его точки зрения, слишком далеко, но известное ограничение и лишение прав немецких евреев он одобрял. Польские «восточные жида» из штетлов производили на него чуждое и отталкивающее впечатление, их угнетение и порабощение весной 1941 г. он описывал без капли сочувствия. Хейнрици разделял типичные для консервативных элит формы антисемитизма: религиозно-культурный антииудаизм, распространенный среди протестантов к востоку от Эльбы; политико-идеологический антисемитизм, для которого вся левая часть политического спектра была заполнена евреями и который находил свое сильнейшее воплощение во враждебном образе «иудобольшевизма»; и, наконец, диссимиляционно-сегрегативный антисемитизм, который требовал ущемления прав ассимилированных немецких евреев.

Истребительные цели национал-социалистического режима, шедшие существенно дальше, не были для него секретом. Речь Розенберга, которую он слышал в январе 1939 г. в Детмольде, недвусмысленно указывала в этом направлении, а в январе 1944 г. в Позене Гиммлер проинформировал его и других генералов о Холокосте. Прямое соучастие Хейнрици в уничтожении евреев на данный момент не доказано¹¹. Его знание о том, что происходило с евреями, в мирное время хотя бы спорадически отражалось в выражениях недовольства и осторожной критике. Во время войны же не было и этого, хотя вообще он охотно исполь-

¹¹ Донесения отдела разведки и контрразведки (Ic), как и донесения квартирмейстера (Qu) XXXXIII армейского корпуса за время руководства им Хейнрици утеряны. Взаимодействие между вермахтом и СС в любом случае шло на более высоком уровне командования армии. Когда Хейнрици стал начальником 4-й армии в январе 1942 г., Холокост в армейских зонах ответственности группы армий «Центр» был по большей части завершен. В 1968 г. в прокуратуре Гамбурга Хейнрици отрицал какое-либо знание об «операциях» зондеркоманды 7b осенью 1943 г., как и знания относительно массовых убийств евреев в целом, см.: BArch. N 265/57.

зовал свои письма и дневники для критических комментариев. Неожиданный факт, что Хейнрици был женат на «полуеврейке»¹², порождает лишь кажущееся противоречие. Отец Гертруды Хейнрици, крещеный «еврейский» предприниматель из Либкау¹³, умер рано, мать в Кёнигсберге повторно вышла замуж за «арийца» и воспитывала дочь в протестантской вере. О еврейском происхождении жены нет ни слова в многочисленных личных документах Хейнрици, в том числе после 1945 г.; таким образом, оно очевидно игнорировалось, вытеснялось, замалчивалось¹⁴. Оно не нанесло урона ни самому генералу, ни его «полуеврейской» жене, ни обоим «на четверть еврейским» детям: сын Хейнрици Хартмут служил офицером в вермахте. По сей день нет доказательств тому, что «случай Хейнрици» обсуждался Гитлером или защитниками «расовой чистоты». Похоже, это «пятно» было просто проигнорировано и национал-социалистами. И для положения, и для настроений Хейнрици этот факт не играл роли. Его фундаментальная антисемитская позиция не допускала ничего, кроме безразличия по отношению к «жидовству». Для Хейнрици, как и для большинства немцев, верно следующее: несмотря на происхождение жены, судьба евреев его не занимала и практически не влияла на его оценку национал-социалистического государства, которому он хранил верность до конца.

Поворот 1942/43. Куда более существенными факторами, чем расовая политика и церковный вопрос, стали для Хейнрици общее течение войны и стратегическая ситуация. Именно здесь следует искать важные

¹² Впервые это было подчеркнуто в: *Rigg B. M. Hitlers jüdische Soldaten*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. S. 245f. и было основано исключительно на информации вдовы Хартмута Хейнрици, предоставленной в 1995 г. (Хенриета Хейнрици Риггу, Ройтлинген, 5 декабря 1995 г. (BArch. MSG 209/401. Bd. 1)). Этот несколько ненадежный источник подтверждается платежным документом от 17 мая 1939 г. (BArch. R. 1509: Reichssippenamt), согласно которому Хейнрици добился для своей жены статуса JJNN (родители родителей по отцовской линии были евреями), а его дети имели статус NNJN (родители родителей по материнской линии были евреями). За указание на этот документ я благодарю доктора Михаэля Буддруса, Берлин. В персональных файлах Готхарда и Хартмута Хейнрици, так же как и в материалах бывшего Берлинского документального центра, не содержится никаких сведений относительно еврейского происхождения или «декларации германской крови» жены или детей Хейнрици.

¹³ Лиепая.

¹⁴ Только лишь в более поздних заметках сына, декана-резервиста Хартмута Хейнрици, «Мой путь к церковной службе», Ройтлинген, весна 1993 г. (BArch. MSG 209/401. Bd. 2), содержится намек на частично еврейское происхождение жены Хейнрици (S. 4): «Принятие еврейских законов и правил для евреев также затронуло мою семью и знакомых».

индикаторы близости Хейнрици к режиму или обособления от него. Генерал детально комментировал в своих письмах и дневниках не только мельчайшие тактические и оперативные задачи своего штаба, но и более глобальные темы, такие как военное и политическое развитие событий. То, что он интересовался событиями на всех фронтах, добавляет ценности его свидетельствам. Барометр настроений в его дневниках демонстрировал в начале войны и после польской кампании скепсис, после победы над Францией — эйфорию, во время Восточной кампании в 1941 г. — нервное ожидание победы, а в последующие годы — всё более пессимистичный взгляд на военные перспективы.

Его отношение к Гитлеру и национал-социализму менялось в зависимости от ситуации: восторги относительно «фюрера» и его политики, пока успехи перевешивали неудачи, и критика руководства государством и военной политики, когда весы качнулись. Особенно показательными для поворота настроений были осень и зима 1942/43 гг. Хотя Хейнрици и годом раньше, во время кризиса под Москвой, назвал войну почти проигранной, на летнюю кампанию 1942 г. он снова возлагал большие надежды. После того как и это наступление не решило исход войны с Советским Союзом в пользу Германии, а напротив, закончилось Сталинградом и катастрофическим поражением, Хейнрици лишился иллюзий и более не верил в победоносный исход войны — за исключением коротких периодов, когда наступления на Восточном фронте в июле 1943 г. и в Арденнах в декабре 1944 г. еще вселяли некоторые надежды. Это подчеркивает большое психологическое воздействие Сталинграда и успехов англо-американских союзников в Африке. Хотя уже после краха операции «Барбаросса» национал-социалистическая Германия, очевидно, не могла выиграть войну, лишь удар зимой 1942/43 гг. продемонстрировал большинству действующих лиц, включая Хейнрици, насколько критическим было положение дел. Его следствием стал внутренний отход от национал-социалистической политики, в том числе на оккупированных территориях, а также своевременное заучивание нарратива, который возлагал всю ответственность за безрадостное развитие событий на Гитлера, его партийных бонз и отдельных козлов отпущения в вермахте. Это новое подчеркивание обособления не стало, однако, что крайне важно, побуждением к действию. Солдат Хейнрици так никогда и не поставил под вопрос необходимость продолжительной смертельной борьбы национал-социалистического государства за то, чтобы защитить рейх и спасти его от уничтожения.

Война на Востоке. Уже безоглядное личное участие в войне вплоть до полного поражения показывает, что солдатом Хейнрици двигали профессиональная вовлеченность и патриотические убеждения. В боль-

шинстве приведенных здесь документов речь идет именно о войне, если точнее, о войне Германии против Советского Союза. Участие в этой войне стало для него центральным событием военной карьеры, возможно даже всей жизни. Действительно, речь шла о событиях, имевших фундаментальное значение и для всей Второй мировой войны, и для вермахта — его генеральской элиты, а в особенности солдат. Немецкая военная машина не только потеряла на полях этих сражений свои ударные силы, что стало решающим для исхода войны, но и остатки своей моральной чистоты.

Война на востоке с самого начала имела два лица: военной и одновременно политико-идеологической битвы, ведущейся с использованием всех средств и методов — происходящих рядом гигантских битв и чудовищных преступлений. Изначально масштаб восточной кампании не был ясен Хейнрици. Завязтый солдат, он жаждал сражений после службы на спокойных участках Западного фронта. Как командующий пехотным корпусом, он входил в узкий круг «высшего командного состава» и хотел вести свой корпус в бой. Профессиональные задачи командира определяли его мысли и действия.

Хейнрици выказал себя жестким и способным командиром, который требовал от солдат многого, но который, даже став командующим армией, постоянно искал личного контакта с боевыми частями и фронтом. Тем самым он соответствовал прусско-немецкому (и гитлеровскому) идеалу высокого армейского начальника, который вел войска на передовой и объединял умения генштабиста и отвагу фронтового офицера. Его записи в ходе Восточной кампании являются красноречивым тому свидетельством, они демонстрируют эмпатию и заботу о собственных солдатах, ответственность за которых он чувствовал. Письма и дневники служили, помимо прочего, вентилем для снятия физической и психической нагрузки, о которой снова и снова заходит речь в его записях. Возможно, порой это выглядело сентиментальным, но тем не менее играло большую компенсаторную роль — ведь офицеру, согласно волюнтаристскому профессиональному самоограничению, нельзя было прилюдно показывать свои слабости. Тем самым записи Хейнрици превращаются в калейдоскоп несметных запросов, которые война на Востоке с ее уникальностью — от боевой обстановки и проблем со снабжением до географических и погодных условий — ставила перед офицерами и солдатами.

Война на уничтожение коснулась и войск немецких агрессоров, прежде всего простых солдат, которые в массе своей были слишком молоды, чтобы нести ответственность за свое преступное государство и его войну, жертвами которой они стали. Занимавший высокий пост генерал, такой как Хейнрици, напротив, играл совершенно иную, преступную, роль. Он поддерживал путь к этой войне, был важной частью системы

и должен был теперь испытать себя в военном аду, созданном при участии той военной элиты, к которой и сам он принадлежал. С военной точки зрения он выдержал это испытание: он не просто «удержался» на своем посту, а проявил себя как способный военачальник и при быстром марше в начале операции «Барбаросса», и во многих оборонительных боях против Красной армии, так что Гитлер до самого конца не хотел отказываться от него и даже собирался дать ему главную роль в последней главе войны между Германией и СССР.

Чужеземцы. Сильная эмпатия Хейнрици к своим солдатам, к своему «отечеству» и к собственной персоне находится в заметном контрасте с сухим, часто пренебрежительным и лишь с ходом войны на востоке чуть меняющимся описанием жителей чужой страны. Глубоко засевшая неприязнь и антибольшевистские пропагандистские образы «впечатались» в восприятие Хейнрици: он увидел на востоке именно то, что и ожидал увидеть, — совершенно чуждые немецкому «образованному человеку» мрачные и враждебные ландшафт, культуру и народ. Чувство абсолютно-го отчуждения превращало на этом поле сражений в проблему всё: людей и животных, города и дома, питание и гигиену. Наглядные описания «земли и людей» доказывают, что Хейнрици смотрел на чужеземцев с этнографическим интересом, и всё же взглядом воина и завоевателя — недоверчивым и полным предрассудков. Генералу казалось, что он попал в иную часть света, в которой немцы не смогут навести порядок и которой не смогут править. Размеры и враждебность страны и ее природы постепенно превращаются в его записках в метафору сопротивления советского противника и чрезмерного напряжения немецких войск. Отчуждение настолько сильно, что леса и поля кажутся враждебными существами, а люди не воспринимаются как люди. Подобное восприятие чужеземцев позволяло оправдывать отказ от всех привычных мерок: военных, политических и этических. В негативном восприятии Хейнрици почти не оставалось места для глубокого гуманистического (и христианского) сочувствия к страданиям людей в местностях, которые немецкая армия столь противозаконно и жестоко ввергла в войну.

Преступления. Негативное восприятие чужеземцев способствовало крайне резкому истолкованию военных событий, которое, в свою очередь, диктовало образ действия и дополнительно радикализировало восточную кампанию, и так задуманную как расово-идеологическая война на уничтожение. Уже в первые дни после противоречащего международному праву нападения Германии на СССР Хейнрици описывал сопротивление Красной армии как «лукавое» и «коварное». Это должно было обосновать беспощадность ведения боев собственными войсками

как реакцию на «коварство» русских. Казалось, что чужие поля сражений и идеологически смертельный враг отменяют в этой битве на «жизнь или смерть» все законы ведения войны и оправдывают любые средства. То, что генералы, подобные Хейнрици, уже в ранней фазе войны безропотно приняли особые правила ведения особой войны, надиктованные Гитлером и его советниками, имело решающее значение для радикализации войны. Тем самым Хейнрици с самого начала несет ответственность за те практики войны на уничтожение, которые были подготовлены преступными указами вроде «Указа о комиссарах» и «Указа о применении военной подсудности в районе “Барбаросса”».

Хейнрици скрупулезно отмечал, как «уничтожают врага», «съедают всё», что есть у местных жителей, «приканчивают» партизан (настоящих или мнимых), вешая их у него перед глазами. Он использовал формулировки вроде «без пощады», «без жалости», которые противоречили постоянному выпячиванию собственной христианской веры и означали отказ от собственных ценностей, временный или постоянный. Растущее уважение перед боевой мощью противника и зарождающееся сочувствие по отношению к населению опустошенной страны сосуществовали с тем, что и в зоне ответственности Хейнрици совершались военные преступления против красноармейцев, комиссаров, военнопленных, партизан и гражданских лиц. Из его записок ясно, что он считал их необходимыми в борьбе с «отвратительной бестией» (1 августа 1941 г.), большевизмом, особенно в первые месяцы, когда немецкое командование безоглядно и прагматично делало ставку на быстрый успех. Показательно, что Хейнрици чувствовал себя не только на ином континенте, но и в иное времени: повторяющиеся сравнения с Тридцатилетней войной — не что иное, как (мнимое) оправдание собственного поведения в ходе кампании, которая испепелила все договоры, призванные сдерживать жестокость войны, начиная с Гаагской конвенции. Позднейшая критика Хейнрици такого способа ведения боевых действий, например во время эксцессов с «выжженной землей» осенью 1943 г., не отменяет тот факт, что он как крупный военачальник внес свой вклад в выход войны за все возможные рамки.

Частное. Как и следовало ожидать, в переписке Хейнрици с семьей, которая, к сожалению, сохранилась в его архиве лишь односторонне, частная жизнь играла большую роль. Особенно во Второй мировой войне, когда солдат был лишен «нормальных» будней, собственная семья, собственный дом и собственное имущество были основополагающими и смыслообразующими понятиями. Письма Хейнрици прокладывают мостик к его частной жизни в Германии и тем самым создают ментальное частное пространство, в котором он зачастую мог выражать свои

истинные мысли и чувства. В данном издании постоянное обсуждение частных тем представлено лишь на отдельных примерах. Брак генерала был наполнен конфликтами как раз потому, что он не совсем отвечал общепринятому в национал-социалистической Германии порядку. Имущество Гертруды и Готхарда Хейнрици было раздельным. Супруга располагала состоянием, складывавшимся из владений ее отца в Либиау и сдаваемой в аренду аптеки ее отчима в Кёнигсберге, и порой действовала по собственному усмотрению. Вскоре после начала войны она переехала из Мюнстера в Глоттерталь (Шварцвальд) и начала обучение на фармацевта во Фрайбурге. Из-за того что муж и сын были на войне, а обязанная ходить в школу дочь жила в семье знакомых, ей было проще заняться саморазвитием.

Эту довольно современную концепцию Хейнрици принимал с трудом. Он пытался управлять супругой издали посредством писем, предписывать, регламентировать. Раз за разом он повторял резкие упреки, что его жена слишком мало внимания уделяет детям и хозяйству, ведет расточительную и бесплановую жизнь. Несмотря на сухое, порой даже оскорбительное обхождение с супругой, видно, сколь важны ему были обмен мнениями и связь с «Трудель» (Гертрудой). Кроме того, Хейнрици заботился о детях, особенно о сыне Хартмуте, который, будучи молодым офицером, сражался на разных фронтах и дважды был тяжело ранен. Третьим объектом внимания была его частная собственность, которую Хейнрици обязательно хотел сохранить, пока шла война. Его письма наполнены размышлениями о собственном капитале и финансах вообще, о спасении ценностей, об инвестициях в новую недвижимость. После разрушения мюнстерской квартиры в октябре 1943 г. ему снова хотелось иметь какое-то жилище в собственном владении. Желание сохранить частное пространство, защищающее от внешних сил, усиливалось в ходе войны и проявлялось в письмах Хейнрици не только заботами о семье и собственности, но и всё более частыми обращениями к своей прочувствованной религиозности.

Послевоенное. С окончанием войны завершилась и военная карьера Хейнрици. Но он от нее не отдалился: до самой смерти в 1971 г. сначала (до мая 1948 г.) как военнопленный британской короны, затем как частное лицо и пенсионер в Западной Германии, он вел «сражения» за бывший генералитет вермахта, его реабилитацию и историческую оценку¹⁵. Ретроспективные записи и письма генерала, посвященные воспомина-

¹⁵ См. библиографию с отсылками к дальнейшему чтению: *Hürter J. Die Wehrmachtsgeneralität und die „Bewältigung“ ihrer NS-Vergangenheit // Forum für ost-europäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2014. Jahrg. 18. S. 17–30.*

ниям и оправданию своей деятельности во время Второй мировой войны, составляют большую часть оставленного им архива¹⁶. Дважды его доставляли из британского плена в Нюрнберг, где допрашивали в рамках процессов, которые союзники вели против военных преступников. Сам он перед судом не предстал. В 50-е гг. Хейнрици работал над *Case Studies* бывших офицеров вермахта для американского Исторического отделения армии США, который предоставил побежденному немецкому генеральному штабу неожиданную возможность реконструировать свою историю для победителей и потомков по собственному усмотрению¹⁷.

Ту же цель — добиться права самому толковать национал-социалистическое прошлое военной элиты — преследовали его интервью и работа консультантом для многочисленных научных публикаций, среди которых следует особенно выделить искусную манипуляцию в бестселлере Корнелиуса Райана о битве за Берлин. На американского публициста Хейнрици произвел столь сильное впечатление, что тот сделал его героем своей книги, показательным образцом талантливого и высокоморального немецкого генерала¹⁸. Аргументация всех его послевоенных высказываний следовала гигантскому дихотомичному нарративу для снятия вины с генералитета: с одной стороны, высокопрофессиональная, аполитичная и воспитанная военная элита, с другой — дилетант в военных делах Гитлер, который вместе со своими присными отвечает за все поражения и преступления. Это искажение истории удавалось постоянно базировать на собственных претензиях к национал-социалистическому режиму, которые действительно существовали, особенно с 1942–1943 гг., но и близко не достигали того размаха и той обособленности от режима, о которых говорилось после войны. Собственное же одобрение, соучастие и ответственность за национал-социалистическую диктатуру, напротив, отрицалось или умалялось без единого признака самокритики. И в этом отношении Готхард Хейнрици был совершенно нормальным генералом вермахта.

Йоханнес Хюртер

¹⁶ В особенности см. записки и отдельные главы из запланированных, но так и не опубликованных мемуаров (BArch. N 265/20–26), материалы по процессам над военными преступниками (BArch. N 265/50–55), материалы по сотрудничеству над *Case Studies* в Historical Division и другие военно-исторические работы (BArch. N 265/71–137).

¹⁷ См.: Howell E.-J. Von den Besiegten... Об участии Хейнрици см.: S. 135f.

¹⁸ См.: Hürter J. Die Geschichtserzählung des Cornelius Ryan // Ryan C. Der letzte Kampf. Neuauflage. Darmstadt: Theiss, 2015. S. I–XIII. Интервью и иные материалы Хейнрици для данного проекта хранятся в Коллекции документов Второй мировой войны Корнелиуса Райана, в Университете Огайо в городе Атенс, штат Огайо.

До начала русской кампании, октябрь 1940 г. — июнь 1941 г.

1 июня 1940 г. Хейнрици был присвоен чин генерала пехоты, 18 июня 1940 г. он был назначен командующим XXXXIII армейским корпусом. После подписания перемирия с Францией, состоявшегося 22 июня 1940 г., корпус в июле был переброшен из Буржа в центре Франции на побережье Ла-Манша. В Нормандии в районе Гавр-Байе (позже до Мон-Сен-Мишель) корпус выполнял задачи боевого охранения и подготовки к вторжению в Англию (операция «Морской лев»). Но постепенно становилось всё очевиднее, что корпус будет задействован против Советского Союза. Командование корпуса располагалось в Шато де Конде-Сюр-Итон к юго-западу от Эвре, всего лишь в 100 километрах (или полутора часах автомобильной езды) от Парижа.

Запись в дневнике, 12 сентября 1940 г.

BArch. N 265/9

[...] Я обратился к Зоденштерну¹ с предложением всё же в случае необходимости впоследствии перебросить нас в Англию — пусть и вопреки текущим планам. Перспектива остаться здесь в качестве оккупационных войск не сулит ни славы, ни почета. Уже сейчас штаб не знает, чем бы еще ему заняться. В конечном итоге на войне у меня было лишь два дня боев, во время которых я мог в полной мере командовать: 12 мая и 14 июня. Угнетает, когда снова и снова оказываешься в резерве. Зоденштерн считает, что сейчас лучше уж остаться тут, чем прогуляться на Восток². [...]

¹ Георг фон Зоденштерн (1889–1955) — генерал пехоты, с февраля 1940 г. по июль 1943 г. начальник генерального штаба группы армий «А» (с апреля 1941 г. группа армий «Юг» (также называлась в 1939 г. вплоть до разгрома Польши), с июля 1942 г. группа армий «В»).

² Примеч. рус. ред.: здесь и далее следует различать «восток» (со строчной) как направление и сторону света и «Восток» (с прописной) как идеологически-континентальный концепт нацистского мировоззрения. Во втором случае «Восток» используется как синоним слов «Россия» или «Советский Союз».

Запись в дневнике, 21 сентября 1940 г.

BArch. N 265/9

[...] Начальник штаба [9-й армии] Холлидт³ считает, что война закончится не скоро; большие планы по формированию новых частей, переброска группы армий В и двух армий на восток не кажутся ему исключительно мирными мероприятиями⁴. Покамест я считаю это лишь средством нажима на партнера, который уже сделал кое-что (Румыния), не показавшееся нам симпатичным. Не стану отрицать то, что в далеком будущем борьба против «большевизма» как мировоззрения вновь окажется явью. То, что пока с пользой для дела отложено, не должно быть упразднено навсегда. Резкие выражения по поводу России в «Майн кампф» написаны, вероятно, не для того, чтобы просто потрепать языком. Произнесенные прошлой осенью (1939 г.), когда западные противники объявили нам войну, слова фюрера о том, что в таких обстоятельствах он должен заключить союз хоть с самим дьяволом⁵, указывают на нечто в том же духе. —⁶ В целом, мне кажется, вырисовывается одно: тяжесть положения дел вынужденно вовлекает нашу политику всё в более крупные предприятия, в том числе в такие, которые изначально не планировались. Первый успех рождает новые проблемы, которые, что логично, становятся всё крупнее. Самым трудным мне кажется найти правильный конечный пункт и поставить точку. Многое в сегодняшнем дне походит на времена Наполеона. Он тоже направился в поход на Москву, и верно не по собственной воле, а потому что его принудила к этому борьба с Англией. [...]

³ Карл-Адольф Холлидт (1889–1955) — генерал-лейтенант, с мая по октябрь 1940 г. начальник генерального штаба 9-й армии, которой был подчинен корпус Хейнрици.

⁴ 12 сентября 1940 г. группа армий В (генерал-фельдмаршал Федор фон Бок) с 4-й и 12-й армиями были переброшены на восточную границу, охрану которой прежде осуществляла только 18-я армия.

⁵ Ср. у Гальдера: *Kriegstagebuch*. Bd. 1. S. 38 (28 августа 1939 г.) о соответствующем высказывании Гитлера.

⁶ Примеч. рус. ред.: здесь и далее тире внутри текста между предложениями — особенность пунктуации Хейнрици, характерная и для некоторых других авторов того времени (см., например, переписку Б. И. Николаевского). Означает нечто вроде отбивки одной части текста от другой.

Запись в дневнике, 4 октября 1940 г.

BArch. N 265/9

[...] Более никто не верит в форсирование Ла-Манша. Все смотрят на Африку и ждут действий против англичан там. Флот считает, что если англичанин потеряет Суэцкий канал и Египет, но сам в Англии не подвергнется нападению, то он склонится к миру на компромиссных условиях, который Гитлер ему и предоставит. Тогда, несмотря на все неудачи, он сможет хвастаться, что «отразил вторжение». И от летчиков до нас доходят вести о том, что «зимой наступит лето». Рассказывают, что успехи люфтваффе в Англии вовсе не таковы, как ожидалось. Объекты [бомбардировок] всё же, несмотря на все разрушения, слишком велики для того, чтобы сделать их непригодными для эксплуатации. Геринг⁷ и Шперле⁸ предсказывали уничтожение Англии посредством одной авиации, оказались не правы, и поэтому теперь на самом верху их не очень жалуют. Англичанин в последние ночи не трогал наши гавани на Ла-Манше. Возможно, чувствует, что мы всё же не нападем на его островок. [...]

Отчет семье, 21 октября 1940 г.

BArch. N 265/10. Bl. 9–14

[...] Война идет у нас понемногу, но всё время. Днем — сторожевые корабли и катера, патрулирующие или тренирующиеся самолеты, стреляющие боевыми артиллеристы или войска на учениях, оживляющие пребывание на побережье. Ночью же не спит никто из тех, кто стал свидетелем налетов на Гавр или, наоборот, слышит, как наши летчики нескончаемым потоком летят в Англию.

На том берегу, должно быть, гораздо менее весело, чем в Гавре. Но, несмотря на все разрушения Лондона и обо-

⁷ Герман Геринг (1893–1946, самоубийство) — рейхсмаршал, помимо прочего, с августа 1932 г. президент рейхстага, с апреля 1933 г. министр-президент Пруссии, с мая 1933 г. рейхсминистр авиации, с октября 1936 г. уполномоченный по четырехлетнему плану.

⁸ Хуго Шперле (1885–1953) — генерал-фельдмаршал, с июля 1938 г. по август 1944 г. командовал 3-м воздушным флотом.

ронной промышленности, один объект оказывается фактически не пострадавшим, а именно английская армия. Хотя R.A.F.⁹ и понесли существенные потери, но полностью они всё же не выведены из строя, чего уж говорить о флоте или сухопутных войсках. Возможно, однажды моральная тяжесть от непрерывных разрушений разест их изнутри. Но на данный момент суждение, что врага можно уничтожить посредством одной авиации, так и не доказано. Так что сухопутным войскам придется заняться зачисткой, а до того самая чудовищная огневая подготовка, которая когда-либо предшествовала наступлению, будет продолжаться.

Как долго продержится англичанин? После того как Черчилль¹⁰ на днях выдворил всех склонных к миру членов кабинета, он очевидно хочет сражаться. Известно, что он надеется на помощь Америки. Ясно и то, что сама Америка — крайне опасная для нас сила, которая видит в Англии свой последний пригодный бастион в Европе. Так что она должна поддерживать Англию. Но сейчас она не может этого сделать, как бы ни хотела. У нее нет армии. У нее нет оборонной промышленности в достаточном размере. Пока и то и другое будет в достаточной степени создано, пройдет — несмотря на огромные миллиардные кредиты — около двух лет. За это время, однако, для нас станет возможным очистить Средиземное море от англичан и зачистить все страны, которым принадлежат подводные к нему пути. Тогда Европа будет соединена с Африкой и неуязвима для американской блокады. Америке же придется задуматься, сможет ли она — находясь, благодаря тройственному союзу, в двойных тисках Германии и Японии — многого добиться без достаточной оборонной промышленности. Конечно, евреи попытаются втянуть ее в войну. И всё же мне кажется более разумным, если она примирится с судьбой и для начала довольствуется тем, что переварит куски разваливающейся [британской] империи, которые сами свалятся ей в руки. [...]

⁹ Royal Air Force.

¹⁰ Уинстон Черчилль (1874–1965) — с мая 1940 г. по июль 1945 г. премьер-министр Британии.

Запись в дневнике, 22 ноября 1940 г.

BArch. N 265/10. Bl. 27f.

[...] Время большой политической активности. Кажется, что ничего не происходит. А тем временем готовятся величайшие решения. Мы узнаем или сводим их воедино лишь из новостных сообщений, не ведая, что происходит в действительности. Таким образом, кажется, происходит вот что.

Франция: намеченное в переговорах фюрера с Петеном¹¹ сотрудничество, очевидно, пока стопорится. [...]

Италия полностью увязла в греческой войне¹². Она искала дешевого успеха. Но пока потерпела лишь поражение, которое встало ей дорого. Как и везде, она опозорилась. И Муссолини¹³ смог изменить этот народ лишь внешне. Как долго способна устоять «империя», чьи опоры столь несовершенны? Конечно, сейчас всему виной погода и горная местность. Согласно нашим немецким принципам командования, такие вещи продумывают заранее.

С Молотовым¹⁴ обсуждаются ближневосточные дела: исчезновение Турции как минимум из Европы, проход немцев через Малую Азию, чтобы помочь застрявшим в Ливии итальянцам. Туда должна пойти 11-я армия во главе с Шобертом¹⁵. Русских успокоят Персией, Афганистаном, Ираком, возможно, Индией. Конечно же, открытие для них Дарданелл. С учетом таких жирных кусков

¹¹ Анри Филипп Петен (1856–1951) — маршал, в июне–июле 1940 г. премьер-министр Франции, с июля 1940 г. глава «État français» в Виши. Гитлер и Петен встретились 24 октября 1940 г. в Монтуаре и договорились о сотрудничестве, но без вступления вишистской Франции в войну.

¹² Нападение Италии на Грецию 28 октября 1940 г. привело не к успеху, которого ожидал Муссолини, а к ряду ответных ударов и греческому наступлению на оккупированную итальянцами в 1939 г. Албанию.

¹³ Бенито Муссолини (1883–1945, казнен) — с октября 1922 г. по июль 1943 г. премьер-министр королевства Италия, Duce del Fascismo и Capo del Governo.

¹⁴ Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986) — с мая 1939 г. по март 1949 г. народный комиссар иностранных дел Советского Союза. Визит Молотова в Берлин 12–13 ноября сделал отчетливым конфликт интересов внутри этого злосчастного альянса. Уже через месяц с небольшим, 18 декабря 1940 г. Гитлер своей директивой № 21 «План Барбаросса» дал начало непосредственной подготовке к немецкому нападению на СССР.

¹⁵ Ойген фон Шоберт (1883–1941, погиб) — генерал-полковник, с октября 1940 г. по сентябрь 1941 г. командующий 11-й армией.

понятно, что русские теперь не слишком падки на предложения англичан.

И так мы сами, увы, лишь как зрители, увидим:

Наступление с Болгарией на Босфор и оттуда через Малую Азию на Суэцкий канал (дальний и трудный путь).

Поддержка нами итальянцев в Эпире (немцы в Греции получили указание покинуть страну, с которой мы пока не ведем войну).

Немецкое наступление совместно с Испанией на Гибралтар.

Так все доступы к Средиземному морю окажутся в руках итальянцев и немцев. Затем можно будет заняться привязыванием Африки к Европе. На зиму подобных занятий должно хватить.

Запись в дневнике, 29 января 1941 г.

BArch. N 265/10. Bl. 56f.

Тому, кто не сидит у телефона на самом верху, трудно охватить взглядом общую картину.

Две вещи ясны: англичане разбили итальянцев¹⁶ и почти без ограничений господствуют над Средиземным морем, лишь в последние 14 дней их тревожат наши летчики.

Америка достаточно открыто заняла сторону наших врагов, но войну не объявила.

К первому: поражение не в нашу пользу влияет на ситуацию на Балканах. Всем завоеванным или находящимся под угрозой оно придает новые силы. Заявление относительно второго подчеркивает духовный подъем наших врагов против нас.

Неясен один фактор: каковы настроения на острове? Как в Англии обстоят дела с продовольствием и разрушениями от бомбардировок? Относительно первого, очевидно, введены ограничения. Вторые в попавших под удар городах наверняка ужасны.

¹⁶ Во время начавшегося 9 декабря 1940 г. британского наступления в Северной Африке существенно более многочисленные итальянские войска вынуждены были отступить из Сиди-Баррани на северо-западе Египта в Ливию. 6 февраля 1941 г. британцы взяли Бенгази.

Вне всяких сомнений, цель Англии в том, чтобы разбить этой зимой Италию и создать на Средиземном море такую ситуацию, при которой вынужденный пока находиться в нем флот можно большей частью отозвать для защиты острова.

Что должно теперь произойти с нашей стороны? Основная масса наших войск стоит на востоке. Готовятся они к нападению на Россию? Это трудно представить¹⁷. Все поставки оттуда прекратятся на долгое время. Многие дивизии окажутся надолго связанными. Или это всё же необходимо, чтобы предоставить нам свободу действий на Балканах, которую Россия не хочет нам дать? Единственная практическая поддержка итальянцев возможна лишь посредством нашего вступления в войну с Грецией. Для этого нужно пересечь Болгарию, с ее согласия или же против ее воли. Конечно, успех в борьбе с Грецией обременит и стеснит англичан в Средиземном море. И с точки зрения престижа это для них проигрышно. Додеканес следовало бы спасти. Но решающим в военном плане такое нападение не станет.

Так что переправа в Англию остается последним, решающим средством сломить боевой дух наших врагов. Но лишь тогда, когда всё растущее число подводных лодок и всё более ужасные разрушения от бомбардировок морально разъедают английское население.

Но одно верно и для Средиземного моря, и для положения вокруг Англии: мы воюем за мировое признание, но не имеем флота. Сколько статей было написано о том, что господство над миром — это господство над морями. И мы замечаем это и в отношении Англии, и в Средиземном море, где нет возможности никого переправить в Африку.

30 января Хейнрици пришлось лечь на операцию левой кисти во Фрайбурге. После послеоперационного отпуска 10 марта 1941 г. он вернулся в Нормандию.

¹⁷ Ср.: Gen.Kdo. XXXXIII A.K., Kriegstagebuch. Ia (BArch. RH 23-43/8. Bl. 5): «В первые дни февраля 1941 г. командование корпуса получило указание ориентироваться на кампанию в Восточной Европе и подготовить и заложить основу для обучения боям на ровной, болотистой, пронизанной реками и небогатой дорогами местности».

Запись в дневнике, 25 марта 1941 г.

BArch. N 265/10. Bl. 66f.

Мы находимся между двумя полюсами интересов. Один всё еще лежит на западе, в новой местности, которую мы временно взяли под свой контроль, прежде всего на занятых нами островах Джерси и Гернси. К сожалению, на днях нам не дали самолета, чтобы слетать туда из Шербура. Полет над морем стал бы событием. Там, на островах, с обороной всё устроено не так, чтобы чувствовать себя в безопасности. Прежде всего мало артиллерии, так что успехи береговой обороны базируются в основном на том, что англичане ничего не предпринимают. Я пытаюсь что-то улучшить, но и у нас связаны руки, так как ничего больше нет. Всё отправилось на Восток, который и мы вскоре познаем. Именно туда во вторую очередь направлены наши взгляды. Там для нас вскоре возникнут новые задачи. Майор Кнюппель¹⁸ сегодня доставит нам пришедшие из Варшавы новости относительно нашего будущего. От мысли, что там появится наш новый враг, мне как-то не по себе. ¾ мира будут тогда против нас. Кажется практически законом то, что война с Англией ведет в Россию. И у Наполеона было именно так. Но, без сомнений, сегодня существуют весомые причины, говорящие в пользу подобного столкновения.

Вскоре начнется и наступление из Болгарии на Грецию. Мы исходим из того, что англичане отступят. Возможно, там и вообще не дойдет до боев. Наши фронты становятся всё шире, занятые территории и завоеванные народы всё больше. Требования поддерживать порядок везде и при этом сражаться всё растут. Будем надеяться, что вермахт в силах выдержать это в течение долгого времени.

¹⁸ Вильгельм Кнюппель (1902–1968) — майор при генштабе, с апреля 1940 г. по декабрь 1942 г. первый штабной офицер (Ia) XXXXIII армейского корпуса. Первое штабное совещание при командовании 4-й армии (Клюге) касательно предстоящей кампании состоялось уже 4 марта 1941 г. 10 марта 1941 г. Хейнрици, как раз вернувшийся из отпуска, был проинформирован о нем Кнюппелем.

Запись в дневнике, 29 марта 1941 г.

BArch. N 265/10. Bl. 70f.

Политика господствует над югославскими делами. Позавчера они подписали договор об участии в тройственном союзе, чтобы сегодня, после падения правительства, его отклонить. Их спрашивают: продолжают ли они придерживаться договора, они отвечают: мы хотим жить в мире с нашими соседями.

Английская Югославия для нас просто невозможна: и в связи с нашими нефтяными интересами в Румынии, и в связи с угрозой с фланга армии Листа¹⁹, собранной в Болгарии для атаки на Грецию, и в связи с критическим положением итальянской армии в Албании. Так что мы должны напасть на Югославию.

Разумеется, мы этого не хотели. Хотя, возможно, нам желательно раздробить и этот созданный Версальским договором конгломерат народов. Но возможно, что такой неожиданный поворот мешает нашим планам или замедляет их. Ведь война против Югославии может в силу обстоятельств затянуться дольше, чем нам хочется. Возможно, что мы не подготовлены к тому, чтобы начать ее с желательным для нас ускорением. Потому что продвижение войск требует времени, так как местность и шоссе-дороги там тяжелые, а железные дороги — плохие. В любом случае это первый дипломатический удар, нанесенный нам.

На полях сражений наших союзников зима отбросила нас с военной точки зрения далеко назад. Итальянцев бьют повсюду. Они потеряли Ливию, потеряли Эритрею и Сомали, потеряли пол-Абиссинии. И там они побеждают задом наперед. Большое наступление в Албании, похоже, полностью провалилось.

Америка открыто стоит на стороне наших врагов. Любой наш противник норовит ее поддержать. Вскоре ее торговые корабли будут плыть в Англию под защитой ее собственных военных судов.

Англичане ликуют и больше не чувствуют себя дома под угрозой. Они гордятся тем, что, вопреки уверениям

¹⁹ Вильгельм Лист (1880–1972) — генерал-фельдмаршал, с октября 1939 г. по октябрь 1942 г. командующий 12-й армией.

фюрера, мы теперь втянуты в войну на нескольких фронтах.

Французы следят за всем со злорадством. Об активной²⁰ коллаборации уже почти нет и речи. Она ограничивается экономическими уступками. Остальные побежденные народы в плохом расположении духа, так как они голодают и мерзнут. Они слушают радио Лондон и надеются на английскую победу.

Нужен какой-то немецкий поступок, способный снова рассеять образовавшийся туман.

Возможно, события в Югославии могут иметь далекие последствия, по крайней мере, повлиять на наши летние планы²¹.

Запись в дневнике, 30 марта 1941 г.

BArch. N 265/10. Bl. 71f.

После обеда — по очень неприятной слякоти в Париж. [...] Прощальный визит в Лувр и его внутренний двор. На этом Париж для нас закончился.

Я буду охотно вспоминать об этом городе. Он дал нам много хорошего, больше, чем другие города. Мы могли жить в нем на широкую ногу, так, как в мирное время никто бы из нас не смог. Низкий курс франка и размещение в одном из лучших отелей [отель «Ритц»] сделали нас на фоне французов королями инфляции. Пожалуй, нам было даже чересчур хорошо. Мы можем быть благодарны за то, что во время войны нам дарованы такие удовольствия. Кто из нас мог бы подумать об этом в [Первую] мировую войну?

²⁰ Примеч. рус. ред.: здесь и далее подчеркнуто Хейнрици.

²¹ Грозящее Италии поражение в войне с Грецией и падение дружественного Германии правительства в Белграде заставили нацистскую Германию начать 6 апреля 1941 г. балканскую кампанию против Югославии и Греции. Югославия капитулировала уже 17 апреля, 30 апреля была занята вся континентальная Греция, до 1 июня британские войска оставили Крит. Запланированное изначально на конец мая 1941 г. нападение на Советский Союз из-за балканской кампании было отложено на несколько недель. Точная длительность этой задержки по сей день предмет дискуссии, но вряд ли она превышала четыре недели.

Запись в дневнике, 2 апреля 1941 г.

BArch. N 265/10. Bl. 73

Вчера — еще одни учения с тыловиками корпуса, позволившие сделать немало выводов. Кое-что нам еще нужно улучшить, чтобы быть готовым к самым плохим дорогам. [...]

Сегодня я в последний раз прогулялся по парку Конде. Солнечные лучи бежали по изумрудным аллеям, заставляя сверкать серебряно-серые стволы буков и подсвечивая темную зелень елей. Восемь месяцев я пробыл здесь в замке. И здесь мы жили лучше, чем того заслуживаем: превосходное жилье, тепло, ванные, все, в чем мы нуждаемся. И вот мы едем прочь, наверняка не в столь хорошие условия. Тем больше в нас благодарности за то, чем одарила нас милосердная судьба.

17 апреля 1941 г. Хейнрици прибыл в расположенный между Варшавой и Бугом польский город Седльце в генерал-губернаторстве. Там располагалась передовая штаб-квартира XXXXIII армейского корпуса. Вторая штаб-квартира находилась в Томашув-Мазовецком к юго-востоку от Варшавы. Незадолго перед немецким нападением на Советский Союз 22 июня 1941 г. Хейнрици перенес свою ставку на Буг, к востоку от Лосице.

Письмо жене²², [Седльце] 22 апреля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 9

[...] Здесь не слишком приятно, плохая холодная погода, пока совершенно никакой весны. Клочки и вши снуют повсюду, равно как и отвратительные жида со звездой Давида на рукавах. [...]

²² Гертруда Хейнрици, урожд. Штрупп (1897–1981) жила во время войны до осени 1944 г. главным образом в «запасной квартире» в санатории Глоттербад в Глоттертале под Фрайбургом. Основная квартира семьи Хейнрици в Мюнстере была разрушена во время воздушного налета в октябре 1943 г.

Письмо жене, [Седльце] 25 апреля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 11

[...] Сегодня вечером мы обречем известную самостоятельность, заняв дом, в котором, как и в еще одной столь же внешне крайне неприглядной лачуге, будет устроен офицерский клуб для немцев. Поляки и евреи гнут спины как рабы, чтобы побыстрее всё подготовить. В этой местности с ними не слишком церемонятся. Здесь примерно как в древние времена, когда римляне покоряли тот или иной народ. [...]

Отчет семье²³, [Седльце] 30 апреля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 13f. Ms.

Скоро 14 дней как мы здесь, в новой местности, и я всё время повторяю одно и то же: что за дрянная страна! 14 дней льет не переставая, а если дождь прерывается на короткое время, то на земле лежит туман и влага стекает повсюду мелкими каплями. Зелени почти не видно. Деревья стоят еще совсем голые, луга лишь начинают обретать цвет, сегодня я видел первые ветреницы. При полном отсутствии солнца земля не может проснуться и весна не может начаться. Местные пейзажи не без основания всё еще бегают в овечьих шубейках, бабы их с голыми ногами — без обуви и чулок, а мужики — в сапогах.

Невозможно описать местную грязь: без высоких сапог за дверь не выйдешь. На так называемых шоссе лежит слой глины, скользкий как мыло, по которому туда и обратно скользят машины. Обогнать другой автомобиль — мероприятие, опасное для жизни. Если бы у нас не было столько дел, то погода и обстановка навевали бы абсолютную меланхолию. Разрушенные и невозстановленные города, наполовину сожженные и битком набитые

²³ Обычные письма семье были, как правило, напечатаны на машинке через копирку и отправлялись жене Гертруде (Трудель) и дочери Гизеле, по возможности и сыну Хартмуту, а изредка и другим адресатам. Они имели характер обобщающих отчетов. Сам Хейнрици называет их «отчеты» или «военные отчеты», см., например, далее отчет от 19 ноября 1941 г. Частично они содержат рукописные приписки, адресованные конкретным получателям.

людьми, живущими гораздо более стесненно, чем в мирные времена: говорят, в одной комнате теснится минимум 8, а зачастую и до 18 человек. Это генерал-губернаторство — действительно мусорная свалка Европы. А как выглядят эти дома! Полуразваленные, рассыпающиеся, грязные. На окнах — засохшие от грязи обрывки занавесок, заглянешь в такую лачугу — увидишь мебельную рухлядь, стоящую в диком беспорядке. Если просто пройти по улице, то уже кажется, что набрался вшей и блох. На еврейских улочках так воняет, что, пройдя их, приходится сплевывать и сморкаться, чтобы избавиться от грязи, которой надыхался.

Сами мы уже шесть дней живем в так называемом немецком клубе. Это своего рода гостиница, которую местный окружной начальник построил для находящихся здесь немцев. Он взял два еврейских дома, которые были еще не достроены, даже не оштукатурены снаружи, и перестроил их с помощью одного архитектора-эсэсовца, внутри расставил самостоятельно спроектированную мебель, которую неплохо изготовили в Варшаве. Гостевые комнаты представляют собой этакую смесь из крестьянской избы и ординарной гостиницы, спальни тоже, но всё совершенно новое и поэтому чистое. Для меня архитектор оборудовал даже небольшую квартиру: с гостиной, обитой светлой сосной, спальней, ванной и комнатой для денщика. Не слишком большая, но уютная, такая милая лейтенантская квартира, в которой я хорошо себя чувствую. [...]

Отчет семье, [Томашув] 9 мая 1941 г.

BArch. N 265/155. BL 15f. Ms.

[...] Вчера вечером я был в гостях у генерала фон Гинанта²⁴ в Спале — охотничьем замке русских царей. То, что я там услышал об обстановке в Польше, звучало не слишком-то радостно. Но завтра сюда приедет генерал-губернатор²⁵, евреи повсюду должны сооружать флаг-

²⁴ Курт Людвиг фон Гинант (1876–1961) — генерал кавалерии, с июля 1940 г. по сентябрь 1942 г. командующий войсками генерал-губернаторства.

²⁵ Ганс Франк (1900–1946, казнен) — с октября 1939 г. по январь 1945 г. генерал-губернатор Польши.

штоки для приветствия, а совсем неприглядные углы скрывают зелеными сосновыми стенками. Полякам в неделю полагается 100 граммов мяса, евреям — 0 граммов. За счет чего люди вообще выживают, никто толком сказать не может. Также неясно, во что в будущем должна превратиться эта местность. [...]

**Письмо генералу фон Зелле, [Томашув]
15 мая 1941 г.**

BArch. N 265/35. Bl. 24–26

26 лет спустя я сегодня снова побывал в Раве²⁶. Я приехал из Томашува, то есть с юга [...] И в городе за эти годы кое-что изменилось. Так, к примеру, поляки ликвидировали все православные церкви, чтобы выкорчевать с корнем все воспоминания о России. Вместо этого открыли в Раве католическую. В целом же жидовское гнездышко выглядит всё так же. Разве что жида, с которыми наш комендант города майор Якоби имел столько хлопот, больше не могут свободно разгуливать по улицам, а заперты в гетто. [...]

Отчет семье, [Седльце] 17 мая 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 27–50f. Ms.

[...] Неопишуемая нужда царит в этой стране. Наиболее жутко она проявляется в городах. Наполовину они разрушены в 1939 г. войной, в другой половине живет оставшееся гражданское население, плюс еще на 50–60% больше людей, которые как евреи или нежелательные элементы выселены из провинций Позен, Вартегау или еще откуда-нибудь. Говорят, в одной комнатке ютятся 8–20 человек. Как она тогда выглядит, можно представить. Дома и квартиры остаются в том же виде, в который их привела

²⁶ 95-й (6-й тюрингский) пехотный полк, в котором Хейнрици служил в 1914–1915 гг. в должности сначала батальонного, а затем полкового адъютанта зимой 1914/15 гг. размещался в польском городе Рава-Мазовецкая. Командиром полка был получатель письма, подполковник Фриц Карл фон Зелле (1868–1947).

война. Окна часто заклеены бумагой или забиты досками; там, где остались стекла, их прикрывают грязные обрывки занавесок. Повсюду на стенах выбоины от снарядов и осколков бомб. В обломках на развалинах по сей день копаются евреи и оборванные дети, надеясь что-то найти. Если начинается дождь, улицы в мгновение ока превращаются в грязную жижу. Если сухо, повсюду летают клубы пыли. Тут натурально чувствуешь грязь, которую вынужден вдыхать. Если пройти по узким улочкам, тебя преследует запах бедности и упадка.

Население выглядит так же как улицы, бедное и опустившееся. Лишь немногие, вероятно, могут обновить свой гардероб. Встречаешь фигуры, замотанные буквально в тряпки, их пиджаки и брюки состоят из лохмотьев. Между ними на углах и у входа в церковь толкуются попрошайки-калеки, которые выглядят большей частью отталкивающе.

Евреи у нас собраны в гетто²⁷. Они носят желтые нарукавные повязки с голубой звездой. В маленьких городах гетто не закрыто для населения. Герметически закрыто оно только в Варшаве, где его отделяет трехметровая стена с колючей проволокой и битым стеклом. В маленьких городах они свободно ходят по городу, привлекаются к работам, часто незаменимы как ремесленники. Для этой страны типично, что, если нужно нечто, чего нельзя купить, можно получить это лишь с помощью жида. Он немедленно готов тебе всё достать. На физических работах, кстати, он не слишком убивается. Праздников для них нет. Он машет лопатой и в субботу и в воскресенье, но на дорожных или строительных работах от него есть прок, лишь если за ним присматривают. Иначе, как я могу наблюдать из собственного окна, он немедленно предается отдыху.

²⁷ В Седльце жило около 15 000 евреев, то есть более трети населения (на 1939 г. все население составляло 41 000). Немецкие оккупанты построили несколько рабочих лагерей и гетто, которое было закрыто в августе 1942 г. Большая часть еврейского населения была отправлена в лежащий поблизости лагерь уничтожения Трешлинка и там убита. См.: *Enzyklopädie des Holocaust: Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden: 4 Bde. / hrsg. von I. Gutmann, E. Jäckel, P. Longerich, J. H. Schoeps. München; Zurich: Piper, 1998. Bd. 3. S. 1312.*

С питанием населения дела обстоят так же, как и с его наружностью. В нашем городе норма хлеба для поляков 75 граммов, для евреев — 65 граммов. Говорят, поляки получают 100 граммов мяса в неделю, евреи — меньше. Постоянно удивляешься, что люди всё еще живы. У евреев вроде бы были резервы, с помощью которых они держатся и по сей день. Но постепенно резервы заканчиваются, и какая тогда возникнет обстановка, невозможно представить. На днях я встретил похоронную процессию. Хоронили еврея. Так как не было гроба, покойника на кладбище несли на куске брезента, натянутом между двумя палками, а сверху его прикрыли одеялом. [...]

Варшава вначале произвела на меня безрадостное впечатление. Разрушения в городе в некоторых местах просто ужасны. К сожалению, множество ценных зданий стало жертвой обстрела. Лишь когда мы с графом Моем²⁸ побродили по улицам, я осознал это. Польская знать в XVII и XVIII вв. построила больше красивых зданий, чем, к примеру, есть у нас в Берлине. Дворцы Потоцкого, Радзивилла и иных — настоящие архитектурные ценности. Так как в них по большей части сегодня располагаются министерства, обстрел города затронул их в первую очередь. Жаль, сколь много было уничтожено.

В Варшаве время от времени встречаются элегантно одетые люди. Попадают отдельные дамы, чьи платья ни в чем не уступают нарядам француженок в Париже. Даже в нашем маленьком городке в виде исключения натыкаешься и на такое. На фоне общего упадка это вдвойне бросается в глаза.

Мне кажется, что лучше всего живут крестьяне. Они обеспечивают себя сами и потому не должны заботиться о собственном пропитании. Они живут в примитивных условиях, и их избы гораздо лучше вписываются в местный ландшафт, чем отвратительно уродливые города с их неверно понятым крупным градостроительством. За продукты, которые они должны сдавать, крестьяне получают сегодня неплохую плату. Они получают минеральные удобрения для обработки полей. Поэтому они более открыты по отношению к нам, чем городские жители. Они

²⁸ Граф Йоханнес Мой де Сонс (1902–1995) — помещик в Анифе (под Зальцбургом) и писатель (автор сборника рассказов «Das Kugelspiel», 1940). В 1941–1942 гг. зондерфюрер и переводчик при командовании XXXXIII армейского корпуса.

приветствуют нас и говорят с комическим акцентом: «Айль Итлер». Деревенские мальчишки, конечно, в торговле от множества солдат со всеми их военными причинами. Они бегают повсюду и уже нахватались немецких слов. Но если в дальних деревнях на берегу Буга спросить их: «Кто ты?», следует ответ: «Я — русский или я — польский». Немцами они себя, значит, не считают. Меня всё время удивляют наряды местных баб. В деревнях они все без исключения ходят с голыми ногами. Икры краснеют от холода, но они, похоже, закалены. Мужики, наоборот, все ходят в высоких сапогах, овчинных тулупах и шапках-ушанках.

Наши солдаты вполне не прочь квартировать в деревнях. Крестьяне перебираются в хлев, а солдаты занимают избу. Больше всего боятся клопов, которые тут распространены. Вши пока встречались лишь пару раз. Число случаев сыпного тифа поэтому невелико. С новым методом лечения пока большинство пациентов вроде удалось поставить на ноги.

В стране сильная дороговизна, особенно, конечно, в перенаселенных городах. Говорят, что в Томашуве килограмм белого хлеба стоит 8 марок, в Варшаве в одном из ресторанов хлеба не стали брать, так как за фунт потребовали 12 злотых. Фунт кофе предлагают за 100 марок. В Варшаве есть польский ресторан, в котором прислуживают люди из польского общества и играют польские музыканты. Управляющая производит впечатление балтийской помещицы с положением, польские гости приветствуют польских женщин-официанток (одетых в польские национальные костюмы), целуя им ручки (на которых, кстати, порой надеты совершенно безупречные драгоценности). Если там обедать, то, не особо набив живот и выпив лишь рюмку водки, оставишь 8–10 марок. Совершать покупки здесь бессмысленно. С одной стороны, ничего нет, с другой стороны, дороговизна.

Отвратительно раболепие низших слоев. Неслышными шагами они прокрадываются в наш дом, шастают повсюду, вдруг возникают там, где им делать нечего, и склоняются тогда в глубоком поклоне. Никому из них не хочется доверять. У меня сразу же украли мыло. Теперь я вообще никого к себе не пускаю, так как их общество мне крайне противно. Табличка на двери, на которой начертаны невыговариваемые и непонятные слова «Wstęp dla wszystkich

osób cywilnych surowo wzbroniony»²⁹, должна предотвратить проникновение.

В остальном наши органы управления не особо-то церемонятся с поляками. Чтобы открыть «Немецкий клуб», они работали с шести утра до поздней ночи. Евреи за это не получили ничего, им платит еврейская община. Заплатили ли что-то полякам, я не знаю. Сначала, конечно, ничего не ладилось, всё делалось наперекосы. Не успели что-то построить, как половина была уже сломана или непригодна к использованию. Вчера окружной начальник провел генеральную проверку пригодности своих помещений, устроив небольшой праздник. Я ушел оттуда в 11 вечера, на лестнице повстречал четырех мрачных гражданских, прислонившихся к стенке. На мой вопрос, что здесь среди ночи делают поляки, если я их и днем-то не хотел видеть, они ответили, что они — ремесленники. Архитектор приказал им прибыть сюда, чтобы иметь их под рукой, если что-то сломается. И вот они стояли и ждали, не случится ли чего. «Похоже, мы превращаемся в нацию господ», — заметил один из моих спутников.

Такова обстановка у нас здесь. Среди поляков, думаю, друзей у нас немного. Страна, которую за 25 лет четырежды пересекли сражающиеся армии, похоже, разрушена до самого основания. Каким образом можно взяться и исправить здешнее положение вещей, мне пока не приходит на ум. Какие-либо предпосылки для этого, без сомнений, отсутствуют.

Письмо жене, [Седльце] 10 июня 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 29

[...] Два дня у нас провел Клюге³⁰, послезавтра в Варшаву также приедет Браухич³¹, дела теперь движутся быстрее. [...]

²⁹ «Всем гражданским лицам вход строго запрещен» (польск.).

³⁰ Гюнтер фон Клюге (1882–1944, самоубийство) — генерал-фельдмаршал, с сентября 1939 г. по декабрь 1941 г. командующий 4-й армией, с декабря 1941 г. по октябрь 1943 г. главнокомандующий группой армий «Центр».

³¹ Вальтер фон Браухич (1881–1948) — генерал-фельдмаршал, с февраля 1939 г. по декабрь 1941 г. главнокомандующий сухопутными войсками вермахта.

Письмо жене, [Седльце] 13 июня 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 30

[...] Дела спорятся. Каждый день приближает нас к новому событию, день и ночь на восток катятся огромные колонны, едешь вдоль маршевых колонн длиной в 30–50 километров. Дороги гудят и всё окутывают непроглядные клубы пыли. [...]

Письмо жене, 17 июня 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 33f.

[...] Я видел, как наши противники по ту сторону реки усердно работают, укрепляя свои позиции. Грузовиками и телегами подвозят стройматериал. [...] Кажется, что американцы целеустремленно сами втягивают себя в войну. Говорят, что немецкие консульства в США вскоре должны закрыться³². Если они действительно вступят в дело, то мы счастливо окажемся на мировой войне под номером 2. Увидим, сколько это всё еще продлится. Мы стоим на пороге великих событий. Всё, что в наших силах, подготовлено. [...]

Письмо жене, [Хлопков³³] 21 июня 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 36.

Я сегодня отослал тебе свои наручные часы, так как они сломались, и, как нарочно, в тот момент, когда понадобились. Винтик для завода потерялся, в этом состоянии часы для меня непригодны. Прошу тебя достать для меня другие часы и прислать мне, так как здесь часов не найти,

³² 16 июня 1941 г. американцы потребовали от Германии закрыть все консульства к 10 июля 1941 г.

³³ В Хлопкове, в 12 километрах к северо-востоку от Лосице, с 18.00 21 июня 1941 г. находился командный пункт оперативного управления XXXXIII армейского корпуса. В месяцы наступления Хейнрици, как правило, квартировал при командном пункте. Места размещения были установлены или сверены с журналом боевых действий Ia (BArch. RH 24–43/8).

а мне их не хватает. Пусть это будут совершенно простецкие внешне часы.

Когда отправится это письмо, начнется новая кампания. Мы должны обезвредить соседа, который мог стать для нас опасен, если мы бы выступили против Англии — на Суэцком ли канале или напад на остров. Далее, поход должен дать нам сельскохозяйственные районы, которые в состоянии произвести столько, чтобы прокормить всю Европу. Последнее, вероятно, главная забота, после того как Америка неофициально уже находится с нами в состоянии войны. В известной степени, конечно, играет роль и мировоззренческое противостояние.

Как проявит себя новый враг, никто не знает. Во время финской войны³⁴ его командование показало свою слабость. Рядовой боец, как и в [Первую] мировую войну, изначально вовсе не слабый противник. Говорят, что боевой дух там вполне на высоте.

Уже несколько недель мимо нас везут огромное количество солдат и военной техники. Развертывание боевого потенциала в огромных масштабах. Есть надежда, что всё решится быстро. Желательно, чтобы так и получилось.

Вчера я еще раз навесил Хартмута³⁵. Он был рад, полон уверенности в себе и поглощен задачами, встающими перед ним. Он вступит в дело почти на сутки позже, чем я. Нас обоих ждет сильное физическое напряжение.

Пусть Господь возьмет парня под свою защиту.

³⁴ Во время советско-финской войны с 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г. Красной армии удалось победить сильно уступавшую ей финскую армию после тяжелых поражений и с большими потерями. Эта неудача вызвала недооценку советских вооруженных сил не только немецкой стороной.

³⁵ Сын Гертруды и Готхарда Хейнрици Хартмут Хейнрици (1921–1993) был лейтенантом и командиром взвода в 5-м батальоне 71-го пехотного полка (мот.) в составе 29-й пехотной дивизии (мот.).

Наступление, июнь–сентябрь 1941 г.

22 июня XXXXIII армейский корпус в составе 131-й, 134-й и 252-й пехотных дивизий пересек Буг под Мельником, во время битвы за Белосток образовал южный фланг [немецкой группировки. — О. Б., И. П.], после чего продвигался далее на восток до Березины. В сражениях за Белосток (до 1 июля) и Минск (до 8 июля) Красная армия потеряла 324 000 человек пленными, 3300 танков и 1800 артиллерийских орудий. Находившийся в группе армий «Центр» XXXXIII армейский корпус до 4 июля подчинялся 4-й армии (Клюге), а затем — 2-й армии (Вейхс).

Отчет семье, 22 июня 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 37

В 3:15 сегодня — начало войны с Россией. [...] Напротив деревни Мельник встречаю генерала фон Кохенхаузена³⁶ и сообщаю ему, что он должен продвигаться вперед быстрее, чем планировалось прежде, так как сегодняшний день показал, что нам противостоит лишь слабый и не готовый к бою противник. Русская армия была канонадой буквально поднята с кроватей. Никого еще так не заставляли врасплох, они все лежали в постелях, спали, и им пришлось выбегать наружу практически в исподнем. А там уже подошли наши парни, которые, например полк фон Чуди³⁷, за три с половиной минуты в надувных лодках пересекли 150-метровый Буг и заставили их отступать. Но кое-где русский дрался очень упорно. [...]

³⁶ Конрад фон Кохенхаузен (1888–1941, самоубийство) — генерал-лейтенант, с октября 1940 г. по декабрь 1941 г. командир 134-й пехотной дивизии.

³⁷ Рудольф фон Чуди (1892–1972) — полковник, с октября 1940 г. по август 1941 г. командир 432-го пехотного полка (131-я пехотная дивизия).

Отчет семье, [Метна] 23 июня 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 38

[...] Вчера нам противостояла русская дивизия, которую мы застали совершенно врасплох и затем ее разбили. Массы солдат бродят повсюду по бескрайним лесам, сидят на бесчисленных хуторах, часто стреляют нам в спину. Русский вообще ведет войну коварно. Поэтому наши парни проводят зачистки жестко, без пощады. [...] Повсюду наши парни забирают у крестьян лошадей для наших повозок, что вызывает в деревнях плач и вопли. Вот так «освобождают» население³⁸. Но нам нужны лошади, а крестьяне, возможно, получают позже какие-то деньги. Мы наконец-то достигли реки Лесная в Беловежской Пуще³⁹. Зной и невероятные песчаные дороги изматывают войска. Сегодняшний переход был довольно длинным. Увы, похоже, что русский ускользнул из подготовленного «котла» или его вообще там не было. Нигде никакого сопротивления. Похоже, сбывается то, чего не желали: русский отходит. Как раз этого мы не хотим. Но пока ничего не ясно.

Отчет семье, [Шостаково] 24 июня 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 39f. Ms.

Как и два предыдущих дня, палящий зной. Единственная возможность для движения вперед — широкие песчаные дороги, в которых увязаяшь в пыли по щиколотку. Каждый шаг, каждая проехавшая повозка взмывает непроглядные клубы пыли. Пути наступления можно определить по длинным желто-коричневым облакам, закрывающим небо сплошной дымкой. И люди и лошади невероятно страдают от зноя. На любом привале солдаты

³⁸ На отношения с местным населением и в районе группы армий «Центр» наложили свой отпечаток обеспечение вермахта «из местных ресурсов» и частично катастрофические последствия этого для условий жизни населения. Эксплуатация и угнетение, голод и оккупационный террор (включая массовые убийства еврейского населения) быстро свели на нет все иллюзии об «освобождении». См., например: *Gerlach C. Kalkulierte Morde die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition, 1999.*

³⁹ Имеется в виду лесной массив на границе между Польшей и Белоруссией.

падают на землю как мухи, прямо в пыль, и спят в небольшой тени от повозок. Лица не просто запылены, а покрыты плотной песчаной коркой.

В 10 утра я был в Каменце в расположении армии. Фельдмаршал фон Клюге ставит нам наступательные задачи, которые в нынешних погодных условиях, и особенно при недостаточном снабжении через мосты на Буге, трудновыполнимы. И всё же крайним напряжением воли мы достигаем к вечеру заданных целей. За три дня мы промерили шагами путь от деревни Мельник на Буге до северо-восточной оконечности Беловежской Пуши. Головные отряды далеко впереди. Это невероятные достижения. При этом многие соединения по сей день не имеют своих полевых кухонь и живут за счет неприкосновенного запаса. Но и местным приходится кое-чем жертвовать. Немалые количества кур, свиней и телят прощаются с жизнью.

Начинает ощущаться недостаток хлеба: подвоза нет, так как жалкие понтонные мостики всё еще запружены военной техникой. Дивизии растянулись на дистанцию до ста километров. Из расположения армии я еду в Чернаки на реке Лесной, в 134-ю дивизию. Там обсуждение конечных целей марша с командирами дивизий. После долгих разговоров ясно, что дальние цели достижимы лишь для моторизованных подразделений. Остаток дивизии не покидает опушку леса. На обратном пути наша машина проваливается сквозь жалкий деревянный мостик, еле-еле с большим трудом ее удастся вытащить. После бесконечно пыльного обратного пути, в полпятого, мы снова на нашем командном пункте. Оттуда после короткого перерыва на обед — назад к 252-й дивизии, которая по-прежнему находится у моста Фронолов над Бугом в довольно безрадостной ситуации. Русские свили там себе гнездышко из нескольких бункеров, которые выстроены крайне современно и прекрасно позволяют обороняться. Все попытки выбить их оттуда артиллерийским огнем, взорвать или забросать гранатами пока не принесли успеха. Но смириться с подобным положением вещей в нашем тылу невозможно. Дивизия потеряла вкус к наступлению. Но я должен отдать приказ расчистить наконец это гнездышко.

В общем и целом создается впечатление, что русский отводит свои силы на восток. Но если доходит до боя, то сражается он стойко. Он куда сильнее, чем французский солдат. Предельно выносливый, хитрый и коварный.

Некоторые из наших потерь вызваны тем, что русские стреляют в спину нашим бойцам. Взятые нами пленные, пока что лишь несколько сотен, принадлежат к разным этническим группам. Среди них люди, которые больше похожи на китайцев, чем на русских.

Письмо жене, [Лысков] 4 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 40f. Ms.

[...] Война в России неслыханно кровава. Враг понес потери, невиданные до того в этой войне. Русским солдатам их командиры сказали, что все они будут нами расстреляны. Вместо сдачи в плен они стреляют каждому немцу в спину. Это, конечно, вызывает контрмеры с нашей стороны, достаточно жестокие. И так обе стороны ожесточаются, в результате чего уйма людей теряет свои жизни. Да к тому же плохо просматриваемая местность: повсюду леса, болота, поля со спрятавшимися в них русскими, — короче говоря, тут не слишком приятно.

Позавчера, после того как мы зачистили лес и взяли в плен 4000 сидевших в нем русских, я ехал по насыпи в болоте. По обеим сторонам росли плотные кусты ольхи. Болото справа и слева было по колено глубиной. Внезапно русский с винтовкой в руках выпрыгнул на дорогу где-то шагах в ста перед нами. Спустя лишь несколько секунд еще семь или восемь человек последовали его примеру. Никто не мог знать, нет ли там и других. Для них расстрелять нашу машину на дороге было бы детской забавой. Их было десять, нас трое. Они прятались в кустах, мы же ехали по открытому пространству. Минуту мы совещались, что же делать. Лес молчал. И тут совершенно случайно подошло подкрепление — еще две наши машины ехали мимо. Вот теперь мы двинулись на русских. Но мы не смогли их найти. Они спрятались в непроходимом болоте.

Мы стоим на месте, где вели бой, уже восемь дней. Два последних мы использовали для того, чтобы навести порядок в подразделениях и дать солдатам отдохнуть. Завтра мы пойдем дальше, вглубь России. Она еще не окончательно разбита. Но по ней нанесен тяжелый удар⁴⁰. Уже

⁴⁰ См. также: Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Auszeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942: 3 Bde. / hrsg. von Arbeitskreis für Wehrforschung,

несколько дней как русские самолеты полностью исчезли. Это большое преимущество.

Дивизия Хартмута в течение нескольких дней вела бои неподалеку от нас. Сейчас она, вероятно, уже далеко продвинулась на восток. Надеюсь, что у парня всё в порядке.

Либау снова в наших руках. Возможно, когда-нибудь ты снова найдешь свой дом⁴¹.

Здоровье у меня в целом в порядке. Мне сделали несколько уколов новопротина с витаминами, что помогло. Пока еще хватает куриц, яиц и телятины. Но вскоре отсюда почти всё будет повысосано. [...]

Письмо жене, [Лысков] 5 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 62

[...] Мы расположились в аптеке, принадлежащей старому еврею. Он рад, что избавился от большевиков. Очевидно, что они очень плохо обращались с людьми, у которых была собственность. Мы проезжали через несколько имений. Всех владельцев уничтожили большевики, хозяйства запущены, разрушены, заброшены и вообще в ужасном состоянии. Их использовали в качестве бараков для рабочих или временок. Русские солдаты не кажутся убежденными большевиками. Пленные в основном жалуются на плохое питание и то, что начальство с ними плохо обращалось. Ясно, что в реальности народной общности не существует. Так как комиссары не дают солдатам дезертировать и заставляют идти в бой под дулом пистолета, солдаты в ответ забивают комиссаров до смерти. [...]

bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart: Kohlhammer, 1962–1964. Bd. 3. S. 38 (3 июля 1941 г.): «Не будет преувеличением утверждать, что русская кампания выиграна в течение 14 дней. Конечно, тем самым она еще не завершена. С учетом огромных просторов, крайне упорного и ведущегося с использованием всех средств сопротивления, нам потребуется еще много недель».

⁴¹ Гертруда Хейнрици была дочерью промышленника Константина Штруппа (умер в 1904 г.), который основал в Либау (нем. г. Либау) компанию, позже известную как акционерное общество «Везувий», в которое входили машиностроительный, чугуно- и сталелитейный заводы. Оставшееся в Либау наследство (недвижимость) приносило до советской оккупации (октябрь 1939 г.) и аннексии (июль 1940 г.) Литвы регулярный доход (очевидно, недвижимость сдавалась в аренду).

Письмо жене, [Козов] 6 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 63

[...] После того как наша битва окончилась, мы продвигаемся на восток короткими переходами. Скопление войск замедляет продвижение сильнее, чем нам хотелось бы, затрудняет его и невероятное состояние дорог. Господи Боже, ну и мрачная же местность к северу от Припятских болот — лес, повсюду лес, между ним участки болот километровой ширины, в которых утопаешь по колено в иле. Лишь с воздуха всё выглядит симпатичнее. Вчера я облетал мои маршевые колонны на «Шторхе»⁴², сверху они выглядят как очаровательные игрушки.

Русский, что располагался прямо перед нами, теперь уничтожен. Чудовищно кровавая битва. В некоторых случаях мы не давали им никакой пощады. Русский зверски обращался с нашими ранеными. В ответ наши парни стреливают и забивают всё, что носит коричневую униформу. Необъятные леса до сих пор полны солдат из разбитых дивизий и беженцев, некоторые из них не вооружены, некоторые вооружены, и они невероятно опасны. Даже когда мы направляем дивизии прочесывать эти леса, десятки тысяч умудряются избежать пленения, прячась на непроходимой территории.

Сталин отдал отступающим войскам приказ уничтожать всё, что мы могли бы использовать⁴³. Так что опять всё сжигается дотла как во времена Наполеона и в какой-то мере как в 1915 г. По рассказу моего начальника, генерал-полковника фон Вейхса⁴⁴, в Минске, в городе, где живет 200 000 человек, всё сожжено, остались лишь два помпезных советских здания. В Козове, где мы квартируем, осталась лишь треть домов. Красные комиссары сожгли

⁴² Трехместный самолет «Физелер-шторх» Fi 56, маневренный самолет с укороченным взлетом, служил немецкому командованию прежде всего как самолет для разведки и связи («летающий автомобиль»).

⁴³ 3 июля 1941 г. в своем знаменитом радиообращении Сталин провозгласил «Отечественную освободительную войну» и приказал уничтожать при отступлении «всё ценное имущество, которое не может быть вывезено». Эта стратегия «выжженной земли» не только затруднила ведение войны для немцев, но и ухудшила условия жизни оставшегося или бегущего населения.

⁴⁴ Максимилиан фон Вейхс (1881–1954) — генерал-полковник, с октября 1939 г. по июль 1942 г. командующий 2-й армией.

центр города. Население, наверное, этим сыто уже по горло — это для них четвертый раз начиная с 1915 г.!

На юге дела идут не так хорошо, как тут, на центральном направлении. На Украине русский отходит по плану и организованно, так что много чего может уничтожить. Он был слишком силен, чтобы его смять. Следующая бо́льшая оборонительная линия у него, похоже, на Днепре. Хартмут там скоро окажется! Мюнстер теперь серьезно бомбили. Как там наши вещи? [...]

Письмо жене, [Ляховичи] 8 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 64

Свинцовое небо, сорокаградусная, говорят, жара, непроглядные клубы пыли, глубокий песок — вот картинка сегодняшнего дня. Я сегодня ездил в расположение группы армий, которое находится неподалеку от нас, и рассказывал фельдмаршалу фон Боку⁴⁵ о наших боях. Он сказал, что они были одними из самых тяжелых в ходе нынешней кампании, возможно вообще самыми тяжелыми. Что же, заметил я, вполне могу согласиться. Сейчас мы в далеком тылу, проходим каждый день по 30–35 километров, лошади увязают в песчаном грунте, но мы должны двигаться дальше. Ведь наши моторизованные формирования сражаются, предоставленные самим себе, в 200 километрах перед нами. Возможно, они сами без нашей помощи одолеют русских. Тогда нам придется снова двигаться вперед.

Этим вечером первый раз искупались. Настоящее наслаждение. Деревня Ляховичи, где мы стоим, расположена в одной из этих типичных болотистых долин, по которой течет ручей. При такой жаре коричневые от загара солдаты на отдыхе ходят в одних трусах. Не важно, в центре города или где-то еще: повсюду лишь голые мужики. Сегодня нам пришлось казнить коммунистку, которая выхаживала раненых русских, оставшихся в нашем тылу, и всеми средствами боролась против нас. Такая тут война.

⁴⁵ Федор фон Бок (1880–1945) — генерал-фельдмаршал, с апреля по декабрь 1941 г. командующий группой армий «Центр», с января по июль 1942 г. командующий группой армий «Юг».

Позавчера Бальцен⁴⁶ извлек из моих брюк первого клопа. Теперь я живу только в комнатах, из которых вынесена вся мебель. Запустение здесь неопишемое.

Письмо жене, [Ляховичи] 8 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 65

[...] Дороги забиты остовами и обломками сожженных русских боевых машин и грузовиков, орудий, боеприпасами, разлагающимися лошадьми. Просторы становятся всё шире. Лес, снова лес, в промежутках километры болот, отдельные деревушки. Всё время одно и то же, всё та же картина. Мы до сих пор извлекаем из лесов отдельных русских. Но никто не знает, сколько еще прячется там же. Никто не в состоянии прочесать эти леса и болота. Русские из разбитых дивизий не хотят ничего другого, кроме как в гражданском добраться до дома и снова стать крестьянами. Они не хотят, чтобы их отправили в Германию как пленных, и не хотят больше и слышать о войне. [...]

Храни эти письма. Они — мои единственные записи. Если они заваляются в твоих сумочках, позднее их не соберешь.

Письмо жене, [Капыль] 11 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 66

[...] Снова два дня марша позади. Оба наполнены палящим зноем, невероятной пылью и большим напряжением для солдат. Один полк вчера прошел 54, другой — 47 километров. Один раз это еще возможно. Но если этому предшествуют многочисленные ежедневные марши на 30–40 километров и за этим следуют новые марши, то это просто невероятно. При этом никому не удастся ночью выспаться, так как всех поднимают в 2 или 3 утра, и они идут до вечера, иногда до 22:00. Около полудня, конечно, делается привал, но зачастую без воды и под палящим солнцем. Кому встретится ручей, в котором можно иску-

⁴⁶ Вилли Бальцен (1915–?) — ефрейтор, с 1939 по 1945 г. денщик Хейнрици.

паться, те — счастливики. Они срывают с тела одежду и бросаются в воду, какой бы грязной она ни была. Вода — на вес золота.

Теперь мы в настоящей России. Капыль — название сегоднешней деревни. Всё в состоянии чудовищного упадка. Знакомимся с плодами большевистской культуры. Мебель очень примитивная. Мы обычно живем в пустых помещениях. Повсюду на стенах и потолках нарисованы звезды Давида⁴⁷. Церкви используются в качестве залов для политических собраний. В каждой деревне есть большие партийные здания, в которых Сталин и Ленин почитаются как любимцы народа, детей, женщин, рабочих, солдат и так далее. В городах на рыночной площади в центре обычно стоит памятник Сталину, сделанный из цемента, очень напоминает старого Гинденбурга. Магазинов нет. Крестьяне должны работать на общество: они получают треть урожая продуктами питания (натурой) и 80 рублей в год. Килограмм масла стоит 36 рублей! Также в качестве платы за работу каждому товарищу полагались кое-какие предметы, которые он получал на госскладе, каковой есть в каждом городе: то есть мыло, сигареты, носки, один костюм в год! Таков советский рай. Никто не осмеливается говорить открыто. Все боятся разговаривать. Пятнадцатилетних детей забирали из дому и отправляли работать в шахтах где-то на Дону. Эти дети больше никогда не слышали о своих семьях и наоборот. Некоторых из них, ставших теперь солдатами, мы захватили в плен. Теперь здешнее население надеется избавиться от гнета. Но плохо то, что мы не можем объяснить с ними. Отсюда множество промашек.

Покамест большевик воюет на Днестре. В некоторых местах река уже перейдена. Для нас это значит бежать вдогонку, бежать, бежать, пока языки на плечо не повесим. Я думаю, что после войны от пехоты откажутся. Разница между силами человека и мощью моторов всё-таки слишком велика.

Хартмут сражается на Днестре. Да хранит его Господь.

⁴⁷ Примеч. рус. ред.: очевидная аберрация восприятия. Скорее, речь идет о советской символике (пятиконечная звезда), нежели о еврейской символике (шести-конечная звезда).

Письмо жене, [Слуцк] 13 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 67

Постепенно подымаешь от зноя и пыли. Каждый день всё жарче и тяжелее. Не хочется есть, только пить. По возможности мы передвигаемся с войсками только вечером и ночью. Днем выдержать просто невозможно. Сегодня настолько гнетущая жара, что даже написание писем едва выносимо. Солнце почти не показывается, но создает в воздухе такую тяжесть, что нет возможности и охоты делать хоть что-то. Вчера летал в Минск. На высоте 600 метров — красота. Потрясающий вид, бесконечные леса, реки извиваются как улитки, снизу игрушечные марширующие колонны. В Минске, наполовину разрушенном, уцелело лишь несколько многоэтажных советских дворцов, дом гауляйтера, здание университета, дом Красной армии. Кичливые некрасивые дворцы, все увешаны картинами, восхваляющими Сталина, Ленина, Калинина⁴⁸ и других бонз. [...]

Все церкви тут, в настоящей России, уничтожены. С колоколен сняты кресты. Здешняя слущкая грекокатолическая церковь была уничтожена. Из ее кирпичей на том же месте строится дом гауляйтера. Римско-католическая церковь была превращена в завод по разливу минеральной воды. Протестантскую церковь присоединили к фабрике. Насколько мы пока видели, все храмы в деревнях переделаны в пожарные депо или склады. Снизойдет ли гнев Господа на этих разрушителей?

Сейчас начинается эта окаянная война против банд, и нам придется зачищать леса⁴⁹. [...]

⁴⁸ Михаил Иванович Калинин (1875–1946) — с 1923 по 1946 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁴⁹ Хотя Сталин призвал 3 июля 1941 г. к «народной войне» на оккупированных территориях, партизанское движение поначалу ограничивалось отдельными группами, оставшимися за линией фронта или забрасываемыми в немецкий тыл для ведения саботажа. Общее немецкое представление о «войне с бандами» в первые месяцы относилось прежде всего к бесчисленным группам попавших в окружение красноармейцев, которые частично вели бои в немецком тылу, частично прятались в лесах и пытались пробраться назад к Красной армии или к себе домой. Десятки тысяч таких окруженцев были расстреляны вермахтом как мятежники. Столь brutальные действия, дальнейшие «драконовские меры» для обеспечения безопасности в тылу и всё более бесцеремонная оккупационная власть привели к тому, что партизанское движение существенно пополнилось осенью

В середине июля наступление XXXXIII армейского корпуса (131-я, 134-я пехотные дивизии) по Белоруссии застопорилось под Бобруйском на реке Березине. Корпус втянулся в затяжные позиционные оборонительные бои против теперь уже атакующих советских войск.

Письмо жене, [Бобруйск] 20 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 68

Уже около недели мы в Бобруйске на Березине. Четыре дня как русский атакует наш правый фланг. Возникали кризисные ситуации. Завтра мы сами хотим перейти в наступление и надеемся, что оно будет успешным. [...]

Русский очень силен и дерется отчаянно, наущаемый своими комиссарами. Сражения в лесополосе особенно тяжелы. Внезапно, откуда ни возьмись, появляется русский и открывает огонь, атакует колонны, отдельных бойцов или машины со связными. По любым стандартам война тут очень тяжелая. Прежде всего невообразимые транспортные трудности, огромнейшие пространства, бесконечные леса, трудности с языком и тому подобное. Все предыдущие кампании были, скорее, детской игрой по сравнению с нынешними боями. Наши потери значительны⁵⁰, а у русских очень, очень велики.

Хартмут со вчерашнего дня сражается под Смоленском. Можно лишь ежедневно просить Господа, чтобы Он его защитил. Он находится на передовой⁵¹.

1941 г. за счет солдат и гражданских лиц. Для Гитлера партизанская война предоставляла возможность «истреблять тех, кто восстает против нас» (16 июля 1941 г.). Пресловутый «Указ о применении военной подсудности в районе “Барбароссы”» от 13 мая 1941 г. создал предпосылку для того, чтобы истребление происходило безжалостно и без оглядки на закон. См.: *Hürter J. Hitlers Heerführer. S. 404–441; Römer F. „Im alten Deutschland wäre solcher Befehl nicht möglich gewesen“. Rezeption, Adaption und Umsetzung des Kriegsgerichtsbarkeitserlasses im Ostheer 1941/42 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2008. N 56. S. 53–99.*

⁵⁰ Только в июле 1941 г. немецкие сухопутные войска потеряли 63 099 человек убитыми, за первый квартал кампании — 185 198 человек, то есть 6,8% от всего численного состава армий на Востоке (2060 человек в день). См.: *Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München: R. Oldenbourg, 1999. S. 277–279.*

⁵¹ Хартмут Хейнрици был ранен уже 16 июля 1941 г. в боях под Смоленском. После своего выздоровления в конце ноября 1941 г. он снова вернулся на центральный участок Восточного фронта.

Ужасающая свинцовая жара сменилась сейчас прохладной погодой. Со здоровьем всё в порядке. Сон короткий, нервное напряжение порой существенное. В качестве отдыха я ежедневно купаюсь в Березине или летаю на «Шторхе» над лесами между двумя моими группами. На машине надо ехать 75 километров по плохим дорогам.

Письмо жене, [Бобруйск] 22 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 69f.

Вчера мы заставили врага, русский 66-й корпус, который хотел прорваться к Бобруйску, отступить. К сожалению, им удалось улизнуть из подготовленного котла. Мы им хорошо всыпали, но это опять не полномасштабная победа. Солдаты нас немного подвели. Они слегка медлительны из-за тяжелых и трудных боев. Русские банды, которые теперь повсюду в лесах, являются отличительным знаком этой войны. Они атакуют отдельных солдат, но не смеют приближаться к большим частям. Но и они тоже несут потери в лесных перестрелках. Все бои ведутся русскими очень коварно. В кукурузных полях они падают на землю, притворяются мертвыми и стреляют в спину нашим солдатам. В ответ наши парни убивают русских без пощады. Никакая прежняя кампания не сравнима с этой.

Вчера и позавчера я тратил на возвращение домой по несколько часов. Многие километры в одиночестве через лес, в котором еще днем шли бои. Ничего приятного. Наши парни физически крайне измождены. Вчера я увидел возчиков, заснувших перед их повозками мертвым сном. Неслыханные по длительности марши, чудовищные дороги, которые никто в Германии себе и представить не сможет, большое нервное напряжение не только из-за постоянно меняющейся ситуации, но и из-за опасности для каждого быть атакованным — всё это крайне изнурительно, ничего подобного не было ни в одной прежней кампании. Кроме того, никто не знает, как долго еще продлится поход. Покамест конца не видно, несмотря на все достигнутые успехи. Хочется надеяться, что русское сопротивление в один прекрасный день сойдет на нет, ведь создавшаяся для них ситуация далека от желаемой. Напротив, она крайне плоха. Уже второй раз их оборона прорвана в нескольких местах. Но отрезанные войска сражаются

упорно и не создается впечатления, что русская воля к сопротивлению была в целом сломлена или что народ желал избавиться от своих большевистских вождей. Пока есть ощущение, что война, даже в случае захвата Москвы, продолжится где-нибудь в глубине этой бесконечной страны. [...]

Письмо жене, [Бобруйск] 26 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 73

[...] Могу сказать лишь то, что Господь меня спас. Три дня назад я наблюдал за атакой, когда русский 10,5-сантиметровый снаряд взорвался в 25 шагах от меня и сбил меня с ног. На несколько часов я наполовину оглох. Потом русские танки показались позади командного пункта. И наконец самолет, который должен был доставить меня назад, взорвался и сгорел в двух шагах от меня. Достаточно для одного утра. [...]

Письмо жене, [Бобруйск] 30 июля 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 75

Завтра в Лицманштадт пойдет машина и заберет это письмо, которое поэтому дойдет до тебя быстрее других.

Мы пережили пару не слишком радостных дней. В вероятно тяжелой болотистой и лесистой местности к югу от Бобруйска у нас тянулась вечная канитель с русскими, которые беспрестанно беспокоили наш фланг. 24 июля мы подбили в одной атаке 51 русский танк. Тогда в обход по большому кругу в наш тыл зашел русский корпус, который теперь сеет там беспорядки и вызывает трудности. На некоторое время он прервал и железнодорожное сообщение. Поэтому каждый день здесь новое беспокойство, каждый день новый кризис, — короче говоря, волнений и огорчений у нас в достатке. К этому прибавляются долгие автомобильные поездки, несколько дней в грязи, теперь снова по пыльным песчаным дорогам; в общем, у меня, честно признать, силы на исходе. Мне трудно даже писать это письмо. Настолько я выжат и утомлен. [...]

Запись в дневнике, [Бобруйск] 30 июля 1941 г.

BArch. N 265/11

Враг напротив нас — на удивление активен и крепок. Уже ранним утром он, хотя и не в полную силу, атаковал 134-ю дивизию. 75 перебежчиков перешли на нашу сторону несколько часов спустя. Уму непостижимо: всегда одно и то же. В целом русский сражается с фанатичным упорством. Но каждый в отдельности подчеркивает свою усталость от войны, свое желание перебежать, свою ненависть к комиссарам, которые заставляют идти в бой под дулом пистолета. Эти две позиции трудно сочетаются. Если последняя из них истинна, то когда-нибудь всё должно рухнуть. [...]

Моему корпусу приходится выбираться из неутешительной ситуации. Бесконечные бои в лесах сломят наши войска. Большевицкая война «булавочных уколов» подкашивает их; даже лучший солдат не может отбить атаку в здешних лесах и болотах. [...]

Письмо жене, [Бобруйск] 1 августа 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 76f.

Вчера я смотрел новый выпуск «Вохеншау»⁵², в конце которого показывали бои за Либау. При этом сообщалось, что Либау полностью разрушен большевиками. На экране еще можно было различить дома, но нельзя было увидеть, сгорели они или нет. Очень часто город описывается как полностью разрушенный, а в нем многое еще стоит. Но это лотерея, и нельзя исключать, что твои владения сгорели. [...]

Мы по-прежнему продолжаем решать здесь неблагоприятную задачу, которая никого не радует. Хотя пыл кавалерийского корпуса в нашем тылу удалось понемногу охладить, омерзительная болотистая и лесистая местность, скверные дороги, а также усталость войск препятствуют многому, что иначе казалось само собой разумею-

⁵² Примеч. рус. ред.: еженедельный общественно-политический киножурнал Министерства пропаганды.

щимся. Мы недооценили русского⁵³. Всегда говорилось, что им скверно командуют. Проверка их текущих способностей к командованию показывает, что наши операции временно затормозились, а наши бойцы боятся русского коварства. Но мы ежедневно видим, что около 100 человек перебегают на нашу сторону. Может, однажды, когда простые солдаты больше не захотят сражаться, вся лавочка разом рухнет. Пока они рассказывают, что не хотят воевать, но их принуждают комиссары. Это всё как-то сбивает с толку. Чудовищная энергия беспощадно мобилизует все силы и без сожаления посылает солдат в бой. Так русские достигли успехов, которые не дались нашим прежним противникам. Значительны и наши потери⁵⁴. Кампания против России забрала как минимум столько же жизней, сколько все прочие кампании, вместе взятые.

Пока что совершенно неясно, чем здесь закончится дело. Нет ощущения, что русский однажды захочет сдать-ся, как это сделал француз. Возможно, что зимой нас ждет позиционная война в глубине России. Одна мысль об этом дико радует каждого.

Вся обстановка здесь предельно примитивна. Бобруйск, город с населением в 91 000 человек, — большая часть эвакуировалась — грязная дыра, состоящая по большей части из деревянных построек. Центральная улица напоминает Nasser Garten⁵⁵ в Кёнигсберге. В домах никакой обстановки. У людей ничего нет, так как у них всё отобрали за последние 20 лет. Наши переводчики говорят нам, что люди счастливы из-за прихода немцев. Никаких сомнений нет в том, что для всего мира будет благом, если большевизм, его методы и его влияние будут стерты с лица земли. Это кошмар. Но эта отвратительная bestia яростно защищает себя. [...]

⁵³ Ср.: Halder F. Kriegstagebuch. Bd. 3. S. 170 (11 августа 1941 г.): «При общей оценке положения всё яснее выделяется тот факт, что русский колосс, который осознанно готовился к войне в отсутствие всяких, что свойственно тоталитарным государствам, моральных границ, нами недооценивался».

⁵⁴ Ср. вписанное в копию этого письма замечание (BArch. N 265/16. Bl. 50): «Согласно отчету врача XXXXIII корпуса от 22 сентября 1941 г., дивизии корпуса понесли следующие потери: 131-я пех[отная] див[изия] 22 июня — 30 июля: 151 уб[итых], 100 проп[авших без вести], 410 ран[еных]; 134-я пех[отная] див[изия] 22 июня — 19 августа: 283 уб[итых], 1185 ран[еных]; 260-я пех[отная] див[изия] 15 июля — 19 августа: 195 уб[итых], 58 проп[авших без вести], 881 ран[еный]».

⁵⁵ Рабочий квартал у гавани на юго-западе Кёнигсберга.

Письмо жене, [Бобруйск] 3 августа 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 78

[...] Поразительно, как же упорно сражается русский. Его соединения наполовину уничтожены, но он наполняет их свежими бойцами и снова идет в атаку. Как русские этого добиваются, я не понимаю. Пленные настаивают, что всему виной давление комиссаров, которые расстреливают любого, кто не подчиняется. Но такими средствами невозможно постоянно держать войска в боевой готовности. Наше стремительное наступление превратилось в медленное ковыляние. Невозможно предсказать, как далеко внутрь России мы пройдем, пока сопротивление будет столь же упорным. Может, однажды оно и прекратится. Пока же тем не менее сохраняется неопределенность. [...]

Иногда мы думаем, что нам принесет зима. Наверняка нам придется остаться в России. Кажется маловероятным, что большевики пойдут на мировую или вовсе прогонят Сталина. Так что мы встретим зиму в позиционных боях по всей огромной линии фронта. Хорошенькая перспектива. [...]

Письмо жене, [Бобруйск] 4 августа 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 79

[...] Здесь все в мрачном расположении духа. Решения повисли в воздухе, мы хотим выбраться из ситуации, которая нам совершенно не нравится. Каждый день — новый кризис, изматывающие нервы минуты, и Бобруйском этим мы уже сыты по горло. К тому же здешний образ жизни не слишком здоровый. Слишком много мяса в рационе в ущерб остальному, слишком много курения, мало движения, постоянно подъемы посреди ночи, так как случается то одно, то другое, и днем потом чувствуешь себя полуразбитым. Все мысли кружатся вокруг наших боевых забот, нет времени, чтобы расслабиться. Ничего хорошего здесь нет.

[...] Сообщи мне улицу и номер твоего дома в Либау. Я попытаюсь через Берлин узнать, стоит он еще или разрушен.

5 августа 1941 г. XXXXIII корпус снова двинулся в наступление из Бобруйска, пересек Березину и Днепр и участвовал в окружении Гомеля (битва закончилась 24 августа, 78 000 красноармейцев попали в плен). В результате успешной битвы под Гомелем открылась возможность для совместных действий групп армий «Центр» и «Юг» по уничтожению советских войск в районе Киева. Соответствующий приказ Гитлера был подписан уже 21 августа, и тем самым направление главного удара группы армий «Центр» временно повернулось на юг.

Письмо жене, [Парижи] 9 августа 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 80

5 августа мы атаковали противостоящие войска и заставили их отступить на 40 километров. Противник сначала откатывался, что сделало бои легче, чем мы ожидали. И всё же это стоило нам 400 убитых. Достаточно для такого сражения. В конце русская кавалерийская дивизия попыталась прорвать наши ряды, но мы смогли отбить их атаку, и они понесли тяжелые потери. С тех пор повсюду бегают лошади без всадников. Они нам очень пригодятся, так как только позавчера мы потеряли 90 своих лошадей, когда по нам по ошибке отбомбились свои же. К сожалению, погибли и многие бойцы. Очень досаждают новая привычка русских минировать дороги, которая уже нанесла достаточный урон. Противостоящий враг, с которым было столько возни, наконец-то разбит полностью, у него осталось совсем мало сил. Нам даже удалось захватить две русские штабные машины с их дивизионным писарем. Девушка-машинистка в синей юбке и белой блузке сбежала в последний момент. Писарь рассказал нам, что несколько дней назад командира их дивизии разжаловали за слабое руководство и послали командовать одним из полков его бывшей дивизии. [...] Завтра нас ждут новые сражения. Русский, однако, весьма потрепан. Просто чудо, что он раз за разом находит силы для сопротивления, несмотря на понесенные потери и урон. Теперь всё зависит от того, кто будет упорнее. Так как налицо многочисленные примеры разложения [советских войск], следует считать, что однажды — пусть и не вскоре — вся лавочка за линией фронта развалится. К нам перебежали уже целыми ротами. И разжалование командиров на всех уровнях — знак тоже недобрый. [...]

Письмо дочери⁵⁶, [Нивки⁵⁷] 18 августа 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 82, 85

Благодарю тебя за твои регулярные воскресные письма. Я не мог писать как прежде, так как уже несколько недель слишком много всего происходит. Также недостает настоящего покоя, чтобы настроиться на сочинение письма. [...]

Твое письмо, в котором ты описываешь лошадиный би-вак, вручили мне в руки 15 августа. Около трех пополудни я вернулся на наш командный пункт, который расположен на выезде из большой деревни высоко над Днестром. Незадолго до того я был в дивизии, стоящей в другой деревне; сидя над картами, мы слышали грохот выстрелов тяжелой артиллерии, снаряды с воем падали в 250 метрах от нас. Мы продолжали беседу. Тогда послышался второй залп, снаряды легли существенно ближе. Мы вышли из машины, и тут раздался третий залп, ударивший в 50 метрах от нашей машины. Осколки полетели вокруг нас, вонзаясь в стены. Тогда мы выехали из деревни и угодили прямо под четвертый залп, попавший в поле справа от нас. Не очень приятное переживание. И вернувшись после этого домой, я получил твоё упомянутое выше письмо. Я положил его на стол, чтобы переодеться. Успел только раздеться, как два снаряда с шипением разорвались на участке за моим домом. Не успел я натянуть исподнее, как взорвались следующие, и так далее. Твое письмецо лежало передо мной, и я думал, что оно написано в ином мире, не в этом. Едва я надел брюки и рубашку, нас настиг следующий залп навесного огня, угодивший в соседние дома. Не застегивая мундир, с гетрами в руке я наконец выбежал из своего жилища, но не успел выйти за дверь, как снова завывали снаряды. Осталось лишь броситься наземь, и вот уже что-то ударило поблизости, повсюду полетели осколки, вонзаясь в стены и стволы деревьев. Одним прыжком я достиг ямы полутораметровой глубины, которую кто-то откопал, и обнаружил в ней несколько человек. Минут двадцать залп бил за залпом в 30 метрах

⁵⁶ Гизела Хейнрици (род. 1926).

⁵⁷ К западу от Гомеля. Ср.: Gen.Kdo. XXXXIII A.K., Kriegstagebuch. Ia (BArch. RH 23-43/8): «Ночевка в машинах по соседству с колхозным хлевом».

от нашей ямы, мой дом был продырявлен осколками. Потом всё успокоилось, чтобы через четверть часа неожиданно начаться по новой. Я как раз пошел, чтобы забрать твое письмо, и второе благословение застало меня прямо в доме. В этот раз оно было короче, но достаточно интенсивным. Как ты можешь себе представить, это препятствовало прочтению твоего письма. В наших домах вылетели все стекла, дом поблизости обвалился, автомобиль телефонной связи был уничтожен, у нас было семеро раненых, в деревне убиты многие солдаты и лошади. Мы покинули деревню и слава Богу, так как в полвторого ночи обстрел возобновился. Быть застигнутым обстрелом во сне и в темноте было бы вдвойне невесело. Но и в новой деревне, в пяти километрах от прежней, русский обстрелял нас ночью, снаряды ложились в 500 метрах от нас!

Наконец, этот гвалт закончился. Приятного было мало. На сегодняшний день у нас 6200 пленных, 35 трофейных орудий, не считая большого количества оружия и машин.

Хороших каникул в Глоттертале.

Отчет семье, [Нивки] 18 августа 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 82f. Ms.

[...] Благодаря действиям нашего корпуса удалось создать предпосылки для окружения нескольких вражеских дивизий. Вчера основная масса этих вражеских соединений попыталась прорваться через наши позиции. Это был дрянной денек. В 3 утра существенные силы противника оказались внутри созданного нами плацдарма, нашим войскам пришлось вести бои на всех направлениях. Ко второй половине дня удалось сдержать прорыв, но с большими потерями с нашей стороны. У нас есть полки, которые состоят лишь из двух батальонов, в одной артбатареи осталось лишь пять орудий. Попытка прорыва, однако, была отбита, и сегодня из всех лесов выходят только пленные. Основная масса русских, которых мы сдержали, к сожалению, была взята в плен корпусом, наступавшим нам на встречу. Там около 20 000 пленных. И у нас еще около 5000. Общее число, конечно, еще вырастет тысяч до тридцати.

Это тяжелый удар для русских, которые вынуждены бросать в бой соединения, набранные с бору по сосенке,

у которых почти не осталось полноценных дивизий и которым пришлось оставить в лесах пока не подсчитанное количество артиллерии и техники. В оперативном плане вся южная половина его центральной линии фронта пала, что вызовет далеко идущие последствия. Значит, мы можем с удовлетворением смотреть на прошедшие 10–12 дней. Для меня самого они выдались нелегкими. Нам пришлось преодолевать весьма критические ситуации, напряжение порой доходило до предела. Не слишком-то приятно всё время ездить по местности в одиночестве, не считая скудной охраны, километры и километры по лесам, в которых всё время можно нарваться на русских. Ведь фронты так растянуты и так непрочны, что свои и враги часто перемешиваются друг с другом. Восемь дней назад в критическую минуту я сам принял на себя командование батальоном, в котором всё пошло наперекосяк, а два дня назад русский двумя тяжелыми батареями так вышиб нас из командного пункта, что лишь благодаря чуду мы отделались семью ранеными. Каждый из нас отдал все свои силы, и мы можем быть лишь благодарны за то, что пока всё прошло для нас удачно. Возможность того, что случится иначе, существовала не раз.

Я пишу из палатки у наполовину обвалившегося колхозного хлева, на краю картофельного поля, на котором русский с расстояния двухсот шагов еще вчера палил в нас тяжелыми снарядами. Но сейчас все орудия молчат, и они никогда больше не выстрелят в нас. Они стоят где-то посреди леса, а артиллеристы взяты в плен.

Судя по приказу, который мы захватили, мой первый визави, генерал, командующий 66-м корпусом, был судим военным трибуналом в начале августа⁵⁸. Другой командующий, 63-го корпуса, со своими двумя комиссарами во время вчерашней попытки прорыва был застрелен нашими солдатами, так как не желал сдаться⁵⁹.

На той стороне всё кипит и булькает. Полный развал не за горами.

⁵⁸ Примеч. рус. ред.: 66-м стрелковым корпусом РККА командовал генерал-майор Федор Павлович Судаков (1897–1941), в биографии которого никаких сведений о трибунале не содержится. Корпусу Судакова удалось прорваться из окружения, командира наградили Орденом Красного Знамени. Погиб 2 октября 1941 г.

⁵⁹ Примеч. рус. ред.: речь идет о генерал-лейтенанте Леониде Григорьевиче Петровском (1902–1941).

Письмо жене, [Нивки] 19 августа 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 84

Крупная операция завершена. Уничтожены два русских корпуса, состоявшие из семи дивизий. Мы сами взяли до 10 000 пленных, вся армия в целом — 50 000. Военная техника, прежде всего артиллерия, в невообразимых количествах стоит в окружающих нас лесах. В большинстве своем русские загоняли ее в болото, чтобы мы не смогли ее использовать. После того как при этом окружении все фронты перемешались, а вражеские соединения были разбиты, леса вокруг снова кишат группами русских солдат и отдельными солдатами. Огромное число их попряталось или ищет тайные тропки, которые позволят вырваться и избежать плена. [...]

После успешного сражения под Гомелем XXXXIII армейский корпус был сначала 20 августа ненадолго переброшен с 34-й и 258-й пехотными дивизиями к востоку от Десны, а затем в конце августа переведен южнее, в район севернее Чернигова.

Письмо жене, [Печары⁶⁰] 23 августа 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 86–88

Вчера вечером я получил твои письма от 1, 2 и 8 августа и узнал из них, что участок в Либау разрушен. Что со всем этим произойдет позже, Бог его знает. Я не знаю, выплачивается ли во время войны страховка против пожара, и вообще, есть ли в Либау и Латвии какие-нибудь платежеспособные организации. Должен признать, что в сегодняшней ситуации я не могу ничего посоветовать. Всё будет, вероятно, зависеть от исхода войны.

Русский, несмотря на все его поражения, демонстрирует удивительную сопротивляемость. Вчера читал допрос одного пленного русского командующего армией, который сказал, что они будут продолжать сражаться, даже

⁶⁰ К юго-западу от Рославля.

если Москва падет⁶¹. Полагаю, он прав. Изменения наступят только тогда, когда система в России обвалится изнутри. Я сомневаюсь, что условия для этого уже сложились. Похоже, что ужасная русская система террора сейчас не допускает никакого альтернативного мнения. Можно представить, что, после того как мы так неожиданно напали на Россию, многие русские, даже инакомыслящие, встали из любви к Родине на сторону Сталина⁶². [...]

⁶¹ Примеч. рус. ред.: скорее всего, речь идет о командующем 6-й армии генерал-лейтенанте Иване Николаевиче Музыченко (1901–1970). Он был пленен поздним вечером 6 августа 1941 г. севернее села Сухой Ташлык солдатами 1-й роты 403-го строительного батальона, после чего доставлен в штаб 101-й легкой пехотной дивизии, где в ночь на 7 августа состоялся его допрос (BArch. RH 24–52/223). См. подробнее: *Нуждин О. И. Уманский «котел»: трагедия 6-й и 12-й армий. М.: Литагент «Яуза», 2015. С. 267.*

⁶² Примеч. рус. ред.: Музыченко допрашивали несколько раз. После первого допроса в штабе дивизии его допросили в штабе LII армейского корпуса, где он высказался относительно газовой войны и состава окруженных. 9 августа состоялся допрос в штабе 17-й армии, в отделе Ic (разведка). На нем Музыченко заявил: «Война будет продолжаться долго. Россия, используя большие человеческие и материальные резервы, будет воевать и защищаться до последнего. Война находится еще в начальной стадии, собственно тяжелые бои еще впереди. Россия имеет много кадровых войск в резерве, которые до сего времени еще не вступили в бой. Немецкая армия сильно ослабнет вследствие необходимости занятия важнейших пунктов и городов на широком пространстве. Люди и материалы позволяют России быстро формировать следующие дивизии. Если даже господствует нехватка командиров, то это не является основанием для капитуляции» (BArch. RH 21–1/472. S. 87).

В тот же день состоялся еще один допрос в разведотделе штаба группы армий «Юг», где пленный генерал высказался следующим образом: «Россия готова к очень длительной войне. Россия не Франция, которая была разбита за 30 дней. Все жизненно важные и важные в военном отношении предприятия эвакуированы за Урал. Это особенно имеет значение для Донецкого бассейна. Поэтому даже занятие внутренних русских промышленных областей не принесет немцам ожидаемого разрешения. Содержание гарнизонов во всей европейской России не может длиться долго. Если решается судьба Родины, то народ будет сражаться до последнего, даже в Сибири. Пусть правительство совершило ошибки или даже преступления, пусть режим далек от совершенства, но каждый человек любит свое Отечество и всегда готов, несмотря на нанесенные обиды, отдать свою жизнь» (BArch. RH 20–17/282, S. 93). Предположительно, Хейнрици читал этот допрос.

Редакторы-составители русского издания искренне благодарят кандидата исторических наук Олега Игоревича Нуждина за консультацию и предоставленные документы.

Мы сейчас задействованы на другом фронтовом участке нашей армии, с другими дивизиями, почти на 200 километров глубже внутри России. Города совершенно сожжены. Мы стоим лагерем — нельзя назвать это «живем» — в унылейших деревнях. Сегодня я квартирую в классе, поскольку самые чистые здания обычно — это школы. Все дома в состоянии полного запустения. Со слов жителей, они нарочно старались сделать всё внешне уродливым и бедным, чтобы их не преследовали за то, что они собственники. [...]

То, что Хартмут хочет вернуться обратно в свой полк, конечно, глупость. Я напишу сегодня главврачу, чтобы он не допустил этого. Хартмут, разумеется, воображает, что прибудет обратно слишком поздно, чтобы еще поучаствовать в войне. Но увы, как на грех, она продлится гораздо дольше, чем мы все хотим. [...] Война тут обходится нам очень дорого. Была ли она действительно необходима?

С новой оперативной позиции севернее Чернигова XXXXIII армейский корпус, имея теперь в составе 131-ю и 293-ю пехотные дивизии, медленно с боями пробивал себе путь на юг и, наконец, получил задачу наступать от взятого 9 сентября города в юго-западном направлении, чтобы замкнуть с севера образуемый вокруг Киева котел.

Письмо жене, [Городня] 1 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 89

Уже несколько дней вновь идут тяжелые бои. Нас опять перебросили на юг, и мы на северной границе Украины. Наша задача сложна, особенно из-за ограниченности наших сил. Русский отбивается с большим упорством, контратакует. Его артиллерия особенно хороша. Пока пишу это письмо, почти непрерывно слышу, как рвутся снаряды. Позавчера русский на четверть часа прижал нас плотным огнем. Это сопровождалось авианалетом на нашу деревню, что стоило жизни нескольким нашим, включая коменданта штаба. Для писем нет ни времени, ни душевного покоя. Ситуация постоянно меняется, и всё время возникают новые трудности. Так непрерывно уже десять недель. Больше всего я восхищаюсь простым пехотинцем,

который через всё это проходит днем и ночью, не имея даже нормальной крыши над головой. Хотя бы погода достаточно благоприятна. Целое лето, за исключением пары дней, было тепло. [...]

Я убежден, что эта война затянется надолго. В этом году она не кончится. Русский возлагает надежды на зиму. За это время он реорганизует свою потрепанную армию и весной снова пойдет в наступление по команде британцев или по собственному желанию. Британцы и американцы счастливы, что национал-социалисты и большевики ослабляют друг друга, и надеются, что ни те, ни другие больше не будут представлять опасности. В любом случае, нам нужно готовиться к еще одному году войны. То же и в отношении квартиры. Стоит нам ее сохранить?

Письмо жене, [Городня] 2 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 90

Вчера нам удалось вскрыть оборону врага на одном участке реки, который он хотел удерживать. Но и когда его оттесняют, русский упорно сражается. Одна вещь удивляет нас постоянно: его дивизии раз за разом рассеиваются, уничтожаются и берутся в плен. Но через восемь дней они снова в боевой готовности, до отказа набитые новобранцами, которые ничего не умеют, но стоят, стреляют и как минимум один день сражаются. Потом этой части снова более или менее достается на орехи, но в кратчайший срок она снова на фронте со свежим пополнением. Пополнение это зачастую вообще не обучено. Но они заполняют необозримые фронты, мы постоянно воюем против превосходящих сил. Когда-нибудь это должно всё же закончиться. Но страна так велика, что этот момент, очевидно, наступит довольно поздно. Кроме того, они задействуют своих солдат, совершенно их не щадя. Им абсолютно всё равно, сколько из них простится с жизнью. К тому же они совершенно непредсказуемы, осуществляют самые сумасбродные планы против всех правил военного искусства, и именно благодаря этому мы оказываемся в пренеприятнейших ситуациях. [...]

**Запись в дневнике, [Бакланова Муравейка⁶³]
11 сентября 1941 г.**

BArch. N 265/11

Совещание с командующим 2-й армией генерал-полковником фон Вейхсом. Новая операция в направлении Киева. Группа армий [Центр] выводит XIII корпус с двумя его лучшими дивизиями с фланга, образующего клещи с севера. Положение группы армий «Юг» ее не интересует. Зато она отправляет приказ, что всё должно произойти быстро. К тому же смертельно усталые, потрепанные слабые соединения. Там [в группе армий «Центр». — О. Б., И. П.] сидят близорукие люди, которые думают лишь о своих собственных операциях. Так это выглядит отсюда. Все участники совещания онемели, услышав об этом решении. К тому же 2-я армия остается в составе группы армий [«Центр»], хотя ей «предписано» вести совместные действия с группой армий «Юг». Хватаешься за голову. Я сказал командованию армии, что войскам необходимо дать пару дней передышки, она отблагодарит за это удвоенной мощью. Все, кто в курсе дел, кивают. Наша армия попробует в этой связи чего-нибудь добиться.

**Отчет семье, [Бакланова Муравейка]
12 сентября 1941 г.**

BArch. N 265/155. Bl. 92–96f. Ms.

И вновь сегодня окончание очередной операции. Она была естественным следствием битвы за Гомель, о которой я рассказывал в моем последнем письме в середине августа. Тогда я не мог и предвидеть, как велико будет количество военнопленных и трофеев в результате тех боев, а уж тем более какое оперативное значение будет иметь этот успех. Сегодня с известным удовлетворением я могу сказать, что именно благодаря удару моего корпуса противник лишился последнего пути к отступлению. Взятый нами в плен начальник штаба русского 63-го

⁶³ К востоку от Чернигова.

корпуса⁶⁴ на вопрос, почему он не принял контрмер по устранению этой смертельной опасности, сказал, что не считал удар с этой стороны вообще возможным. Он думал, что его фланг абсолютно надежно прикрыт двумя реками — Березиной и Днестром. Он не верил, что за четыре дня можно преодолеть подобные, да к тому же еще и защищаемые, препятствия.

Вот и сейчас нам предстояло преодолеть две внушительные реки⁶⁵, чтобы выйти противнику во фланг. И сейчас противник оборонялся с крайним упорством, препятствуя нашей переправе. Используя сильнейший артиллерийский ответный огонь и налеты авиации, он делал всё, чтобы уничтожить наши плацдармы и подготовить свое контрнаступление. Так что мы пережили нелегкие деньки. Часто возникали кризисные ситуации, исход которых был неясен. Войска на отдельных участках выдержали тяжелейшие испытания — по многу раз в течение 2–3 дней их просто засыпало снарядами, как в [Первую] мировую войну. И даже на штаб в один прекрасный полдень налетел русский бомбардировщик, уничтожив бомбами и автоматным огнем одного штабиста, тяжело ранив двоих и легко ранив многих. В сумме же эти дни боев, в ходе которых несколько русских дивизий снова попали в «котел», принесли моему корпусу 14 000 пленных, 40 орудий и прочие богатые трофеи.

Состояние русских войск, с которыми мы столкнулись, без сомнения, за последнее время ухудшилось. В особенности русская пехота — брошенная на поле боя дикая толпа, мешанина из формирований, бывших под рукой и плененных воедино. Полки, пополненные еле обученными новобранцами; дивизии, состоящие из бойцов, оставшихся после разгрома двух или трех других дивизий, — это обычное дело. Танковые корпуса превратились в пехотные, потому что танков больше нет; десантным бригадам не с чем приземляться. Тем не менее нашим ослабленным частям до сих пор противостоят массы людей. Кто-то однажды сказал, что из тысячи стреляющих идиотов лишь

⁶⁴ Примеч. рус. ред.: речь идет о полковнике Алексее Леонидовиче Фейгине (1896–1945). Пленен 18 августа 1941 г. двумя солдатами 13-й роты 487-го пехотного полка 267-й пехотной дивизии, допрошен 20 августа в селе Ново-Марковичи.

⁶⁵ Снов и Десна.

пятьдесят попадут в цель. Но и от этого наши brave парни гибнут, и наши потери кажутся горше, чем потери противника. Увы, русская артиллерия очень хороша. Она весьма метка и, к сожалению, очень подвижна. Пилоты тоже удалые и летают даже в ужасных погодных условиях. Лишь после того, как наши истребители сбили 15 их самолетов, мы смогли немного перевести дух.

Нам, немцам, в особенности не нравится русский коварный стиль ведения боя. Русского редко увидишь на открытом пространстве, а даже если и так, то он прячется в колосьях. Куда чаще он ползет через лес, через кусты и через болота. Русский нападает из засад, со спины, эти люди вцепились в непроходимую местность как вши и нельзя от них избавиться, даже если дважды прочесать территорию. Так что такая война очень многого требует от наших войск. Нужно снять шляпу перед ними и их усилиями. Они ежедневно атакуют 11 недель подряд, иногда с утра, иногда в полдень, и вечно противник перед тобой, и каждая ночь проходит в напряжении, придут эти ребята в коричневой форме или нет, и каждый день сыплются огромные, оглушающе рвущиеся снаряды, и каждую ночь проводишь на холоде и в сырости и, помимо этого, еще продираешься сквозь грязь по колено или полностью покрываешься пылью — невероятно огромные трудозатраты. Никто и вообразить не может, сколь многого мы требуем от наших солдат, если сам через это не прошел.

Часто действия русского командования непостижимы. Они совершают поступки, суть которых мы не можем понять и которые кажутся малоразумными. Например, любого, кто не удерживает позицию, расстреливают. Когда мы спросили русского начальника штаба 63-го корпуса, почему он не отвел свой корпус, пока еще был запас времени, он ответил, что дважды запрашивал разрешение на отход у своих армейских начальников. (Никто на той стороне не может действовать по собственной инициативе; они должны запрашивать разрешение у вышестоящих.) Его армия оставила оба запроса без ответа и отправила посыльного назад. Так высшее командование бежит от ответственности! В результате русский 63-й корпус остался в Гомеле и был потерян. Похожим образом и здесь несколько дивизий застряли на полностью потерявшей смысл позиции и были пленены. У людей на той стороне

есть выбор: быть убитыми по приговору военного трибунала, быть убитыми комиссаром или быть убитыми немцами. Комиссары каждый день часами твердят бойцам, что мы не только гарантированно их расстреляем, но и сначала будем их пытать. Вот поэтому русский солдат и защищает себя столь яростно, потому что от нас он ждет еще более лютой смерти. Этот примитивный народец все-му верит.

Помимо прочего, пленные убеждены, что Россия будет продолжать войну, даже если мы дойдем до Волги. По их словам, для большевизма это вопрос жизни и смерти и о компромиссе не может идти речи. Людей достаточно. И это правда: на оккупированных нами территориях мы видели только стариков, женщин и детей. Всех мужчин забрали, и они стали либо солдатами, либо заводскими рабочими. Я также убежден, что их жестокий вождь пойдет на всё, чтобы устоять. Они в особенности надеются на зиму, которая нас задержит, а русским даст время и возможность для реорганизации. Логический вывод для нас: прежде чем дороги станут непроходимыми, следует ударить по русским с такой силой, чтобы их войска по-прежнему оставались измородованными, а реорганизация из-за новых потерь стала бы как минимум трудной. Я бы хотел думать, что это удастся. Состояние вражеской армии и зачастую странные упущения их командования дают основания для надежды. Тем паче, если мы сможем в больших масштабах вывести из строя оборонную промышленность, — что вовсе не является невозможным.

Мы уже две недели находимся на территории северной Украины, неподалеку от Киева. На карте она отделена от Белоруссии настоящей границей, на местности тем, что уничтожены почти все связывавшие их пути сообщения. Осталось лишь несколько больших дорог, мосты на более мелких разломаны в прямом смысле слова. Погода еще теплая, дороги наконец утрамбованные, так как белорусский песок уступил украинскому глинозему. Люди лучше одеты. Неделями мы наблюдали лишь босоногих женщин, а здесь они носят высокие сапоги. Деревни как минимум два километра в диаметре, иногда даже от 8 до 10 километров в длину. Вокруг них — табачные и подсолнучовые поля (еще одно убежище, в котором любят прятаться русские солдаты). Все жуют семечки подсолнуха,

жуем и мы. Кстати, как и везде, начиная с германской границы, в наличии большие стада скота. Свиньи как домашние животные свободно бегают по улицам и в домах, часто они заражены трихинеллезом. В зерновых недостатка нет, хотя по нашим меркам земля обрабатывается плохо.

Так что мы надеемся, что в следующем году сможем добыть достаточно провианта с завоеванных территорий. Сейчас купаемся в меде, который тут в изобилии. Куры и целые стаи гусей бродят за деревнями. У колхозной системы есть, на мой взгляд, преимущество: у деревень большие поля как в поместьях, а не малые земельные наделы у отдельных крестьян. Для пропитания населения первое более эффективно. Но как только мы занимаем деревню, первое, о чем нас спрашивают деревенские: «Когда мы получим назад отобранную у нас землю?»

Кроме того, всё здесь находится в ужасном и запущенном состоянии. Каждый пытается жить как можно беднее, чтобы не быть осужденным или расстрелянным как собственник. Соответственно, дома и квартиры по большей части в неопишемом состоянии. Крестьянин, что не присоединился к колхозу, а хочет работать сам по себе (это возможно лишь с очень маленьким участком земли, таким, с которого удастся прокормить только одну корову), не получает от общины соломы для своей крыши и древесины для починки своих строений и обкладывается разнообразными налогами так, чтобы принудить его к вступлению в колхоз. Это приводит к горькой нищете. Однако куда хуже страх перед партией, в котором живут люди. Никто не осмеливается сделать что-либо по собственной воле, а ждет приказа, чтобы не нарушить какие-то правила. Так вот — «по приказу» у них начинался сенокос вне зависимости от погоды. Нетрудно представить, какой урон нанесло сельскому хозяйству такое бюрократическое регулирование. Лишь одна вещь хороша в России — школьные здания. Большие, светлые, просторные и чистые без исключений. Даже в самой маленькой деревушке школа хорошо оснащена материалами для преподавания физики. Мы квартируем только в школьных зданиях, потому что это самое лучшее размещение из возможных.

Кстати, недавно мы были в деревне Седнев на реке Снов, прежде огромном поместье казацкого гетмана — ка-

жется, по имени Косоебов⁶⁶, — которому принадлежало 240 000 моргенов [150 000 акров] земли. Теперь замок совершенно пуст, разрушен и разорен. Родившийся на Украине приват-доцент из Кёнигсберга по имени Бейтельсбахер⁶⁷, сейчас лейтенант в нашем разведотделе, был тут в детстве с родителями, описал мне богатства этого дворца, его прекрасный парк (сейчас непролазная чаща), его библиотеку с ценнейшими рукописями и рассказал о здешней грандиозной жизни в старые времена. От этого ничего не осталось. Лишь одна старая 400-летняя липа еще стоит, вся скрюченная, по соседству с бюстом национального украинского поэта⁶⁸, который жил 250 лет назад в семье гетмана. Наши солдаты отбили ему голову. Они решили, что это Сталин!

Запись в дневнике, [Хотиновка⁶⁹] 13 сентября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] Чернигов, который мы вчера посетили, вероятно, наиболее сильно разрушенный город. Буквально всё лежит в руинах. Осталось лишь несколько церквей, но внутри них всё полностью уничтожено. Разрушения городов в этой войне на Востоке можно сравнить, быть может, лишь с Тридцатилетней войной.

Генерал-полковник фон Шоберт⁷⁰ наехал на мину и погиб. Его сменил Манштейн⁷¹. Шоберт был человеком

⁶⁶ Речь идет об усадьбе Лизогубов.

⁶⁷ Этот лейтенант Бейтельсбахер, переводчик в отделе Ic (разведка, контрразведка), очевидно, то же лицо, что и доктор Ханс Бейтельшпахер (род. в 1905 г. в Одессе), специалист по сельскому хозяйству (почвовед) и сотрудник университета в Кёнигсберге. Благодарю за указание на это Игоря Петрова (Мюнхен). Примеч. рус. ред.: более подробно о биографии Бейтельшпахера см.: «Не вешайте партизан прямо под окном!», или Между спектроскопией и веревкой. URL: <http://labas.livejournal.com/1094597.html> (дата доступа 01.05.2018).

⁶⁸ Тарас Шевченко (1814–1861).

⁶⁹ К юго-востоку от Чернигова.

⁷⁰ «Физелер-шторх» командующего 11-й армией Шоберта 12 сентября 1941 г. неподалеку от Киева приземлился на мину.

⁷¹ Эрих фон Левински, известен как Манштейн (1887–1973), — генерал пехоты, с марта по сентябрь 1941 г. командующий LVI армейским корпусом, с сентября 1941 г. по ноябрь 1942 г. командующий 11-й армией, с ноября 1942 г. по февраль

небольшого ума, весьма амбициозным, тщеславным, но и очень храбрым.

Письмо жене, [Хотиновка] 15 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 100f.

[...] Я получаю от тебя столь редкие и запоздалые письма. Все остальные получают информацию гораздо быстрее меня. И ты никогда не пишешь, как дела дома. Я буквально чувствую, что сзади меня безвоздушное пространство. [...] На самом деле: твое последнее письмо еще от 16 августа. А от Хартмута я получил уже письмо от 28 августа. Не отправился ли он теперь уже в Россию? Я был вообще-то очень рад, что он дома. Ведь осенью нам предстоят тяжелые сражения, и решающая битва еще впереди. Определенно, русский весьма ослаблен. Но последний сильный удар, который, хочется надеяться, его совсем свалит, еще не нанесен. Тем не менее я не верю, что Россия сдастся до наступления этой зимы, даже если в решающей битве мы одержим победу. Страна так огромна, людей так много, и, кроме того, пока они возлагают надежды на помощь Америки и Англии. Обе страны сделают всё, что в их силах, для поддержки этого союзника, который оказывает им важнейшую помощь. Русский удерживает весь германский вермахт и наносит ему существенный урон — его лучшим частям. Ты бы видела, как устали и вымотались наши войска. Три месяца невиданных боев и утомительных маршей не прошли бесследно. Мы не можем надеяться на окончание этой кампании и отпуск осенью — тебе это должно быть ясно. Бои в России будут продолжаться до тех пор, пока погодные условия не вынудят их прекратить. [...] Я еще раз прошу тебя забрать из Мюнстера ценные вещи и перевезти их, возможно, в Барби. Сейчас я действительно вынашиваю мысль освободить квартиру в Мюнстере. Так как я очень боюсь, что Америка в обозримом будущем активно вступит в войну и тогда длинными ночами налеты на Вестфалию участвятся и усилятся. [...]

1943 г. командующий группой армий «Дон», с февраля 1943 г. по март 1944 г. командующий группой армий Юг (в чине генерал-фельдмаршала).

Отчет семье, [Хотиновка] 15 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 99f. Ms.

Мы почти окружили русских. Всем, кто попал в огромный мешок западнее Киева, придется в это поверить. Совершенно непонятно, почему русский оставил на Украине свои войска стоять так, что это должно привести к их пленению. Теперь кольцо медленно сжимается. Через восемь дней можно ждать специального официального сообщения о вновь достигнутом огромном успехе. Кроме военного этот успех имеет, вероятно, и большое экономическое значение, поскольку обширные пространства Украины — наиболее плодородной части России — попадут в наши руки. Наш переводчик [Бейтельшпахер] утверждает, что Украина может прокормить всю Европу. Без нее в России наступит голод. Меня это устраивает. В целом эти победы являются результатом наших сражений начиная с 4 августа, когда мой корпус пошел в наступление южнее Бобруйска. Это были первые шаги к тому, что завершается сегодня. Сейчас мы находимся глубоко в тылу самой южной русской армейской группировки. Мы уже сражаемся за те единственные дороги, по которым она могла бы отступать. Пока я пишу эти строки, слышу в комнате непрерывный гул артиллерийских орудий. Враг упорно сопротивляется. Однако медленно, но верно ему приходится оставлять одну позицию за другой, и так, пока ему не придет конец.

Завершающие бои мы здесь вести уже не будем. После того как мы начали и наполовину завершили окружение, нас выводят и задействуют где-то в другом месте. Нас это не радует. Мы хотели бы закончить то, что готовилось в многомесячных боях. Киевский котел стал бы кульминацией этих усилий. Кроме того, каждый из нас охотнее остался бы тут на юге, вместо того чтобы перебираться в холодные области. [...] И мы боимся, что там будет куда как неуютнее, чем здесь, поскольку для середины сентября тут стоит вполне сносная погода. Ночи становятся холоднее, но днем может быть по-настоящему жарко. Вся местность здесь значительно чище, дружелюбнее и лучше застроена, чем в неприветливой Белоруссии. [...] Вопреки южному характеру местности, люди уже сейчас кутаются так, как будто на дворе Рождество. Женщины обматывают вокруг головы плотные шерстяные шали и выглядят как люди, страдающие от зубной боли. Старики и подростки —

других мужчин нет — носят меховые шапки и ватники. Мы бы в них померли от жары. Церкви на Украине всё еще увенчаны крестами; в некоторых отдаленных уголках даже внутреннее убранство сохранилось. В целом кажется, что большевизация страны не была настолько интенсивной и всеобъемлющей как в остальной России, и сохранилась еще некоторая самобытность. [...]

17 сентября 1941 г., еще до разгрома котла 25 сентября (665 000 пленных, 884 танка, 3436 орудий), XXXXIII армейский корпус был выведен из боев под Киевом. Ему дали несколько дней отдыха в Чернигове, прежде чем 23 сентября направили в район к юго-востоку от Рославля, где он участвовал в подготовке большого наступления на Москву.

Письмо жене, [Чернигов] 17 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 103

Ты доставила мне большую неприятность. Вчера вернулся Бальцен. Он должен был забрать в Мюнстере тулуп от моей старой формы. Но ты увезла его во Фрайбург, и я сижу тут без тулупа. При этом сегодня было впервые по-осеннему холодно, все мерзнут. Никогда бы не подумал, что на широте Киева так рано начинается осень. Но это так. Теперь мне совершенно неясно, как мой тулуп может попасть ко мне. А мы к тому же отправляемся на 350 километров севернее, где будет гораздо неуютнее. [...]

Отчет семье, [Чернигов] 19 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 104–106f. Ms.

Наша боевая деятельность на Украине закончилась раньше, чем мы думали. Разгром под Киевом состоялся. [...] В целом это означает, что в русском фронте зияет дыра в 400 километров шириной и 200 километров глубиной. Заткнуть ее новыми соединениями, чтобы защитить лежащий к востоку промышленный район у Харькова, будет трудно даже русскому командованию с его огромными людскими ресурсами. Таким образом, достигнутые в эти дни результаты обретают решающее для хода войны значение. [...]

Сейчас сидим в Чернигове, в русских казармах, с потолка которых по ночам на нас подобно «Штукам»⁷² пикируют клопы. После того как мы начиная с 22 июня находились в непрерывном напряжении, мы чувствуем себя здесь как в отпуске.

Чернигов, в котором раньше жило 150 000 человек, был городом, полным достопримечательностей. А теперь это буквально груды развалин. Объем разрушений в русских городах выходит за рамки всего, что мы знали или видели до того. В самом городе осталось лишь несколько зданий, по воле случая лишь поврежденных, но не разрушенных, да еще бедные деревянные избушки по окраинам. В остальном город представляет собой дымящуюся грудку развалин, из которых торчат руины построенных сотни лет назад церквей, чьи двухметровые стены выдержали даже попадание современных снарядов. Но зато они полностью выгорели. Там, где этого не случилось, они настолько обветшали, опустошены и загажены за время большевизма, что с отвращением отводишь взгляд. А ведь говорят, что когда-то эти церкви были просто прекрасны. Среди них есть несколько таких, которые стали бы достопримечательностями и в Германии благодаря дикому разгулу барокко, размеру и особенной красоте. Чернигов был местом паломничества, здесь хранилась особенно чудодейственная икона Богородицы. Из подвала почти полностью сгоревшего музея я смог спасти 25 картин. Мы заняты спасением единственного сохранившегося в соборе иконостаса, чьи резные деревянные, с обилием позолоты дверцы понуждают моего графа Моя ко всё новым паломничествам в собор.

Из-за большевизма, а также из-за войны уровень разрушений в городах в этой стране с лихвой превосходит Тридцатилетнюю войну. В сельской местности, с другой стороны, влияние войны малозаметно уже по прошествии всего лишь пары дней. Не важно, как сильно обстреливались деревни и сколько бедняцких изб было при этом разрушено, не важно, сколько телят, кур и трихинеллезных поросят было съедено, — в целом картина местности меняется несильно. Лишь обращая внимание на детали или

⁷² Примеч. рус. ред.: от нем. *Sturzkampfflugzeug* (сокр. *Stuka*) — пикирующий бомбардировщик «Юнкерс» Ю-87. Устрашающая сирена этой боевой машины, активируемая при атаке, стала одним из символов Второй мировой войны в популярной культуре.

человеческие судьбы, можно осознать разрушительную силу войны. Наверное, об этом в будущем напишут книги.

Города почти совсем покинуты. В деревнях остались лишь женщины, дети и старики. Все остальные бродят по исполинским просторам России, оторванные от своего дома. Согласно показаниям пленных, железнодорожные станции забиты толпами людей, и они молят солдат о куске хлеба. Я думаю, что количество смертей из-за болезни и перенапряжения среди этих оторванных от дома людей настолько же велико, как и потери на поле боя. Быть может, эта ситуация, наравне с военным поражением, однажды создаст оппозицию существующей в России системе управления. Однако, как я уже говорил раньше, пока что никаких признаков этого нет. Советов повсюду очень страшатся, их террор так беспощаден, что никто не осмеливается и пикнуть. Помимо этого, немалая часть молодежи — убежденные коммунисты, которые считают, что такие методы необходимы для управления столь примитивным народом, как русский. Так что нам придется оказывать на них долговременное и значительное давление, пока ситуация внутри России не станет настолько невыносимой, что парализует любое сопротивление. Потеря Украины, угроза потери промышленного района вокруг Харькова, нейтрализация Петербурга — вот шаги на этом пути. [...]

Теперь, когда лето закончилось и больше нельзя искупаться, нашествие вшей приобретает масштабы, изнурявшие нас еще во время [Первой] мировой войны. И мы снова дошли до того, что пехота частично полностью завшивела, так как пехотинцы наиболее вымотаны и наименее защищены против вшей. Мы используем нынешний отдых для того, чтобы по возможности противодействовать этому. Наша железная дорога, которая на удивление — без расписания, блокировочной системы и иногда с пересадками — везет прямо сюда, дает нам несколько дней на прожарку от вшей, пока войска не отправятся дальше.

В настоящий момент отпускаем домой всех русских пленных из захваченных западных территорий⁷³. Они там

⁷³ Согласно приказу Верховного командования сухопутных войск (ОКХ), уже 24 июля 1941 г. планировалось освобождение пленных фольксдойчей (этнических немцев), украинцев, литовцев, латышей и эстонцев. В последующие месяцы в этот список были также включены белорусы. Этот приказ использовался командованиями армий, чтобы прежде всего обеспечить уборку урожая.

очень нужны, так как на селе не хватает рабочих рук. Это еще, вероятно, и подготовка к созданию новых государств-сателлитов. Британцы как-то предположили, что мы создадим независимую Украину, так же как и Белоруссию с Прибалтикой. Теперь мы достаточно продвинулись, чтобы постепенно перейти к осуществлению этого.

Через пару дней наш отдых закончится. Впереди новые боевые действия. Мы твердо надеемся, что они не будут отличаться от прежних.

Письмо жене, [Чернигов] 20 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 107

Завтра уходит в Германию машина, которая должна привезти теплые вещи. В переданном с курьерским самолетом письме я уже просил тебя отправить мне тулуп от старой униформы, теплые кальсоны и носки, наушники и пару теплых перчаток. [...]

Фюрер позавчера наградил меня Рыцарским крестом⁷⁴. Командующий армией [Вейхс], рядом с которым мы располагались в Чернигове, внезапно пригласил меня и начальника штаба⁷⁵ на ужин и вручил мне его. Я был чрезвычайно поражен. Я действительно этого не ожидал. Да, мы верно внесли свой вклад, и даже решающий. Но награды я не ожидал. Я счастлив тому, что эта новость особенно обрадует Хартмута. Мне самому было бы приятнее, если бы меня в обосновании не так расхваливали. [...]

Примеч. рус. ред.: приказ генерал-квартирмейстера № 11/4590 вышел 25 июля 1941 г., однако распоряжением Верховного командования вермахта (ОКВ) № 3900 от 13 ноября 1941 г. действие этого приказа было приостановлено. Всего в этот период было освобождено 318 770 человек, из них в зоне ОКХ — 292 702, в зоне ОКВ — 26 068. В общем числе освобожденных был 277 161 украинец. См.: Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / под ред. Г. Ф. Кривошеева, В. М. Андронникова, П. Д. Бурикова, В. В. Гуркина. М.: Вече, 2010. С. 320–321.

⁷⁴ 18 сентября 1941 г. Хейнрици получил Рыцарский крест за то, что 10 августа 1941 г. переправил свой корпус через Березину, а днем позже — в надувных лодках через Днепр, в авангард пехоты, которая вышла на железнодорожную линию Гомель–Жлобин и тем самым способствовала возникновению Гомельского котла.

⁷⁵ Фридрих Шульц (1897–1976) — полковник, с апреля 1940 г. по май 1942 г. начальник штаба XXXXIII армейского корпуса.

Письмо жене, [Чернигов] 22 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 108

[...] Вчера в отчете о действиях вермахта говорилось о числе пленных, взятых армией Рейхенау⁷⁶. Наша армия упомянута не была. При этом именно мы вытянули Рейхенау из трясины, в которой он завяз на 6 недель, не имея возможности даже пошевелиться. Лишь действия нашей армии и, кроме того, танков создали условия для киевского котла. Но в тот момент, когда котел захлопнулся, нас вывели, и трофеями, которые добыли мы, хвастались другие. Это несколько портит настроение, особенно солдатам. Говорят, что нас не назвали, чтобы сохранить военную тайну. Мне жаль нашего командующего армией фон Вейхса, человека спокойного, но крайне порядочного. [...]

**Запись в дневнике, [около Кричева]
24 сентября 1941 г.**

BArch. N 265/11

Четыре года назад умер мой отец. Как много всего произошло с тех пор! Кажется, что этот печальный день был давным-давно. И чем закончится война?

Решающий час еще не пробил. В верхах сильно просчитались насчет России. Мы можем надеяться лишь на то, что грядущие события пойдут так, что можно будет сказать: Россия практически нейтрализована. Однако даже в этом случае не стоит питать иллюзий, что внутрироссийская ситуация изменится и страна выйдет из войны. Британия точно пришла в себя за это лето. Америке не терпится вступить в войну. Кульминация войны еще впереди. Это значит, что всё затянется.

Мы сегодня на фабрике под Кричевом. Погода была прекрасна, но, несмотря на солнце, жарко не было. Ночью, похоже, будут заморозки.

⁷⁶ Вальтер фон Рейхенау (1884–1942) — генерал-фельдмаршал, с октября 1939 г. по январь 1942 г. командующий 6-й армией, с декабря 1941 г. по январь 1942 г. командующий группой армий «Юг».

Письмо жене, [около Кричева] 24 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 109

Мы переместились на 250 километров севернее, но всё еще не достигли нашего нового участка фронта. Нет больше ни полей с табаком, ни полей с подсолнухами, сплошная картошка. Говорят, что в районе, в который мы прибудем, — лучшие волчьи угодья во всей европейской России. Из этого ясно, что за лесами и болотами опять нас ждут, а отсюда и все сопутствующие проблемы в плане боевых действий и передвижения! [...]

Поскольку под Киевом южная армейская группировка русских была практически разбита — что заслуга не Рейхенау, а нашей армии, и в особенности моего корпуса, — грядущие операции будут иметь особое значение для дальнейшего развития событий на Востоке. Чем успешнее они будут, тем лучше, тем с меньшими силами русский сможет выступить следующей весной. Никто из тех, кто узнал Россию, не хочет и в следующем году воевать тут так, как в нынешнем. Каждому немцу, столкнувшемуся с большевизмом, его уже хватило.

Война остается в том же подвешенном состоянии. Если Америка в нее вступит — что практически уже произошло, — появится новый враг, способный поддержать Британию как минимум с помощью авиации и флота. [...]

Запись в дневнике, [Клинцы] 25 сентября 1941 г.

BArch. N 265/11

Летал на «Шторхе» в Клинцы, в расположение армии, 50 минут. Пролетал над бронепоездом, который был полностью разбомблен люфтваффе. Клинцы — полностью сохранившийся город с населением в 40 000 человек, первый целый город, что мы видели, начиная от немецкой границы. Бывает же такое. Старая, украшенная живописными иконами деревянная церковь, а перед ней — торговые ряды. Население счастливо и благодарно за то, что они снова могут ходить в свою церковь. К сожалению, мы не понимаем, что это можно использовать в нашу пользу, помогая им приводить церкви в порядок. После обеда — совещание в штабе армии о грядущей операции, в ходе

которой нам поставлена задача защищать фланг в омерзительной местности. Непролазные чащи. [...]

Запись в дневнике, [Чет] 26 сентября 1941 г.

BArch. N 265/11

Обратный полет. Из-за дождя и предосторожности — через Кричев, не на предусмотренный аэродром южнее Рославля, а на другой, прямо у города. Погода холодная и капризная. Из-за многочисленных русских истребителей меня посадили не в «Шторх», а в «Вайхе»⁷⁷. Через полтора часа прибыл на место. За это время предусмотренный прежде аэродром подвергся русской бомбардировке, приземлявшийся там «Шторх» задел задними колесами упавшую бомбу и потерял весь хвост. Пассажиры не пострадали. Встречаю в Рославле генерал-полковника Гёпнера⁷⁸, моего старого товарища по военной академии, который дружески меня принимает и рассказывает об упорном сопротивлении русских под Петербургом. Наконец, добираюсь на его штабной машине через Рябчи в Чет, где мы размещаемся в убогих избах на месте ушедшей 44-й дивизии. Все деревни в этой местности — самые нищие из всего, нами виденного. Суровый холодный ветер, серые облака, первые предвестники русской зимы. [...]

Запись в дневнике, [Чет] 27 сентября 1941 г.

BArch. N 265/11

Утром и до обеда три сильных авианалета не так далеко от нас к северу. Всё дрожит и шатается от взрывов. Неудивительно: 17-я дивизия, а за ней 260-я выдвигаются по шоссе Брянск–Рославль из Пуклино в пределах видимости противника, в отдельных местах в прямой видимости. Его тяжелая артиллерия стреляет по шоссе. Удиви-

⁷⁷ «Вайхе» (Фокке-Вульф Fw 58) — легкий двухмоторный учебный, транспортный и разведывательный самолет.

⁷⁸ Эрих Гёпнер (1886–1944, казнен) — генерал-полковник, с февраля 1941 г. по январь 1942 г. командующий 4-й танковой группой.

тельно, что он ограничивается отдельными залпами. В любом случае о скрытом передвижении, даже в самом общем смысле, речи не идет. Перехваченные русские радиопереговоры, в которых они просят подкрепления, так как предстоит нападение немцев, ясно показывают нам, что они не слепы. Причина нашего пренебрежения маскировкой в данном случае — нехватка времени. Наши дивизии в последний момент подходят с юго-запада, так сказать, с языком на плече. Операция должна начаться как можно раньше, так как приближается зима. И всё-таки с помощью небольших обходов выдвижение можно было замаскировать лучше. Но так как это не мои дивизии, я не могу на них повлиять.

Мы гадаем так и сяк, примет ли русская армейская группировка Тимошенко⁷⁹ бой или отступит. Общая ситуация требует последнего. После того как под Киевом во фронте пробита такая дыра, они не могут оставаться на месте, не беспокоясь за свой левый фланг. С другой стороны, далекое отступление означает для них потерю Московской области и находящейся в ней военной промышленности. Московская область, равно как Харьков и Донецкий бассейн, сейчас под угрозой. Это дальнейшее следствие битв под Гомелем и под Киевом! Но боевая активность на нашем участке не свидетельствует о намерении отступить. Русский усердно палит и засылает разведгруппы.

Отчет семье, [Чет] 29 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 110f. Ms.

Между тем по ночам начались заморозки. Даже днем по ощущениям редко теплее 4–5°. Вечно серое небо висит над землей, и холодный ветер задувает в полях. Знатоки погоды утверждают, что это продлится до конца октября, потом до середины ноября будут лить дожди, потом реки замерзнут и растают в конце апреля. Хорошенькая перспектива!

⁷⁹ Семен Константинович Тимошенко (1895–1970) — маршал, с сентября 1941 г. по июль 1942 г. командующий советским Юго-Западным фронтом.

Вы дома даже представить себе не можете, что такое жить днем и ночью в чистом поле, как это делают пехотинцы. И они всё еще носят летний комплект униформы вместо зимнего обмундирования. Возницы уже надели свои овчинные тулупы. Очень странный пошив: плотно облегающий до талии, а ниже идет колоколообразная часть в складку. Всё овечьим мехом наружу. Все женщины укрыли головы плотными шальями и выглядят так, будто у них зубы болят. На икры они наматывают фланельку или войлок, на ногах у них обувь из лыка. Они слегка похожи на эскимосов!

Вот это всё и называется Великороссией. Вот мы где. Перед нами безбрежные леса. Говорят, волки тут вроде домашних животных. Ходит слух, что кого-то уже укусила бешеная волчица. Такое тут вполне возможно, не только же вшам и клопам кусаться. О них уже и не говорят.

Мы не видели более убогих деревень, чем эти. Приземистые, они размазаны по лощинам. Все домишки из толстого бруса, даже внутри. Чувствуешь себя охотником на Диком Западе. Печь и место для приготовления пищи — это одна и та же штука, с большим отверстием по центру, в котором горят дрова. Угля нет, топят деревом. Печка такая здоровая, что почти перерезает комнату. Поскольку она стоит у продольной стены, то помещение делится ею на две маленькие каморки. В них стоят деревянные нары, на которых люди спят. Другое место для сна находится наверху печки, на высоте примерно полутора метров. Похоже, это почетное место для сна. Я так думаю, что когда ударит тридцатиградусный мороз, и мы туда заберемся.

[...] С полевой почтой одно расстройство. Говорят, что в Варшаве нашли 70 вагонов, доверху набитых письмами, которые никто не может рассортировать, так как не хватает рабочих рук. Чем глубже мы заходим в Россию, тем больше становится эта проблема.

Наступление на Москву, октябрь–ноябрь 1941 г.

Наступление группы армий «Центр» 2 октября 1941 г. должно было обеспечить прорыв к Москве. Операция «Тайфун» поначалу привела к победам немцев в битве за Вязьму и Брянск. Во время этой операции XXXXIII армейский корпус в составе 52-й и 131-й пехотных дивизий пересек реку Десна у Жуковки (северо-западнее Брянска), наступал на Жиздру и сформировал северный фланг брянского котла.

Письмо жене, [Чет] 29 сентября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 112

Мы накануне решающего сражения в России. Можно быть уверенным, что нас вновь ждет большой успех. Пока неясно, достигнет ли он тех масштабов, что были под Киевом. И всё же дальнейшее развитие общей ситуации на Востоке зависит от наших ближайших достижений. Говорят, что в Киеве ситуация не очень благоприятная, поскольку русские перед отходом оставили и спрятали огромное количество мин и взрывчатки, которая теперь взлетает на воздух⁸⁰. Такое ведение боевых действий, свидетелями которого мы являемся, не имеет ничего общего с войной в рамках приличий. [...]

Запись в дневнике, [Чет] 1 октября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] В своем превосходном приказе фюрер подчеркивает важность этого решающего сражения⁸¹. Скоро узнаем, под-

⁸⁰ После взятия немцами Киева 19 сентября 1941 г. многочисленные оставленные Красной армией мины были взорваны дистанционно или с помощью часового механизма. Немцы отреагировали кровопролитными репрессиями против «партизан и евреев». Убийство 33 771 евреев 29–30 сентября 1941 г. в Бабын Яру также именовалось «мерой возмездия».

⁸¹ Призыв Гитлера к «солдатам Восточного фронта» о «начале последней большой решающей битвы этого года» от 2 октября 1941 г. см. в: Domarus M. Hitler. Reden

ходит ли наш план под эти масштабы. Мы полагаем, что он слишком мелок и не выльется в чаемое окружение войск противника. Будет очень нехорошо, если существенной части русских удастся улизнуть. Тогда у них останется достаточно ресурсов, чтобы за зиму перестроить свою армию. Дай Бог, чтобы русскому не удалось улизнуть. Но сегодня вечером на нашем фронте поразительно спокойно.

Отчет семье, [Бытошь] 8 октября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 155f. Ms.

[...] Вновь нахожусь в школьном классе и пишу, сидя на школьной скамье. Снаружи — первый снег. Холодный осенний ветер обрывает листья с деревьев вокруг разрушенной церкви, что стоит напротив. Вокруг нее разбитые надгробья семьи, что раньше покровительствовала местной деревне. Вероятно, их поломали еще 23 года назад во время революции. И никто так и не озаботился убрать обломки. Имение, что когда-то было собственностью этой богатой семьи владельцев стекольного завода, было превращено в райком партии⁸². От него остались только дымоходы. Напротив всё еще дымятся руины фабрики, которую подожгли партизаны при подходе немцев. В сарае, до потолка набитом дровами, лежат остатки порубленного иконостаса, когда-то украшавшего церковь⁸³. Там же можно найти ошметки роскошных церковных книг и Библий, обтянутых

und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen: 4 Bde. Wiesbaden: Löwit, 1973. Bd. 2. S. 1756–1758. Гитлер оправдывал кампанию как превентивный удар со стороны Европы, как «совместную акцию по спасению ценнейшей европейской культуры». «Вся Европа была бы потеряна. Ведь на стороне врага сражаются не солдаты, а большей частью лишь бестии. Что ж, мои товарищи, вы сами своими глазами увидели “рай рабочих и крестьян” и познакомились с ним. В этой стране, которая благодаря своим размерам и плодородию могла бы прокормить весь мир, царит бедность, не представляемая для нас, немцев. Это результат почти 25-летнего жидовского владычества, большевизма, который в глубокой основе своей тождественен отвратительнейшей форме капитализма. Но носители этих идей в обоих случаях одни и те же: жида и жида».

⁸² Примеч. рус. ред.: скорее всего, речь идет о семье Мельниковых. Стекольный завод в 1911–1912 гг. построил последний из династии, Владимир, любивший проводить лето в поселке. В 1921 г. он эмигрировал во Францию.

⁸³ Примеч. рус. ред.: речь идет о церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

кожей и бархатом. Большевизм до основания уничтожил всё, что было прекрасного в этой безобразной стране. Немногое оставшееся уничтожает напоследок эта война.

2 октября своей атакой мы вновь застали врага врасплох. Мы не считали это возможным, учитывая наше открытое выдвижение. Русские не знали ни времени, ни направления атаки. В результате после прорыва вражеских линий целый корпус, включая мою собственную левофланговую дивизию, смог, не вступая в контакт с противником, два дня шагать вперед. Тем не менее до конца сражения еще далеко. Мы должны считаться с тем, что окруженный противник с отчаянной смелостью попытается вырваться из котла. Мы уже дважды видели, что это означает. Но в целом надо сказать, что противник уже повержен и что теперь он потеряет оставшееся ядро своей армии, которое должно защищать Москву. К концу месяца у него не останется ни его столицы, ни знаменитого промышленного региона в Донецком бассейне, а армия будет чудовищно ослаблена. Нелегко будет русскому восполнить эти потери. Но мы не можем предполагать, что война заканчивается. Пока что каждый военнопленный заявлял: «Да даже если вы отбросите нас к уральским горам, не будет мира между вами и нами. Большевик не может заключить мир с национал-социалистом. Соглашение невозможно. Да, мы сильно потрепаны, но не побеждены. Мы полагаемся на огромные пространства нашей страны и на наши гигантские человеческие ресурсы. И на помощь Англии и Америки».

Так что мы не знаем, как далеко придется еще пробивать себе путь в этой негостеприимной, покинутой Богом стране. Вновь вокруг нас лишь лес, болото и плохие дороги. Пока что, в первые дни наступления, погода была милостива. Но если польет дождь, то у нас будут большие проблемы с продвижением.

Для нас самих после двух дней непростых боев наступила некоторая пауза. Но завтра, самое позднее послезавтра, она закончится.

В остальном — не могу рассказать ничего существенного. Осенней простуды, которой переболели другие, я пока избежал. Желудок и пальцы не давали о себе знать, хотя я ежедневно пью кофе и порой ем жаркое из гуся. Лишь ржаной хлеб и гороховый суп я не переношу. Весь день я нахожусь на улице, а после заката работаю за своим

столом. Недавно меня 9 часов шатало и бросало в автомобиле по ужаснейшим дорогам. Мне казалось, что меня колесовали. Но слезами горю не поможешь, надо держаться. Другим приходится преодолевать еще большие трудности. Сегодня я видел, как возвращалась с задания разведгруппа. Господи, как выглядят эти люди, насколько измождены плетутся они домой, покрытые коркой грязи, заросшие бородами, кители измочалены, брюки порваны. Их даже трудно принять за солдат. Нет, война — дело нелегкое.

Запись в дневнике, [Людиново] 10 октября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] Чистое вечернее небо, примерно -5° . Опять отправил запрос о выдаче зимнего обмундирования. Наши солдаты всё еще носят свою летнюю униформу. Но командование группы армий приняло «принципиальное» решение, что подвоз боеприпасов и питания важнее, чем доставка одежды. На мой взгляд, «принципиальные» решения зачастую неверны. Несколько вагонов можно отправить всегда, и они принесут много пользы. В данной же ситуации ни один из нижестоящих командиров не посмеет нарушить «принципиальное» решение. Даже полевая почта больше не доставляется, хотя в некоторых составах идут пустые вагоны.

Еще до окончания окружения под Вязьмой и Брянском (18 и 20 октября, в общем 663 000 пленных) корпус Хейнрици выдвинулся на северо-восток к реке Оке, прошел через Сухиничи и Козельск и занял долину реки между Калугой, Лихвином и Белевым. Распутица, начавшаяся 16 октября, препятствовала продвижению и наконец остановила его. С 19 октября XXXXIII корпус подчинялся 2-й танковой армии Гудериана.

Письмо жене, [Сухиничи] 16 октября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 117f.

Сегодня наша 21-я годовщина свадьбы. Я в Сухиничах, жалком торговом городке северо-западнее Калуги. Весь день шел мокрый снег, из-за чего дороги превратились

в черное бездонное болото. Сегодня ехал по дороге на Козельск и видел длинную вереницу утонувших, застопорившихся и сломавшихся грузовиков, безнадежно застрявших. Примерно столько же дохлых лошадей валяются в грязи рядом с машинами. Мы тоже сегодня застряли из-за бездорожья.

Двадцать один год назад денек для нас выдался лучше. В то самое время, когда я это пишу, мы тогда добрались до Раушена, где нас приветствовала Марта. Сейчас наши дети уже выросли, а мы скоро станем стариками. Пусть Бог дарует нам возможность еще раз в мирное время отпраздновать годовщину свадьбы вместе с нашими детьми, как это было три года назад, когда к нам приехали бабушка и Гюльденфельдты⁸⁴. После всего, что за это время случилось, кажется, что тот вечер был ужасно давно.

Мы, то есть мой корпус, соорудили между тем новый котел. В четвертый раз за время этой кампании мы обогнали отходящего русского и отрезали ему пути к отступлению. Вражеская армия под Брянском попыталась прорваться в том месте, где стояли мы. Четыре утомительных дня кровопролитных битв мы оттесняли их участок за участком, пока они не оказались окруженными со всех сторон. 15 000 пленных и 102 орудия стали добычей корпуса в эти первые дни. Уничтожение котла, которое уже не представляло интереса, мы добровольно предложили другому корпусу, а сами двинулись на северо-запад. Русская армия частично трещит по швам. Тут и там заметны ясные признаки распада. Сегодня читал, что Лондон боится сепаратного мира между Россией и нами. Я и представить не могу, чтобы Гитлер согласился заключить мир с большевиками, — нет, только с иной системой, дружественной национал-социализму. — Только что услышал сообщение, что пала Одесса⁸⁵. Наша передовая дивизия стоит всего лишь в 73 километрах от Москвы! Думаю, что среди нас нет никого, кто бы не желал,

⁸⁴ Гейнц фон Гюльденфельдт (1899–1971) — полковник, с июня 1941 г. по май 1942 г. первый штабной офицер (Ia) главнокомандующего сухопутными силами. Он был хорошо знаком семье Хейнрици, с тех пор как служил в чине майора первым штабным офицером в 16-й пехотной дивизии в Мюнстере (1938–1939 гг.).

⁸⁵ Одесса была взята 4-й румынской армией 16 октября 1941 г. после двухмесячной осады.

чтобы тем самым эта война и наше пребывание в России кончились бы. Но никто не верит, что так произойдет. Любой, рассыпая воздушные поцелуи, покинул бы эту страну, в которой одни лишения, уродства и неслыханные трудности. Никто не представляет, через что тут проходит отдельный солдат, со всей здешней погодой, местностью, условиями жизни и испытаниями, что возлагает на него война. Лишь тот, кто сам испытал подобное, сможет понять, каково часами стоять в карауле в мокром снегу без теплой одежды (например, без перчаток), с мокрыми ногами, в лесу, где негде укрыться, но в котором прячется русский, в мороз, когда нет горячих напитков и нечем набить желудок. [...]

На сегодня прощай. Надеюсь, следующую годовщину отпразднуем дома и в мирной обстановке.

Запись в дневнике, [Козельск] 18 октября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] Особую трудность для нас представляет отсутствие пригодных карт. Так называемые старые русские карты настолько устарели, что почти всё в них неправильно. Там, где якобы лес, — сплошные поля, дороги всегда указаны неверно, и половина деревень отсутствует. Иногда удается захватить трофейные карты, и вот эти куда, куда лучше, чем наши немецкие масштаба 1:100 000, — они четкие, понятные и современные. Но на сегодня у нас их нет, поэтому мы наполовину слепы.

Ландшафт сильно изменился. Равнины сменились холмами, пейзаж довольно изменчивый. Гладкая глина еще более затрудняет любой подъем и спуск.

Запись в дневнике, [Козельск] 19 октября 1941 г.

BArch. N 265/11

Весь день льет дождь. Мы больше не получаем снабжения, так как всё вязнет. Даже командованию корпуса урезали хлебный паек. Мы нашли в городе муку и начинаем выпекать собственный хлеб на колхозной пекарне.

Теперь мы подчинены танковой группе Гудериана⁸⁶. Она стоит в Орле. Мы не очень рады своему уходу из 2-й армии, поскольку танкистам мы как пятое колесо. Учитывая сегодняшние условия и принимая во внимание расстояния, мы их просто не догоним.

2-й армии тоже жаль с нами расставаться. Когда я доложил о своем переподчинении по телефону, генерал-полковник [фон Вейхс] сердечно поблагодарил и отметил «великие свершения», которых достиг корпус. Еще мы не хотим уходить из 2-й армии, потому что она всегда наилучшим образом нас поддерживала. [...]

Отчет семье, [Козельск] 23 октября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 120–123f. Ms.

Пишу из козельских казарм⁸⁷. Я спокойно могу это сообщить, учитывая сегодняшние сроки доставки почты: пройдут недели, прежде чем письмо до вас дойдет. После того как сопротивление красных войск западнее и южнее Москвы было сломлено, на защиту России встала природа. Несколько дней назад начавшиеся в конце сентября постоянные заморозки в $-3-8^{\circ}$ с легким снегом превратились в дождь, что сильно ограничило нашу маневренность. К примеру, грузовику понадобилось 36 часов, чтобы преодолеть 35 километров. Все были в восторге, что он вообще доехал.

Большая часть колонн увязла в непролазной грязи, в болоте, в дорожных колеях, рытвины от снарядов в которых достигают полуметра и заполнены водой. Грузовики, и без того еле ехавшие, теперь сломались полностью (запчасти достать невозможно). Бензин, хлеб, овес — ничего не доезжает. Конные повозки тоже застряли, орудия невозможно доставить, весь личный состав, пехота или кто угодно, больше толкает машины, чем сражается. Дороги усеяны трупами лошадей и сломанными грузо-

⁸⁶ Гейнц Гудериан (1888–1954) — генерал-полковник, с ноября 1940 г. по октябрь 1941 г. командующий 2-й танковой группой, с октября по декабрь 1941 г. командующий 2-й танковой армией.

⁸⁷ Ср.: Gen.Kdo. XXXXIII A.K., Kriegstagebuch. Ia. 18.10.1941 (BArch. RH 23–43/8): «Весьма мило разместились в едва построенных новых русских казармах».

виками. Снова и снова слышны причитания: так не может продолжаться! И всё же придется продолжать, мы должны двигаться вперед, хотя бы медленно.

Повозки с лошадьми, спасавшие нас в [Первую] мировую войну, снова стали тем средством передвижения, на котором всё держится. Но покрыть 100 или 120 километров к станции снабжения и назад на этих лошадях — проблема практически неразрешимая, а значит, мы стоим перед лицом непреодолимых трудностей. Так что мы вполне рады, что со вчерашнего дня опять похолодало и стало ветренее. Надеемся, что хотя бы дороги подсушатся. Черчилль может занести себе в актив то, что мы потяряли 4 недели, ввязавшись в сербскую кампанию этой весной. Если бы у нас был этот месяц, мы бы уже были в Москве.

По контрасту с ландшафтом, который мы наблюдали прежде, местность под Калугой, куда мы только что прибыли, довольно переменчива и покрыта холмами высотой до 60 метров. Руслу рек и ручьев неподвижные, глубокие и являются причиной крутых склонов. Почва — тяжелый глинозем, частично чернозем, при дожде превращается в мыло. Население выглядит как эскимосы. Они носят валенки или обувь из лыка, обматывая икры войлоком, прячут тело под старомодными плотными коричневыми овчинными тулупами (защищает от осколков бомб), голову кутают в плотные шали, так что видны только глаза и нос. Свины и куры делят с ними их жалкое жилище. Спят они на печке. В избах полно клопов и вшей. «Ну и унылая же география!» — могу я воскликнуть хором с моим капитаном Г. из Вюртемберга.

Этот народ нельзя мерить нашими мерками! Я думаю, к нему можно относиться действительно сообразно лишь в том случае, если приплывешь сюда на корабле как на чужой континент, причем, едва подняв якорь в нашем порту, нужно порвать всякую связь с тем, что нам привычно. Но мы-то медленно ползем пешком! Снова и снова мне приходится спрашивать нашего нового переводчика [Бейтельшпахера], сына одесского фабриканта, а сейчас приват-доцента в Кёнигсберге: неужели в этой стране не было никого, кто противостоял бы этой инертности, этому равнодушию? И почему не было? И каждый раз слышу в ответ: русский совершенно пассивен, он делает, что ему приказывают. Когда его направляют и им управляют, он

работает охотно и отменно. Но по собственному почину, сам по себе, он не предпринимает ничего, свыкается с плачевнейшими условиями жизни и не чувствует малейшей потребности их изменить. Он лучше будет голодать и нищенствовать, чем, проявляя предприимчивость, позаботится о себе и возьмется за дело. Он — лишь бы только не работать — довольствуется одной парой обуви для всей семьи, которая при необходимости переходит от одного к другому. Зимой он слезает с печки лишь затем, чтобы прокопать тропу от дома к колодцу через полутораметровые сугробы. На этом его жажда свершений иссякает.

А ведь из этой земли можно добыть так бесконечно много. Сколько неиспользованной земли стоит без дела. Как малонаселены эти бесконечные просторы. Сколь неухожены и бесхозны леса. Лесопосадками тут вообще не занимаются. При необходимости рубят лес на дрова, а в том, вырастет ли на месте срубленного новый лес, — полагаются на волю природы. Тогда, сознавая сущность русского человека, спрашиваешь дальше: что же будет с этой страной в будущем? Верите ли вы в то, что русские вследствие военных поражений свергнут существующую систему? Получаешь ответ: нет, сами они не в состоянии это сделать. Нет никого, кто сподвиг бы их на это. Нам ничего не остается, кроме как создать им правительство на оккупированных территориях. Сами по себе они не любят большевизм. Слишком многие потеряли из-за большевиков своих родственников. Все живут в страхе и под постоянным гнетом слежки. Кроме того, крестьяне хотят, чтобы им вернули отобранную у них землю. Старики тоскуют по церкви (я сам видел в Чернигове, как одна старушка на коленях благодарила нас, что может снова посещать церковную службу). Остальным их экономическое положение кажется чересчур плохим. То есть друзей у большевизма в этой стране нет. И всё же изничтожить его своими силами Россия уже не может. — Но если нам придется создать на оккупированных территориях правительство, то что будет на неоккупированных? На этот вопрос ответа нет. Всё кончается известным пожиманием плеч и словом Nitschewo. Никто не знает, как всё устроится. В ставке фюрера, вероятно, есть планы на этот счет. У меня самого ясной картины будущего нет.

Русскую армию на среднем и южном участках фронта можно назвать практически разбитой. После того как

в битвах у Киева и на Азовском море разобрались с Буденным⁸⁸, похожее произошло сейчас в центре, в октябрьских сражениях под Брянском и Вязьмой. [...]

В своем поведении в ходе этих боев русский совершенно непредсказуем. Только что он сражался отважно как никогда — и вдруг снова разбредается по лесам и позволяет себя пленить. Я наталкивался на невооруженные русские отряды в 10–20 человек, которые хотели узнать только, куда же идти, чтобы сдаться в плен, и которые радостно благодарили, когда им указывали на ближайший город — Жиздру. Другие, желая сдаться, с поднятыми руками выбегали из леса, когда видели немца. Однажды они помогали нам, когда мы разворачивали трофейную батарею, чтобы стрелять по их же товарищам. Сотни из них работают возницами или шоферами в наших дивизиях. Почти во всех подразделениях русские солдаты, немного понимающие немецкий, используются как переводчики.

Недавно два лейтенанта-кавалериста во главе своего взвода в идеальном порядке и в полном вооружении перешли к нам и привезли две машины. Они сказали, что на русской стороне полный хаос, вся цепочка командования и система снабжения не работают (они ничего не ели четыре дня), что за приказом следует отменяющий его приказ, так что они больше не видят смысла сражаться. Сегодня к нам перешел капитан верхом на лошади и сказал, что недисциплинированность и хаос достигли такого масштаба, что он решил покинуть эту шайку-лейку. Значит, на той стороне действительно начинается кризис, большие потери в живой силе и снаряжении начинают давать о себе знать, что заставляет русских посылать на фронт необученных новобранцев, у которых нет ни солдатской воли, ни воспитания.

Наши самолеты сбрасывают пропагандистские листовки с так называемыми «пропусками» [в плен], которые у русских солдат очень ценятся, они их ищут и сохраняют. Они дерутся за них друг с другом, поскольку каждый из них надеется с его помощью добраться до нас и избежать пыток, которыми их стращали комиссары. Когда их берут в плен, они машут листовками или моментально достают

⁸⁸ Семен Михайлович Буденный (1883–1973) — маршал, до сентября 1941 г. командующий советским Юго-Западным и Южным фронтами на Украине.

их из своих карманов как доказательство того, что они всего лишь подневольные солдаты и что они не хотят сражаться против Германии. Но стоит отметить, что так не везде. На десятки тысяч плохих есть тысячи хороших красноармейцев, и они даже сейчас оказывают упорное, ожесточенное сопротивление и идут в контратаку — с этим вчера столкнулась одна из наших дивизий, события развивались для нас неудачно, и мы понесли тяжелые потери. По возможности до наступления зимы первейшей задачей является уничтожение сопротивляющихся остатков их войск, дабы предотвратить реорганизацию русской армии в зимние месяцы. Пока что выполнению этой задачи препятствуют сильные и неразбитые соединения на северном участке русского фронта. Кроме того, есть и сильная, хорошо вооруженная Дальневосточная армия под Владивостоком. Насколько ее там связывают японцы и останется ли она там, я не знаю. Таким образом, мы всё больше фокусируем свое внимание на предстоящей зиме, которую мы ждем с неприятным чувством. Повезло тем соединениям, которые выведут и перебросят куда-то еще. Это точно не про нас!

Письмо жене, [Козельск] 24 октября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 124

[...] Не ломай голову насчет рождественских подарков из Москвы. Пока что русский защищается с огромным ожесточением. Много крови прольется, пока мы туда дойдем, но мы ее возьмем.

Поглядим, может, пойдем напрямик в это коммунистическое гнездышко или позволим им вымереть от голода и холода, вместо того чтобы вести яростные уличные бои⁸⁹.

Слово «отпуск» в наших ушах звучит как нечто невозможное и немыслимое. Одно ясно каждому: пока об этом нечего и думать. Пока, до дальнейших распоряжений,

⁸⁹ Наученный опытом дистанционных взрывов в Киеве, Гитлер 7 октября 1941 г. дал принципиальный приказ не вводить войска в Москву, Ленинград и другие крупные города, а обходить их, герметически окружать и уничтожать бомбардировками.

идет война. Эта непредсказуемость и разъедает в итоге изнутри. Раньше все войны решались за одну такую кампанию. Почему сегодня всё должно тянуться годы!

Теплые вещи из Германии пока так и не прибыли. Мы ожидаем машину, если она, с учетом состояния дорог, вообще проедет, в ближайшие дни. Пока я обходился кожаным плащом и вязаной жилеткой и кое-как справился, так как в основном сижу в автомобиле. Но если из него выйти, ветер частенько свистит. Сейчас мы приказали изготовить для нас валенки и войлочные одеяла. Купить здесь вообще ничего нельзя. Всё разворовано, опустошено и полностью разрушено. К счастью, мы сумели запустить эту войлочную фабрику. [...]

Запись в дневнике, [Козельск] 25 октября 1941 г.

BArch. N 265/11

Полет в расположение армии в Юхнов при хорошей погоде. Фельдмаршал фон Клюге отдает должное нашим проблемам со снабжением. Я узнаю, что и 4-я армия испытывает большие трудности. Всё встало из-за осадков и дорог. Мы застряли недалеко от Москвы, нашей цели. Наконец-то достигли соотношения четыре немецких против одной русской дивизии. И не можем это использовать. Шоссе на Москву безнадежно забито: его предоставили 9-й и 4-й армиям. Теперь двум тыловым пехотным дивизиям поручено регулировать движение. При этом русский защищает-то только дороги. Между ними почти ничего не защищает. Но и мы тоже можем передвигаться лишь по дорогам. Ситуация крайне неудовлетворительна. Я сказал начальнику штаба полковнику Блюментритту⁹⁰: нам не хватает четырех недель сербской кампании. Да, ответил он, а к ним еще три недели, две июльские и одна августовская, которые мы потеряли, пока наши начальники выясняли, должна ли нашей следующей целью стать Москва или промышленный район Донецка⁹¹. Мы тогда упу-

⁹⁰ Гюнтер Блюментритт (1892–1967) — полковник, с октября 1940 г. по январь 1942 г. начальник штаба 4-й армии.

⁹¹ После длительных и мучительных разногласий с середины июля до середины августа 1941 г. Гитлер в итоге настоял на обоснованном стратегически и эконо-

стили недели наилучшей погоды. Тогда было приказано взять оперативную паузу. — Это правда, в те невеселые дни в Бобруйске у нас часто ходили разговоры насчет того, что верховное командование не знает, что предпринять. Фюрер хотел промышленность, Браухич хотел Москву. Наша битва за Гомель вынудила двигаться на юг, чего уже нельзя было изменить. Но даже и тогда у нас было ощущение, что верховное командование всё еще колебалось и развивало наступление лишь вполсилы и с недостаточными средствами. И нам пришлось пожинать плоды. А ведь все помыслы группы армий Бока были связаны с Москвой. Теперь она должна расплачиваться за свои ошибки. Погода не дает возможности для легкой победы. [...]

Письмо жене, [Лихвин] 27 октября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 119

[...] Мы потеряли всякую надежду. Весь наш подвоз застрял в грязи и бездорожье, в грузовиках нет бензина, у солдат нет хлеба, у лошадей нет овса. Зачастую солдаты даже не знают, где же застряли их грузовики. Так как изменения погоды ждать не приходится, наше продвижение будет очень медленным. У других частей с дорогами лучше, и им остается 60 километров до Москвы, скоро подойдут к воротам города. Во всяком случае, погода неожиданно вставила нам палку в колеса, что весьма неприятно для нас. Никто не рискнет и не сможет даже представить себе состояние здешних дорог. Жирная грязевая каша, сантиметров в 30–40, плывет по дороге, и когда едет машина или грузовик, то перед ними идет волна грязи, до тех пор пока транспорт не увязнет. На наших складах осталась лишь малая часть полагающихся нам запасов. В таких условиях ломается всё больше грузовиков. Наши хорошие пассажирские автомобили пришлось оставить за 60 километров в тылу, когда вчера меняли

мически переносе центра тяжести немецкого наступления на юг, на Украину, в противовес оперативно установленным целям командования сухопутных сил (Гальдер, Браухич) и группы армий «Центр» (Бок) на решающую битву под Москвой.

позицию. Мы всё время надеемся на улучшение погоды. Но чаще после того, как два дня моросит, на третий день льет как из ведра. [...]

Запись в дневнике, [Лихвин] 29 октября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] В танковой армии дела немногим лучше наших⁹². У них тоже большие проблемы со снабжением. В зависимости от ширины дороги «армия» сражается острием в 6 танков и 1 роту. Всё прочее стоит за ними на дороге на Тулу, частично уничтоженное и потонувшее в грязи.

Гудериан надеется, что мы, повернув на восток, откроем ему дорогу на Тулу. Но мы сами еле движемся. Моя главная просьба — дайте топлива. Но и танковая армия тоже может только «надеяться», а не «обещать». Так что визит был не особо удачным.

Перспективы в отношении войны в России? Гудериан боится того же, что и я: зимней спячки, которую русские будут часто и энергично прерывать, а на следующий год войны вроде той, что Япония ведет против Китая⁹³. [...]

Отчет семье, [Лихвин] 30 октября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 125f. Ms.

[...] Наш главный противник — погода. Несмотря на несколько погожих деньков, дороги так и не высохли. Поскольку грузовики проехать не могут, то у нас нет ни топлива, ни бензина, ни хлеба, ни кофе и так далее, и боеприпасы заканчиваются. У нас хватает мяса, капусты, даже картошки (хотя и не в избытке). Есть и зерно, но вот овес заканчивается. В целом же мы застряли вместе со всей

⁹² Ср. в воспоминаниях Гудериана: «Меня [29 октября] посетил командир XXXXIII армейского корпуса генерал Хейнрици, всегда отличавшийся своими трезвыми суждениями, и доложил, что его войска плохо снабжаются, а с 20 октября они даже перестали получать хлеб» (*Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten*. Heidelberg: Kurt Vowinckel, 1951. S. 222).

⁹³ С 1937 г. Япония вела против Китая необъявленную завоевательную войну и держала под своим контролем большие части страны, не сумев, однако, ее полностью покорить.

своей моторизованностью, так как отсутствует главная предпосылка для нее — твердые дороги. Природа победила технику. Нам очень повезло, что этого не произошло еще в конце сентября, когда мы начали уничтожать центральную группировку русских, однако какая ирония судьбы, что мы застряли прямо у ворот Москвы. Ближние к ней дивизии всего в 60 километрах от города, это три дня небольших переходов. Длань, так сказать, уже простерта над цитаделью коммунизма. У нас явное превосходство сил! И вот, десять дней назад бегун, что почти победил, застрял в грязи и не может вытащить из нее ноги!

Сколько потребуется усилий, труда, жертв, чтобы изменить положение! Когда видишь людей, стоящих у полузатонувшего грузовика, под серым небом, под холодным ветром, плюющим косым дождем, в грязи по голенища, шинель до пояса покрыта глиной, и они еще пытаются подкопаться под машину, срубают деревья и тащат поленья, которые нужно подложить под колеса, толкают, тянут, и всё впустую. Постепенно весь паек съеден, наступает ночь, люди ночуют в машинах при 0–2° тепла. На следующий день та же песня. Наконец продвигаешься на пять километров и снова увязаешь. Я думаю, что на родине войну представляют не так, такое в «Вохеншау» не показывают. Там рассказывают, что русские дороги непроходимы, но наши мотоциклисты преодолевают их! И кто-то пронесится через грязь, как будто это игра. Пару дней назад понадобилось 12 лошадей-тяжеловозов, чтобы мой двухприводный автомобиль «повышенной проходимости» вытащить на «улучшенную» дорогу! А сегодня мой водитель заявил: поездка невозможна, на нее уйдет 50 литров бензина, а у всего корпуса осталось лишь 80! Заголовок: «В быстром темпе на Москву!» [...]

К нашему удивлению, рядом с Лихвином обнаружили ферму по выращиванию серебряных лисиц. Наши солдаты уже пристрелили десяток этих ценных животных без всякой на то причины и смысла, так как мех сейчас непригоден для использования. Нам снова подтвердили, что в исполинских лесных массивах, по которым мы идем со 2 октября, — места обитания медведей, волков и лосей. Увы, ни одного из них мы не видели. Говорят, зимой волки и лоси покидают леса и уходят в долину реки Оки. Но к тому времени мы, будем надеяться, окажемся уже не здесь, а под Москвой.

Недавно беседовал с одним армейским командиром о том, что ждет нас впереди. Ну, сказал он, наверное, останемся здесь на зимнюю спячку, которую достаточно часто будут нарушать русские. Хорошо, ответил я, а следующей весной начнется война как в Китае. Там и сям будут возникать или появляться новые армии, которые придется уничтожать в рамках отдельной кампании. Так и будет, ответил он.

Запись в дневнике, [Лихвин] 1 ноября 1941 г.

BArch. N 265/11

Наша ситуация становится катастрофической. Благодаря моему постоянному нажиму железная дорога Сухиничи–Козельск–Лихвин наконец в таком состоянии, что по ней можно осторожно отправлять отдельные вагоны. Но в Сухиничах объявился новый комендант вокзала, который запрещает движение транспорта в нашем направлении. Моторизованные части дивизий разбросаны по местности, вплоть до глубокого тыла. Без топлива, без связи с другими, частично поломанные, они стоят вдоль дорог. 131-я дивизия пытается собрать их в нескольких местах. Другой дивизии и это не удастся. У нее нет вообще никакой связи со своими разведывательными и противотанковыми группами, она не знает, где ее обоз. Мы разгрузили машины одного полка и послали их из Белева в Болхов, где хранятся запасы. Но использование боевых машин для транспортного снабжения приводит к тому, что боевые соединения не движутся вперед. Два раза наши самолеты сбрасывали хлеб. Но толку-то от этой помощи. Капля в море. Что нам нужно, так это:

- 1) снабжение по железной дороге через Козельск,
- 2) продвижение моторизованные части,
- 3) топливо.

Мы ничего из этого не получим. Даже «Шторха» нам не дают. У нас никакой связи с дивизиями. Мы беспомощны, мы в тупике! В такой плохой ситуации мы еще не бывали. Погода вообще не меняется. Тепло и мокро. Тут надеешься на мороз, а на следующий день идет дождь. Так что дороги моментально становятся непролазными. Восемь дней уже сидим в этом чертовом гнездышке в компании с кло-

пами и мышами. Никакой надежды на улучшение снабжения. Снабжаем себя сами. Печем свой хлеб.

Войска больше всего тоскуют по питьевому рациону, который у них закончился, нет ни чая, ни кофе, и они вынуждены жить на супах. В остальном живут неплохо. Съедают всё, что находят вокруг. Но даже этого не хватает. Некоторые припасы совсем кончаются — овес, например.

И так мы сидим здесь: 31-я дивизия без машин и 131-я дивизия без снабжения, командование корпуса наполовину в Лихвине, наполовину в Козельске. А танковая армия кричит, что мы должны дрейфовать к Туле, где враг упорно обороняется двумя дивизиями. [...]

Запись в дневнике, [Лихвин] 2 ноября 1941 г.

BArch. N 265/11

Опять не дали «Шторх». Я должен ехать за 120 километров в 31-ю дивизию. Мне нездоровится. Так что в этот раз можно послать кого-нибудь помоложе. Я отправил майора Кнюппеля. Его поездка заняла 11 часов. Не понимаю, почему молодые должны всё время сидеть дома, а генералам надо кататься по 12 часов.

Вместо этого вечером посетил лазарет 131-й дивизии и видел жуткие картины. Гнилой воздух в помещениях, тяжелораненые солдаты лежат на соломе, один, которому вообще-то надо ампутировать ногу, с воспалением легких, у многих газовая флегмона. Слава Богу, сегодня у нас есть сыворотка, которая в [Первую] мировую войну еще не была изобретена⁹⁴. Тогда от этого все помирали. Я подбодрил ребят и поблагодарил их. Все они ждут возвращения на родину.

Лейтенант Бейтельшпахер прикончил в общей сумме 12 партизан, некоторых вчера в Лихвине, а некоторых сегодня поблизости отсюда. Никогда бы не подумал, что в этом маленьком незаметном человечке столько энергии. Он мстит за своего отца, за свою мать, за своих братьев и сестер, которых коммунизм или свел в могилу, или отправил в ссылку. Он — безжалостный мститель. Тем не

⁹⁴ Сульфонамидосодержащий антибиотик прontosил компании «Байер», вошедший в употребление в середине 1930-х гг., позволял эффективнее лечить раневые инфекции типа газовой гангрены.

менее под Лихвином два выходящих из окружения красноармейца пристрелили нашего солдата. Здесь по лесам шатается еще много такой публики вперемешку с партизанами. [...]

С 3 ноября дожди сменились кратковременным похолоданием, что позволило немцам снова вести наступательные операции, принявшие еще больший размах во второй половине месяца, но встретившие сопротивление вновь сформированных частей Красной армии. XXXXIII армейский корпус (теперь с 31-й и 131-й пехотными дивизиями) получил от 2-й танковой армии (Гудериан) приказ поддерживать наступление танковых частей (XXIV танковый корпус) на Тулу с северо-запада и двигаться от Калуги и Лихвина на Оке на Алексин и далее. Целью являлось соединиться с танками севернее Тулы, завершая окружение этого района, жизненно важного для обороны Москвы. Плохая погода и слабое снабжение, так же как и постепенное изнурение собственных войск в дополнение к ожесточенному сопротивлению противника, всё чаще переходящего в контратаку, затруднили и замедлили немецкое наступление.

Отчет семье, [Лихвин] 5 ноября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 127f. Ms.

Два дня назад погода поменялась. День ото дня холодает. Сегодня -5° . Болотистые дороги замерзают и превращаются в череду ухабов, что тоже не очень здорово для наших машин. Но в целом мобильность повысилась. Особо стоит отметить вчерашнее прибытие первого поезда со снабжением. [...]

В хорошую погоду город Лихвин предстает в куда более радужном свете, чем до того. Он раскинулся на крутом западном берегу реки Оки, возвышаясь где-то на 30–40 метров над рекой, что смотрится не столь уж некрасиво. Глубокие глиняные балки окружают город со всех сторон, как будто замок на горе. С торговой площади открывается вид на долину Оки, километра четыре в ширину. Воздух кристально чистый. Всё вокруг окрашено в коричневый. Коричневый — главный здешний цвет, включая и русскую униформу. Территория вокруг Лихвина очень плодородна, так как почва состоит из жирного глинозема. Но поскольку крестьяне вынуждены были всё отдавать, они всё равно нищие. Неподалеку от города находятся угольные копи,

которые, похоже, только недавно были разработаны. Еще здесь построили завод по производству снарядов. Мы там захватили множество болванок и 15000 литров бензина и топлива. К сожалению, русский бензин не годится для наших автомашин.

В здешней местности полно партизан. Большевистское правительство приказало всем членам партии остаться в нашем тылу, чтобы вести партизанскую борьбу. Они уничтожают складские запасы — в Лихвине они спалили запас кожи стоимостью восемь миллионов марок — и совершают налеты, увы, раз за разом успешные. Прежде всего они нападают на маленькие реквизиционные отряды, которые рассылаются войсками по округе, чтобы добыть провиант. Днем партизаны прячутся в лесах и оврагах в своих убежищах, а по ночам ходят в деревни за съестным. Наш русский переводчик с огромным рвением взялся за борьбу с ними. Население не раз уже информировало нас о партизанах, так как боится притеснений с их стороны. Только с помощью крестьян и можно схватить партизан. Переводчику за истекшие три дня удалось поймать и прикончить 15, среди них нескольких женщин. Партизаны клятвенно верны друг другу. Они позволяют себя расстрелять, но не выдают товарищей. Они знают, что их уничтожат без сантиментов, и всё же держат язык за зубами и утверждают, что ничего не знают. У них настоящие хомячьи закрома. Три дня назад в одном из тайников мы нашли три центнера (!) меда, не говоря уже об одежде, мясе и запасе муки. Помимо партизан, тут слоняется немало красноармейцев, оставшихся в нашем тылу после боев, часть из них вооружена, часть безоружна, многие из них помогают партизанам.

После улучшений в плане погоды и продвижения надеемся вновь продолжить наступление на Москву. Период осадков дал русским 14 дней для подтягивания войск и исправления ситуации. Мы должны быть готовы к тому, что нас ждут еще серьезные битвы. [...]

Письмо жене, [Лихвин] 6 ноября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 128

[...] Вчера снова ездил на лисиную ферму. Опять солдаты украли шесть самых больших лис. Помимо этого,

говорят, что Герман Геринг конфисковал все ценные меха с животных ферм. Это значит, что с голубой лисицей ничего не получится.

Отпуск на Рождество — большой знак вопроса! Не похоже на то в данный момент. Транспортное сообщение с Германией отвратительное, а во-вторых, никто не знает, как будет развиваться ситуация на фронте. Покамест конца-края боям не видать. А ведь мы стоим точно там, где понадобится в будущем для окружения Москвы с юго-востока. Наверняка нас ждут впереди самые неприятные задачи. [...]

Запись в дневнике, [Лихвин] 6 ноября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] Партизанская активность под Лихвином заметно растет. Бейтельшпахер только 6-го числа поймал 60 человек, из них 40 красноармейцев, 20 он сумел осудить и прикончить. Одного молодого парня они повесили в городе⁹⁵, то есть они освобождают полевых жандармов от этой безрадостной работы и сами ее выполняют. Бальцен с интересом наблюдал за зрелищем. Все впечатлены партизанской силой духа. Ни один ничего не выдает, все молчат и идут на смерть.

⁹⁵ Примеч. рус. ред.: речь идет о 16-летнем партизанском разведчике Александре Павловиче Чекалине, который вместе со своим отцом активно воевал в отряде «Передовой». Был выдан немцам 44-летним каменщиком Никифором Ивановичем Авдюхиным, который с приходом немцев добровольно вызвался быть старостой деревни Песковатское. Заболевший Чекалин скрывался в деревне, где его заметил Авдюхин. Попытавшийся бежать Чекалин был задержан Авдюхиным при помощи трех немецких солдат. Мать Чекалина при посредничестве Авдюхина просила заместителя городского главы Лихвина Шутенкова содействовать освобождению сына, однако, ощущая угрозу ареста, пустилась в бег. Чекалин был увезен в Лихвин и там повешен. Перед смертью молча плакал. Другую версию событий см. в записи от 19 ноября. В феврале 1942 г. Чекалина посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Авдюхин был арестован НКВД и расстрелян в апреле 1942 г. вместе со своим помощником Алексеем Васильевичем Осиповым. См.: Кто предал партизана Сашу Чекалина. URL: <https://myslo.ru/news/arhiv/article-1528> (дата доступа 01.05.2018).

Запись в дневнике, [Грязново⁹⁶] 7 ноября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] Я сказал Бейтельшпахеру, чтобы он не вешал партизан ближе, чем в ста метрах от моего окна. Не самый приятный вид с утра. [Граф] Мой заметил, что Гёте в Йене прожил три недели с видом на виселицы.

Письмо жене, [Грязново] 8 ноября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 129f.

Один летчик возьмет это письмо с собой, и таким образом оно должно попасть домой довольно быстро. Последние 14 дней были относительно спокойными, но теперь нас снова ждут боевые действия. Погода всё время плохая, около 0°; ночью идет снег и подмораживает, днем стоит туман и идет дождь. Дороги либо настолько скользкие, что транспорт крутится как волчок, либо они превращаются в глубокое болото. Сейчас стоим в убогой деревеньке, наше жилище — кошмарный клоповник⁹⁷. Наши солдаты спрашивают, когда же это всё кончится? Я могу только пожать плечами и сказать, что не знаю. Другие спрашивают, когда же они поедут в отпуск, на что в нынешней ситуации можно только улыбнуться. [...] Многие простудились из-за мерзкой погоды, и среди солдат из-за обовшивления всё больше распространяется чесотка. Неделями невозможно было помыться. Одежда и обувь в войсках затерты до дыр и почти разваливаются. Русские одеты лучше нас. Но главное то, что они всё равно проиграют в войне. [...]

⁹⁶ Город на полпути между Калугой и Тулой, примерно в 50 километрах северо-западнее Тулы.

⁹⁷ Ср.: Gen.Kdo. XXXXIII A.K., Kriegstagebuch. Ia. 07.11.1941 (BArch. RH 23–43/8): «Размещение в Грязново в бывшей больнице. Всё ужасно грязное, в некоторых комнатах держали лошадей. Кроме того, весьма холодно, так как стены и окна частично пропускают порывы сильного ветра, который дует на этой возвышенности».

Письмо жене, [Грязново] 15 ноября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 131

Было несколько тяжелых дней, всё пока еще не закончилось. Наша новая армия под руководством Гудериана (прежде Эйтель Фрицель⁹⁸) заставила нас — несмотря на наши возражения — участвовать в операции, которая поначалу развивалась довольно неплохо. Но в итоге заглохла из-за недостатка сил и отсутствия поддержки от наших соседей — именно так, как мы и предвидели, — и постепенно обернулась неудачей, которая стоит нам тяжелых потерь. За 4 дня мы потеряли 1000 человек, 790 убиты или ранены, 180 с обморожениями⁹⁹. У нас тут несколько дней было -20°, ледяной ветер, колющий как иголки. Теперь «потеплело», всего -8—-10°, но всегда ветрено. Сражаться в таких условиях, часами лежать на земле под огнем неприятеля без возможности окопаться — это почти за пределом человеческих возможностей. Но у нас здесь вот так.

Мои теплые вещи всё еще не прибыли. Мне сказали, что они застряли на дороге перед Калугой. Могу только надеяться, что они прибудут в обозримом будущем. Пока что обхожусь тем, что надеваю шерстяные вещи и подштанники друг на друга. У меня нет «ни одной пары» шерстяных кальсон. Не знаю, куда они делись. На Троицу я их привез в Берлин. Я обзавелся парой русских валенок. Они хорошо поддерживают в тепле ноги до колен. Но они плохо сидят и в них неудобно ходить. [...]

Ты не могла бы мне выслать из Фрайбурга специальные гвоздики, которые можно воткнуть в подошву, чтобы не скользить на льду? На одной паре сапог у меня такие есть, а на другой нет. [...]

⁹⁸ Эйтель Фридрих Прусский (1883–1942) — второй сын кайзера Вильгельма II, в 1915–1918 гг. командовал 1-й гвардейской дивизией (в чине генерал-майора). Связь с Гудерианом, который в Первую мировую войну не служил в 1-й гвардейской дивизии, неясна.

Примеч. рус. ред.: Фрицель — так в тексте, правильно Фритцлер (Fritzler).

⁹⁹ Примеч. рус. ред.: согласно документам, с 10 по 13 ноября XXXXIII армейский корпус потерял 706 человек убитыми и ранеными и еще 180 вследствие обморожений. См.: *Stahel D. The Battle for Moscow*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 107.

Отчет семье, [Грязново] 19 ноября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 132–135f. Ms.

10°, 15°, 19° мороза. Это температура, в которой нам приходится работать и сражаться начиная с 8 ноября. Столбик ходит между двумя цифрами. Изменения в температуре слабо чувствуются, в отличие от ветра. Иногда полностью безветренно, иногда задувает ледяной северный или северо-восточный ветер, и тогда невозможно находиться снаружи. Колет как иголками и продувает через зимний подшлемник и перчатки. Глаза слезятся так, что почти ничего не видно. И именно в этих условиях, в -20° и при таком ветре, наши парни часами в течение 2 долгих дней лежали на совершенно промерзшей земле, под минометным и пулеметным обстрелом противника, выделяясь на белом покрывале снега, прямо как те куропатки во Франции в прошлом году. Только у половины из них были зимние подшлемники и перчатки, и все они носят лишь наши германские шинели и старые тонкие брюки¹⁰⁰. Напротив лежал русский в ватной униформе, в куртках и штанах, что выглядят как стеганое одеяло, в круглых теплых меховых шапках-ушанках. Просто неслыханные боевые условия. И еще вдобавок мы теперь сполна пожинаем плоды перебоев снабжения в начале месяца. Уже 8–10 дней на передовой нет ни чая, ни кофе, ни сигарет с сигарами, не говоря уже об алкоголе, зачастую нет и хлеба. Боеприпасов было так мало, что кое-где нам нечем было стрелять. Это почти чудо, что у нас лишь 180 обмороженных, которых пришлось доставить в госпиталь.

Русский с умом потратил то время, что мы вынуждены были простаивать или могли двигаться лишь со скоростью улитки. Он сосредоточил все войска, которые сумел собрать, вокруг Москвы. Если в конце октября перед нами почти не было противника — а если он и появлялся, то отступал, — то 10 ноября мы столкнулись с еще не укрепленной, но хорошо защищенной позицией. Против

¹⁰⁰ Хейнрици уже в начале октября требовал зимнее обмундирование для своего корпуса (см. запись от 10 октября). Ср. также в воспоминаниях Гудериана: «16 ноября ко мне явился генерал Хейнрици: потери от морозов, недостаток обмундирования, шивость!» (*Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten. S. 225*).

нашего мнения и желания нам было приказано наступать на врага, хотя ни слева, ни справа у нас не было соседей, а те, что были вдалеке, не были готовы поддерживать нас. Поскольку атака через заснеженную территорию крайне трудна и чревата потерями, мы вышли на позиции ночью. Русский сидел в деревнях, холмы между ними он из-за сильного мороза не занимал. Так мы в один заход прошли, иногда не встречая никакого сопротивления, примерно 15 километров. Однако в деревнях враг, которого застали врасплох, оборонялся на удивление энергично. Были очень тяжелые рукопашные схватки. В некоторых местах всё было кончено только после полудня. Так мы прорвались в центре, перед нами противника больше уже не было, и мы могли бы наступать далее без единого выстрела. Но русский атаковал наши фланги. И поскольку прикрыть нас никто не мог, вообще поблизости не было никого, кто мог бы присоединиться к нашей операции, то мы не смогли развить свой успех. За пять дней мы тяжелыми усилиями смогли отбить контратаку на нашей широкой и похожей на плацдарм позиции. Мы захватили 2000 пленных, 24 орудия, 6 танков и бесконечно много иного снаряжения. Но достигнутый нами большой успех ничего не дал в оперативном отношении. Мы сами потеряли 800 человек. Учитывая нынешнюю штатную численность, потери непозволительные.

Как и на нашем направлении, так и в других местах русский обороняет жизненно важный участок вокруг Москвы, контратакуя, то есть то здесь, то там он наступает с использованием сильных частей и танков. С другой стороны, в нескольких местах нам удалось прорваться. Один из прорывов, что радует, угрожает водоснабжению Москвы. И всё же в целом пока мы еще слишком далеко от города, чтобы можно было рассчитывать на скорое его падение. Как минимум при наступлении на город еще будут тяжелые сражения, поскольку противник постоянно пополняет свои силы¹⁰¹. Сейчас уже прибыли первые дивизии из русской Дальневосточной армии. Не знаю, предполагают ли русские, что японцы так и не нападут, или эти

¹⁰¹ Примеч. рус. ред.: с начала октября Ставка формировала новый стратегический эшелон резервных армий. 4 новые армии были сформированы в октябре и еще 8 в ноябре.

соединения за истекшие месяцы заменены на востоке свежими призывниками. Времени у них было достаточно. Сейчас мы можем надеяться только на то, что не наметет много снега. Если всё же это произойдет, наши трудности невероятно увеличатся, особенно для наших хваленых моторизованных частей. У них те же проблемы в плане снабжения и мобильности. Только пехота и гужевого транспорт способны тут передвигаться.

Мы стоим в маленькой деревушке, в скромных и битком набитых избах, рядом с полностью разрушенной церковью, внутри которой валяется промерзшая дохлая лошадь. Поля кишат разожравшимися серыми мышами, снующими от норки к норке. Зачастую наблюдаем стальное небо и холодное солнце, нередко красивую изморозь. Странные, насыщенные цветом закаты часто улаживают наш взор. Но самое прекрасное — это звездное небо над нами, представляющее во всей своей немыслимой и чистой красоте. Звезды мерцают и мигают словно бриллианты на черном бархате. Местный климат, с сухим морозом, сам по себе полезен для здоровья, если тепло укутаться. По сравнению с Германией здешний ноябрь можно лишь расхваливать: ноябрь в Москве — это великолепное солнце, снег, холодно и спокойно. Отличное место для катания на коньках и санках, улучшаются и горнолыжные трассы. Без удобств, зато низкие цены. Сауна в каждой деревне! Клопы, вши, мыши и крысы — гарантированно в каждом доме! Клопы предпочитают клиентов с нулевой группой крови!

Неподалеку от нас лежат большие лесные массивы. Непрерывный поток красноармейцев, оставшихся в тылу в результате битвы под Вязьмой и Брянском и желающих вернуться к своим, течет сквозь леса по направлению к Туле. Группками по 3–5 человек они идут вдоль железнодорожных путей, держась в стороне от больших дорог. Когда мы на них натыкаемся, они обычно уклоняются от боя и защищаются лишь в крайнем случае. Так, в двух километрах от нашего штаба прошел командир дивизии Александров с 400 солдатами, но никто об этом своевременно не узнал¹⁰². В основном на этих красноармейцах

¹⁰² Примеч. рус. ред.: с генерал-майором Петром Алексеевичем Александровым (1899–1974) вышло большее количество людей. Из объяснительной записки

оборванная крестьянская одежда, зачастую поверх униформы. Они отращивают бороды, так как уяснили, что стариков немцы не трогают. В их тулупы, а особенно в шапки или ватные брюки, вшиты записки со значками, которые никто не может расшифровать. Рядом с ними свои дела делают партизаны. Снова и снова случаются налеты на отдельные машины или людей, которые чаще всего расплачиваются за это жизнью. Подрываются железнодорожные пути, перерезаются телефонные кабели. Лишь с помощью местного русского населения можно справиться с этими партизанами. Оно их обычно охотно сдает, потому что их самих терроризируют эти разбойники, отбирают у них продукты питания и так далее. Мы ведем постоянную борьбу против этой чумы. Но ее трудно закончить, ведь пространства здесь бесконечны, леса слишком огромны, возможности укрыться чересчур многочисленны.

Наш переводчик лейтенант Б[ейтельшпахер], сам украинец из Одессы, с отчаянной энергией сражается с этими партизанами, ведь большевики убили его отца, ликвидировали брата и отправили мать и сестру в Сибирь строить дороги. Снова и снова с полевыми жандармами и тремя преданными ему красноармейцами (крестьянскими детьми) он уходит на задание и никогда не возвращается, не пристрелив или не повесив нескольких разбойников. Но почти всегда эти люди встречают смерть со стоическим хладнокровием. Они никого не выдают и ни о чем не рассказывают. На многочасовых допросах они повторяют лишь: «Я выполнял приказ». 18-летний парень, назвавшийся командиром партизан-кавалеристов, сам накинул на себя петлю, крикнул «Я умираю за коммунизм» и спрыгнул вниз. Мой денщик, который ходил на рыночную площадь смотреть казнь, сказал: «Он буквально жаж-

командира 166-й стрелковой дивизии генерал-майора Михаила Яковлевича Доданова от 15 ноября 1941 г.: «Шел со мною 517 сп, остатки 423 сп. Матчасть оружий приказал взорвать, нечем было везти, горячего не было, лошади ранены. Вышел из окружения 15.11.41 г. на фронте 49 А в районе Серпухова. Выведено людей вместе с группой Александрова: красноармейцев — 400, начсостава — 117, всего — 517 человек в полном вооружении. Все переданы штабу 49 А ЗапФ. Я вышел в форме, с оружием и документами. Объяснение писал в штабе ЗапФ в ноябре 1941 г.» (цит. по: *Лопуховский Л.* 1941. Вяземская катастрофа. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 510).

дал смерти». И таких фанатичных борцов за коммунизм тут множество. Зачастую их можно увидеть болтающими-ся на веревке в деревнях, но многие другие еще слоняются по округе. Когда я в месте, выбранном для ночлега, приказал похоронить таких повешенных, так как подобный вид из окна хоть и привычен, но нежелателен, население немедленно поснимало с казенных сапоги и тулупы, забрало их себе, а трупы потащило на веревках к могилам. Такова местная действительность. Обычаи и нравы как в Тридцатилетнюю войну. Лишь тот, у кого есть сила, имеет права. Шесть с половиной лет своей жизни я провёл на войне, но ничего подобного еще не видел.

Подвоз снабжения к нам всё еще крайне скуден. В нормальное время корпусу раз в два дня приходит железнодорожный состав. За четыре недели к нам пришло два состава. Это значит, что мы живем полностью на местных продуктах. Что касается мяса и муки, пока что все хорошо. Однако хлеб войскам приходится выпекать самим. Овощей и фруктов нет, за исключением белокочанной капусты, которая сейчас, конечно, насквозь промерзла. Картошка постепенно заканчивается. По большей части ее так и не выкопали из промерзшей земли. В районе, в котором мы стоим, мы вскоре съедем всё. Когда недавно ситуация ухудшилась, я смог организовать снабжение для дивизий с помощью самолетов, которые сбросили на парашютах контейнеры с едой. Благодаря этому к нам попала и газета — хотя и старый номер, — в которой военный корреспондент писал: «Наступление столь стремительно несется вперед, что штабы не успевают за войсками. Вне зависимости от этого снабжение идет как по маслу». Жаль, что у нас масло закончилось несколько недель назад.

Письмо жене, [Грязново] 19 ноября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 136f.

[...] Три дня назад наконец-то прибыли меховые вещи, включая и рукавицы на меху с армейского склада. Там же был и шарф. Я наконец-то с избытком утепился, так что, будь добра, не посылай больше теплые вещи, разве что шерстяные подштанники и 2–3 пары шерстяных носков.

Шерстяные подштанники должны быть у тебя; наверное, ты просто забыла их положить. Купи носки. Прилагаю мою карточку на одежду. Не растранижь ее попусту. Кто знает, не понадобится ли она еще. Возможно, купим подкладку для французских костюмов, если когда-нибудь отпустят в отпуск.

Однако расчет этого я настроен скептически. Пока что никто не может точно сказать, будет ли война вестись дальше или же настанет перерыв. Я очень сомневаюсь, что мы достигнем Москвы этой зимой. Если пойдет снег — а сегодня вечером похоже на то, — то тогда мы тут застрянем.

Если сражения продолжатся, об отпуске нечего и думать. Тогда всё закончится лишь в декабре, а там придется заниматься подготовкой к последующей позиционной войне. Особый вопрос: как добраться домой в зимних условиях? На самолете — а если метель? На машине — а если снежные заносы? По железной дороге? В приложенном отчете прочтешь, как с ней обстоят дела. Так что лучше готовься встречать Рождество без меня. Увы, ничего иного не могу сказать. Я бы очень хотел дать другой ответ. Всех уже тошнит от здешних дел, все хотели бы поехать в отпуск, поскольку конца-края войне не видно. Она будет продолжаться и в следующем году тоже. Россия крепко побита, но не мертва. [...]

Если Хартмут отправится на Восточный фронт, обеспечь его теплой одеждой. Здесь не место для детских игр. Ты связала ему шерстяные носки из пряжи, которую я для этого привез из Франции? Конечно же нет — ты не слишком заботлива.

Если нам возвращен налог в сумме 436 марок, то этого не хватит, чтобы заплатить 11 декабря подоходный налог. Он составляет 590 марок! Кроме того, 11 ноября надо было уплатить налог на имущество. Ты заплатила его?

Ты спрашиваешь, не пересылать ли мне газеты? Франкфуртская газета, со слов Моя, в воскресенье издает сборный спецвыпуск с лучшими статьями недели. Я бы на него охотно подписался. Также можешь отправлять мне старые иллюстрированные газеты. Ежедневная франкфуртская газета, пока дойдет сюда, совсем устаревает.

Я бы хотел попросить тебя складывать мои военные отчеты в отдельную папку, хочу их сохранить как воспоминания о войне. Ты всегда получала самые лучшие копии,

и будет очень жаль, если они, пролежав недели в твоей сумочке, потеряются. [...]

Запись в дневнике, [Грязново] 21 ноября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] Во время въезда в Грязново стали свидетелями того, как наша полевая жандармерия прикончила пытавшегося удрать комиссара¹⁰³. Неприятное зрелище для наших ребят. [...]

Запись в дневнике, [Грязново] 23 ноября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] После окончания совещания состоялась поминальная церемония по нашим павшим, сегодня День поминовения усопших. Настоящую церковную службу провести уже нельзя. Наш священник лейтенант Р. говорит складно, однако испытывал трудности, переходя от памяти павших к Дню поминовения.

Потом прогулка до «мертвого русского». Конечная точка маршрута незаурядная. Там уже несколько недель лежит в снегу мертвый русский, непохороненный, весь промерзший. Я должен приказать местным жителям похоронить его¹⁰⁴.

¹⁰³ На основании «Приказа о комиссарах» от 6 июля 1941 г. в 1941–1942 гг. было убито более 3400 политофицеров Красной армии, чаще всего вермахтом. Во время допроса после войны американцами Хейнрици утверждал, что он позаботился о том, чтобы этот приказ его корпусом не выполнялся (Протокол допроса в: IfZ. MA 1569/26). Хотя неясно, был ли упомянутый в дневнике комиссар убит на основе «приказа о комиссарах» или «при попытке к бегству», следует отметить, что, согласно документам, Хейнрици отправил приказ в нижестоящие соединения и что в XXXXIII армейском корпусе было проведено минимум 29 казней политофицеров. См.: Römer F. Der Kommissarbefehl. S. 146f., 574, 582.

¹⁰⁴ См. запись от 11 декабря 1941 г.

Письмо жене, [Грязново] 25 ноября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 139–141

Сын генерал-полковника фон Клейста¹⁰⁵, пилот, который был тут у нас, а теперь со своей эскадрильей переведен в Антверпен, доставит это письмо в Германию. Только пилотам и подобным им людям настолько везет, но не нам. [...]

Из всего этого ты увидишь, что я не верю, что смогу приехать домой на Рождество. Бои идут такие, что в их прекращении к Рождеству есть сомнения. Русский с большим упорством обороняет свои позиции под Москвой, действуя всё новые соединения. Он не ограничивается обороной, а снова и снова атакует при поддержке танков и большого количества артиллерии. В сочетании с погодными условиями это, вероятно, тяжелейшее испытание из выпавших на нашу долю. Перспективы предрождественских праздников пока не слишком радостные. Я исключаю возможность того, что смогу уехать в таких условиях. Тебе придется обойтись без меня. Да и путешествие под Рождество, как мне представляется, связано с огромными трудностями, едва ли вообще возможно. Самое позднее к этому моменту начнутся метели. В автомобиле вообще не проедешь. В поездах здесь лишь необогреваемые товарные вагоны. Самолет в это время года — та еще штука. Так что примиришься в этом году с тем, что будешь праздновать вместе с детьми — надеюсь, с обоими. Я с гораздо большим удовольствием был бы дома, а не здесь, в этой жуткой стране и жутчайших условиях. Подарков у меня тоже нет. Здесь ничего не достать. Я дарю каждому из детей по 50 марок. «Дрезднер Банк» должен перевести их на твой счет во Фрайбурге. Вручи их детям. На них они смогут купить себе то, чего им больше всего хочется. Если ты знаешь их желания, то, наверное, сможешь, добавив своих денег, приобрести им то, чего сердце просит.

После того как мы с 15 ноября практически бездействовали, вновь разгораются бои. Я хотел бы, чтобы они были полегче, чем недавние. Но, учитывая ожесточение рус-

¹⁰⁵ Эвальд фон Клейст (1881–1954) — генерал-полковник, с октября 1941 г. по ноябрь 1942 г. командующий 1-й танковой армией, с ноября 1942 г. по март 1944 г. командующий группой армий «А» (в чине генерал-фельдмаршала).

ских, о котором я писал вначале, этого ждать не приходится. [...]

Всё время холодно, легкий снегопад со вчерашнего дня. Так что сейчас погода слегка помягче, но только с сегодняшнего вечера. С утра опять было -14°. Я часто ношу эти русские валенки. Так хотя бы моим ногам тепло. В этом плане нет ничего лучше.

Больше добавить нечего. Я сильно занят подготовкой нашего наступления. Это трудно, так как мы сражаемся практически без соседей и с обоих флангов нам грозит опасность, с которой непросто справиться.

В наших войсках отмечены сегодня первые случаи сыпного тифа. [...]

С 27 по 29 ноября корпусу наконец удалось прорвать советские оборонительные позиции под Алексиным и захватить город. В результате этого последнего большого успеха, предшествовавшего контрнаступлению Красной армии, наступательный потенциал XXXXIII армейского корпуса был исчерпан. Две подчиненные ему значительно потрепанные дивизии (31-я и 131-я пехотные) вынуждены были с 1 декабря отбивать первые советские контратаки.

Отчет семье, [Грязново] 29 ноября 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 142f. Ms.

[...] Я приказал изготовить мне пару высоких русских валенок с галошами. Все крестьяне носят здесь такую обувь. Войлок толщиной как подкладка под пишущую машинку. Они такие теплые, что в помещении в них едва усидишь. Для обогрева ног это самое лучшее, что я видел в своей жизни. На голову я сейчас надеваю круглую русскую шапку из белой овчины. У нее есть два меховых наушника, связанные сверху. Их можно опустить и связать на подбородке. Все говорят, что она мне ужасно к лицу. Но мне важнее, что она греет как ничто иное. Надо подстраиваться под местные обычаи, иначе далеко не уйдешь. [...]

Три дня тяжелых сражений позади. Взяв позиции под Алексиным, мы сумели выбить краеугольный камень из русской обороны к югу от Москвы. В первый день шли тяжелейшие бои. На второй день, когда результат еще был

неясен, наши самолеты-разведчики сообщили, что против нашего фланга выдвигается русская колонна длиной 15 километров. Совершенно обессилевшие полки должны были отбивать эту атаку в лесу, где обороняться было трудно. Это был момент наивысшего напряжения. Мы уже почти остановили наступление. Сообщение поступило от двух разных пилотов. Через час выяснилось, что это была ошибка. Мы продолжили наступление и прорвали оборону. Теперь весь русский фронт под Тулой под угрозой.

Русский дерется с крайним ожесточением. Из-за его артиллерии мы местами понесли тяжелые потери. Он опоясал себя минными полями. У него появились новые мины — тонкие деревянные коробки 20 сантиметров в длину, 5 сантиметров в высоту и ширину. Их нужно только положить в снег. Они нанесли нам сильный урон. Но худшим для пехоты вновь было часами лежать на голой земле, без защиты, под огнем противника. Земля на метр промерзла. Без возможности двигаться солдаты были вынуждены оставаться на одном месте по 10 часов. Три человека просто замерзли насмерть. Помимо этого, все деревни в округе разрушены, оставшиеся дома изрешечены, представляют собой руины. Сегодня батальон ночевал в четырех избах, лошади остались на улице, снабжение вообще не доходит. Просто неслыханно, что тут претерпевают люди. [...]

Запись в дневнике, [Грязново] 30 ноября 1941 г.

BArch. N 265/11

[...] Русских и немцев в их зимней униформе теперь трудно отличить. Немцы попросту носят русские меховые шапки. [...]

Ответный удар, декабрь 1941 г. — январь 1942 г.

Последняя перед большим кризисом атака XXXXIII армейского корпуса ознаменовала окончание немецкого наступления на Москву и вместе с этим окончательный крах операции «Барбаросса». Поэтому дневниковые записи Хейнрици о подготовке и проведении этой атаки на периферии всей Восточной кампании воспроизводятся ниже подробно.

Письмо жене, [Грязново] 1 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 143f.

На данный момент мы находимся в отчаянном положении. Противник как бешеный атакует наши недавно занятые позиции. Наши ребята крайне измождены. К тому же около -20° и ледяной северный ветер, что гоняет по земле клубы снега. Ситуация как никогда плохая, и мы со страхом ожидаем самых неприятных последствий. Опасность ситуации прежде всего в том, что наши люди находятся на пределе своих сил.

В особом заказном письме я снова переслал тебе мой военный дневник за последние месяцы. Прошу тебя хранить его в надежном месте, как и предыдущие. [...]

Севернее Москвы Ключе достиг весьма значительных успехов. Южнее Тулы и там, где стоим мы, Гудериан при недостатке сил пытается добиться еще большего. А страдать должны мы. Мы знаем только одно: постоянно так продолжаться не может. Потери очень велики, нагрузка на солдат нечеловеческая.

Подари мне на Рождество беруши.

Запись в дневнике, [Грязново] 4 декабря 1941 г.

BArch. N 265/11

2 декабря [правильно: 1 декабря. — Й. Х.] я, в отличие от всех предыдущих дней, никуда не ездил.

В этот день началось, сперва в небольших масштабах, к вечеру по нарастающей, контр наступление русских на

позиции 131-й дивизии. Они атаковали у Абрютино и Ботни. Русский палил из своих реактивных минометов¹⁰⁶ и колошматил по деревням так, что только треск стоял. Свежие русские соединения в маскхалатах подбирались к нашим позициям. Ледяной северный ветер дул по холмам, гонял снег по равнинам, так что никто не мог ничего увидеть. В эту непогоду наши ребята лежали в своем тонком и непригодном зимнем обмундировании, без богатого жирами пайка — масла у нас нет с незапамятных времен — на замерзшей как бетон земле под вражеским огнем. Подчеркиваю: те же самые солдаты, которые без всякой смены с 26 ноября день и ночь провели в боях.

3 декабря [правильно: 2 декабря. — Й. Х.] я немедленно отправился в 131-ю дивизию, настроение в которой было критическим. Уже предыдущим вечером генерал Майер-Буердорф¹⁰⁷ очень взволнованно и, пребывая в нервном возбуждении, говорил о том, что его дивизию «гонят на убой» и что его люди находятся на пределе своих возможностей. Он заявил, что больше не может гарантировать удержание позиций, и затребовал резервы из 31-й дивизии, в чем мне пришлось ему отказать, так как у него самого в тылу еще имелось три батальона и разведбатальон. Но где находились эти подразделения? За 8–10 километров от линии фронта, так как, начиная с восточной опушки леса и далеко в тыл, нельзя было найти места для лагеря.

Наша позиция перед лесом была бы прекрасна летом, но зимой это кошмар, потому что войска негде разместить. В деревнях у линии фронта стоят занимающие передовые позиции пехота и артиллерия с самыми необходимыми грузовиками и орудийными передками. Тут всё настолько битком, что 30 человек рады, если могут втиснуться в одну комнату. Лечь они уже не могут, так что часами стоят, но зато хотя бы в тепле. Помыться, почиститься — это всё невозможно. Всё кишит вшами, мы постоянно чешемся и скребемся. У многих гнойные раны из-за постоянного расчесывания. У других проблемы с мочевым пузырем и кишечником из-за постоянного ле-

¹⁰⁶ Имеется в виду используемая с сентября 1941 г. «Катюша» — «Сталинский орган».

¹⁰⁷ Генрих Майер-Буердорф (1888–1971) — генерал-лейтенант, с октября 1940 г. по январь 1944 г. командир 131-й дивизии.

жания на холодном полу, и они не могут нормально отдохнуть, поскольку ночью нужда раз за разом заставляет их просыпаться. Невозможно расквартировать резервы так, чтобы они могли быть сразу задействованы. С этим смиряешься и в мыслях надеешься, что если русский и прорвется, то не пройдет глубоко.

В здешней войне на все правила тактики можно нацхаться. Бой идет по такой ширине, которая раньше показалась бы немыслимой; позиции, тянущиеся на километры, приходится удерживать силами рот, в которых по 40 человек, и все эти ребята из-за нынешних условий настолько издерганы и вымотаны, что всё висит на волоске. Повсюду я слышу три жалобы: почему 2-я танковая армия приказала нам атаковать, не удостоверившись, что она сможет помочь нам, а теперь мы понапрасну проливаем кровь (635 человек потерь в 131-й дивизии начиная с 27 ноября, включая заболевших), что недопустимо при наших ограниченных силах? Почему наши парни получают мармелад вместо масла, когда именно жиры столь необходимы? Почему нас, не обеспечив теплой одеждой, заставляют вести зимой бои, требующие от солдат нечеловеческих усилий? Кто-нибудь вообще знает о том, что здесь происходит? Один солдат сказал мне: «В Германии у людей заводятся вши, в Советской России у вшей заводятся люди». А другой на вопрос, что подделывают его вши, ответил: «Двадцать раз в день меняют позиции, господин генерал!»

В 432-м полку в Даниловке, куда я еду вместе с генералом Майер-Б[урдорфом], я встречаю командира полка полковника Петерса¹⁰⁸, прежде всегда бодрого, в сильнейшем возбуждении. Ночью он с трудом отбил русскую атаку. Только что утром его северный батальон под Гарьяново [Курьяново. — О. Б., И. П.] с большим трудом остановил противника. Он дрожит почти всем телом, когда говорит мне, что всё кончено. Еще одна такая атака, и позиции полка будут прорваны. Его люди выбились из сил. Я вижу, что тут нож приставлен к горлу. Я приказываю подвести из резерва корпуса в Даниловку батальон для задействования здесь или под Ладерево.

¹⁰⁸ Маттиас Петерс (1896–1974) — полковник, с октября 1941 г. по март 1942 г. командир 432-го пехотного полка.

Не успел я сказать об этом, меня чуть не расцеловали. Все лица лучились счастьем. Внутреннее напряжение, которое могло привести к взрыву, было снято. Они радовались как детишки на Рождество.

Еду дальше в полк Дрешера¹⁰⁹. Реактивные минометы русских били залпами, и наша, и вражеская артиллерия грохотала, атака шла за атакой, командир полка встретил меня почти что со слезами на глазах. Вчера рота покинула свою позицию, он их всех выстроил и спросил, как же вы могли так меня подвести, — а солдаты начали плакать. Мы больше не можем, господин полковник! Он видит, что ядро его полка тает, и говорит, что если ядро исчезнет, то восполнить потери уже не удастся. В отдельных ротах по 19–20 человек — как тут удерживать позиции? А русский бросает в бой новых и новых людей. И тут тоже мольба, просьба, да просто крик о нормальном пайке, прежде всего с жирами, о другом обмундировании, соответствующем здешней погоде, но более всего — о пополнении, чтобы заполнить возникшие бреши. «Наши парни тут в таком состоянии, — сказал полковник Дрешер, — что я не могу исключать того, что кто-нибудь наведет свое оружие на своего же офицера, поскольку, отчаявшись из-за сложившейся ситуации, совсем потеряет голову». Три случая самострела за последние дни у солдат с безупречными доселе характеристиками.

Я рекомендую командиру 131-й дивизии выдвинуть на передовую разведбатальон. Он всячески изворачивается, желая его по возможности сберечь. Но под давлением обстоятельств он всё же решается направить его в распоряжение полка Петерса, которому он наиболее необходим. 210 разведчиков — с отрывом самый крупный по численности батальон на участке всей дивизии.

После посещения полка Брюнинга¹¹⁰ в Алексине и на постройке моста через Оку из огромных плотов, — Ока здесь 120 метров в ширину и, несмотря на мороз, еще имеет открытый участок в 50 метров ширины, — я заезжаю в Бухторму, где находится на отдыхе рота из полка Дрешера. Как выглядят люди: опустившиеся, неопрятные,

¹⁰⁹ Отто Дрешер (1895–1944, погиб) — полковник, с октября 1940 г. по сентябрь 1942 г. командир 434-го пехотного полка.

¹¹⁰ Йозеф Брюнинг (1893–1969) — полковник, с октября 1940 г. по май 1942 г. командир 431-го пехотного полка.

немытые, небритые, непричесанные. Исподние рубашки уже не белые, а коричневые от грязи. Никто не может стоять спокойно, все постоянно чешутся и скребутся. Командира роты лейтенанта Хакмайстера на следующий день нашли без сознания. Оказалось, что он был трижды ранен, но не хотел покидать свою роту, пока ранения его совсем не одолели. После наступления темноты я вернулся назад. Общее положение, несомненно, стало менее напряженным. Батальон из резерва корпуса прибыл в полк Петерса в Даниловку, страхи там преодолены. Вечером очень холодно.

На следующий день ожидается визит генерал-полковника Гудериана. Танковая атака под Тулой развивается удачно. Группе Эбербаха¹¹¹ — 30 танков — удалось далеко прорваться с запада на восток, взять станцию Ребякино [Ревакино. — Й. Х.] и уничтожить ее. Это пробуждает надежды, что Тула всё-таки будет взята. [...]

В середине дня [3 декабря] прибыл генерал-полковник Гудериан в сопровождении двух бронемашин. Было туманно, шел снег. После краткой трапезы я описал ему состояние войск: 131-я дивизия совершенно вымотана, наступать не может, но и в обороне уязвима против сильной атаки. 31-я дивизия еще способна ограниченно наступать. Я говорю ему с глазу на глаз, что опыт последних дней — два прорыва врага, которые он не смог использовать, — ведет к сильному недоверию войск в отношении командования. Солдаты не понимают, зачем их, несмотря на большие потери, гонят вперед на несколько километров, что не приносит никакого успеха, так как они вынуждены останавливаться. Ведь остальные части не поддерживают их, более того, как XXIV танковый корпус 10 ноября, в тот же самый момент отступают. А наши наступающие подразделения должны на холоде и морозе лежать под вражеским огнем в чистом поле и нести большие потери при защите позиций. Я подчеркиваю, что это вовсе не необходимое и бессмысленное перенапряжение солдат — та самая проблема, которая нас особенно гнетет и которая воспринимается простым солдатом особенно отрицательно и критически.

¹¹¹ Генрих Эбербах (1895–1992) — полковник, с июля 1941 г. по январь 1942 г. командир 5-й танковой бригады.

Прежде всего я указываю на то, что наша численность более не позволяет проводить подобные операции, если они не сулят полного успеха. Мы изнуряем сами себя. В качестве доказательства я привожу численность рот 131-й дивизии до и после наступления 27 ноября:

	22 ноября	2 декабря
431-й полк	9 унтер-офицеров/ 58 солдат	7 унтер-офицеров/47 солдат
432-й полк	11 унтер-офицеров/67 солдат	5 унтер-офицеров/35 солдат
434-й полк	10 унтер-офицеров/65 солдат	6 унтер-офицеров/38 солдат

Нетрудно увидеть, что конец недалек.

Далее я рассказываю о растущем количестве заболевших, причиной чему недостаточное, совершенно безжировое питание и абсолютно непригодное зимнее обмундирование. Я обрисовываю ему наше убогое снабжение и ситуацию с транспортом. Сидим между двух армий, транспортные средства отсутствуют, потому что все, за исключением единиц, поломались, — чтобы подвезти снабжение, приходится предпринимать длительные путешествия. Зачастую наши войска по полнеделе вообще не получают провианта. Они уже привыкли и выпутываются сами. Но в местности, где мы стоим последние шесть недель, всё уже съедено дочи́ста, так что они ничего не находят. Я ему сказал, что так продолжаться не может, что нам срочно нужны хотя бы жиры и приемлемое зимнее обмундирование, а в итоге — как можно скорее — нужно регулярное снабжение. Потому что на данный момент мы пару дней получаем урезанный паек, а в последующие несколько дней вообще ничего.

Прежде всего я требую увеличить наш транспортный парк, описывая ему просто невероятное положение с транспортом. 131-й дивизии недостает 700 машин! Всё, что у них осталось, кошка унесет на кончике хвоста, от списочного тоннажа в 191 тонну осталось что-то около 20 тонн. Даже если необходимые нам вещи доставляют в Калугу, до войск они в этой ситуации не доходят. Я подвожу итог моих рассуждений:

а) задействование только при возможности совместной операции с другими соединениями танковой армии, когда имеются большие шансы на успех;

б) фундаментальное изменение ситуации со снабжением, особенно с жирами;

в) наконец-то обеспечение зимним обмундированием, которое соответствует условиям в этой стране.

Генерал-полковник отвечает мне, что ситуация повсюду сходна с той, что я описываю. И всё же наша ситуация со снабжением была наихудшей, поскольку ни один корпус не сражался при таком положении со снабжением, как мы. И с зимней формой у других дела получше, поскольку те вещи, что предназначались нам, использовала 2-я армия, после того как мы перешли от нее во 2-ю танковую. Но с численностью везде такая же катастрофа, как и у нас, и боевой дух дивизий повсюду упал до предела. Потому Гудериан полетел к командованию группы армий и запросил там распоряжений, но его срочные просьбы понимания не встретили. И на высшем уровне ему не удалось получить приказ о приостановке операций. Главнокомандующий сухопутными войсками назвал ему цель, которую в перспективе невозможно удержать (кажется, среди прочего он упомянул Михайлов-Скопин). Наконец от фельдмаршала фон Бока он получил дословный приказ: «Завершить битву за Тулу». Соответственно, он отдал приказ о последней атаке, которая и была начата 1 декабря XXIV танковым корпусом. В последний момент он попытался перенести эту атаку, чтобы дожидаться вновь приданной ему 296-й пехотной дивизии. Но XXIV танковый корпус ответил, что это невозможно: его подразделения размещены столь стесненно, что нельзя их оставить там дольше, чем на 24 часа. Погода этому препятствует. Так была начата атака, и, к нашей радости, к северу от Тулы удалось прорваться.

Он надеется, что скоро удастся дойти до шоссе Тула—Москва. Если этот успех будет достигнут, какое содействие может оказать XXXXIII корпус? Я ответил: ограниченное наступление усилиями 31-й дивизии, которую поддерживает правый фланг 131-й дивизии, с целью занять высоты на участке Кострово—Вашана. Но на этом всё, ни шагу дальше. Уже сейчас создание там приемлемой позиции сопряжено с большими трудностями. Потому что никто не вкопается в землю при таких условиях. Конечно, если мы дойдем до этой линии, то будем иметь преимущество за счет того, что для нашего снабжения можно будет использовать Алексин и Тулу со всеми их возмож-

ностями. Также это должно сильно сузить наш участок фронта. За линией фронта в нашем распоряжении будут более крупные и подходящие возможности для расквартирования. Кроме того, мы овладеем цепью возвышенностей, отделяющих Тулу от Москвы, что дает хорошие возможности для обороны. Итак, достижение линии Кострово–Вашана и оттуда дальше в район Венева несет немалые преимущества. Нападать мы хотим, когда подойдет 296-я дивизия, с ней вместе, то есть самое раннее 6 декабря. — Командующий армией согласен со всем сказанным, в том числе с тем, как корпус хочет вести наступление правым флангом на Кострово через линию Варфоломеево — Никулинские поселки [Никулинские выселки. — Й. Х.; далее испр.].

Вызванные командиры дивизий по его приказу еще раз описывают состояние войск: 131-я дивизия говорит, что к наступлению не способна, но готова правым флангом в ограниченном объеме его поддержать. 31-я дивизия говорит дословно: дивизия в состоянии провести ограниченное наступление до высот у Кострово. Когда дивизии сообщают о положении танкистов, она считает возможным начать наступление 6 декабря. После короткого перерыва, во время которого мы пьем кофе, командиры дивизий отправляются обратно. Генерал-полковник, собственно, тоже хочет ехать, но мы его удерживаем. На улице очень туманно, снегопад и сильный ветер, который, вероятно, создаст снежные заносы. В этой ситуации семичасовая ночная поездка, да еще и с риском застрять в снегу, невозможна. Это было бы достаточно неприятно, хотя в этот день не слишком холодно. Когда я зашел в 20:00 забрать Гудериана на ужин, он как раз получил свежие сообщения о состоянии дел в XXIV танковом корпусе. Восточнее Тулы наступление хоть медленно, но идет, севернее Тулы 4-я танковая дивизия вместе с группой Эбербаха достигли главной дороги на Кострово. Сами они стоят на станции Ревякино. Противник напирал на них с севера.

У Эбербаха 30 танков, не особо мощная группировка. С уверенностью можно ожидать, что и утром его атакуют. И тут же вопрос мне: «Сможете начать атаку 5-го, а не 6-го числа?» — Я ответил: «Учитывая сегодняшнюю ситуацию, мы должны попробовать подготовиться к указанному времени. Так как оба полка знают свои участки,

должно получиться. После переговоров с дивизией я осуществлю перенос даты». Я информирую командира 31-й дивизии¹¹² о развитии событий и поручаю ему доложить мне к завтрашнему утру время начала и намеченный план операции.

Сегодня с утра [4 декабря] еду с Гудерианом в 31-ю дивизию. Утром довольно пасмурно, метет снег. Во время поездки небо неожиданно расчищается. Генерал Бертольд уже поговорил с командирами полков. Гудериан спрашивает его, когда он начнет наступление. Бертольд медлит, сначала не дает ответа, потом начинает говорить о том, что у солдат перенапряжение, и, наконец, сообщает, что 17-й полк хочет идти в наступление, но полковник Хоссбах¹¹³ с 82-м полком испытывает большие сомнения в связи с состоянием личного состава и предпочитает воздержаться от наступления. — Я говорю: «Но Хоссбах имеет наименьшие основания говорить о перенапряжении солдат, он с 6 октября не был в бою!» Но генерал-полковник меня перебивает и возбужденно кричит: «Если Вы не хотите, то я приказываю Вам наступать, Бертольд! Я не могу бросить танки на дороге на произвол судьбы и не брошу. Ответственность за приказ я беру на себя. Когда дивизия идет в наступление?» — Генерал Бертольд медлит с ответом. Я вклиниваюсь между ними: наступление сложное, поэтому выдвижение должно осуществиться ночью. До сего дня мы всё время нападали между тремя и половиной шестого утра. В это время мы уже никого не застанем врасплох. Это может удалиться лишь если мы выступим в полночь. Столь раннее начало атаки дает нам, будем надеяться, возможность довольно сильно продвинуться в этот день в направлении танков.

Генерал Бертольд задумывается, Гудериан с радостью поддерживает мое предложение. Итак, если не возникнет особых препятствий, наступление начнется сегодня в полночь. — Командующий армией едет дальше в Поповку, чтобы посетить свой бывший 17-й полк, которому

¹¹² Герхард Бертольд (1891–1942, погиб) — генерал-майор, с августа 1941 г. по апрель 1942 г. командир 31-й пехотной дивизии, с января по март 1942 г. ему было поручено командование XXXXIII армейским корпусом.

¹¹³ Фридрих Хоссбах (1894–1980) — полковник, бывший адъютант Гитлера от сухопутных войск (с 1934 по 1938 г.), с декабря 1939 г. по январь 1942 г. командир 82-го пехотного полка.

он благодаря этому визиту хочет придать дополнительный личный стимул к наступлению. Я остаюсь с генералом Бертольдом, чтобы обсудить с ним проведение операции. Когда я спрашиваю о его планах, он молчит и отвечает, что пока колеблется. Вместе с начальником штаба [полковником Фридрихом Шульцем] я предлагаю ему наступать 17-м полком южнее, а 82-м полком севернее реки Юпка. Сам он хочет атаковать частью 82-го полка севернее Большого Бискупино [Бизюкино. — О. Б., И. П.; далее испр.], чтобы через Есипово–Пронино выйти на Никулинские выселки, так как там, по его мнению, слабое место.

Я советую отказаться от этого, так как 82-й полк растягивается чересчур широко и не имеет достаточных сил для атаки. Кроме того, Есипово и Пронино точно заняты врагом. То есть столкновение произойдет, едва мы покинем наши позиции. Я опасюсь, что противник тем самым будет преждевременно предупрежден и успеет занять позиции на холмах в своем тылу. Правильным для 82-го полка мне представляется сосредоточение с резким поворотом направо и выходом в район Глебово и в лес к северу от него. 17-й полк должен попытаться, с юга обходя Кетри, взять деревню и лес рядом с ней. О 12-м полке пока идет спор. Генерал В[ертольд] хочет перебросить резервный батальон из Даниловки в Бизюкино. Учитывая то, что 12-й полк должен подключиться к наступлению послезавтра и затем должен взять Клешню и Маншино, я опасюсь, что и тут растягивание слишком сильное. Но в конце концов это дело дивизии, которая должна учитывать состояние местности и силы врага, которые мне в деталях неизвестны.

И чтобы сразу закончить об этом — после совещания с командирами полков план таков: разведбатальон с юга с охватом на Маниловку, оттуда на Пролетарский, 17-й полк с егерским батальоном через Берники на Малое Гремячее, III батальон с юга на Кетри и лес к востоку от него, I батальон из Скороварово на Большие Луковицы. 82-й полк из Глебово и леса к северу от него через высоту 251 — Никулинские выселки сначала до опушки леса у [поселка] Новая Жизнь и севернее, XXII батальон для защиты северного фланга через Есипово пока до Пронино. К сожалению, дивизия может поддержать наступление лишь двумя легкими артдивизионами и двумя тяжелыми батареями.

Третий дивизион должен остаться на севере с 12-м полком. Корпус передает дивизии единственную имеющуюся и способную двигаться артеддиницу: батарею десятисантиметровых пушек. Выступление в час ночи.

После обеда я еще раз беседую с командующим после его возвращения из 17-го полка. Он возвращается в полной уверенности, что полк, который имеет в своем составе двух кавалеров Рыцарского креста — командира полка фон Штольцмана¹¹⁴ и командира егерского батальона Ланца¹¹⁵, — выполнит свою задачу. Он с уверенностью смотрит в будущее.

В конце дня звонит начальник штаба армии¹¹⁶ и предлагает корпусу всё же ждать до 6 декабря, так как лишь тогда 296-я дивизия сможет полностью сосредоточиться на Упе. Начальник штаба [корпуса полковник Шульц] отклоняет предложение, так как уже не имеет возможности вмешаться в ход вещей. Я полностью поддерживаю его ответ. Генерал-полковнику Гудериану сообщают об этом разговоре на пути обратно в Одоев. Он грубо и взволнованно отвергает предложение своего начальника штаба, как сообщает наш сопровождавший его офицер Ic [разведка. — Й. Х.]. Гудериан говорит: «Я только сдвинул с места XXXXIII корпус, я не могу снова его останавливать. 296-я дивизия должна в полночь начать атаку из леса к северо-западу от Тулы теми силами, которые у нее есть. Все остальные подвозить как можно скорее. Приказ остается в силе».

Холодает. В девять вечера пилот говорит нам, что к утру похолодает до -30° . На это мы не рассчитывали. Мы не совсем в курсе того, к чему приведет это изменение в погоде. Я говорю своим штабным, что мы не хотим сообщать эту информацию 31-й дивизии, поскольку на них это негативно повлияет. А нам это сейчас ни к чему. Потому что мы не в силах ничего изменить. Камень уже покатился.

¹¹⁴ Ганс-Иоахим фон Штольцман (1898–1971) — подполковник, с августа 1941 г. по июль 1942 г. командир 17-го пехотного полка.

¹¹⁵ Альбрехт Ланц (1898–1942, погиб) — майор.

¹¹⁶ Карл фон Либенштейн (1899–1975) — подполковник, с октября 1941 г. по июль 1942 г. начальник штаба 2-й танковой армии.

Согласно приказу генерал-полковника Гудериана о наступлении от 4 декабря, 31-я пехотная дивизия и ее два пехотных полка (17-й и 82-й) получили задачу двигаться на восток, на дорогу между Тулой и Москвой, и там соединиться с 5-й танковой бригадой полковника Генриха Эбербаха, прорвавшейся туда с востока. Таким образом, с севера вокруг Тулы, за которую шли ожесточенные бои, было бы замкнуто кольцо. Но атака, начавшаяся ранним утром 5 декабря 1941 г., быстро захлебнулась из-за усиливавшегося мороза и советского сопротивления, так что вечером и ночью все формирования пришлось отвести на исходные позиции. В тот же день, день драматического перелома в ходе войны, Гудериан остановил операцию по атаке Тулы.

Запись в дневнике, [Грязново] 5 декабря 1941 г.

BArch. N 265/11

В 3:15 поступают первые сообщения о том, что выдвижение прошло по плану. Войска вышли к Кетри и лесу восточнее деревни. И 82-й полк движется вперед.

Как только начинает светать, я отправляюсь в путь. Я еще узнаю, что идут бои за Малое Гремячее, что Кетри, лес к востоку от нее и Большие Луковицы взяты. 82-й полк у Никулинских выселок. Тем временем начавшийся ужасный холод, -32° , препятствует использованию оружия. У одной батареи 25 % выстрелов вообще не происходит. У другой снаряды летят лишь на 500–600 метров, так как порох в заряде не воспламеняется нормально. Большое число пулеметов замерзло и не стреляет.

Я еду в дивизию в Панское и узнаю там, что прежние сообщения в целом подтверждаются. Живо описывается воздействие мороза. Полностью дела у 17-го полка еще не улажены. Но полк так глубоко ворвался внутрь вражеских позиций, что речь, очевидно, идет лишь о зачистке оставшихся очагов сопротивления. Артиллерия не очень может помочь, так как наши подразделения слишком перемешаны с подразделениями противника. Полк должен справиться собственными средствами.

Я еду дальше к 82-му полку, чей командный пункт находится в Мерлеево. Невдалеке от деревни последняя из трех машин, что были в моем распоряжении, испускает дух. Я иду в полк пешком, еще раз подбадриваю стреляющую на краю деревни батарею и ищу полковника Хоссбаха.

От него я узнаю, что два его передних батальона взяли Никулинские выселки. Но за ними в лесах у высоты 291 еще кишит враг. Противника удалось захватить врасплох. Но в тылу наших прорвавшихся войск многие окопы снова заняты русскими. XII батальон только что взял Есипово. Я говорю полковнику Хоссбаху, что дело с лесом ему придется разрешать собственными усилиями, на это кроме передних батальонов у него есть еще и резервный. Теперь он должен пройти до восточной опушки леса к востоку от Никулинских выселок и пока удерживаться там. Он и сам имел те же намерения, так как оба его фланга весьма сильно оголены в глубину. В Пронино засел противник, а 17-й полк еще не прошел через Конино.

Моя машина всё еще не починена. Час, пока идет ремонт, я использую для прогулки от Мерлеево на восток, к северной опушке леса — к северу от Глебово. Я беседую с артиллеристами батареи, что стоят на восточном выходе из леса. Очень сильный мороз. Пар изо рта мгновенно замерзает на зимнем подшлемнике. Такой воздух даже вдыхать неприятно. По пути к лесу я встречаю несколько человек, которые заверяют, что врач направил их в тыл из-за обморожений. 45 минут спустя я прибываю в резервный батальон, стоящий в маленькой ложине у северной кромки леса. Группками у маленьких костров стоят люди, жалкие, обмороженные. Чтобы согреться, они стучат каблуками, но те промерзли насквозь. Иду от костра к костру, разговариваю с ними, осознаю тяжесть их ситуации, говорю им, что надо как следует браниться, чтобы выпустить пар, что в России тошно и что ничего хуже такой погоды быть не может. Но они и сами знают, как близко шоссе¹¹⁷, а от прорвавшихся танков нас отделяет лишь несколько километров, что после соединения с ними Тула будет окружена и что я вполне уверенно могу высказывать предположение: это последнее большое наступление этой зимы. С восьми вечера вчерашнего дня парни ничего не ели, кроме хлеба, кофе в их флягах превратился в лед.

Хотя они соглашаются с тем, что тут ужасно и что никто не рассчитывает на дальнейшее наступление вглубь России, в целом их настроение всё еще не худшее, и я стараюсь еще подбодрить этих промерзших, плохо одетых,

¹¹⁷ Тула—Москва.

оголодавших, немых и изгвазданных людей. Про себя я думаю, что если бы этих людей увидел русский, его мнение о наших войсках упало бы. Настолько убог их облик. — Потом я поднимаюсь на холм к востоку от леса. Я вижу голый заснеженный склон, впереди слева и сверху под лучами солнца глубоко засыпанное снегом Никулино, дальше перед лесом Никулинские выселки, а справа из долины дым горящего Конино. Впереди справа в направлении высоты 250 быстро продвигается пехота. Артиллерия противника молчит. Да и выстрелов пехоты ниоткуда не слышно. Лишь из Пронино в нашу сторону доносятся редкие пулеметные очереди.

Наши штурмовые орудия едут через высоту 251. Также пехотные орудия, привязанные к саням, едут мимо нас к сараям. После того как мы, постепенно поднимаясь на холм, на некоторое время получили представление об общей ситуации, я — в согласии с сопровождающими — так суммирую увиденное: обычный первый кризис преодолен. 82-й полк движется вперед, как мы и желаем. Очевидно, пехота, пройдя Никулинские выселки, углубилась в лес. Итак, здесь всё в порядке. Моя помощь не нужна. Теперь дальше в 17-й полк. Сопровождающие меня довольны, что прогулка окончена. У меня самого, несмотря на зимний подшлемник, слегка подмерзли уши. У полковника Кульмана неожиданно сильно побелел нос. Он сам не замечает, что рискует его отморозить, и я говорю ему об этом. Мы возвращаемся назад через северную окраину Глебово, и поскольку машина так и не подошла, едем, к радости всей группы, на санях назад в Мерлеево. Возница, всё время обращающийся ко мне «господин полковник», в итоге весьма удивлен, какая крупная шишка сидела с ним спина к спине на охапке соломы. Подполковник фон Вутенау¹¹⁸ сказал ему: «Парень, это не полковник, а генерал, командующий корпусом». Бравый подвозчик сразу был огорчен.

В Мерлеево полковник Хоссбах подтверждает впечатление, которое уже создалось у меня на основе поступивших донесений. Они подошли так поздно, потому что изначально вся высота, на которой мы находились, была

¹¹⁸ Макс Адам фон Вутенау (1884–1947) — подполковник в штабе XXXXIII армейского корпуса.

утыкана рассеянными русскими. Один офицер-порученец полка только что вернулся, конь под ним был убит, он сам легко ранен, и вот он стоит перед нами, забрызганный кровью. Уже двенадцать. Я ем мой хлеб в теплой комнатке Хоссбаха и рассказываю ему, что Рундштедт¹¹⁹ из-за Ростова сдал командование группой армий «Юг», теперь ее возглавляет Рейхенау. Он говорит: «Поверьте мне, тут и на посту полкового командира быстро состаришься, так как дают заботы: ну куда мы? Вопреки зиме, всё время вперед, всё время в наступление, полк тает в руках. Уже пять месяцев непрерывных тяжелейших боев. Такого никакой механизм не выдержит». И что тогда?

Я еду в штаб дивизии в Поповку, где, к собственному удивлению, узнаю, что в 17-м полку дела обстоят всё так же, как утром. Малое Гремячее всё еще не взято. И Кетри, вопреки прежним расчетам, далеко еще не в наших руках. В северной части засел противник, в южной — мы. И опушку леса к северу от Кетри, и лесок в километре к северо-востоку противник еще удерживает. А вот на пути от Южной на юг в лесу уже наша рота, линия фронта перед деревней. Большие Луковицы взяты, Конино у противника. То есть всё перемешано и перепутано. Что сейчас нужно сделать? Батальонам, ведущим бои у Конино и Кетри, уже не помочь, они должны справиться сами. Артиллерия не может вести огонь по этой мешанине. А вот под Малым [Гремячим] задействование артиллерии еще может повлиять на ход дела.

В этот момент выходит на связь командир полка. Я спрашиваю его, что сейчас нужно сделать? Он хочет нанести новый артиллерийский удар, затем егерский батальон снова должен пойти в атаку. Он планировал начать в 14:00, но ему пришлось отложить операцию, так как приказ не дошел до самой северной роты, лежащей в лесу полукругом у деревни. Я говорю: «Штольцман, не тяните так долго. Действуйте как можно быстрее, каждый час умножает ваши потери». И он обещает начать атаку в 14:15 без оповещения роты. Я спешу к начальнику артиллерии, чтобы посмотреть, достаточно ли орудий участвует

¹¹⁹ Герд фон Рундштедт (1875–1952) — генерал-фельдмаршал, с июня 1941 г. командующий группой армий «Юг»; 1 декабря 1941 г., после того как его войска из-за массированного советского контрнаступления вынуждены были оставить едва взятый Ростов, был заменен на Вальтера фон Рейхенау.

в артподготовке. Там три батареи легких полевых гаубиц и одна тяжелых. Этого снова недостаточно, позаботьтесь же о том, чтобы хотя бы еще одна батарея легких гаубиц присоединилась, приказываю я, а лучше вторая тяжелых. А где корпусная батарея десятисантиметровых пушек? Из-за обледенения дорог еще не подошла. Вторая батарея тяжелых гаубиц не достанет до Малого [Гремячего].

Теперь еду в Извой в полк. Так как командир полка занят раздачей приказов, иду пока к командиру артбатареи. Малое [Гремячее] на противоположном склоне отчетливо видно, перед ним отдельные солдаты подбегают к скирдам соломы и отбегают от них, на заднем плане один русский, пытавшийся покинуть деревню, но подстреленный нашими солдатами или вынужденный залечь. Артиллерист говорит мне: то один, то другой из наших ребят постоянно возвращаются назад с обморожениями. Когда я снова прихожу в расположение полка, подполковник фон Штольцман докладывает, что III батальон больше не способен идти в наступление. Из-за потерь и обморожений роты тают. В 9-й роте всего один боеспособный взвод, в 10-й — два. Саперная рота и эскадрон разведчиков должны быть приданы для подкрепления егерскому батальону. Но это означает откладывание наступления до 16:30.

Я обсуждаю со Штольцманом положение его полка детально. Я говорю: «Что будет, если и эта третья атака (вторая была в 11 утра) не удастся?» — «Об этом я пока не думал», — отвечает он. Он твердо верит в успех. «А что, если не выйдет?» — настаиваю я. «Тогда батальон должен вернуться в Берники». — «Нет, — говорю я, — тогда вы прикажете ему отойти в сторону к разведчикам в Малиновку, но ни в коем случае не назад. Пусть завтра, но вы должны этот уголок взять. Остальные батальоны должны сегодня зачистить противника между ними, чтобы прояснить ситуацию. У русских тут лишь жалкая кучка солдат. Но если атака на Малое [Гремячее] сегодня удастся, то завтра вы можете из Кетри взять занятую врагом опушку леса южнее Конино. Как вы думаете, куда вы сможете выйти завтра?» Он говорит: «К Варфоломеево».

В 16:30 уже почти темно. Я возвращаюсь в корпус, так как надо принять и другие решения. На пути туда мы проезжали бревенчатый мостик без перил, и наш автомобиль едва не свалился с десятиметровой высоты. Правое заднее колесо уже сошло с моста. В последний момент

удалось выровнять машину. В 17:00 я прибываю в Грязново. В 18:00 я получаю сообщение, что атака на Малое [Гремячее] не удалась. Артподготовка была безупречно точной. Но когда дошло до наступления пехоты, из домов опять застрочили пулеметы и она не продвинулась дальше. Разведэскадрон не прибыл, так как в тот же момент Малиновка подверглась нападению из Пятницкого. Дивизия приказала отвести остатки III батальона 17-го полка назад в Берники. И II батальон под Кетри практически разбит. I батальон в Больших Луковицах отражает атаки врага, ведущиеся из леса к югу от деревни и из Конино. Полк Хоссбаха тем временем отразил одну атаку на Никулинские выселки с юго-востока и одну с северо-востока. Здесь положение еще не прояснилось, так как русский за спиной батальонов, стоящих в трех километрах к востоку, прорвался в деревню.

Отовсюду поступают сообщения о всё новых обморожениях, отказах оружия — в III батальоне 17-го полка не стрелял ни один пулемет и так далее. Дивизия докладывает, что 17-й полк более не способен вести наступление. Я спрашиваю генерала Бертольда, что он собирается предпринимать дальше. Он долго тянет с ответом, потом говорит, что 17-м полком готов разве что удерживать Большие Луковицы. Как плоха подобная ситуация, мы испробовали уже 12–15 [ноября]. 82-й полк тогда должен оставаться на своих позициях. В его дивизии от обморожений пострадало минимум 400 человек.

О продолжении нашего наступления без помощи соседей в этой ситуации и речи не идет. Я не могу гнать дальше 82-й полк, которому противник угрожает с фланга, а возможно, и с тыла. 17-й полк отпадает. Вечером -35°.

Я обсуждаю положение с начальником штаба [полковником Шульцем]. Мы одного и того же мнения: мы можем лишь стоять и ждать, пока подойдет 296-я дивизия, создавшая плацдарм у Брыково [Барыково. — О. Б., И. П.; далее испр.]. Но от армии она получила совершенно иное направление наступления: на северо-восток, через Обидимо-Яковлевское. Чтобы мы могли взаимодействовать, граница между нами должна проходить совершенно иначе — через Барыково-Хомутовку-Александровку. Мы докладываем в армию о решении: удерживаем достигнутые позиции, дальнейшее наступление только совместно с 296-й дивизией.

Как скоро она доберется до нас? Оценочно? Два дня. Танки нам помочь не могут, так как на них наступают с севера по шоссе и с востока. Сможет ли 296-я дивизия в этом холоде вести бои? Не надорвется ли она? И как у нас будут обстоять дела с обморожениями, когда мы через три дня доберемся до Кострово, нашей цели? Вероятно, мы придем туда небоеспособными и будем лежать на голой земле при -35° , без всякой способности к сопротивлению. Можем мы рисковать? Ведь мы должны ожидать серьезных контратак. Судьба снова подбросила нам худший из возможных раскладов.

Звонит генерал-полковник Гудериан. Я описываю ему ситуацию, вытекающее из нее решение остановиться и прошу, чтобы 296-я дивизия сильнее забирала на север. Я добавляю, что хотя и не вижу всей ситуации в целом, но вышестоящему командованию нужно решить, ставить ли на карту боевую мощь все еще свежей 296-й дивизии. Учитывая наш сегодняшний опыт, дивизия при наступлении замерзнет. Я попросил его принять во внимание, что будет, если мы застрянем на высотах у Кострово без какой-либо защиты от погоды.

Он отвечает мне, что и сам думал о том же. Он лично посетил 296-ю дивизию, и пусть у них всё не так плохо, как у нас, в целом всё равно проблемы впечатляют. XXIV танковый корпус высказался в том же духе, что и я. Он в итоге решил прекратить операцию и отдать приказ отходить на исходные позиции. Это его первый приказ на отступление. Но гнет сложившейся ситуации сильнее, чем воля. Он оставляет на мое усмотрение, отходить ли этой ночью или следующей¹²⁰.

¹²⁰ Ср.: Gen.Kdo. XXXXIII A.K., Kriegstagebuch. Ia. 05.12.1941 (BArch. RH 23–43/8): «В 22:45 обе дивизии по радио получают приказ к остановке наступления и к отходу. В приказе изложено решение, обсуждавшееся между командиром корпуса и командирами дивизий. С этим приказом заканчивается наступательная война этого года: стремительное продвижение по территории СССР лета, осени и суровой зимы. Сейчас стоит задача оборудовать позиции и держать их, восстановить численность подразделений и готовить их к следующему наступлению будущей весной. Нужно надеяться, что подразделения при нынешней недостатке людей и лошадей удержатся до подхода достаточных резервов. Позиции заняты столь слабо, что вряд ли смогут противостоять сильному наступлению; резервов, чтобы локализовать прорывы и им противостоять, у дивизий нет. Но всё это, как и ситуация со снабжением, уже многократно и настойчиво докладывалось верховному

Я хочу отступать завтра ночью, поскольку боюсь, что сегодня приказы не дойдут вовремя, особенно в 82-й полк. Но дивизия настойчиво просит отходить как можно скорее. Без боевого контакта и без обстрела противника ее последние части достигли наших прежних позиций в 10 утра 6 декабря.

День нам обошелся в 250 убитых и раненых и 850 обмороженных. 17-й пехотный полк переформирован в три усиленные роты, в каждой по 10 унтер-офицеров и 38 солдат!, к этому еще пять тяжелых пулеметных расчетов. Вот с такими силами, без каких-либо резервов мы держим наши позиции!

Запись в дневнике¹²¹, [Грязново] 6 декабря 1941 г.

BArch. N 265/11

Я посетил оба боевых полка и переговорил с их командирами. Они в самом горестном расположении духа. Полковник Хоссбах, сам по себе пессимист, добавил угнетен еще тем, что его сын был отправлен домой с обмороженными ногами. Он всё громче жалуется на верховное командование, утверждая, что оно не осознало и упустило верный момент, чтобы остановиться.

Опять у нас -30° , и когда я позже исследую высоту в районе Ладерово-Ларино, где мы будем обороняться, мои пальцы за пять минут почти промерзают, несмотря на меховые перчатки. Там лежит мертвый русский, наполовину занесенный снегом, застывший как кусок льда. Ужасная страна!

Особенный перст судьбы: именно в тот момент, когда наши парни оставили свои укрытия и пошли в наступление, ударил мороз, даже для местного декабря неслыханный. Никто не может сражаться в таких условиях. Я сам это почувствовал, пока был в дороге с 6:30 до 17:00. Следует изумляться тому, что было достигнуто. Мы были всего в 9 километрах от той точки на шоссе у Кострово, где

командованию. Так что мы надеемся, что они примут необходимые контрмеры предосторожности, чтобы помочь нам, хотя ни корпусное, ни армейское командование не замечает пока никаких признаков этого.

¹²¹ Последняя запись в дневнике Хейнрици за 1941 г.

должны были соединиться с танковой бригадой Эбербаха. Всякий, кто позже взглянет на карту, скажет: как же можно было остановить наступление? Но после выхода из строя 17-го пехотного полка своими силами мы не смогли бы достичь цели. Трудно подсчитать, что бы мы потеряли из-за мороза, если бы продолжили атаку. Я думаю, мы бы дошли до цели вовсе без солдат и пришлось бы тут же откатиться назад. Здесь природа оказалась сильнее человеческой воли и возможностей. Так битва за Тулу завершилась неудачей.

Я думаю, иначе и быть не могло, поскольку с самого начала наши силы для решения этой задачи были совсем слабыми. Это относится не только к нашей особой ситуации, но и ко всей армии. Отчасти из-за расположения противника, но отчасти и из-за неудачных решений командования наши слабые силы распыляли раз за разом: то расставляли их слишком далеко друг от друга на огромном пространстве, то отказывались от одновременных совместных действий. Так армия не смогла достичь желаемого успеха. В особенности ситуацию ухудшило то, что численность имеющихся частей упала до смешотворных величин и что за пять месяцев наступательных действий они были морально и физически вымотаны, в то время как русский посылал против нас всё новые и новые силы. Не важно, откуда они их там выцарапали, они всё равно были — хорошо одетые, хорошо накормленные, прогретые алкоголем и с немалым пополнением. У нас ничего этого нет. Медленно, но верно мы тут допобеждались до полного истощения наших сил. Горькая концовка. Теперь мы стоим здесь, и нам еле-еле хватает людей, чтобы расставить их на удерживаемые позиции.

8 декабря XXXXIII армейский корпус был атакован 50-й советской армией и за последующие недели постепенно выдавлен западнее Калуги или отходил, дабы избежать неминуемого окружения. С 16 декабря это противоречило безоговорочному приказу Гитлера удерживать позиции любой ценой (Haltebefehl¹²²). С 19 декабря корпус был вновь подчинен 4-й армии.

¹²² Приказ Гитлера от 16 декабря 1941 г.: «Личным воздействием командующих, командиров и офицеров принуждать войска к фанатичному удерживанию

Письмо жене и дочери, [Грязново] 8 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 145–148

Всем сердцем желаю вам обеим хорошего Рождества. Не смею желать «счастливого». Столь тяжело давит война на нас и на весь немецкий народ.

Отсюда я, к сожалению, ничего не могу вам подарить. Я даже не могу вам сообщить, что я приобрел какие-то меха. Так как их конфисковали в пользу рейха. [...]

Где мы встретим праздник, я не знаю, но, должно быть, не в Грязново, что в переводе означает «Dreckdorf» [Грязная деревня]. Я бы не хотел справлять Рождество здесь, где мы стоим уже больше четырех недель, где всё так тесно, и всё напоминает о неприятных переживаниях.

Ничего не знаю и о том, как мы встретим праздник. Я вполне допускаю, что русский сделает всё возможное, чтобы нам его испортить. Он скажет, что немец в этот день отвлечется, вот мы его и атакуем. И потому вполне вероятно, что наша «тихая ночь» будет наполнена канонадой. [...] И мы [штабные офицеры. — О. Б., И. П.], и войска предпочли бы, чтобы мы остановились до зимы. Тогда бы у нас были потрепанные, но боеспособные войска, позиции, пригодные для ведения боя, зимние квартиры. Сейчас ничего этого у нас нет. [...]

То, что наш Мюнстер так сильно пострадал, я прочел с большим сожалением¹²³. Но тем не менее мы хотим сохранить квартиру. Я хочу сохранить ощущение, что у меня хоть где-то есть дом. [...]

собственных позиций без оглядки на противника, прорвавшегося с флангов или в тыл. Только таким ведением боевых действий можно выиграть время, необходимое, чтобы подвести подкрепление с родины и с запада, приказ о чем я отдал. Лишь когда резервы займут запасные позиции в тылу, можно думать об отводе войск с нынешних позиций» (цит. по: *Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1972. S. 220*).

¹²³ Вероятно, имеются в виду разрушения во время британских налетов на Мюнстер 6–10 июля 1941 г.

Отчет семье¹²⁴, [Грязново] 11 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 149–154f. Ms.

Бои продолжались с 19 ноября. Очень тяжелые, очень кровавые и требующие из-за зимы неслыханных усилий. Между 27 и 30 ноября мы взяли Алексин. Этот город, расположенный на лесистом холме в излучине Оки, был, как и Тула, краеугольным камнем оборонительных позиций, построенных русскими к югу от Москвы. Чтобы не быть распознанными на снегу и преждевременно обстрелянными, мы снова начали бой ночью. Мы не собирались ошарашить противника, но кое-где это удалось. Однако в целом мы застряли на позициях противника и лишь с большим трудом к вечеру продрались сквозь них. Широкие минные поля местами ставили нашу пехоту в тяжелое положение, пришлось преодолеть несколько кризисных ситуаций.

Наши войска, которые ведут наступление с июня, уже не те, что в начале кампании. Многих лучших солдат уже нет с нами. И требовалась вся самоотдача или вся воля, чтобы, вопреки всем нагромождениям препятствий, всё же настоять на своем. Три дня с утра до вечера я был на поле боя. Было -10°, дул восточный ветер. Я сполна испытал все нужды, все заботы, артиллерийский огонь и холод. [...] Русскому понадобилось 36 часов, чтобы оправиться от этого удара. Потом он подтянул новые силы из Москвы и Тулы и начал штурмовать занятые нами позиции. Да как! Никогда не забуду, как командир полка, чьи парни с часа ночи до 9 утра отражали одну атаку за другой порой в штыковом бою, с дрожью и почти со слезами на глазах сказал: «Еще один такой штурм, и мы не удержимся. У офицеров и солдат больше нет сил, они просто не могут больше!» И как изменилось выражение лиц, когда я ответил: «Я даю вам свой резерв, через три часа он будет здесь!» Один жалкий батальончик, наверное 160 штыков, больше у нас сейчас нет, но для них в их положении это был королевский подарок!

И посмотрите на парней, что неделями противостоят врагу на этом морозе, по 30 человек ютятся в завшивленной халупе, без мыла, не мывшиеся и не брившиеся по

¹²⁴ Последний «отчет» Хейнрици до 8 мая 1942 г.

многоу дней, с гниющими ранами по всему телу из-за постоянной чесотки, вызываемой вшами, в рваной форме, покрытые грязью и паразитами. И послушайте, что все эти люди, которых врач признал негодными к службе из-за гноящихся ран на ногах, сказали 26 ноября: мы не отправимся в госпиталь, мы не бросим наших товарищей перед началом атаки. И с перевязанными ногами, без носок пошли при -10° на следующий день в атаку. Или юный лейтенант Х[акмайстер], которого я посетил в расположении его роты, он показал мне своих бойцов, а наутро его нашли без сознания. Он был несколько дней назад трижды ранен, но молчал, не хотел бросать свою роту, и так лишившуюся почти всех младших командиров!

Несмотря на всё это, мы вновь атаковали 5 декабря. Сложившаяся ситуация вынудила нас к этому. Танки так обошли Тулу с востока, что нам осталось закрыть лишь небольшой разрыв в 20 километров в тылу противника. Наши части стояли в одиночестве, под жестокими атаками врага, на основной линии снабжения противника Тула-Москва. Было бы просто преступлением не воспользоваться такой ситуацией и не завершить полноценное окружение русских. Все наши предыдущие атаки ставили ту же цель. Все прежние жертвы были подготовкой к этому последнему шагу, который теперь следовало сделать. Но было трудно за столь короткое время переформировать силы корпуса так, чтобы их хватило для выполнения задания. Два полка, еще свежих и не столь сильно потрепанных боями,годились для этого. Пока мы разрабатывали операцию, была вьюга и, по нашим меркам, теплая погода, -2° или -3° . Когда же 24 часа спустя мы атаковали в полночь, было -32° !

Левый полк бодро пробил себе путь к первой цели. Ему оставалось пройти лишь 8 километров до танков. Тем не менее правый полк застрял, преодолевая русскую позицию. В течение дня он дважды штурмовал ее, частично успешно. Но в целом полк завяз у укрепленных деревень, в которых засели русские, без какого-либо укрытия и лежа в снегу при -32° . Уже к полудню потери от обморожений были такими большими, что войска таяли на глазах. Третья атака, запланированная на 14 часов, не произошла, поскольку отдельные роты состояли лишь из нескольких человек. Я собрал в кулак всю артиллерию, в 16:30 начался новый штурм, но вновь безуспешный. Известный

в нашей армии еще в мирное время батальон, который должен был выполнить задачу, из-за обморожений практически перестал существовать.

И вот с наступлением темноты я был столь близок к желаемой цели, ради которой мы неделями вели тяжелые бои, столь близок, что можно было дотянуться до нее рукой, но войска, которые должны были это сделать, утекали сквозь пальцы этой руки. Ничего не оставалось, кроме как предложить командованию отменить операцию. Схожая ситуация и в других местах, хотя и не настолько плохая, как у нас. Сверху быстро поступил приказ отказаться от операции. Столь близко от цели, уже были готовы сделать последний шаг — но высшие силы вырвали из наших рук уже почти достигнутое. Вообще, слава Богу, что было принято решение отойти. На следующий день было -35° , затем -22° . Продолжи мы атаку, через 48 часов у нас не осталось бы никаких войск. На четвертый день начались такие снежные заносы, что подвоз снабжения был крайне затруднен. Продолжи мы нашу битву, мы бы не только обморозились, но еще, пожалуй, и с голоду бы померли.

Я не знаю, способно ли мое скупое описание событий передать все качели наших желаний, надежд, жертв, новых наступлений, достижений цели и в конце всё же неудачи, которыми были полны эти дни. Уж точно это не были мирные предрождественские дни — скорее, самые тяжелые недели этой кампании. И теперь, быть может, вы лучше поймете полное значение сводки вермахта, вышедшей спустя 24 часа после наших действий: теперь ход операций диктует русская зима.

Но подчиняться законам зимы должны обе воюющие стороны. Не знаю, спрашивали ли об этом русского. Пока что он к этому не склонен, а напротив, яростно атакует на разных направлениях. Прибыли сибиряки. Привыкшие к холоду и хорошо одетые, им эти температуры кажутся умеренными. И вот потому русский может похвастаться не столь уж незначительными достижениями в различных местах. То, что было пережито нами, происходит и на других фронтах, только в большем масштабе¹²⁵. Кое-где мы были в 25 километрах от центра Москвы. Сможем ли

¹²⁵ Наступление на Москву повсюду застопорилось 5 декабря, в тот же день началось контрнаступление Красной армии. 8 декабря Гитлер приказал закончить наступление и перейти к обороне (указание Nr. 39).

мы там выстоять и удержаться — на этот счет у меня сомнения. Из Ростова нас вышибли¹²⁶. Так что на данный момент в целом всё не слишком удовлетворительно. Я многократно подчеркивал, что русский крепко побит, но еще не разбит. Его упорное сопротивление мы раз за разом чувствуем на собственной шкуре. Прибытие его дальневосточных сил еще создаст нам проблемы этой зимой. Русский будет разбит лишь после того, как потерпит поражение в новой летней кампании 1942 г. Пока же похоже, что на время зимы он собирается всеми силами атаковать наши истощенные и поредевшие от потерь войска.

Так что мы тем более приветствуем вступление Японии в войну¹²⁷. Я не жду, что в обозримом будущем она выступит против России. Но она остановит или как минимум затруднит материальное снабжение России из Америки и Англии. И для нас уже это большая победа. К примеру, всё, что мы видим в последних боях, говорит о сокращении количества вражеских самолетов, артиллерии и танков. Русскому будет очень трудно компенсировать эту недостачу своими силами. Да, он забрал с собой всё оборудование захваченных нами заводов. Часть его могла достигнуть места назначения, но часть просто где-то стоит на железнодорожных путях. До той поры, когда возведут помещения, в которых можно будет запустить это оборудование, зима уже закончится. И это для нас большое преимущество.

Столь же я рад тому, что Роммель¹²⁸ в общем и целом держит африканский фронт. Для них вступление Японии в войну — тоже облегчение. В случае если итальянцы потерпят новое поражение, оно окажет серьезное воздействие на их и без того шаткое настроение. Поражение в Ливии может перерасти в потерю всей Африки. И я могу себе представить, что тогда у кого-то возникнет идея, используя Северную Африку, Испанию, Португалию и, быть может, неоккупированную часть Франции, высадиться

¹²⁶ Уже 28 ноября 1-й танковой армии (Клейст) пришлось очистить Ростов.

¹²⁷ 7 декабря 1941 г. авианалетом на американскую морскую базу Пирл-Харбор на острове Оаху на Гавайях Япония неожиданно начала войну против США.

¹²⁸ Эрвин Роммель (1891–1944, вынужденное самоубийство) — генерал танковых войск, с января 1942 г. генерал-полковник, с августа 1941 г. по январь 1942 г. командующий танковой группой «Африка», с января 1942 г. по февраль 1943 г. командующий танковой армией «Африка».

в Европе, пока злые немцы заняты где-то еще. Я надеюсь, что со вступлением Японии все эти бредовые идеи будут задавлены в зародыше. Наши желтые соратники начали войну крайне внезапно и очень удачно.

Прямо сейчас снежно и сильный ветер. Дороги почти непроходимы. Ледяной ветер продувает до костей даже через мех. Попробовал тут сходить по своему обычному маршруту до мертвого русского, который лежит там непохороненный с начала ноября. Но пробиться уже не смог. В последние недели нам пришлось справляться с огромными проблемами в вопросе снабжения. Нередко войска просто голодали. Табак, чай или эрзац-кофе стали редкостью. Жиры, которые так нужны, вообще до нас почти не доехали. Прошу заметить, что не везде так плохо. Мы же в плане снабжения находимся в особенно неудачном уголке. К нам не ведут ни шоссе, ни железная дорога. Поезда по несколько дней стоят в тыловых районах из-за сломавшегося двигателя, саботажа или подрыва путей. Так что этот сильный снегопад нам совсем не на руку, он лишь еще ухудшит ситуацию.

Вчера читал речь Сталина от 24 октября (Октябрьская революция), которую нам сбросили русские в виде печатной листовки на хорошем немецком¹²⁹. В особенности он надеется, что германская армия, сильно побитая за летнюю кампанию, не устоит перед русской зимой, трудностями со снабжением и ударами свежих русских зимних войск, что прибыли из Сибири. Частично они были брошены в битву за Москву и потому крепко потрепаны, но частично ведут наступление. Теперь нашей задачей является выстоять. Так что все мечты об отпуске и о родине ни к чему. Кстати, я не думаю, что и с транспортной точки зрения это возможно.

По совету графа Моя я прочел несколько рассказов Толстого и Лескова. Поместье Толстого чуть южнее Тулы, там стоит штаб дивизии¹³⁰. Его землевладения, толстов-

¹²⁹ Примеч. рус. ред.: неточность. Доклад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции Сталин читал 6 ноября на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся, на котором присутствовали представители партийных и общественных организаций Москвы. 7 ноября он выступал перед участниками военного парада на Красной площади. Обе речи распространялись в форме листовок.

¹³⁰ Примеч. рус. ред.: рядом с Ясной Поляной располагался штаб полка «Великая Германия».

ские уголья, совсем близко от нас — это не более чем заброшенные халупы¹³¹. Лесков известен как один из лучших русских рассказчиков. Книги меня очень впечатлили. Остается только поражаться всей мощи описания у Толстого и четкости, с которой он выписывает характеры. Прочитав его, разрешил для себя загадку, почему же в России всё настолько отсталое и заброшенное. Его рассказ «Утро помещика» рисует крестьян, которых мы видим ежедневно: добродушных, послушных, но без всякой инициативы, сами они ни за что не берутся, даже наоборот, отвергают всё благое, если оно мешает полюбившемуся порядку вещей. И знать не хотят о каких-либо улучшениях. С такими людьми прогресса не достигнешь. С учетом такого положения вещей мой переводчик говорит: два немецких протектората уже образованы¹³². Они станут хорошими колониями. Остаток России распадется на самостоятельные республики. Советское правительство само уже это подготовило. До Байкала они будут зависимы от Германии, а дальше — от Японии. Тем самым проблема России будет решена.

Я только что получил от Хартмута письмо за 29 ноября из Орла. Он вернулся туда во время не самых простых боев, которые ведутся сейчас к востоку от Тулы¹³³. [Приписка от руки:] Да защитит его Бог. Бои тут идут жестокие. [...] В ближайшее будущее мы смотрим озабоченно.

Письмо жене, [Грязново] 12 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 155f.

Тот, кто должен передать «отчет», сегодня не уехал. Я сам застрял в снегу в трех километрах от нашей «грязной деревни», пришлось развернуться. Я отдал приказ в будущем иметь наготове свежих лошадей, чтобы путе-

¹³¹ Ср. с воспоминаниями Гудериана, который в начале декабря 1941 г. разместил свой выдвинутый командный пункт в Ясной Поляне: *Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten*. S. 233.

¹³² Имеются в виду рейхскомиссариаты Остланд и Украина.

¹³³ Хартмут Хейнрици вернулся 21 ноября 1941 г. из своего отпуска по ранению, в котором находился с середины июля. Он снова стал командиром взвода в 71-м пехотном полку. 18 декабря 1941 г. был назначен батальонным адъютантом.

шествовать, словно старик Наполеон, на санях, меняя лошадей. Эта страна ни в чем не годится под общую мерку: ни в своих размерах, ни в своих лесах, ни в своем климате, ни в массах своих жителей. Из-за вшей у нас недавно было два случая тифа. Всё безобразное и уродливое собрано здесь.

Только что получил твои письма из Мюнстера. Им четыре недели. Как было бы здорово оказаться в своей собственной квартире, что стоит сейчас пустая и холодная. Поскольку мы теперь официально воюем с Америкой¹³⁴, невозможно сказать, когда мы снова воспользуемся квартирой. Ясно представляешь себе всё это, а потом приходится буквально силой себя поднимать. 1/9 моей жизни я провел на настоящей войне; куда дольше жил в обстановке, похожей на военную. Ко всему прочему, русский вовсе не думает о зимней передышке, как нам бы того хотелось. Он атакует по всему фронту и местами достигает не столь уж незначительных успехов, превосходящих «локальный» масштаб. И мы не чувствуем себя в особой безопасности. Бесконечные территории надо удерживать минимальными силами. Противник где-то концентрирует свои силы воедино — там у нас сразу возникает проблема. Вдобавок все мы физически и морально вымотаны после шестимесячной кампании. Мы ничуть не чувствуем себя счастливыми. [...]

Письмо жене, [Грязново] 16 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 157

С большим беспокойством пишу тебе о развитии событий здесь. Русский в нескольких местах проделал такие крупные дыры в нашем тоненьком фронте, что заставил нас отступить. Всё происходит в тех же условиях, которые были в 1812 г.: глубокий снег, почти непроходимые дороги, поземка, вьюга и мороз. Что из этого выйдет, я не знаю, сейчас можно лишь надеяться на то, что нам удастся остановить противника. Но в нашем кругу не кажется

¹³⁴ После внезапного нападения Японии на Пирл-Харбор (7 декабря) и объявления США войны Японии (8 декабря) Германия и Италия 11 декабря объявили войну США.

слишком ясным, как это сделать. К тому же наш ребенок находится в гуще этих событий. На фронт он прибыл почти в тот самый день, когда положение дел начало меняться. Всё время думаю о нем. Но и собственные заботы грозятся такими горами, что я пока что выхода не вижу. Погода, территория и природные условия повсюду выбивают из наших рук любое средство, которым можно изменить ситуацию. Наше верховное командование думало, что можно будет закрыть глаза на условия, которые выше человеческих сил и которые нас надламывают. За всю [Первую] мировую войну никогда я не был в такой ситуации, какую мы переживаем сейчас. Каков будет исход — всё в руках Господа. Эти дни могут оказаться решающими для хода войны.

Письмо жене, [Ахлебинино¹³⁵] 17 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 158

После наших бесчисленных предупреждений верхи, похоже, наконец-то осознали актуальную опасность. Наконец-то пошлют помощь. Дай Бог, чтобы она еще поспела вовремя. Ситуация просто чертовски серьезная — нет, она даже хуже, она напряжена до предела. Никто сейчас не скажет, закончится ли всё хорошо. В первую очередь завтра нас ждет день, полный забот. Всё было бы не так плохо, если бы офицеры и солдаты не были так измотаны бесконечными 6-месячными боями и постоянным физическим и моральным давлением. Добавляет масла в огонь и то, что наши скукожившиеся части столь смехотворно малы и что наше снабжение и обмундирование никак не годятся для русской зимы. Я всё время беспокоюсь о нашем мальчике.

Сейчас где-то -10°, намело 30–40 сантиметров снега, нередко заносы. Маршевые проблемы неслыханного порядка, гололед, и, как результат, все машины и прочее скользят.

4 дня меня мучает ужасный понос, начал принимать опиум.

Да поможет нам Бог перенести этот кризис.

¹³⁵ К юго-востоку от Калуги.

Письмо жене, [Ахлебинино] 19 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 159f.

Вчера, после временами очень тяжелых боев, мы смогли сдержать давившего на нас противника. Хотя это и не меняет общей ситуации, которая всё еще более чем серьезна. Теперь даже верховное командование осознало, что на кону стоит судьба всей кампании. До этого никто не слышал наши предостерегающие окрики. И на верхнем, и на нижнем уровнях было написано достаточно рапортов о состоянии и слабости наших войск. Игнорируя недостаток зимнего обмундирования, неполноценное питание, неудовлетворительное снабжение и недостаточное количество людских сил, верховное командование желало наступать на Москву, а Гудериан на Тулу. Все предосторожности были отринуты. Теперь они заявляют: пожертвуйте собой, чтобы ситуация вновь выправилась.

Я надеюсь, что нам всё-таки удастся преодолеть кризис, собрав все силы. Уже 48 часов фюрер сам за работой, чтобы послать нам всю возможную помощь¹³⁶. Мы не можем предсказать, что еще произойдет. Дай Бог, чтобы плохая погода не замедлила или не остановила эту помощь. Расстояние до Германии велико, а транспортные возможности ограничены, в то время как у противника все резервы под рукой.

С сегодняшнего дня мы перешли от Гудериана [в армию] к Клюге. Нас это радует, поскольку ранее командование не было четким и добротным. [...]

Письмо жене, [Ахлебинино] 19–20 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 161

19 декабря 1941 г. Вечер.

Ситуация у нас тут накаляется. Положение меняется ежечасно. Что было верно только что, через час уже ложно. Все, кто видит наши дела, понимают, что нас спасет только чудо. Дарует ли нам Господь таковое — этого я не

¹³⁶ Гитлер 16 декабря известил группу армий «Центр», что фактически взял на себя командование сухопутными силами. Формально Гитлер заменил Браухича на посту главнокомандующего сухопутными силами 19 декабря.

знаю. И войска, и мы [штабисты, руководящие офицеры. — О. Б., И. П.] сделали всё, что только было в человеческих силах, чтобы выправить ситуацию. Но не в нашей власти изменить ее без сторонней помощи. Надо смотреть правде в глаза.

20 декабря. Сегодняшний день опять принес лишь ухудшение ситуации. Становится всё более и более ясно, что нас постепенно окружают. Мы стоим полукругом юго-восточнее Калуги, и противник обходит наши фланги. Резервов для их обороны у нас не имеется. Все просьбы, все запросы наверх остаются без ответа. Похоже, так или эдак мы попадем в руки русских. Сегодня Браухич ушел с поста главнокомандующего сухопутными войсками, фюрер сам теперь будет командовать. Но и он не сможет перевернуть ситуацию в нашу пользу.

До глубины души я опечален тем, что Хартмуту пришлось ехать на фронт в этот момент. Но так было угодно Господу, мы должны это принять.

В будущем будет много вопросов относительно причин столь внезапного поворота, который сбросил нас с высочайшей, казалось, вершины в самую пропасть.

Русского совершенно недооценили. 3 декабря группа армий передала телеграмму, что, мол, осталось в последний раз напрячься и противник будет сломлен. Резервов у него больше не осталось. Зато у него еще осталась сибирская армия, у него остались бесконечные пополнения, которые снова и снова вливаются в его потрепанные войска. У нас же с конца июня почти не было пополнений, с октября больше нечего было есть, поэтому пришлось снабжать себя самим с окружающей территории — в случае если что-то удавалось найти. Наши части давно потеряли своих лучших командиров и солдат, и они стояли посреди русской зимы, не имея должного зимнего обмундирования. Приходится лишь изумляться, чего же достигли эти вымотанные, малочисленные, завшивленные и обессиленные люди. Так-то. Теперь русские массы их попросту окружают и раздавят. Пиф-паф — тут зайчику и конец.

21 декабря 1941 г. XXXXIII армейский корпус наконец получил разрешение отойти к Калуге с целью удержать северо-западный коридор для отступления. Город удавалось удерживать до 30 декабря 1941 г., после чего корпусу пришлось отойти в направлении Юхнова.

Письмо жене, [Калуга] 22 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 165f.

У меня есть возможность отправить тебе это письмо с курьером. Не знаю, когда до тебя дойдут мои письма за последние дни, отправленные полевой почтой.

Где-то 8 или 9 декабря русский начал свою контратаку под Тулой. Экипированный шикарнейшей зимней формой, он пробил большие дыры в нашем фронте. Хотя мы и видели нависающую угрозу окружения, сверху нам постоянно приказывали держаться. В окружении держаться бы не вышло, поэтому пришлось отступить. Отходили по снегу и льду прямо как Наполеон в свое время. Схожими были и потери. Апатия среди личного состава ширится. Состояние войск нельзя назвать иначе как плачевным.

И вновь я нахожусь в той точке, где русский давит сильнее всего. По сути, мы уже полностью окружены. Вчера ситуация была безнадёжной. Мы ожидали скорый конец в котле. В самый последний момент Клюге дал разрешение на новый отход. Так наше существование было еще немного продлено. Лишь Бог знает, чем всё закончится. Мы должны верить всё в Его руки.

Приказы удерживать позиции, демонстрирующие непонимание реальной ситуации, вероятно, исходят с самого верха. Сначала, чтобы втянуть Японию в войну, теперь, чтобы не бросить ее на произвол судьбы, нельзя признавать неудачи. Чтобы их избежать, нам нужно устоять. Это означает скверный конец. Последствия будут куда как хуже, чем если бы мы сейчас отошли на 200 километров. День за днем решение оттягивается, что противник использует в свою пользу и что ухудшает наше положение.

Качели сложившейся ситуации уже просто невыносимы. Уже десять дней я вижу надвигающуюся гибель, кричу, умоляю. Получаешь приказы, которые просто невыполнимы. Висишь над пропастью на волоске. Ничто не помогает, сверху ничего не видят. Последствия непредсказуемы.

Теоретически я мог бы избежать катастрофы, что угрожает моему корпусу. Мне надо было отступить на 30 километров. Но это было запрещено командованием армии. Кроме того, это означало бы отступить с наших жалких позиций в голый снег. Войска, находящиеся в прикормном состоянии, ни в коем случае этого не желали.

Сам я — может, это и было ошибкой — не выступил ни против Клюге с Гудерианом, ни против дивизий, ни против моего начальника штаба [полковника Шульца]. В итоге, когда ситуация стала критической, Гудериан — превосходное командование которого и довело нас до этого — приказал нам удерживать позиции. Выполнить этот приказ было уже нереально. И всё же, хотя помимо отступления уже не оставалось иного выхода, мы бы могли отойти еще дальше, если бы верхи не колебались. Пробил час Кейтеля¹³⁷! Утро вечера мудренее! Переживая всё это и обдумывая прошедшие годы, я вспоминаю выражение «Не заблуждайтесь: Бога не проведешь!». С самой вершины падаешь в пропасть.

Я не знаю, что будет дальше. Вчера, когда всё было безнадежно, в календаре прочел от Михея 7,7: «А я буду взирать на Господа, уповать на Бога спасения моего: Бог мой услышит меня». Вчера Он нам помог в последний момент, когда не было уже иного спасения. Я могу лишь вверить всё Ему. Нашими силами уже ничего не поправить.

Спать, есть, пить — всё позади. Лишь туго натянутые нервы еще держат на ногах. Но это лежит за пределами возможностей, день за днем — вот так спасать свои жизни и не видеть впереди никаких изменений, никакой надежды на лучшее. [...]

Письмо жене, [Калуга] 22 декабря 1941 г.

BArch. N 265/155. Bl. 167

Всё неудержимо куда-то катится. Сверху получаем приказы держаться, в то время как русские нас всё время обходят. Вчера уже были наполовину окружены. Вновь смогли вытащить голову из петли. Я не знаю, получится ли это во второй раз. В любом случае мои надежды на то очень слабые.

Я молюсь Господу, чтобы Он мне помог. Без Него я не знаю, как мне быть.

¹³⁷ Вильгельм Кейтель (1882–1946, казнен) — генерал-фельдмаршал, с февраля 1938 г. по май 1945 г. начальник штаба Верховного командования вермахта (ОКВ).

**Письмо жене, [Тихонова Пустынь¹³⁸]
Рождественский вечер**

BArch. N 265/155. Bl. 168

Мы во власти злого рока. А в Берлине, на самом верху, этого видеть не хотят. Кого боги хотят покарать, того они лишают зрения. Ежедневно мы переживаем одно и то же. Но из соображений престижа никто не способен пойти на решительный шаг и отступить. Они не желают признать, что их армия под Москвой уже почти полностью окружена. Они отказываются осознать, что русский на такое способен. И в тотальном ослеплении они шатаются над пропастью. Они не желают признавать неудачи. И через четыре недели они потеряют под Москвой свою армию, а позже это закончится поражением в войне.

Изо дня в день мы ощущаем, как всё туже затягивается петля на шее. Фюрер в это верить не желает. Нас самих, осознающих ситуацию, лишает последних сил то, что от нас уже 14 дней отпиливают по кусочку. Иногда следует 24-часовая передышка. А потом вновь град ударов. Ни одна контратака не удастся, поскольку мы не управляем ситуацией, инициатива в руках противника. Сплошное расстройство, невыносимое положение.

Получил прямо к празднику твои рождественские посылки. Благодарю тебя за рождественские дары. С грустью взглянул я на красивую упаковку и тому подобное. Ах, Трудель, как же тяжело выносить этукую муку.

25 декабря. Сегодня мой 55-й день рождения. Не страшитесь, говорит лист календаря. Вероятно, ты с Гизелой сейчас думаешь обо мне, равно как и я о вас. Со вчерашнего дня снова нахлынули новые трудности, новые заботы. Я не знаю, чем это кончится. Очень трудно не страшиться и не опускать головы. Но я хочу надеяться и думать о старой Женни с ее пословицей¹³⁹.

¹³⁸ Монастырь к северо-западу от Калуги. Ср.: Gen.Kdo. XXXXIII A.K., Kriegstagebuch. Ia. 24.12.1941 (BArch. RH 23–43/8): «Довольно хорошо расквартировались в маленьких отдельных комнатках старого, прежде очень богатого и известного монастыря».

¹³⁹ Примечание в копии (BArch. N 265/12. Bl. 148): «Женни, няня в семье Константина Штруппа в Либав (до 1905 г.). Она говорила: "Держись, и будет явлено чудо", что часто цитировала Гертруда Хейнрици, урожд. Штрупп».

**Письмо жене, [Тихонова Пустынь] 25 декабря
1941 г., вечер**

BArch. N 265/155. Bl. 170

Часто мои мысли сегодня уносились к вам. В душе я прожил этот день с вами.

Здесь же снова сплошные неприятности. Наше положение всё тяжелее. На нашем фронте нам постоянно удается отбивать русские атаки. Но противник всегда может обойти наши фланги на санях, на лыжах, а значит, превосходит нашу неповоротливую кучку. Только мы понадеемся, что наступила пауза, так нас снова обходят и обгоняют. Просто невыносимое положение. Наконец-то получили разрешение на отход. Слишком поздно. Трудно представить, сколько машин, снаряжения и орудий мы потеряем из-за заснеженных дорог. Они застревают, соскальзывают в кювет, и их уже не сдвинешь с места. За всю [Первую] мировую войну никогда я не бывал в такой ситуации. Она удручает до предела. Слава Богу, что лишь мы одни в такой ситуации — одинокая группка, которой угрожают со всех сторон.

Я отправляю мой подарок на день рождения, это открытка, на которой отмечены наши штаб-квартиры в ходе русской кампании. На обороте — эмблемы дивизий, которые сражались под нашим командованием.

Как тяжелы эти дни! Как долго еще они продлятся? Удастся ли и вправду всё уладить? Голова гудит от больших и малых забот, конца-края им не видно. Под этой тяжестью нетрудно загнаться.

После падения Калуги и оставления позиций на реке Оке в конце 1941 г. XXXXIII армейский корпус (31-я, 131-я и 137-я пехотные дивизии) угодил в узкое пространство между Калугой и Юхновом, попав под одновременное давление с севера, юга и востока, а затем и под угрозу быть отрезанным с запада. Все запросы относительно дальнейшего отступления на запад отклонялись в соответствии с гитлеровской догмой «держаться любой ценой». Лишь 15 января 1942 г. Гитлер впервые разрешил фронту отойти на «зимние позиции» чуть восточнее Юхнова; в то же время он требовал, чтобы 4-я армия безусловно удержала как эту важную транспортную развязку, так и шоссе Рославль-Юхнов, главную трассу снабжения.

Письмо жене, [Полотняный Завод¹⁴⁰] 2 января 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 4f.

Сегодня пришли твои посылки, отправленные через Магдебург. Искренне тебя за всё благодарю. Как и в рождественской посылке, которую я получил к празднику, все дары были тобой мило упакованы. Золотистая свечка в деревянной кружке подсвечивает мне при написании этих строк. Полевая почта больше не работает. Письма не доходят, поскольку противник захватил железнодорожные пути и теперь угрожает захватить шоссе. Быть может, всё-таки найдется возможность переправить тебе это письмо.

Я целую неделю ничего не писал. Я и не мог писать, поскольку заботы были слишком тяжелы. Не было ни желания, ни мыслей, чтобы что-то писать. Самой возможности писать не было. Наше положение ничуть не улучшилось, но твои письма в посылке побуждают написать ответ.

Мой корпус стоит на фланге, который противник окружает с 12 декабря. С крупными, широко развернутыми силами он стоит глубоко в нашем тылу. С фронта же он атакует день и ночь. На протяжении многих дней у нас было 20°, 30° и даже 35° мороза. Наши войска находятся в жалком состоянии. К большим потерям добавляются обморожения. Сколько еще мы протянем — никто не знает. Может, однажды войска и не выдержат. Настолько плохо наше положение.

Приближение этого несчастья мы видели еще недели назад. Больше 14 дней назад мы отправили наверх запрос наконец-то дать приказ на большой отход, чтобы армия смогла оторваться от противника. Если бы нас услышали, то всё могло бы сложиться хорошо. Русский не смог бы нас обогнать. Но в качестве ответа мы получили указание, что нельзя просто так отдавать уже завоеванную территорию. Теперь они боятся «наполеоновского отступления» и говорят о фанатичной обороне, запрещая всякий отход¹⁴¹. Так что нас должны были окружить.

¹⁴⁰ К востоку от Юхнова.

¹⁴¹ См. выше приказ Гитлера от 16 декабря 1941 г.: «Личным воздействием командующих, командиров и офицеров принуждать войска к фанатичному удерживанию собственных позиций без оглядки на противника, прорвавшегося с флангов или в тыл».

Мероприятия по оказанию помощи столь редки и малы, как капля в море, и всегда запаздывают. Меня самого заставили удерживать позиции, которые уже невозможно было оборонять. Я вчера сказал командующему¹⁴², что он сам может начинать обратный отсчет дней, которые он еще продержится, пока его не выдавят на юг. Его сюда послали как волевого человека, так пусть теперь он с учетом всех обстоятельств проталкивает наш взгляд наверх или заявит, что возвращается к командованию корпусом. Ответом было, что, мол, все должны стоять там, где стоят. Теперь Кейтель строит из себя «волевого». Но и для них еще всё изменится. Настолько невыразимо угнетающе, когда видишь всё, что надвигается, неизбежность этого, и что все слова — как об стенку горох, а значит, судьба беспощадно приведет в исполнение свой вердикт. В целом так и произойдет. Я более не беспокоюсь об общем ходе дела¹⁴³.

Повсюду здесь происходят изменения. Корпуса, армии день за днем меняют своих начальников. Некоторые заболели. Уходят один за одним. Видимо, Господь определил мне выдержать всё. [...]

Любимая Трудель, через такие времена я еще в своей жизни не проходил. Никто не может сказать, чем это кончится. Можно лишь верить свою судьбу Господу. Доселе Он не оставлял меня. И Он поможет. Что Он обещает, то исполняет. И вот я веряю всё в Его руки. Повсюду Он укажет путь. Сам я выхода уже не вижу.

О нашем Хартмуте мне ничего не известно. Вновь здесь можно лишь молитвенно сложить руки и просить: помоги ему Господь.

Дабы ты знала, где всё происходит: в районе Калуги. В выгоревшем городе, в который уже вошел противник, мы прожили с 21 по 24 декабря. Это были жуткие дни и ночи. Нынешнее наше место называется Полотняный Завод.

¹⁴² Людвиг Кюблер (1889–1947, казнен) — генерал горнострелковых войск, с декабря 1941 г. по январь 1942 г. командующий 4-й армией. 26 декабря 1941 г. Кюблер сменил Клюге, который уже 18 декабря 1941 г. сменил Бока на посту командующего группой армий «Центр».

¹⁴³ Ср. дневник Ганса Фельбера, командующего XIII армейским корпусом от 1 января 1942 г. (BAArch. N 67/1. Bl. 9): «В Кондрово у Хейнрици (43-й армейский корпус): «Война проиграна!»».

Похвала Гизеле меня сердечно обрадовала. Передай ей привет и напиши ей от моего имени. Сам я сейчас не могу.

Я рад, что ты пишешь, что у тебя всё хорошо. Пусть так будет и далее. От всего сердца желаю этого тебе и Гизеле.

Письмо жене, [Полотняный Завод] 3 января 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 6f.

С утра в тыл снова отправляется автомобиль. С ним я передаю это письмо в надежде, что оно до тебя дойдет. Наша локальная ситуация сегодня ухудшилась не слишком. Но в целом дела не очень хороши, и если мы не видим этого сегодня, то увидим вскоре. Понемногу нас окружают. Возможный отход нам запрещен приказами сверху.

Сегодня у нас -35° , а некоторые говорят и о -42° . Русский, похоже, этого не чувствует. Раз за разом он атакует, да и должен атаковать в столь благоприятной для него ситуации. Он надеется уничтожить нашу армию и поэтому не может останавливаться. Как тут всё обернется, я не знаю. Лишь один Бог тут может помочь. Трудности грозятся горами. Все попытки помощи разбиваются о снег и мороз. День за днем радуешься уже тому, что ничего ужасающего не произошло. Следующего дня ожидаешь со страхом — что он принесет? — а ночь тоже страшит, ведь и тогда может что-то случиться. Трудно, очень трудно крепко стоять на ногах. Возможно это лишь со Словом Божьим. Своих сил не хватает. [...]

Снаружи, на чистом, бесконечно морозном небе — вновь полная луна. Вокруг гудит артиллерийская канонада. Русский, что днем был относительно спокоен, вероятно, вновь атакует. Как минимум он обстреливает деревни, в которых наши парни ищут укрытия от холода. Каждый телефонный звонок наводит ужас. Ведь ничего хорошего не ждешь. Тяжелые времена, милая Трудель. Мой сосед Фельбер¹⁴⁴ тоже присоединился к числу убывающих. Сегодня он сказался больным. Такие дела. [...]

¹⁴⁴ Ганс Фельбер (1889–1962) — генерал пехоты, с октября 1940 г. по январь 1942 г. командующий XIII армейским корпусом.

Письмо жене, [Полотняный Завод] 6 января 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 8

Последние дни вновь были полны беспокойств. Вчера дела выглядели совсем плохо. Сегодня же есть повод быть чуть спокойнее. Но всё равно положение безотрадное. Уже 30 дней у нас продолжается эта неслыханная чехарда. 30 дней нервотрепки. 30 дней надеешься, ждешь, и всё одно, ни малейших изменений. Но было бы еще хуже, если бы войска, с почти невообразимым упорством, героизмом, не преодолевали всех тягот сражения, погоды, трудностей со снабжением. Летом и осенью мы думали, что совершили невообразимое. По сравнению с днем сегодняшним это вообще ничто.

Морозы от -30° до -40° вчера прекратились. Сейчас сыпет снег и задувает ветер, что делает дороги труднопроходимыми. Ничто не в нашу пользу, всё против нас. Продвигаться можно только на санях. Весь другой транспорт отказывает или еле слушается. [...]

Письмо жене, [Лужное¹⁴⁵] 11 января 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 10–12

Ротмистр фон Арним переведен в военную миссию в Румынии и отправляется завтра утром. Он возьмет с собой письмо. Я думаю, что он еще вырвется из котла, который уже захлопнут на три четверти. Всё идет будто по плану, ровно так, как я докладывал своим начальникам. Они отклонили все предложения из-за страха перед самым верхом. Если говорить о Клюге или Кюблере (наш новый командующий армией), то все они боятся того, кто на самом верху. А сверху идут лозунги вроде «никакого наполеоновского отступления» — оставляйте фланги открытыми и дайте противнику время спокойно обойти вас и атаковать с тыла. Надеемся на прибытие свежих дивизий. Но они добираются столь медленно, капля по капле, и их число слишком мало, чтобы нас вытащить. Так что русский выиграет свою первую битву на уничтожение против нас.

¹⁴⁵ К востоку от Юхнова.

И всё-таки тяжело принять такую судьбу, когда столь очевидно, что причиной всему несколько упрямых голов и что можно было бы всего избежать, если бы было принято одно масштабное решение на отступление три недели назад, 14 дней назад, да даже 5–6 дней назад. Предложений о таковом поступало достаточно. Но новое верховное командование сухопутных войск всё отвергает и взвешивает, стоит ли отдать 20 километров из 1200 уже завоеванных или нет. При этом совершенно безразлично, где мы в России закрепимся. Я думаю, что придет время, и они обо всем пожалеют. Но для нас самих, вынужденных страдать, это ничего не меняет.

Уже сейчас положение вещей невообразимое. Повсюду заметно давление противника. Нас уже зажали так, что скоро задушат. При -15° человек редко попадает под крышу, не говоря уже о лошадях. Транспорт практически встал, сани застревают на забитых дорогах, сегодня я четыре часа шагал по глубокому снегу в темноте. Повсюду видны первые признаки поражения. Наверное, утром полностью перережут основную трассу снабжения. Через несколько дней, быть может, и железную дорогу. А что затем? Сражаться без боеприпасов и пайков! Все мои соседи, командующие корпусами, внезапно исчезли, заболели и так далее. Кого-то перевели, и они в срочном порядке убили. Я вынужден здесь оставаться, на передовой, без реальной возможности выбраться. [...]

Письмо жене, [Стрекалово¹⁴⁶] 20 января 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 13

Мы практически окружены тут, под Юхновом. Если не произойдет чудо, в ближайшее время судьба приведет в исполнение свой вердикт. Все обещанные мероприятия по поддержке провалились. Ни одно из всех обещаний и утешений относительно помощи не стало реальностью. Если всё же что-то и дойдет, будет «слишком поздно» — фраза, которой можно описать всё руководство военными действиями и решения фюрера. Он приказал нам дер-

¹⁴⁶ К северо-востоку от Юхнова.

жаться здесь, против совета всех специалистов. Он без всякой на то надобности создал эту ситуацию.

Я столь часто и столь громко взывал к Господу. До сих пор Он не послал никакой помощи. Душераздирающе и беспощаден вердикт судьбы, и с каждым днем конец всё ближе. Но теперь уже недолго осталось. Всему есть конец. [...]

20 января 1942 г. Хейнрици был назначен командующим 4-й армией. Теперь перед ним стояла задача удержать слабые позиции 4-й армии, оборонявшей узкий отрезок вдоль шоссе. Эту «артерию» армии предстояло защищать не только с южного и восточного направлений, но всё чаще и с северного и западного, где атаковали партизаны, прорвавшиеся гвардейцы-кавалеристы и высадившиеся десантные войска, находившиеся под командованием генерала Павла Алексеевича Белова. Дальнейшая военная ситуация, сложившаяся в последующие недели, напоминала битву в котле.

Письмо жене, [Спас-Деменск¹⁴⁷] 21 января 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 14

Вчера вновь был день, наводящий уныние. С севера и юга русский собирался взять нас в клещи. Все возможные осуществляемые контрмеры на тот момент ни к чему не привели. Неумолимо и окончательно мы готовились к тому, что уготовано судьбой.

Внезапно мне позвонили и сообщили, что я назначен командующим 4-й армией вместо лишь недавно принявшего ее генерала Кюблера¹⁴⁸. И меня невредимым тут же выдернули из гуши событий. Это была Божья воля, сотворенное Им.

Теперь моя ноша — продолжать эту борьбу силами армии. Ни одна германская армия не находилась в такой ситуации, насколько позволяет судить человеческая память. Враг подтянул все силы с целью ее уничтожения.

¹⁴⁷ Штаб-квартира 4-й армии.

¹⁴⁸ Кюблер был смещен 20 января 1942 г. и заменен на Хейнрици, поскольку не считал возможным удержание «зимних позиций» без дальнейшего отступления и не чувствовал себя в состоянии исправить положение.

Удастся ли и возможно ли это предотвратить, сейчас никто сказать не может. Я могу лишь молиться Господу, чтобы Он и здесь помог мне и вмешался в последний момент. Сегодня Он задержал нашего противника посредством -38° , вчера с помощью -42° .

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 21 января 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 1

Утром ездил в армию. 42° мороза. Шоссе свободно. На обочине дороги — мертвые русские, разбитые машины, всё заснежено. Даже здесь такие продолжительные низкие температуры ненормальны. Встретил генерала Кюблера. Он был смещен после того, как сказал фюреру, что считает невозможным удержание армией шоссе и Юхнова. Может, он и прав. Но поскольку он не продемонстрировал безусловной веры и так высказался, его сняли. Положение армии напряженное. Слава Богу, мы еще можем удерживать шоссе, наш единственный гарантированный источник снабжения. Плохо, что на севере противник стоит в нашем тылу и на северо-западе его отделяет от Юхнова лишь 10 километров. Утром последует атака 52-й и 263-й пехотных дивизий на север, что даст пространство. Южнее Юхнова — особо опасная точка. Там противник развернул еще более крупные силы, хотя сегодня всё тихо. Может, слишком холодно для него.

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 23 января 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 1

Остаюсь в Спас-Деменске. 28° мороза. Снова бои на шоссе, хотя и слабые. Транспортная связь с Юхновом есть. Железная дорога от Вязьмы частично взорвана, а единственный локомотив насквозь промерз. Невероятная ситуация с железной дорогой и снабжением.

Подошедшие с севера силы 4-й танковой армии, закрывающие дыру севернее нас, продвигаются медленно. Противник напротив, всё время вливает новые силы в эту дыру. Теперь там уже три вражеские дивизии. Ситуация

становится всё опаснее. Однако самое трудное положение сейчас на юге. Постоянно увеличивающиеся силы противника и атаки.

СС [дивизия СС «Рейх». — Й. Х.] в течение дня взяли Аргшино [Агарыши. — О. Б., И. П.], прекрасная работа, окружили русскую 194-ю дивизию. [...]

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 24 января 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 2-4.

Опять 32° мороза. Всё замерзло. Двигатели не заводятся. Самолеты не летают. Повсюду обморожения. Отвратительная ситуация.

Утром ездил по шоссе в направлении на Юхнов, видел следы позавчерашнего сражения. В деревне Долина встретился с генералом Бертольдом. Ночью порядка 200 русских лыжников из района деревни Пеляки [Рыляки. — О. Б., И. П.] вышли к шоссе и расположились в деревне по соседству со штабом моего бывшего корпуса. Когда я прибыл, их уже отогнали, но они вернутся. Штаб корпуса бодрствовал всю ночь и наконец под руководством начальника штаба перешел в атаку. Вообще условия совершенно дикие. Повсюду в тылу шастают партизаны, десантники, лыжники¹⁴⁹. [...]

Когда же наступит момент, когда требования ситуации превзойдут возможности наших войск?

Письмо жене, [Спас-Деменск] 24 января 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 16

Обращайся бережно со всеми этими письмами. Это документы.

Вчера вечером из далеких далей мне позвонил Хартмут и поздравил меня. Я не мог ему сказать, в каком положении мы находимся — практически безнадежном.

¹⁴⁹ Уже в день принятия командования в Спас-Деменске Хейнрици указал в приказе на «большую опасность в тылу сражающихся войск» и одобрил «строжайшие меры наказания», если «население поддерживает партизан или десантников» (Befehl Heinricis (AOK 4. Ia. Nr. 492/42 geh.), 21.01.1942 (BArch. RH. 20-4/287)).

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 25 января 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 4

[...] Несмотря на это, я сказал начальнику штаба¹⁵⁰: я считаю, что в перспективе невозможно удержать позиции перед Юхновом. Учитывая крупные силы противника южнее Юхнова, этот угол к западу у острого изгиба Оки мы не удержим. Вдобавок состояние войск таково, что они уже просто не могут выдерживать вечную оборону и натиск. Пока наши силы постоянно тают, силы противника растут с каждым днем. Он постоянно выставляет новые дивизии и лыжные батальоны. Даже если и удастся закрыть дыру на севере, то всё равно остается огромная угроза глубокому южному флангу по шоссе. Начальник штаба согласился с моими наблюдениями, тем не менее отметил, что Юхнов имеет решающее значение. Надо сделать всё возможное, дабы его удержать. Хорошо, сказал я, давайте попробуем это сделать путем напряжения всех сил, но возможно ли это осуществить — в этом я сомневаюсь. [...]

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 27 января 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 8

Утром — печальные вести: шоссе перерезано, и северо-западнее Юхнова противник перекрыл дорогу на Гжатск. Сразу две смертельные угрозы. На шоссе в течение дня ситуация только ухудшалась. На севере удалось отбить деревню. К вечеру обе дороги так и остались в руках противника. Вдобавок противник давил на шоссе с севера, со стороны Богородицкого леса. В нашем тылу он высадил десант. У нас там никого не было, мы не могли никого туда послать, поскольку все наши силы сейчас удерживают фронт. Перекрытые дороги означают конец снабжения. Еще два дня, и армия начнет голодать.

Наши силы для отбивания дорог в высшей степени незначительны и собраны по клочкам. Мы делаем всё, чтобы увеличить их численность. Но где взять свободные силы?

¹⁵⁰ Юлиус фон Бернут (1897–1942, погиб) — полковник, с января по апрель 1942 г. начальник штаба 4-й армии.

Положение отчаянное. Плюс еще фельдмаршал [Клюге] напоминает, что фюрер безоговорочно требует удержать позицию восточнее Юхнова. Ее никак нельзя сдавать. Но нас прямо на ней и окружили. Никак по-другому это не назвать. От завтрашнего дня будет зависеть, отобьем ли мы шоссе. Боюсь, что нет.

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 28 января 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 9

За целый день так и не смогли отбить шоссе. Это значит, что армия не получала продовольствие и боеприпасы в течение 24 часов. Теперь вечером снабжение должно прийти на грузовиках, но это не точно. Еще один-два дня в таком положении, и наступит критическая стадия. Ведь наши парни должны за счет чего-то жить. Несмотря на чрезвычайность ситуации, XXXX корпус действовал неудачно. По сути, ничего за сегодня и не сделал. Частично виной тому сильная метель, заносы и -25° . Но всё же можно было бы ожидать большего, учитывая известную ему и доведенную в приказе важность освобождения шоссе. Дорога на Вязьму перерезана десантниками. На той, что идет на Гжатск, тоже засел противник. То есть армия по факту полностью отрезана.

Невыносимое положение. Надеюсь, утром удастся освободить шоссе и в особенности удастся отбить противника севернее Юхнова силами 98-й дивизии. Если и это не удастся, то я даже не знаю, что будет. Заносы из-за сегодняшнего снегопада не сулят ничего хорошего. Как же тяжело вот так в течение восьми недель бессменно находиться на самых затруднительных участках, пытаться что-то сделать и переживать неудачу за неудачей. Но их и следовало ожидать, поскольку инициатива всё время у противника. И в подобную ситуацию нас постоянно заводит приказ фюрера всё удерживать. Роммель смог отойти и затем одержать победу¹⁵¹, мы же должны держаться и отдавать инициативу противнику. Мое нутро зачастую восстает.

¹⁵¹ В декабре 1941 г. Роммель со своим Африканским корпусом и итальянскими союзниками организованно отступил на запад в ходе британского наступления и уже 22 января 1942 г. перешел в контрнаступление.

Несмотря на это, все притворяются, что всё должно хорошо закончиться. Я не знаю, что из этого выйдет. Если бы что-то хорошее.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 30 января 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 17

Жестокая борьба продолжается. Вчера был еще один день первостатейного кризиса. И опять мы не добились поставленной задачи отбить себе немного пространства. И опять всё насмарку. Словно пузырь, висит наш корпус в воздухе, обложенный противником со всех сторон. Дабы попасть внутрь, мне сегодня пришлось лететь на «Шторхе» на высоте 25 метров над русскими. Они по нам стреляли, но никого из нас не задело. Всю ночь из-за забот не смог глазу сомкнуть. Я не мог уснуть. Просто безумные затраты сил. Поддерживаешь себя коньяком и безумным курением. [...]

Стабилизация фронта, февраль–июнь 1942 г.

Начав локальную контратаку 3 февраля 1942 г., 4-я армия смогла закрыть зазор на севере между своими позициями и позициями 4-й танковой армии — таким образом на какое-то время ликвидировать главную опасность. Тем не менее положение армии оставалось под угрозой, поскольку раз за разом свежие силы противника оказывались в ее тылу. Предложение Хейнрици сократить фронт и отойти на новые позиции к западу от Юхнова вновь было отклонено.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 4 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 18f.

Четыре дня я находился в Юхнове. Чтобы добраться туда, пришлось проехать по шоссе прямо в 400 метрах от русских. Они не стреляли по нам, или же мы за шумом двигателя этого не слышали. У моей второй машины, которую я по чистой случайности сменил, спустило колесо, она остановилась и попала под минометный и пулеметный огонь. Но, слава Богу, никто не пострадал.

В Юхнове мы сидели три дня, полностью окруженные противником. Дорога, по которой мы добирались в город, уже к вечеру была перерезана. В первую ночь мело и всё было спокойно. Следующие две ночи было 25° мороза и полнолуние. Между 18:30 и 05:30 с редкими перерывами шли русские авианалеты. Каждые четверть часа мы слышали гул моторов и понимали: вот и следующий. Вскоре слышался свист падающих бомб и взрывы. Первая ночь в Юхнове стоила 82 жизни без учета раненых. В 200 метрах от нас полностью разрушило дом. Мы лежали в кроватях в нашей избушке и могли лишь молиться Господу пощадить нас. По своей милости Он это сделал. Ни одна бомба не упала ближе 150–200 метров от нас. О сне в первую ночь не шло и речи. Чувства были слишком напряжены, и, едва задремав, ты вновь слышал шум новых самолетов и тут же просыпался¹⁵². Вторую ночь спали отчасти

¹⁵² Примеч. рус. ред.: первый офицер генштаба (Ia) 4-й армии полковник Гельмут Штиф (1901–1944) сопровождал Хейнрици в поездке. 6 февраля 1942 г. он

из-за усталости и были разбужены взрывами бомб. Я присоединился к штабу одного корпуса. Сегодня примерно в 5 утра в столовой, где вечером около 19:30 мы все вместе ужинали, — и уже тогда под аккомпанемент взрывов, такой, что с потолка сыпалась грязь, — три разорвавшихся снаряда, упавшие в 10 метрах от здания, вышибли все окна. Навсегда в моей памяти останется эта трапеза, во время которой каждый мог слышать свист бомб, но, не реагируя на это, мы вели светскую беседу.

Обратную дорогу сегодня утром опять перерезали. Русский там атаковал всеми своими силами и вышел на нее танками. Так что назад нам пришлось лететь. Только что пережили экстренную посадку, поскольку два мотора «Ю»¹⁵³ отказали, когда мы подлетали к аэродрому в Рославле. Когда ехали назад на командный пост, то случилась небольшая автоавария. Воистину нас кто-то хранит. При аварийной посадке в снег самолет встал бы на нос.

Если еще 3 дня дела будут идти хорошо и Господь нам поможет, то, быть может, мы покамест сможем вырваться из котла. [...]

Выживаешь тут только на коньяке и сигаретах. Вот так. Без этого здесь не обойтись.

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 5 февраля 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 10–12

1 февраля ездил в Юхнов. [...] Положение у шоссе таково, что совершенно необходимо высвободить резервы за счет сокращения фронта. [...] Я сообщаю о наших намерениях группе армий. Я добавляю, что удар 17-й дивизии на север с целью соединиться с 4-й танковой армией так-

писал в письме своей жене: «В самом Юхнове каждую ночь шли непрерывные русские авианалеты, с бомбежками и обстрелами, которые, к сожалению, привели ко вполне значительным жертвам (только за одну ночь убито 82 человека). Целым делом было просто уснуть. Ну а что было делать? Я услышал взрыв в полудреме, а проснулся, только когда из-за ударившей рядом бомбы хибара так заходила ходуном, что можно было подумать — попало прямо по ней. Но деревянные дома вполне бомбоустойчивы» (цит. по: *Stieff H. Briefe*. Berlin: Siedler, 1991. S. 150–151).

¹⁵³ «Ю-52» фирмы «Юнкерс» был во время войны важнейшим транспортным самолетом люфтваффе.

же нуждается в поддержке свежими силами. Группа армий вновь недовольна. Они не хотят видеть нашу реальную ситуацию. Они всё еще поглощены идеей установки контакта на севере с 4-й танковой армией с наших нынешних позиций. Они опять требуют, чтобы мы распределили свои силы по линии фронта, в то время как противник отводит свои войска и атакует наши фланги. Они боятся предложить фюреру отойти даже на несколько метров. В душе они признают необходимость такого шага. Но лишь в крайних случаях они решаются передать свое мнение наверх. Так что чувствуешь себя пловцом, которому связали руки и ноги и швырнули в воду. Можно было бы обороняться, но средства для этого у нас отобрали и отдают так поздно, что уже почти всё потеряно. И для командиров, и для войск нет ничего худшего и более сковывающего, чем подобные ситуации.

Следствие этого: новые наступления в снегу, которых вроде бы хотели избежать, новые тяжелые потери наших до смешного поредевших войск. Что у нас с дивизиями? В них от 400 до 600 пехотинцев, по сути это батальон. Взамен более 10 000 выбывших мы не получили и 500 человек пополнения. Это обещанная нам еще с Рождества помощь, а сейчас уже февраль. Парням с обмороженными конечностями не позволено идти в лазарет, поскольку наша численность тогда сильно падает. На фронте распространяется отчаяние. Сколько еще? Пока русская зима не превратится в грязь! Это в апреле. Еще восемь недель! Именно столько заняли эти бои с отходом. Все надежды — на нового главнокомандующего¹⁵⁴, который наведет порядок. Но это он изначально создал такую ситуацию, поскольку упрямо стоит на своем.

В Юхнове мы узнали, что наше небольшое отступление было милостиво дозволено. Так что мы высвободили 52-ю дивизию. Если бы этого не произошло, с нами бы сегодня, 5 февраля, было бы всё кончено. Без нее наши позиции на шоссе уже сегодня бы смяли. После качелей последних дней сегодня с утра противник засел на шоссе в Барсуках. Пока что его снова отбили. Но русский владеет ключевой высотой в 400 метрах от шоссе и обстреливает его из

¹⁵⁴ То есть Гитлера в его новой (с 19 декабря 1941 г.) должности главнокомандующего сухопутными силами.

артиллерии, из противотанковых орудий и пулеметов. Просто отчаиваешься. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 6 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 20

Опять несколько дней качелей. Наше положение немного улучшилось, но всё еще остается весьма критическим. До того оно было просто отчаянным. Этот постоянный страх изнашивает и угнетает. Все желают, чтобы пришел конец этой зиме. И всё равно она продлится как минимум до начала апреля. Вот и мороз не ослабевает. В первые дни февраля три дня подряд была метель. Все дороги занесло сугробами метровой глубины. Сейчас чистое небо, -20–25° и ледяной ветер. И никаких перемен не видать. Живу лишь мыслями о военных делах. Другое просто не идет в голову. Во всяком случае, я не могу заставить себя думать о чем-то еще, душевный покой полностью отсутствует. Всё время живешь в состоянии: как же пройдет нынешний день или грядущая ночь. Лишь уповая на Бога, возможно всё это выдержать. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 9 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 21

Несколько дней не мог писать. Я был на передовой и остался ночевать в своем прежнем корпусе. На этот раз погода избавила нас от авианалетов. В последнее время их как раз там было вдосталь. Как бы мы ни надеялись, наше общее положение не стало лучше. Каждый день — новый переполох и кризис. Сегодня с утра и вчера опять были тяжелые ситуации. С горем пополам мы с ними как-то разобрались. Однако мы не уверены, что в ближайшее время не возникнут еще большие трудности. Так что живем в беспрестанном напряжении и постоянных волнениях. Всё время в меньшинстве, всё время зависим от противника. Похоже, в его распоряжении неограниченные ресурсы, у нас же их недостает или вовсе нет. Он вводит всё новые и новые людские резервы, в то время как наша

численность тает. Множество непредвиденных трудностей ждет нас впереди. Всё не вовремя или не так, как обещано. Поэтому каждый день полон новых забот, которых опасешься. Когда звонит телефон, то едва решаешься взять трубку. Радостные известия редки. И всё же успех, что мы сумели продержаться так долго. Ах, с каким же нетерпением ждешь наконец отдыха! [...]

Письмо дочери, [Спас-Деменск] 11 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 22

[...] Моя любимая Гизелочка, дела у нас очень-очень трудные. Словно бешеный зверь, нас беспрерывно атакует противник — при трех-, четырехкратном превосходстве, — а мы уже десять недель как находимся на выступающем уголке. Несколько раз нас почти удалось окружить. Порой можно отчаяться. Господь помогал нам в последний момент. Без Него, пустившего врагу пыль в глаза и не давшего ему распознать свой шанс, быть бы нам совсем в отчаянном положении.

И даже сейчас никто не знает, что же нас ждет впереди. Каждый день приносит новые печали, новые трудности и новые вопросы о том, как же всё это преодолеть. Для написания писем недостает внутреннего покоя и сосредоточенности. Все мысли о том, что наполняет и отягощает горькой печалью сердца. Я часто думаю о тебе, даже если не пишу. Пусть у тебя всё будет хорошо.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 12 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 23

Вот еще несколько страниц из дневника, положи их к остальным. Вчера виделся с фельдмаршалом [Клюге]. Он был в удивительно приподнятом настроении, хотя у него тоже забот полон рот. Но он всё же не находится в непосредственной близости к происходящему. Страницы дневника описывают лишь военные дела. Сколь впечатляющи, нервозатратны эти ситуации в данный момент — этого они описать не могут. А самое плохое: в нашем положении нет ощущения, что всё изменится. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 16 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 24

Вчера получил твое письмо от 23 января, на удивление быстро. Насчет подтверждения Гизелы и моего на ней присутствия пока что ничего сказать не могу. Даст Бог, что до этого прекратятся свирепые атаки русских. Пока что они нападают на нас каждый день, подобно дикому зверю — с ожесточением, с упорством, даже с отчаянием, как никогда прежде. [...]

**Запись в дневнике, [Спас-Деменск]
16 февраля 1942 г.**

BArch. N 265/14. Bl. 18–20

[...] 14 февраля, к нашему удивлению, мы узнали, что фельдмаршал [Клюге] отдал приказ 2-й танковой армии идти на Маклаки и Космачево. Нас об этом в известность не ставили. Лишь по оказии, из случайного донесения мы об этом узнали. Так наша договоренность со 2-й танковой армией была нарушена, дыра под Кировом¹⁵⁵ осталась открытой, и сосредоточившийся там, как мы полагали, противник сохранил возможность наступать на северо-восток на шоссе. [...]

Я позвонил фельдмаршалу и попросил его изменить свой приказ 2-й танковой армии. Он был очень рассержен. Предложение и пожелание командования сухопутных сил соединиться под Мосальском оказалось полнейшей утопией. На карте 1:300 000 оно выглядит как теоретически верная мысль, но не в нашем нынешнем положении (окружены, почти в котле, дивизии с полками по 100–200 человек, которые могут лишь с крайним напряжением сил отражать бешеные атаки противника; пример: 31-я дивизия, держит 17 километров фронта, выдержала 73 атаки; 131-я дивизия, держит 11 километров, за время с 21 января по 16 февраля выдержала 53 атаки силами более роты, собственные потери — 530 убитых, 1400 раненых, 1100 обмороженных).

Тогда Клюге предложил маленький компромиссный вариант. [...] И этот вариант на данный момент нам не по

¹⁵⁵ Примеч. рус. ред.: речь идет о г. Кирове Калужской области.

силам. Однако отойти от этого своего компромисса и лишить надежды верхи было бы для него крайне неудобно. Весь свой гнев он выпустил на попавшего под руку генерала фон Унру¹⁵⁶, который не выполнил обещания. В целом и это тоже беспочвенно. В конце концов он решил еще раз позвонить генералу Шмидту¹⁵⁷ и расспросить его об этом деле. Результатом переговоров стало то, что он наконец-то согласился на мое предложение. [...]

Это просто чудо, что армия еще существует. Своими силами мы бы не выстояли, если бы противник верно действовал. Он считал, что с нами покончено, и думал, что силами, которые были в его распоряжении для удара по нашему тылу, можно достичь и больших целей. Он забыл, что лучше синица в руках, чем журавль в небе. Это и есть причина, по которой до сего дня всё обошлось. Но на эту причину мы, люди, никак повлиять не могли. Здесь вмешалась Высшая сила, диктующая смысл сущего. Без Него наше окружение стало бы фактом, с которым мы не могли бы ничего поделать.

И, к примеру, еще одно чудо: несмотря на усилия противника, движение по шоссе всё еще продолжается. Он может обстреливать дорогу, но прямо перед его орудиями проезжает грузовик за грузовиком. Во многие из них попадают снаряды. Но большинство добирается. Хотя в общем смысле для армии такое положение невыносимо.

Наконец-то началось и поступление пополнений. Сколько же мы этого ждали, надеялись, молились, что они наконец-то, наконец-то придут. Они совершенно недостаточны. Но это лучше, чем ничего. Ведь наши дивизии практически опустошены. [...]

В конце января 1942 г. советское наступление выдохлось и к середине февраля общее положение на Восточном фронте в целом стабилизировалось. Тем не менее положение 4-й армии оставалось напряженным до начала мая, поскольку ей слабыми силами пришлось защищать шоссе от атак Красной армии как с фронта, так и с тыла.

¹⁵⁶ Вальтер фон Унру (1877–1956) — генерал-лейтенант, с сентября 1941 г. по апрель 1942 г. командующий тыловым районом (корюком) 559 4-й армии.

¹⁵⁷ Рудольф Шмидт (1886–1957) — генерал-полковник, с декабря 1941 г. по июль 1943 г. командующий 2-й танковой армией.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 19 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 25

С тяжелейшими потерями с обеих сторон нам удалось на время избавиться от угрозы окружения¹⁵⁸. В четырех местах, где противник хотел перекрыть нам кислород, он был уничтожен. После того как мы на основании допросов военнопленных подсчитали количество дивизий, что стоят в нашем тылу, то почувствовали себя словно всадник на Боденском озере¹⁵⁹. Угроза была куда серьезнее, чем я предполагал. Нам сейчас совершенно ясно почему: учитывая количество и расположение сил нашей армии, русский нас списал со счетов. По человеческому разумению здесь нам должен был прийти конец. Лишь благодаря Божьей помощи и храбрости наших войск всё обернулось иначе. На одном участке, о нем говорится в свежей сводке вермахта как про лес в 80 километрах юго-восточнее Вязьмы, после недельных боев были разбиты три с половиной окруженные русские дивизии. Пять дней в снегу, без еды и крыши над головой парни сидели в своеобразной снежной крепости в лесу, под постоянным огнем нашей артиллерии их становилось всё меньше. Говорят, что насчитали 3500 убитых. Должно быть, ужасное зрелище. Сам я туда не поеду, слишком отвратительно. Похожее произошло и в других котлах.

¹⁵⁸ Примеч. рус. ред.: в своем письме жене от 19 февраля Гельмут Штиф писал: «Несколько дней назад под Юхновом мы добились огромного успеха, попавшего в сводку вермахта: более 5000 убитых русских и 1800 взяты в плен. За 10 дней крайне тяжелых боев мы разгромили четыре с половиной русские дивизии, которые должны были нанести нам смертельный удар. Увы, наши потери тоже достаточно крупные (2000), и у нас каждый человек поистине незаменим. Так устаешь, так мне надоело это состояние, особенно потому, что конца этому не видно» (цит. по: Stieff H. Briefe. S. 152).

Скорее всего, Хейнрици и Штиф писали о кровопролитных боях с 10-й армией генерал-майора Василия Степановича Голикова (1894–1967), см. подробнее в: *Ильющечкин А. А., Мосягин М. Н.* Варшавское шоссе — любой ценой. Трагедия Зайцевой горы. 1942–1943. М.: Центрполиграф, 2014. Гл. 3. Перспективу отдельной дивизии в этих боях см. в: *Юновидов А. С.* Одинокая война. Незвестный подвиг 385-й стрелковой дивизии. М.: Весь мир, 2013.

¹⁵⁹ В балладе Густава Шваба «Всадник и Боденское озеро» герой не замечает, что скачет по замерзшему озеру и умирает от испуга, когда, уже оказавшись на берегу, узнает о грозившей ему опасности.

Но это были лишь острия небольших клещей, от которых здесь — пока они окончательно не сомкнулись — удалось ускользнуть. Куда большие клещи всё еще грозят нам. Сейчас стоит зловещая тишина, к которой никто не привык. Она чуть ли не неприятнее, чем сражения, поскольку непонятно, что произойдет. Есть некоторые приметы, но нет ясных выводов. Я молю Бога, чтобы Он и далее нам помогал. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 21 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 26

Последние дни были настолько полны событиями, что у меня не было времени нормально написать¹⁶⁰.

Очень важный военный маневр, на который мы всем сердцем надеялись, нам не удался. В нашей ситуации это крайне неприятно.

Общий покой навевает на нас беспокойство. Противник, по-видимому, готовит большой удар. 23 февраля должен быть день Красной армии. Не исключено, что они ударят в этот день.

Позавчера вечером мне позвонил Хартмут. Он был доволен и в хорошем настроении. Он стоит на дороге в Тулу, севернее Орла.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 25 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 27

[...] Два дня как мы снова в сильном беспокойстве. Опять возникла ситуация, которую мы уже неоднократно переживали и в которой только недавно выстояли. Мы

¹⁶⁰ Примеч. рус. ред.: вечером 20 февраля Хейнрици наградил полковника Гельмута Штифа Немецким крестом в золоте. Тогда же довольный Штиф писал своей жене: «Однако более всего меня обрадовали восхитительные слова моего начальника, с которым мы отлично ладим. Он иногда бросает мне упрек, что я совершенно неисправимый и большой оптимист, — он не всегда буквален, и тогда я ему возражаю, но вообще он прекрасный человек, солдат и командир. Завтра утром вылетаю с командующим армии на двухдневное совещание в группу армий [«Центр»] в Смоленск» (цит. по: *Stieff H. Briefe*. S. 153).

бьемся за нашу жизненную артерию, перерезанную вот уже 48 часов. Сегодня вечером опять ее освободили, но мы не знаем, надолго ли. Противник располагается близко к ней и — отбитый нами сегодня — вероятно, опять возобновит свои атаки. Сейчас конца этому не видать. Вновь и вновь он бросает в бой новых людей, свежие пополнения и в этом отношении кажется неистощимым. Когда же наконец выпутываешься из тяжелой ситуации, то не знаешь, что же еще плохого случится в ближайшее время. Уже три месяца такой жизни, что изнуряет, угнетает, просто убивает.

С этим письмом мне пришлось на два часа прерваться. На другом участке опять сложилась очень скверная ситуация. И вот так беспрестанно, от кризиса к кризису. [...]

Запись в дневнике, [Растенбург] 28 февраля 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 21

В 10 часов — полет на «Ю», Смоленск–Растенбург¹⁶¹, прибытие в 13 часов. После обеда с ф[юрером] — обсуждение положения отдельных армий.

С моей стороны: описание ситуации на шоссе, давления противника с юга и севера (десантные бригады). Угроза: наше снабжение может быть отрезано ежечасно; запрос на разрешение сдать Юхнов. Причина: нам нужны резервы, мы должны высвободить войска. Иначе шоссе, которое удерживают наспех собранные формирования, будет перерезано у нас в тылу. От шоссе зависит жизнь и смерть армии. Возражение с его стороны: тогда нам придется сдать дорогу Юхнов–Гжатск, единственную

¹⁶¹ В восточнопрусском Растенбурге (сегодня польский Кентшин) с 24 июня 1941 г. находилась главная ставка фюрера «Вольфшанце». Хейнрици был вызван на доклад вместе с другими командующими армиями группы армий «Центр». «*Большое совещание у фюрера*, на котором присутствовали командующий группой армий «Центр» и командующие 2-й, 3-й и 4-й танковыми армиями, а также 4-й и 9-й армиями. Вручение дубовых листьев. Моделью присвоен чин генерал-полковника. На совещании полностью выявилась боевая обстановка на фронтах армий. Все поставленные до сего времени боевые задачи остаются в силе» (*Halder F. Kriegstagebuch*, Bd. 3. S. 407 (28 февраля 1942 г.)). Дубовые листья к Рыцарскому кресту Железного креста получили только командующий 9-й армией Вальтер Модель и командующий 3-й танковой армией Ганс-Георг Рейнхардт.

возможность снабжения в период распутицы. — Здесь он ошибается. В период дождей эта дорога превращается в болото. Толку никакого.

Он борется за признание его позиции. Оттягивает решение. Соглашается только после того, как перед концом совещания Ключе поддерживает запрос и описывает дорогу Юхнов—Гжатск как непригодную. Ф[юрер] говорит, что по сути не важно, стоим мы в 10 километрах западнее или восточнее Юхнова. Теперь, когда, по его мнению, фронт стабилизировался, он не будет спорить о нескольких километрах. Его, быть может, считают «твердолобым», поскольку до этого он железно выступал против любого отступления. Это было необходимо, чтобы стабилизировать фронт в целом. Были люди, которые считали, что наше дело пропащее. Только приказав безоговорочно удерживать линию фронта, он смог противостоять панике. (В общем смысле — очень правильно, но в частностях — взгляд неверный. В этой ошибке коренятся наши постоянные кризисы и высокие потери.)

Ф[юрер] проявляет большой интерес к техническим деталям, явно питает слабость к технике. Полагает, что противотанковая оборона имеет такое превосходство над танками, что в 1942 г. последние исчезнут. (?) Считает, что Англия на сегодня в таком же положении, в каком была Германия в 1918 г. В целом излучает невероятную уверенность.

Письмо жене, [охотничий домик под Растенбургом] 28 февраля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 28

Сегодня меня и других командующих армиями вызвали к фюреру, чтобы описать ему наше положение и выработать план действий.

В 10 утра мы вылетели из Смоленска и в 13:00 приземлились в ставке фюрера. Впервые с Троицы снова в Германии, в приличных зданиях, в атмосфере порядка. Почти немыслимое состояние. Есть туалет со сливом и ванна, а на столе стоят цветы. Невообразимо. Сейчас жду телефонного разговора с тобой, который я заказал.

У всех тут огромный оптимизм. Увы, но наша локальная ситуация сейчас куда хуже. В данный момент мы

находимся под исключительным давлением. То, что произошло сегодня, — это отдушина, возможность вырваться из постоянного напряжения, отвлечься от этих качелей. [...] Надеюсь, дела у нас пойдут так, как это видится фюреру. [...]

Завтра в первой половине дня «Ю» доставит меня обратно в Россию. С каким удовольствием я бы предпочел остаться в Германии.

Письмо жене, [Растенбург] 1 марта 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 29

Со вчерашнего вечера я ждал телефонной связи с Фрайбургом. Соединения нет. Через двадцать минут я должен выезжать. Должно быть, больше у нас шанса поговорить не будет. Меня это очень злит. Эти ребята из Министерства иностранных дел, прибывшие сюда и, наверное, рассказывающие домашним, как ужасна русская зима в Ангербурге, те звонят постоянно. А из нас никто не смог дозвониться, поскольку линия была вечно занята, хотя я и забронировал срочный служебный звонок.

Общее понимание тут таково, что в целом русское зимнее наступление закончено и что мы одержали оборонительную победу, которая исключительно ослабила противника. В отношении Англии звучат надежды или, лучше сказать, оценки, что из-за нанесенных японцами поражений на Дальнем Востоке она теперь в том же положении, что и мы осенью 1918 г. Ну, поглядим.

Для меня это ничего не меняет: как мне сказал генерал-полковник Гальдер¹⁶², ни на кого нет такого давления, как на меня. Действительно, русский держит нас за горло. Если он продвинется вперед еще на 500 метров!, мы задушены. [...]

Вследствие переговоров в ставке фюрера 4-я армия 3 марта 1942 г. наконец-то получила разрешение отойти на запрошенные позиции западнее Юхнова и реки Угры. Эта линия удерживалась до конца советских атак в начале мая 1942 г.

¹⁶² Франц Гальдер (1884–1972) — генерал-полковник, с сентября 1938 г. по сентябрь 1942 г. начальник генерального штаба сухопутных войск.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 3 марта 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 30

Вернулся позавчера и сразу же вчера на «Шторхе» вылетел на фронт. Бутылочное горлышко, которое позволяет попасть в корпус, четыре километра шириной. На расстоянии в 500–1000 метров за дорогой сидит противник и обстреливает наш транспорт из всего, что у него есть в наличии. Пройдут дни до тех пор, пока мы сможем подтянуть сюда достаточные силы для стабилизации положения. Хотя на самом верху в целом столь уверены в своих оценках, наша локальная ситуация всё так же безрадостна и как раз в эти дни вызывает особые опасения. Ситуация постоянно повторяется, мы постоянно ходим по лезвию бритвы, это столь изнурительно и угнетающе, что действительно подкашивает людей. Вполне возможно справиться с огромной опасностью единожды, дважды. Но постоянно жить в таковой и более не знать ничего другого — это неслыханное бремя для любого человека. И тяжело, очень тяжело его носить. Радуетесь каждому дню и каждой ночи, когда не случилось ничего плохого. Но вот уже наступают новые, и в крайнем напряжении можешь лишь молиться Богу, чтобы Он и далее помогал.

Три недели зима здесь была как в Арозе¹⁶³, днем яркое солнце, но ничего не тает, ночью до -25°. Мы лишь надеемся, что скоро начнется оттепель, поскольку она ограничит маневренность русских. Пока никто не знает, когда же она начнется. В любой день между 15 марта и 15 апреля. А до того многое может произойти.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 5 марта 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 31f.

Сегодня с утра русский атакует по всему фронту, не только тут у нас, но и практически на всех основных направлениях. Взятые нами военнопленные говорят, что это наступление должно наконец стать той самой решающей

¹⁶³ Из-за заболевания сына Хартмута туберкулезом семья Хейнрици в 20-е и 30-е гг. часто посещала швейцарский курорт Ароза (Граубюнден).

битвой, к которой так давно стремились. На большей части фронта моей армии эта атака успехом не увенчалась, поскольку мы как раз отвели войска. Это решение я не без трудностей выбил недавно, находясь в Восточной Пруссии, — вышло легче, чем я думал. Мне было сказано, что теперь, когда фронт в целом стабилизировался, не играет практически никакой роли, стоим ли мы в 10 километрах восточнее или западнее. С помощью этого маневра мы смогли высвободить войска, которые пошли на усиление самых важных и слабых участков на шоссе. Уже сегодня это оказалось крайне необходимым. Там снова возникли очень скверные ситуации. Пока что на какое-то время с ними разобрались. Но мы находимся лишь в начале сражения. Оно снова растянется на 14 дней.

И при нашем положении эти дни принесут достаточно переполоха и забот. Слава Богу, что и русский после трехмесячного зимнего наступления на сегодня тоже выдохся и пребывает в очень плохом настроении. Впервые за много месяцев у нас снова есть перебежчики.

Ты пишешь, что люди в Берлине куда как спокойнее и увереннее смотрят на войну и что мне не стоит так переживать без нужды. Ну, я тебе так скажу, что есть существенная разница между тем, когда смотришь на карту масштабом 1:1 000 000 и тем, когда находишься прямо тут, на месте событий, непосредственно переживаешь всё происходящее, делишь опасности, видишь вымотанное состояние войск, ощущаешь мороз в -20° , и когда почти ежедневно боевые действия складываются не в нашу пользу и лишь с большим трудом удается выправлять положение. В конце концов, на сегодняшний день мы сражаемся вот уже восемь с половиной месяцев — это сплошная непрерывная битва, и уже три месяца нам грозит опасность, что нас обойдут и окружат.

Взгляни на карту: враг вокруг нас. Пока я тут пишу, русские самолеты пролетают над нашими позициями и ночь за ночью, вот уже шесть недель подряд, выбрасывают десантные войска в нашем тылу. Им никто не мешает. У нас нет сил, чтобы как-то противодействовать. Солдаты потому куда проще смотрят на вещи, что участвуют в событиях лишь на маленьком участке фронта. Порой над ними нависает огромная угроза, но потом всё всегда успокаивается. Они обычно даже и не сознают масштабы того, что им угрожает. Это выносим на своих плечах мы,

мы должны беспокоиться и об общей обстановке, и о боевых нуждах солдат. Такова ситуация.

6 марта, утро. — И 12 часов не прошло с момента написания предыдущего, как наше положение опять изменилось к худшему. Вновь армия сражается — скажем ясно — за собственную жизнь, вновь сильный противник перерезал единственную дорогу, на этот раз широким фронтом. Вновь — быть или не быть. Так что, любимая Трудель, дела здесь совсем иные, чем видится издалека! [...]

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 8 марта 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 23

Заезжал Ключе. Беседовали о положении дел и плане действий. Он охотно выслушал новости из Кирова. Он пребывает в очень хорошем настроении, хвалит «обдуманное» руководство армией и считает, что ситуация улучшилась. Бывали моменты куда хуже. Но даже сейчас всё вовсе не гладко. [...]

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 9 марта 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 23f.

[...] При взгляде на позиции армии я вижу, что ее положение очень своеобразно. На фронтовом отрезке в 130 километров она тянется узкой лентой с двумя ломаными углами. Единственный путь снабжения на протяжении 20 километров находится под непосредственной угрозой со стороны противника. По всему тылу армии, поджигая узкую ленту сзади, стоят десантные войска, лыжные батальоны и полчища партизан. Куда ни кинь взгляд, повсюду сражения. И ночь за ночью вражеские самолеты пролетают над нашими домами и укрепляют свою армию в нашем тылу. Сил противостоять этому не имеется. С трудом наши тыловые части удерживают деревни, отделяющие наши пути снабжения от противника. Это уже не просто тревожная обстановка — там целая новая армия, которую доставленные по воздуху офицеры и комиссары набрали

из населения, из бывших военнопленных, из партизан. Оружия, включая артиллерию, и боеприпасов в этом районе после Вяземского сражения имеется в достатке. Когда всё это осознаешь, закрадываются сильные сомнения в том, что противник остановит свое наступление с приходом весны. Напротив, может сложиться впечатление, что он думает так: мой план по уничтожению германской армии в зимний период не удался. Но я ее крепко поколотил. Теперь не останавливаться, а, напротив, продолжать, и летом ей окончательно придет конец.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 9 марта 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 33

Зима и атаки противника продолжаются. Всё время та же картина, всё время те же события. Всё так же мы не избавились от давления, заставляющего не просто сражаться, а бороться за свою жизнь. В этой борьбе мы стали чуточку сильнее, что не отменяет факта того, что она тяжела, ответственна и полна огорчений. Если бы напряжение наконец ослабло! Когда же прекратится этот иступленный навал! Мы в корне заблуждались относительно численности, возможностей и упорства русских. То же касается и организационных возможностей, и помощи, предоставляемой им. [...]

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 11 марта 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 26

День рождения моего отца, его 83-летие. Вот уже четыре с половиной года, как он упокоился. А ведь мог бы и сегодня быть с нами. Но, может быть, и лучше, что он не видит дня сегодняшнего. Когда он был жив, этот день в доме моих родителей был днем весенних цветов, а после обеда родственники собирались вместе выпить кофе. Всё в прошлом. Теперь здесь цветы только в виде изморози на стекле, и сколь мало осталось в Кёнигсберге тех, что раньше регулярно встречались в этот день. [...]

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 12 марта 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 26f.

Летал на «Шторхе» вдоль шоссе на север, в 31-ю дивизию, позже в XIII армейский корпус, 52-ю и 137-ю дивизии. Повсюду жалобы на слабые силы, на недостаточно обученное пополнение, на недостаток младших командиров и на голодающих лошадей. Приходится признать: хотя русскому и не удалось выдавить нас с его территории, нашу армию он сильно проредил. Господи, до чего же скукожились наши войска, как же плохи дела с офицерами и вооружением. В таком состоянии каждая потеря вдвое или втрое тяжелее. [...]

Трудно и внедрить пополнение в имеющиеся войска, поскольку последние в связи с недостаточным количеством опытных командиров не могут его «переварить». Обучать! Легче сказать, чем сделать. Если почти всем, кто есть в наличии, приходится ледяной ночью, при штормовом ветре стоять на постах вдоль всей линии фронта, то днем, да еще параллельно с оборудованием позиций, стремление чему-то учиться не слишком велико.

Когда я закончил дела в последней дивизии в Новиках, снаружи начался на удивление сильный снегопад. Почти три четверти часа потребовалось мне, чтобы добраться до своего «Шторха». За это время облака почти припали к земле, а снегопад перерос в снежную бурю. «Можем ли мы лететь дальше?» — спросил я Людерса, летчика в чине фельдфебеля, и он ответил: «Мне нужно возвращаться, я лечу назад, господин генерал может присоединиться, но только на свой страх и риск». «Полетели, Людерс, — сказал я. — Здесь я тоже не останусь». Так что мы взлетели, в облаках и снегу. Наш «Шторх» знатно плясал. Но мне было всё равно. Чувство, что не знаешь, в нужном ли направлении летишь, было куда более досадным. Я восхищался храбрым Людерсом, тем, как он себя держал.

Однако высоко над шоссе мы внезапно попали в непростую ситуацию. Мы отклонялись от него, но нас всё время снова сносило к шоссе. И вдруг вообще пропал всякий обзор. Я больше не понимал, где мы находимся. Людерс утверждал, что знает, где мы, но в конце концов мы очутились совершенно в ином месте. Внезапно вновь мелькнуло шоссе — но в верном ли направлении мы двигались? Не летим ли мы к Юхнову, прямо на противника?

Тут показалась железная дорога, и по ней в полутьме мы вышли на Спас-Деменск. Все радостно приветствовали наше возвращение. Они держали взлетную полосу свободной для нас. А мы в тот день были, вероятно, единственным самолетом, который летал в такую погоду. [...]

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 14 марта 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 28

[...] В полдень посетил место, где размещаются военнопленные, отчасти ужаснулся¹⁶⁴. Приказал оказать помощь. Этим мы себе лишь навредим¹⁶⁵. [...]

¹⁶⁴ Плохое обращение, недостаточное питание и эксплуатация труда военнопленных были, вероятно, самым большим преступлением вермахта. Из 5,7 миллионов советских военнопленных в плену вермахта погибло более 3 миллионов. См. совершившую прорыв работу: *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова; предисл. и ред. И. Настенко. М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2009.

¹⁶⁵ Хейнрици в эти дни занимал вопрос, как завоевать симпатии русского населения. В месяцы наступления судьба военнопленных и гражданских его не слишком заботила, но после поражений на фронте он, как и некоторые другие генералы (см.: *Hürter J.* *Hitlers Heerführer*. S. 449–465), изменил свою точку зрения. Ср. большую докладную записку Хейнрици (AOK 4. Ia/Ic. Nr. 144/42 geh. (BArch. R6/429. Bl. 13–19)) «Предложения по обращению с населением на оккупированных восточных территориях», написанную «на основе практического опыта последних 8 месяцев»: «Непредсказуемая продолжительность войны на Востоке и необходимость умиротворения страны, которое в любом случае займет долгое время, равно как политические и экономические причины, делают вопрос обращения с населением особенно насущным». Рост сопротивления в тылу, согласно Хейнрици, вызван «частично неверным обращением с немецкой стороны», прежде всего «показательным презрением с немецкой стороны», которое проистекало из восприятия чуждости русского народа: «И раньше нам приходилось считаться с иными, недоступными нам взглядами и образом жизни русского человека, например относительно “порядка”, “чистоты”, “темпа работы” и прочего. Но прежде всего немцам чуждо существо азиатско-большевистской системы, которая пролетаризировала народные массы и лишила их воли, чужд их способ жить и умирать». Еще одну причину он видел в плохом обращении с военнопленными: «Недостаточная забота о пленных оказалась большой ошибкой. По легко объяснимым причинам недоставало возможностей для размещения пленных, им не хватало питания, медицинской помощи. Сбежавшие или освобожденные пленные или видевшие это гражданские лица разносили весть об этом по всей стране, и посредством слухов она попадала по ту сторону фронта. Противник с радостью использовал эти сведения в своей пропаганде, рассказывая о плохом обращении немцев с военнопленными, для того чтобы напугать

Письмо жене, [Спас-Деменск] 21 марта 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 34

Увы, я не смогу прибыть на конфирмацию Гизелы во Фрайбург. Наша ситуация не позволяет этого. До наступления весны враг изо всех сил старается нас окружить и уничтожить. Передо мной лежит расписанный вплоть до Пасхи план боевых операций, которые нам необходимо предпринять, дабы предотвратить это. Каковы планы и намерения противника, мы не знаем. Здесь все так хотят покоя и отдыха. Завтра будет девять месяцев, как мы непрерывно сражаемся!

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 22 марта 1942 г.

BArch. N 265/14. Bl. 29

Восемь дней было не до записей в дневнике.

Два дня был на передовой при XII и XIII армейских корпусах, переночевал у генерала Грайнера¹⁶⁶. В 4 часа утра на деревню упало несколько бомб, стоял сильный грохот. Не знаю, был ли нанесен ущерб.

красноармейцев и удержать их от перехода на немецкую сторону. Количество перебежчиков резко сократилось. Другим следствием стало заметное ужесточение боевых действий. Чтобы не запятнать честь немецкого солдата, в интересах дисциплины и внешней политики необходимо в любом случае позаботиться о том, чтобы обращение с пленными было безупречным». В качестве дальнейших улучшений Хейнрици предлагал, помимо прочего, более действенную пропаганду («Антисемитская пропаганда необходима, но она требует долгой разъяснительной работы и на данный момент встречает лишь слабое понимание в массах»), «дальновидный подход к обеспечению продовольствием», сельскохозяйственную реформу, поощрение торговли и ремесел, ограниченное самоуправление, поддержку религии. Нужно соединить «строгость и справедливость». 21 марта 1942 г. Хейнрици распространил в войсках подписанную им памятку «Немецкий солдат на Востоке» (BArch. RH 20–4/294), в которой, с одной стороны, настаивал на жестком отношении к «жидобольшевицкому» врагу и подчеркивал задачу «добыть для немецкого народа жизненное пространство, которое нужно ему для его существования и безопасности», с другой стороны, требовал от своих солдат по-человечески относиться к военнопленным, а по отношению к местным жителям быть «твердым, решительным, но дружески настроенным».

¹⁶⁶ Генрих Грайнер (1895–1977) — генерал-майор, с января 1942 г. по сентябрь 1943 г. командир 268-й пехотной дивизии.

За прошедшее время положение 4-й армии в корне не изменилось.

На севере мы сильно углубили свои позиции путем взятия некоторых деревень в тылу 27-й дивизии.

На востоке несколько дней русские сильно атаковали у изгиба реки Угры, но после тяжелых боев были отброшены. У обеих сторон крупные потери, у нас до 600 человек, у противника больше. Один из его танков провалился под лед на Угре и затонул. К счастью, это значит, что фронт, проходящий по реке, в безопасности. Поразительно, с каким упорством русский вновь вгрызался в этот участок и не отступал. Со своего возвышающегося берега он заставил замолчать наши тяжелые орудия, по одному пересек речку по льду, собрался у крутого берега и оттуда внезапно напал. В течение трех дней он использует такой же маневр на расположенном южнее участке под Жуковкой. К сожалению, там он наступает с танками. Семь повредили и уничтожили отчасти благодаря действиям пехотной группы по уничтожению танков. Они очень храбро сражались. Но сражение там еще не окончено.

На шоссе, похоже, нам удалось ликвидировать выступ под Проходкой¹⁶⁷. Увы, у нас не получилось использовать эффект внезапности и ошарашить русских быстрым новым ударом, который был возможен. Тогда бы удалось занять еще одну высоту. Мы не очень довольны таким слегка тягучим стилем командования в XXXXIII армейском корпусе. Севернее шоссе 131-я дивизия после долгой подготовки смогла отеснить врага с дороги под [неразб.]. Это успех.

На юге развили успех в районе аэродрома. В целом везде продвигаемся с боями вперед, пусть и не слишком значительно. Но кто ожидает иного в холодные ночи с -20°, в глубоком снегу, при трудностях с любым передвижением, усталостью войск и прочим. Разговоры идут лишь об «улиточном» наступлении. Слово точно отражает суть и скорость продвижения. Расчищая дороги, шаг за шагом подтягивая тяжелые орудия, с трудом таща за собой артиллерию, нужные для которой лошади из-за недоедания и усталости наполовину пали, мы идем от деревни к деревне, сражаясь против вражеских дотов, обустроен-

¹⁶⁷ Примеч. рус. ред.: неустановленный населенный пункт.

ных в снегу. Мы стали очень скромными в наших запросах. И всё-таки приходится восхищаться войсками, успехами, которых они добиваются раз за разом, в снегу и на морозе, несмотря на собственную слабость, усталость и нехватку командиров. Они повсюду надеются на отзыв в тыл. Боев каждому уже более чем достаточно. И никто из них не знает, что об отводе нечего и думать¹⁶⁸.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 25 марта 1942 г.

BArch. N 256/156. Bl. 35f.

[...] Больше всего беспокойства лично нам внушает противник в тылу, который мало-помалу разросся до армии¹⁶⁹. Теперь у нас фронт не только впереди, но и в тылу, и нет войск, чтобы его нормально прикрыть. В некотором смысле мы плаваем таким голубым мыском в красном море, и чем больше оно с каждым днем наполняется, тем более бурной и штормовой становится обстановка в тылу. Следует ожидать, что из своих исполинских человеческих резервов противник создаст вскоре немало новых формирований. Учитывая ситуацию, сложившуюся за зиму, они немалой частью будут задействованы против нас. А сил у нас повсюду крайне мало. Со всё возрастающим беспокойством взираешь на соотношение наших сил и сил противника и на наше положение с точки зрения людских и материальных ресурсов. Не получается избавиться от впечатления, что оттуда, где сидит Г[юльденфельдт], ситуация видится иначе. Такое впечатление — это вовсе не мелочь. Ведь именно такие оценки лежат в основе решений, которые привели к тяжелой ситуации в зимний период.

¹⁶⁸ Это последняя, если не считать отдельных листов за 28–29 апреля и 23 мая, сохранившаяся запись в дневнике Хейнрици до его отъезда в отпуск 10 июня 1942 г.

¹⁶⁹ В треугольнике Смоленск–Вязьма–Спас-Деменск в тылу 4-й армии с января 1942 г. действовала группа генерала Белова численностью около 20 000 человек, состоявшая из частей 1-го гвардейского кавкорпуса, десантных подразделений и партизан. Лишь при задействовании нескольких фронтовых дивизий в ходе операции «Ганновер» с 24 мая по конец июня 1942 г. немцам удалось ее уничтожить.

Похоже, что зима в этой стране теперь изволит откланяться. После того как с конца октября — за исключением одного дня в начале марта — непрерывно стояла минусовая температура, да еще какая, наконец со вчерашнего дня погода начала смягчаться. Пока еще не тает по-настоящему, но к этому всё идет, вот и я вчера видел разлом во льду в одном месте. Сегодня опять падает снег, но по сравнению с постоянным крепким морозом, это знак ослабления зимы. Как и от войны, каждый из нас устал от этой бесконечной окружающей белизны. И у измотанных ребят нет больше никаких желаний, кроме отзыва в тыл. Но об этом в отношении всех нас нечего и думать. [...]

Я бы так хотел снова написать нормальное письмо. Но нет ни покоя в душе, ни настроения, поэтому я не могу себя заставить сделать это. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 30 марта 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 37

Сейчас мы переживаем, быть может, самую тяжелую из атак, которые вел против нас противник. В течение четырех дней он наступает большими массами и ежедневно швыряет в битву всё новые силы — пехоту, артиллерию, танки, ночные бомбардировщики. Наши войска сражаются с огромным самопожертвованием. Но для них это невероятно тяжело. А весна к тому же по-прежнему не наступает. Восемь недель, почти без исключений было солнечно и безоблачно. Это значит: с подветренной стороны тает; помимо того, днем легкий, а ночью сильный мороз. Мы всё же надеемся, что распутица наконец-то даст нам передышку. Но без конца, изо дня в день продолжается натиск противника. Ничто из запланированного нами не удастся. Операции всё время отменяются из-за действий врага. По сути, всё это является следствием тех решений, которые завели нас в это положение. Мы занимаем позиции, которые попросту вынуждают противника действовать. Никто не знает, сколько это еще продлится. Но все боятся, что конца этому не видать.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 7 апреля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 38

Думаю, что давно не писал обстоятельно, поскольку был так загружен, что не мог найти времени. С момента подтверждения Гизелы мы находимся под непрекращающимся натиском русских, и притом на самых опасных участках нашего фронта. Нам поначалу удалось их оттеснить, но в итоге противник, постоянно вкачивая новые человеческие массы, добился очень неприятных и опасных для нас результатов. Со вчерашнего дня мы видим задействование весьма сильных новых соединений, которым нам нечего противопоставить. Вместо покоя, о котором когда-то говорил Гю[льденфельдт], перед нами новая серьезная угроза. Русский не отступает, а, напротив, с упрямой настойчивостью преследует свою цель — прорвать линию обороны как раз там, где мы стоим, и уничтожить нас. Но он атакует не только с фронта, но и с тыла, в котором он создал еще одну армию, которая скоро нас замурует. Так что мы смотрим в будущее с большой печалью и беспокойством и пока не знаем, как все повернется. Мы надеялись, что весна с ее дождями даст нам передышку. Но ничего подобного. Каждую ночь трескучий мороз, а днем вечно сияющее солнце лишь подтапливает сугробы. Ни разливов, ни ледохода, ни распутицы — пока что ничего, что могло бы нам помочь. Вместо этого по ночам жужжат пролетающие над нами русские самолеты — вот прямо как сейчас — и высаживают в нашем тылу комиссаров, десантные войска и офицеров. Им никто не препятствует, да и не может воспрепятствовать. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 13 апреля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 39

Вот и настал этот счастливый денек. Если противник удержит то, что он отбил за сегодня, то большая часть армии будет отрезана. Шоссе перерезано, и на данный момент мы вряд ли сможем его освободить. Сегодняшнего успеха противник смог достичь силами каких-то 30 танков. У меня же в этом невероятно напряженном положении нет сил выправить ситуацию. Противник же может ввести в бой новые, с иголки, дивизии, которые он снова

набрал в далекой-предалекой Сибири. Мы противостоям ему нашими жалкими, потрепанными парнями, которым пришлось непрерывно сражаться против врага в течение 4 недель. Кризис начался в день конфирмации Гизелы. Достигнутый вчера важный успех, казалось бы, разрешил ситуацию. Сегодня же последовал ответный удар. Погода — метель, плотный туман — отобрала у нас помощь люфтваффе. Теперь три корпуса пригвождены и отрезаны. Я не знаю, что будет дальше. Мы возлагали надежды на так называемый период распутицы, во время которого и русский тоже не сможет сражаться. Но он так и не начался. Сейчас же, после того как противник в боях добился успеха, распутица всё же начинается и еще больше усугубляет наше положение. Всё, о чем только можно помыслить, — против нас, просто всё. За исключением известного шоссе, которое на данный момент перерезано, передвижение невозможно, так как всё тонет в болоте. Во всяком случае, у нас. Русские же танки, грузовики и тягачи проходят.

Три с половиной месяца русский бился за этот успех. Три с половиной месяца это ему не удавалось. И в самый последний момент перед тем, как ему могла помешать погода, в самое распоследнее мгновение успех наконец приходит к нему. Значит, так было предопределено. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 16 апреля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 40

Несколько последних дней мы провели в больших заботах. Действительно, противнику удалось закрепиться на важнейшей высоте у шоссе. Но, как по волшебству, мы сумели ее отбить 14-го числа. Это произошло лишь благодаря исключительным действиям люфтваффе. Погода была столь плоха, что «Штукам» приходилось сбрасывать свои бомбы с высоты 50 метров, так что взрывы представляли огромную опасность и для самих пилотов. Повторное занятие высоты стоило нам одного из наших лучших командиров дивизий, генерала Бертольда¹⁷⁰, который по-

¹⁷⁰ Генерал-майор Герхард Бертольд, командир 31-й пехотной дивизии, погиб 14 апреля 1942 г.

сле меня командовал XXXXIII корпусом в течение шести недель. Он пал в бою за деревню. Мне очень жаль, что так вышло, поскольку он был превосходный человек, порядочный, умный и храбрый.

Атаки противника продолжаются и теперь. И вчера, и сегодня всю вторую половину дня вплоть до ночи. Русский заставляет своих солдат наступать по воде, через теперь уже оттаявшее болото, ему абсолютно всё равно, он вводит всё новые и новые дивизии, жертвует сотнями и тысячами человек и всеми силами стремится достичь цели, продавить наши фланги. Он даже и не думает останавливаться из-за распутицы. Ему неведомы ни сырость, ни холод. Его танки проезжают и по снегу, и по болоту. Он хочет нас раздавить. Тяжело всё это выдерживать, это неслыханное напряжение для всех командиров, для войск, которые уменьшаются и тают на глазах. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 20 апреля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 41f.

И вновь мы попали в очень напряженное положение. Атаки русских против двух особенно трудных участков на нашем фронте продолжаются день и ночь, и длится это вот уже более 14 дней. Если у противника убивает или ранит 1000 солдат, он вводит пополнение или свежие дивизии и продолжает свои попытки. В конце концов, когда видишь, что эта человеческая мясорубка работает день и ночь, без перерыва, это действует на нервы. Атаки можно отбить десять раз, но на одиннадцатый или двенадцатый раз русский всё же достигает некоторого успеха и медленно продвигается вперед. Наконец, совершенно не ясно, где же нам взять новых солдат, чтобы восполнить потери, возникающие в ужасающих масштабах. Мы возлагали свои надежды на весну. С позавчерашнего дня начало таять, но улучшений не чувствуется. В данный момент всё так же, как и всегда, без изменений: не важно, снег ли лежит или же всё тонет в немыслимой грязище. Из места нашего расквартирования и на легкой машине больше не выберешься, так что надо садиться на дрезину и ехать 20 километров до шоссе. А в 1000 метрах от него засел противник и радостно по всему палит. [...]

Письмо жене, [Спас-Деменск] 21 апреля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 43

[...] Наконец-то у нас наступила весна, то есть снег за последние три дня почти растаял. Станным образом не упало ни капли дождя. Процесс таяния идет благодаря ярко сияющему солнцу. На солнце днем температура поднимается до +25°. Ночью всё вновь слегка замерзает. Но только представь: за исключением легкого дождичка 25 марта, с начала ноября ни единой капли воды не пролилось с небес, разве что снег! Необычайная страна. Сейчас всё увязло в грязи. Проехать нет никакой возможности.

Ночью я проснулся из-за пулеметной стрельбы. В 1000 метров от моего дома партизаны попытались перерезать телефонный кабель. Ранее снег сковывал свободу их передвижения. Теперь они пробираются везде. Недавно я ночевал в Смоленске. Там я пережил двухчасовой, довольно мощный авианалет. А еще недавно возле моей машины упал тяжелый снаряд, но все эти случаи были довольно безобидны. В ближайшее будущее мы глядим с беспокойством. Становится всё яснее, что противник готовит мощный удар против глубоких флангов моей армии, нанеся который он сможет завершить окружение Ключе. С начала марта на восточном и южном направлениях я отражаю продолжающееся крупное наступление против моей армии. Атаки, как тебе известно, не прекращались. Крупный же удар, должно быть, последует 1 мая. Мы предупредили верхи и наконец-то были услышаны. Им наверху это, конечно, создает неудобства, но ничего не поделаешь. В конечном счете суть в том, что сейчас в России ход вещей определяет противник, а не мы.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 25 апреля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 45f.

Неделя непрерывных и тяжелейших боев позади. В целом на Востоке всё относительно тихо. Но на нашем участке фронта, несмотря на грязь, воду и невозможность передвижения, продолжается большое сражение. Армия находится в такой дьявольской ситуации, что русские

практически вынуждены атаковать. Против нас они выставляют всё новые и новые дивизии, катят всё новые и новые танки, на позиции выходит всё больше и больше артиллерии. Пока я пишу это в 23:30, на каждую написанную строчку приходится по 3–4 разрыва тяжелых снарядов. И мы постоянно под угрозой того, что потеря даже малейшей территории, буквально сотни метров, приведет к перерезанию нашего пресловутого шоссе. У всех роль играют километры, у нас же — буквально сантиметры. И за всем ныне происходящим маячит большое наступление, приготовления к которому мы можем наблюдать, но не в силах противопоставить ему что-то серьезнее паутиной сеточки. Оно должно быть направлено именно против меня, и в этот раз я должен быть окружен.

Кажется, мало-помалу и у людей наверху открываются глаза. Три дня у нас провел генерал Бл[юментритт]¹⁷¹ из ОКХ, который раньше сам был здесь начальником штаба, очень реалистичный и здравомыслящий человек, который ясно увидел, как у нас обстоят дела: наши войска, подобно узенькой нитке жемчуга, протянуты между двумя фронтами, и ни вперед, ни назад двигаться они не могут, а резервов для исправления ситуации у нас не имеется, не говоря уже о том, чтобы по своему почину атаковать противника. Ничего другого не остается, кроме как затыкать самые горячие участки, прекрасно осознавая, что из-за этого образуются дыры на других направлениях. Остряки уже предложили воткнуть вдоль наших так называемых позиций таблички с надписями на русском: «Проход воспрещен!» Потому что солдат у нас нет. Медленно, но верно наши войска растираются в труху, если уже не растерты. Командиры тут посчитали: еще три недели, и тогда я передам сообщение — осталось 0 солдат! Вот так выглядят наши дела.

Но на самом верху по-прежнему надеются, что всё закончится хорошо, раз за прошедшие четыре месяца ничего не произошло. Прямо сейчас артиллерийский обстрел идет практически без пауз, так что мой дом дрожит, и стекла дребезжат. Вдобавок из-за распутицы наше шоссе стало совершенно непроходимым. На протяжении

¹⁷¹ Генерал-майор Блюментритт, начальник штаба 4-й армии, 18 января 1942 г. был назначен первым обер-квартирмейстером в генеральном штабе сухопутных сил.

102 километров, на которые оно растянулось, теперь бездонное болото. Три дня назад пришлось остановить любое передвижение по нему. Ничто больше не может проехать, и грузовики, и гужевые телеги просто застревают в грязи по колеса. Такое чувство, что нам как по сговору выпали все трудности и неприятности, о которых только можно помыслить! [...]

Запись в дневнике, [Спас-Деменск] 28 апреля 1942 г.

BArch. N 265/13

Атака 98-й пехотной дивизии на Павлово провалилась. Вчера я приехал домой с последнего совещания с чувством: всё, что было в человеческих силах, сделано. Тем не менее — неудача.

Когда утром не поступило сообщений об успехе наступления, я начал с подозрением смотреть на дело. Я дал запрос XII корпусу вторично задействовать «Штуки» по деревне. Корпус отказался, поскольку машины очень сильно изношены. По правде говоря, еще бы могли летать. К полудню картина стала ясна: противник контрударами опять отразил наступление наших войск.

Повсюду царит исключительная депрессия. Я тоже могу сказать, что потрясен. Из 850 атаковавших потеряли 12 офицеров и 458 бойцов и ничего не добились.

Письмо жене, [Спас-Деменск] 28 апреля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 47

[...] Сегодня опять был очень плохой день. Полный провал важного для нас наступления. Всё подготовили кропотливо, как только возможно. И всё равно неудача: большие потери, ни крупницы успеха. Войска уже на самом пределе.

Позавчера ночью русские бомбардировщики задали нам жару. Потерь нет.

Сегодня всё покрыло глубоким снегом.

Отчет семье, [Спас-Деменск] 8 мая 1942 г.

ВArch. N 265/156. Bl. 1–3, рукопись, черновик

Когда я писал свой последний отчет, было 11 декабря. Тогда вокруг был снег и лед. Сегодня 8 мая, и всё так же в воздухе кружатся снежинки, а температура на термометре ночью падает до $-3-4^{\circ}$. Хотя природа и окрасилась из белого цвета в коричневый, но общее ощущение зимы так и не исчезло.

Сейчас период распутицы: дорог, по которым можно было бы проехать, больше нет. Наша единственная линия снабжения, шоссе, которое русский в течение четырех месяцев пытался перерезать ценой жертв тысяч солдат и дюжин танков и всё же не преуспел в этом, ушло под воду и часто закрыто целыми днями. А еще лишь две с половиной недели назад это была дивная и чудесная дорога. Сегодня же большей частью оно по колено в грязи, в которой тонет всё, что должно продвигаться. Тысячи военнопленных, местных жителей, солдат стройбатальонов пытаются привести его в порядок, настилая гати. Но получается лишь заштопать отдельные участки. 10-сантиметровое щебеночное покрытие продырявлено, а под ним — дорожное полотно из глинистого мокрого грунта. Наши тяжелые немецкие грузовики просто перемалывают этот грунт сверху донизу. В общем, безнадежная ситуация, пока солнце, тепло и сухость не придут на помощь. Но даже и тогда шоссе, наша автострада, остается проселочной дорогой худшего сорта.

На данный момент мы питаемся еще не воздухом, хотя и по воздуху. Неутомимые «Ю» завозят боеприпасы и продовольствие, точно так же как неделями они это делали зимой. Так еще можно поддерживать людей, но не лошадей. В январе здесь еще имелись остатки корма. В феврале тыловые области, откуда можно было бы его взять, заняли десантные войска и партизаны. Вот тут и началась нужда для наших лошадей. Вся солома с крыш была снята и скормлена. Но и этому пришел конец. Тысячи пали от истощения. Оставшиеся используются на износ и едва получают корм. Начавшаяся распутица удваивает требования к животным. Так что по части мобильности мы пребываем в плохом состоянии.

Из-за наступившей распутицы, быть может, еще и из-за ожидания крупного немецкого наступления, в послед-

ние дни плотность русских атак снизилась — впервые с 11 декабря. Пять месяцев подряд, без передышек, непрерывным валом шли атака за атакой на наши траншеи. Вновь и вновь, раз за разом, как морская волна, бьющаяся о берег, русский накатывался на наши позиции. На самых горячих участках битвы остались поля, усеянные трупами. Дабы компенсировать потери, русский закачивал всё новые пополнения в свои потрепанные соединения. Новых солдат, которые только вчера прибыли, сегодня уже гнали в бой. Когда их снова разбивали, на их место вставали свежие дивизии. И этому не было конца.

Зима, которую русский называл своим союзником, в некотором отношении всё же оказалась его врагом. Поскольку пробиваться по колено, а чаще по пояс в снегу против пулеметов, пока те продолжают стрелять, — предприятие разорительное, требующее большого кровопролития. То же мы узнали и на собственной шкуре, когда обстоятельства вынуждали нас атаковать. Прежде всего две вещи позволили нам удержать наши позиции зимой: наша артиллерия и превосходство в воздухе. К примеру, на участке фронта шириной всего в 8 километров, на котором наступали русские, с нашей стороны меньше чем за месяц было произведено порядка 50 000 артиллерийских выстрелов и сброшен почти миллион килограммов бомб. Только благодаря этой поддержке наша ослабленная потерями пехота смогла выстоять. Иначе ничего бы у нас не вышло.

Но для всех, кто выдержал эту зиму, она стала невероятной нагрузкой на нервы. В войсках исчезающе мало осталось тех, кто протянул с 22 июня до сегодняшнего дня. Но и в высоких штабах люди знают, что было сделано. Для многих, как и для меня, всё это время с начала кампании и до настоящего дня было одной непрерывной бесконечной битвой, без увольнений, без отпуска, без покоя. В Первую мировую войну ничего подобного не происходило. И тогда мы не бывали в подобных сегодняшним кризисных ситуациях, которые сейчас стали почти нормой и с которыми мы всегда, как по волшебству, справляемся. Когда выяснится, со сколь слабыми силами, перед лицом каких проблем, в каком состоянии мы всё это делали, — тогда, наверное, люди изумятся. Нас же больше ничто не удивляет.

Уже четыре месяца, как противник находится на расстоянии 700–1000 метров от нашей единственной трассы

снабжения. Во многих местах передовая проходит прямо по кювету. Противник считает грузовики, которые вынуждены ехать по этой дороге. Он может стрелять по ним из пулемета или противотанковых орудий, не говоря уже об артиллерии. Он около шести раз на 2–3 дня захватывал эту дорогу и перекрывал ее. Затем ее снова освобождали. Привыкаешь к этому в военном отношении гротескному положению вещей. Казалось бы. Потому что по сути это невыносимая ноша. Тем тяжелее, что позади нашего фронта — о чем я уже написал — стоит сильный противник (партизанские полки, десантники, кавалерийские дивизии), давящий на дорогу с противоположной стороны. Бывали дни, когда зазор между двумя этими противостоящими острями, то есть то, что оставалось в нашем распоряжении, был 1500 метров в ширину! Есть о чем беспокоиться. Ведь жизнь известного количества дивизий зависит от того, что это бутылочное горлышко остается открытым. И каждый новый наступающий день может принести повторение кризиса!

Письмо¹⁷² жене, [Спас-Деменск] 12 мая 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 48

[...] Я вымотан и чувствую себя прескверно. В начале июня я должен ехать в отпуск, около 10-го числа. Как бы я хотел поехать сейчас. Я так устал, так недоволен, так мрачен, так задержан этим несоответствием требований сверху и реального положения дел, что я внутренне просто надломился. Я вообще не занимаюсь спортом, слишком много курю и физически просто загоняю себя в могилу. Вся эта здешняя свистопляска ужасна. [...]

10 июня 1942 г. Хейнрици передал командование 4-й армией генералу пехоты Гансу фон Зальмуту, а сам отправился в свой первый с начала Восточной кампании отпуск. Через Мюнстер он поехал в Глоттерталь под Фрайбургом, где его жена прожила большую часть войны. 20 июля 1942 г. Хейнрици вернулся на свой пост в Спас-Деменске.

¹⁷² Последнее сохранившееся письмо до начала отпуска.

Письмо детям, [Мюнстер] 12 июня 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 49f. Ms.

Прибыл сегодня, посылаю сердечный привет с Бурхардштрассе. Наше жилье сейчас не узнать. Запыленное, летает куча моли, вся мебель в диком беспорядке, так что в общем сплошное разочарование. И всё же это встреча с тем, что тебе принадлежало. Как было бы здорово иметь дом, в котором всё на своем месте, когда возвращаешься. Лишь сад еще более-менее ухожен. Он чуть ли не в большем порядке, чем раньше. Однако в остальном от бывлой роскоши мало что осталось. [...]

Чем дальше на запад, тем чище и упорядоченнее становились природа и строения. Когда я увидел цветущие ржаные поля Вестфалии, чудные фахверковые дома крестьян со старыми деревьями вокруг, крепкие дома из красного кирпича, вот тогда содрогнулся от мысли о возврате в Россию. Всё мне здесь кажется таким маленьким и быстро достижимым. Даже Берлин — такие маленькие здания и такие узенькие улицы! По сравнению с Парижем? На просторах России глаз привык к другим масштабам? [...]

Приложение 1. Записи и письма 1915–1940 гг.

Старший лейтенант Готхард Хейнрици во время Первой мировой войны сначала служил на Западном фронте (Бельгия), а затем, с сентября 1914 г., на Восточном (Восточная Пруссия, Польша). В середине декабря 1914 г. он стал адъютантом командира 95-го пехотного полка, задействованного на фронте у Равы-Мазовецкой, к востоку от Лодзи.

Письмо родителям, [Рава] 2 января 1915 г.

BArch. N 265/143. Bl. 1

С 9 вечера 30 декабря до 7 утра 31 декабря мы вели тяжелый бой. Впервые с тех пор оказался под крышей, до этого находились под открытым небом или в землянках. На гарнир — огонь русской пехоты, восточный ветер, мороз. Снова пали два офицера — кадровый фон Фишерн и один офицер запаса! С начала войны у нас погибло 24 офицера. — Левый фланг нашего полка уже третий день располагается в 30 метрах от позиций русских, но за первой линией их окопов еще две или три. Если захочешь взять первую линию штыковой атакой, попадаешь под сильнейший огонь, ведущийся из следующей линии окопов. В такой ситуации мы и встретили Новый год. Как раз прибыли посылки от 18 декабря. Маршей у нас больше нет, одни бои. Пусть Господь Бог ниспошлет нам скорейший мир, после того как русский фронт рухнет. Но пока они воюют с неслыханным упорством. В дыру, которую наши гранаты только что пробили в их окопах, тут же заползли трое новых парней. Ну, будьте здоровы. Работа и общая ситуация написать большего не позволяют.

Письмо родителям, [Рава] 7 января 1915 г.

BArch. N 265/143. Bl. 1

[...] Русский, кстати, отпраздновал Рождество очень торжественно. Мы оставили его в покое и вели себя при-

стойно. Недавно рассказывали, что, со слов пленного, русские очень удивились, услышав, как наши ребята поют в окопах рождественские песни, и решили, что немцы всё же вполне благочестивы. Наша вторая рота сделала рождественскую елочку для русских с огоньками и листовками, призывающими переходить на нашу сторону. Они выставили ее на полпути к русским окопам, и русские ее забрали. Рота в полном составе выстроилась на краю своих окопов и после короткой речи ее командира, старого лесничего Якоби, пропела все рождественские песни. Ни одного выстрела в их сторону. А вот в другом месте русский палил так долго, что совсем изрешетил маленькую елочку на краю окопа. [...]

С декабря 1916 г. по март 1917 г. Хейнрици (с июня 1915 г. — капитан) был вторым офицером штаба (Ib: снабжение) в 115-й пехотной дивизии в Румынии (позиционная война на Путне и Серете).

Запись в дневнике, 22 февраля 1917 г.

BArch. N 265/8

Утром быстрые лошади пронесли меня под ярким солнцем по прекрасному санному пути (ночью выпал снег) из Мартинешти в Чорешти. Там я вышел у дома Мюленпфорта¹ и для начала обошел с ним и комендантом всю деревню. Сильнее всего бросалась в глаза нищета, в которой живут крестьяне. Маленькая, дающая лишь десять центнеров в день мельница не в состоянии перемолоть кукурузной муки столько, чтобы ее хватило на прокорм 2500 жителей. Из-за царящей в деревне тесноты горемыки вынуждены ютиться по 20–30 человек в избе. Воздух в помещениях ужасный, так как все дела делаются внутри, а от румын, не славящихся своей чистоплотностью, воняет совершенно зверски. В любом случае мы должны это изменить.

Затем я поговорил с Мюленпфордом про всю эту обстановку, также о решении выделить из всех скопившихся

¹ Вероятно, известный архитектор Карл Мюленпфорт (1878–1944).

тут беженцев женщин и детей и вывезти их в тыл, а мужчин оставить здесь, у нас. Я и раньше уже несколько дней его обрабатывал. Это решение означает лишить семьи кормильцев, отправить жен и детей без мужей в неизвестность. Очень жестоко по отношению к людям. Если бы такое сделали с нашими согражданами, мы бы назвали это варварством. Но нам нужны мужские руки для возделывания полей весной. Парни могут вспахать для нас пару моргенов, что пойдет на пользу людям на родине. Это куда важнее того, что нескольким румынским женщинам и детям придется нищенствовать. Ответственность за войну снова самым жестоким образом мстит этой стране.

Мы отправляемся на точку 27. По пути Мюленпфордт показывает мне те места, на которых нашли две повозки с замерзшими до смерти румынами, главным образом с женщинами и детьми. На дороге повсюду валялись бревна для постройки блиндажей. Единственная усадьба была сожжена до основания. Стаи черных ворон пировали над трупами лошадей. Эту войну не сравнить с Тридцатилетней. Уничтоженное той войной — детские забавы по сравнению с нынешней. [...]

С марта 1918 г. капитан Хейнрици был первым штабным офицером (Ia: оперативное командование) 202-й пехотной дивизии, располагавшейся под Реймсом, где шла позиционная война. С 15 июля 1918 г. дивизия принимала участие в последнем немецком наступлении на Западном фронте. После его скорого провала она до конца войны вела оборонительные бои у Реймса, в Пикардии и Шампани, постепенно отступая. Затем ее перебросили в Рейнскую область и, наконец, в январе 1919 г. демобилизовали в Гамбурге.

Запись в дневнике, 30 сентября 1918 г.

BArch. N 265/8

Какая пропасть пролегла между 3 июня [предыдущая запись в дневнике] и 30 сентября. Прошло четыре месяца, и наше положение за это время, к сожалению, только ухудшалось. Сегодня следует сказать, что положение настолько серьезно, каким не было с начала войны. Мы только что закончили свое осеннее путешествие в Пикар-

дию, в которое наша дивизия отправилась столь нежданно. Сейчас идем форсированными маршами в Шампань, там нужна наша помощь. Француз глубоко вгрызся в наши позиции. Удивляешься той мощи, с которой ему удается сражаться. Преодолевать трудности ему помогает чувство успеха и мысль, что он освобождает свою Родину.

Мы всё время спрашиваем себя, как же так вышло, что этот прекрасно начавшийся военный год, с которым мы связывали столько надежд², так заканчивается. С военной точки зрения проблема, на мой взгляд, в недостатке солдат. На карте рисуются роты, а на деле в них по 30–40 человек. При этом участки, которые им приходится оборонять, увеличились. Если раньше удерживали одну линию фронта в три раза большими силами, то теперь имеющих-ся еще раз делят на три и располагают друг за другом. Так нигде ничего хорошего не добьешься.

Пока враг не наступает или наступает малым числом, всё в порядке. Как только атакует большими силами — а их у него сейчас благодаря американцам в достатке, — люди, находящиеся в сотнях метров друг от друга, теряют позиции. Когда в 1915 г. мы внезапно задействовали наши многочисленные резервы, русский без видимых причин уклонялся от боя. Солдат-одиночка чувствует слабость при численном превосходстве противника, особенно если он не только догадывается о нем, но и живо видит прямо перед собой. И в моральном плане наши войска уже не на высоте. В атаку, в наступление кое-кого, да даже, к сожалению, многих влечет желание пожить. Оно возникает из-за плачевной ситуации со снабжением [...]. Кроме того, не хватает младших командиров, чтобы держать бойцов в руках. Те, что зимой сплывались в единый боевой механизм, убиты или ранены во время прежних наших наступлений. Новое пополнение уже не то и не может быть столь единым. С 15 июля в дивизии и занятии-то настоящих не проводилось. Конечно, необученные подразделения в неудачные дни удерживают позиции хуже, чем обученные. И наконец, влияние родины, очень редко положительное. Вести с родины крайне редко укрепляют

² После выхода России из войны рейх сконцентрировал все имевшиеся в его распоряжении силы на Западном фронте для решающего сражения. Но и наступление «Михаэль» в марте 1918 г., и дальнейшие наступления до июля 1918 г., несмотря на все территориальные выигрыши, обернулись стратегической неудачей.

уверенность в том, что мы должны справиться. И вот нас ожидает решающий час. Несмотря на всё, я верю, что наша чаша весов может перевесить.

Запись в дневнике, 15 октября 1918 г.

BArch. N 265/8

[...] Впервые эти горькие слова: мы проиграли войну! Вся кровь, все человеческие жизни, вся наша четырехлетняя работа — всё напрасно. Лучше об этом вообще не думать. Но вопрос, что должно стать с нами, кадровыми военными, никуда не денется, если хранить молчание и уходить от ответа. То, что сейчас происходит, довольно внезапно опрокидывает все наши основные моральные ценности. В любом случае практика показала нам, что право на стороне сильного и что прекрасный догмат о превосходстве моральных устоев над количеством солдат и вооружением — чушь. Нас доконали голод, огромная численность наших врагов и их помощников. Изначальное превосходство, которым обладала наша армия за счет обученности, за счет чувства своей правоты, сведено на нет мощью массы. После войны мы можем ожидать у нас хорошенький бардак. Я не уверен, не последуем ли мы примеру России.

Запись в дневнике, 16 октября 1918 г.

BArch. N 265/8

[...] Если поразмыслить о нынешних временах, то надо признать, что были правы те люди, которые внесли 19 июля 1917 г. в рейхстаг резолюцию о мире³. Они предвидели, что тот прирост военной мощи, который принесла, вступив в войну, Америка, нам не по зубам. Вероятно, публичная форма резолюции была выбрана неуклюже — тем самым они раструбили о ней на весь мир. Нам следо-

³ Резолюция рейхстага о мире была принята 19 июля 1917 г. большинством из социал-демократов, леволиберальной прогрессистской партии и католической партии Центра. Резолюция требовала «Мира на основе договоренности».

вало бы с лицом и манерами победителя вести переговоры и добиться мира на условиях отказа от изменений границ. Вышло бы куда лучше. Бисмарк в 1866 г., будучи бесспорным победителем в войне с Австрией, тоже отказался от изменения границ, так как опасался вмешательства других стран. Да, в прошлом году все бы мы не поняли такого отказа. Пятнадцать месяцев назад никто не считал, что Германию можно одолеть. И каждый надеялся, что после развала России война в этом году решится в нашу пользу. Будем надеяться, что теперь удастся добиться лучшего из возможного. Гинденбург⁴ пишет, что мы должны доверять ему так же, как и в хорошие времена. Так мы и хотим поступить.

Запись в дневнике, 17 октября 1918 г.

BArch. N 265/8

Лишь после чтения газет, которые сегодня впервые за много дней стали нам доступны, понимаешь, какова обстановка у нас дома. Лишь сейчас нам стало ясно, что за несколько дней, во время которых мы вели бои, ничего не слыша и не видя, наше доброе старое Отечество рухнуло. Что это должно принести? Нами правит сейчас клика евреев и социалистов, люди, для которых интернационал превыше всего⁵.

Невероятная быстрота, с которой происходят события, показывает, что катастрофа уже случилась или стоит на пороге. Всю мирную программу президента Вильсона⁶ я считаю бесстыдным лицемерием. Прикидываясь добропорядочным миротворцем, он впрыскивает нам яд, и пресса нашего большинства спешит разлить этот яд

⁴ Пауль фон Бенекендорф унд фон Гинденбург (1847–1934) — генерал-фельдмаршал, с августа 1916 г. по июль 1919 г. начальник генерального штаба сухопутных войск, с апреля 1925 г. по август 1934 г. рейхспрезидент.

⁵ 4 октября 1918 г. было образовано правительство канцлера Макса Баденского, в которое входили и представители большинства в рейхстаге (социал-демократы, партия Центра, прогрессистская партия).

⁶ Вудро Вильсон (1856–1924) — с 1913 по 1921 г. 28-й президент Соединенных Штатов Америки. Программа четырнадцати пунктов Вильсона от 8 января 1918 г. предполагала либеральный миропорядок (право народов на самоопределение) и была принята правительством Макса Баденского как основа для перемирия.

в народе. Вильсон не хочет ничего иного, как развалить нас настолько, чтобы мы и десятилетия спустя были не в состоянии конкурировать с его американским денежным мешком. Он устраняет нашу монархию, потому что знает, что в ней наша сила. Он выдумывает право на самоопределение, потому что хочет нас расчленить. Он поощряет внутренние недовольства, потому что хочет нас сломить. Нет, вовсе не к постоянному миру стремится этот подлый субъект, на которого «Форвертс»⁷ молится уже сейчас, он весьма прилежно закладывает основы для длительных конфликтов, внутренних и внешних. Если осуществится всё то, к чему стремятся поляки, чехи, венгры и прочие, как их там еще звать, коррумпированные народы, то этот мир станет шагом на пути к веку войн и революций. Лишь небесам известно, что с нами тогда случится.

Если прочитать в газетах, с какой дерзостью поляки, этот народ, который мы в тяжелейших сражениях вырвали из лап русских, сейчас выдвигает требования нам, бросает то в жар, то в холод. Взять хоть лексику, которую позволяет себе эта компания. Всё выглядит печально для нас.

А наши brave полки уже несколько дней стоят в грязи по колено и сражаются из последних имеющихся сил с французами среди гор, поросших лесами. Француз снова и снова атакует, так как знает, насколько изнурены, потрепаны, устали наши войска, как они совершенно выпотрошены, так как нет никого, кто бы мог их сменить. Нет, не так я представлял себе конец войны.

Запись в дневнике, 20 октября 1918 г.

BArch. N 265/8

[...] Нынешний запрет на отпуск — это благословение. Он отгораживает войска от родины, которая в состоянии кипящего котла опаснее, чем противник. Чтение газет делало меня больным и неспособным. Наши несчастья и внутренняя борьба в Германии никак не выходили у меня из головы. Следует не вводить свободу прессы,

⁷ Социал-демократическая ежедневная газета, орган СДПГ.

а сжечь все газеты. Тогда бы наши дела пошли лучше. Слава Богу, полевой книжный магазин исчез отсюда, поэтому переживаешь только о том, что происходит у нас и с нами.

Но я испытал удовлетворение, когда требования, которые выставил Вильсон, раскрыли глаза на этого проходимца всем, даже самым ослепленным⁸. Он не хочет ничего иного, кроме нашего уничтожения. Отрицательный ответ, который мы ему сейчас дали, видимо, сыграет ему на руку. Но, возможно, всё еще примет другой оборот, более приемлемый для нас. Для этого нужно лишь, чтобы всех, орущих у нас дома о мире, мире любой ценой, пришибли насмерть. [...]

Письмо родителям, 28 октября 1918 г.

BArch. N 265/143. Bl. 53–55

[...] И у меня от ярости часто пульсируют виски, когда я читаю бесчестные речи презревших родину независимых социал-демократов в рейхстаге, в которых они смешивают с грязью и оплевывают наш народ и нашу страну, а также людей, которые сделали всё, чтобы провести нас через эти битвы. У наших врагов хватает причин торжествовать. Людендорф⁹ смещен, армия подчинена парламенту, а именно партиям, которые с крайним непониманием относятся к ней, ее существованию и ее требованиям! [...]

Письмо родителям, [Шоттен] 28 декабря 1918 г.

BArch. N 265/143. Bl. 74f.

Мы приближаемся к новому году, который начинается печальнее, чем какой-либо прежде. Никогда еще будущее

⁸ В своей второй ноте от 14 октября 1918 г. президент Вильсон уточнил условия перемирия.

⁹ Эрих Людендорф (1865–1937) — генерал пехоты, с августа 1916 г. по июль 1919 г. первый генерал-квартирмейстер (заместитель начальника генерального штаба).

не выглядело столь шатко, как сейчас. В штабе округа мне вчера сказали, что в армии, как и на флоте, молодые и старые кадровые офицеры будут демобилизованы, офицеры же среднего возраста будут получать пособие, пока не найдут себе другую профессию. Мой ординарец, который посетил вчера своих старых знакомых в Марбурге, нашел в тамошних газетах многочисленные объявления ищущих работу офицеров. То есть оказываешься на улице. Замечательная ситуация! Спокойно поразмыслив, я должен, однако, сказать, что после преодоления нынешних проблем желание иметь армию возникнет снова. Ведь вся беспомощность правительства связана с тем, что за его спиной никого нет. Как еще объяснить, что нескольким тысячам матросов удастся терроризировать семидесяти-миллионный народ, как мы видели во время прошедшего Рождества в Берлине. Подавляющее большинство жаждет покоя и порядка, а не положения, в котором сегодня нельзя предсказать то, что будет завтра. Но оно ни на что не решается! Еще немного, и захочешь правительство Либкнехта¹⁰, чтобы всё еще дремлющий народ сперва познал все ужасы, ощутил их на собственной шкуре и затем прогнал его. Тогда и армия возникнет снова. Но как она будет выглядеть, какие принципы будут заложены в ее основу? Наверняка не те, которые мы, офицеры, считаем необходимыми для создания прочной конструкции. И поэтому мы будем вынуждены держаться подальше от этой армии. [...]

Нет, мы хотим пожелать, чтобы Господь Бог подарил нам следующий год получше, чем этот, в котором земля уходит из-под ног и мы не знаем, как мы через несколько месяцев должны зарабатывать себе на хлеб насущный. [...]

В январе 1919 г. Хейнрици нашел место в штабе округа в Кёнигсберге (где жили его родители), 3 марта участвовал в подавлении выступления левореволюционных сил (матросы-ополченцы) и состоял в мае-июне 1919 г. первым штабным офицером Добровольческой пограничной дивизии в Западной Пруссии.

¹⁰ Карл Либкнехт (1871–1919, убит) — с августа 1912 г. по январь 1916 г. депутат рейхстага (СДПГ), в ноябре 1918 г. основал Союз Спартака, будущую компартию Германии.

Запись в дневнике, [Кёнигсберг] 11 марта 1919 г.

BArch. N 265/8

[...] В первой половине дня — любопытное совещание у окружного комиссара. Резюме: и у богатых и у бедных пока превалирует равнодушие по отношению к большевизму. Одни надеются, что он не придет, другие верят, что он не нанесет им ущерба. Так мы сами въезжаем в него прямым ходом.

Запись в дневнике, [Грауденц] 27 июня 1919 г.

BArch. N 265/8

Позади три дня большого напряжения, в которые решалась наша судьба здесь, на востоке¹¹.

Кости выпали не в нашу пользу. Соппротивление войск полякам представляется бесцельным, так как собственный народ не стоит за нашей спиной, а лишь взывает о хлебе и безусловном мире. [...]

Если выяснять причины, которые вызвали столь печальное развитие событий, то в Западной Пруссии это в первую очередь крах гражданских и военных ведомств. Первые отстаивали точку зрения: ничего не предпринимать против поляков и не пытаться разбудить немецкое национальное чувство в противоположность польскому. Ведь тогда поляки сразу принялись бы вопить о гекатистских¹² затеях шовинистических империалистских кругов и, кто знает, возможно, потом прогнали бы немецких чиновников. Такой была позиция окружных советников, окружных начальников и обер-президентов. Военные ведомства, к примеру губернаторства Грауденц, посмотрели на это, пожали плечами и не предприняли ничего. Они

¹¹ В июне 1919 г. правительство рейха и командование сухопутных войск приняло решение не вести вооруженную борьбу силами рейхсвера и фрайкоров под началом генерала фон Белова против Польши для защиты спорных территорий (Западная Пруссия, Верхняя Силезия и проч.) и возвращения Позена. В сочетании с подписанием договора в Версале 28 июня 1919 г., это решение было воспринято многими офицерами как «предательство» и «второй удар в спину». См.: *Schulze H. Freikorps und Republik. Boppard am Rhein: H. Boldt, 1989. S. 112–124.*

¹² Польское название националистического Союза восточных земель по первым буквам имен его основателей Ганземана, Кеннемана и Тидемана-Зеехайма (ГКТ).

решили делать всё, что приказывает правительство. (Мне вот любопытно, сохраняют ли они такую точку зрения и при последующем коммунистическом правительстве.) Так как правительство, как известно, не делало ничего, разве что разрешало любому поляку носить оружие, позволяло выступать с речами любому польскому предателю и размышляло, как бы ему защититься от реакционного путча офицерского корпуса, всё немецкое опустилось и пришло в упадок, зато любая польская самодеятельность расцвела пышным цветом.

Разговаривают о пропаганде, но ведут ее неверно или так, что она не оказывает действия. Собраний проводилось достаточно. Листовок раздавалось вдоволь, но в одно ухо влетает, из другого вылетает, потому что это всего лишь фразерство, не берущее за душу. Пропаганда также недостаточно интенсивна. Вместо того чтобы ежедневно обращаться к каждому в пивной, в вагоне поезда, вторгаться в его повседневную жизнь и обрабатывать его, она исчерпывается собранием или акцией протеста раз в пять недель и считает задачу выполненной.

Таковы, на мой взгляд, причины, которые главным образом воспрепятствовали самостоятельному вступлению востока в борьбу под началом Белова¹³. Вина правительства, которое от нас попросту отвернулось, тут не рассматривается. Черт возьми, да его долгом и обязанностью было отклонить предложение, а если уж оно его подписало, то молчаливо предоставить нам возможность действовать самостоятельно. Это как минимум, а лучше бы и оказывать неофициально помощь. Но то, что у него возникла, пусть лишь как вариант, чудовищная идея направить против нас немецкие войска, — настолько бесстыдно, что у меня не хватает слов. Это выражение того мерзкого образа мыслей, который напоминает нам о верности присяге и в том же абзаце провозглашает выдачу врагам¹⁴ сотен командиров, которые верно сражались и рисковали для Отечества своей жизнью и здоровьем. [...]

¹³ Отто фон Белов (1857–1944) — генерал пехоты, с января по июнь 1919 г. командующий XVII армейским корпусом (Данциг).

¹⁴ Согласно параграфам 227–230 Версальского договора, Вильгельм II и немецкие военные преступники должны быть выданы и предстать перед судом. Хотя правительство рейха решило после требования о выдаче тянуть время, этот вопрос отягощал ее отношения с военной элитой.

В 1919–1920 гг. Хейнрици был принят в рейхсвер и с тех пор занимал различные посты в войсках, в штабах и в министерстве рейхсвера. С октября 1930 г. он в чине подполковника командовал III батальоном 3-го пехотного полка в Остероде (Восточная Пруссия).

Письмо родителям¹⁵, [Остероде] 3 декабря 1931 г.

BArch. N 265/147. Bl. 64f. Ms.

[...] С нашим жалованьем к 1 января история замечательная. Я уже предупредил нашего квартиросдатчика, что не смогу и не буду больше платить за съём так дорого. Если жалованье снова уменьшат, что вроде бы решено, то я окажусь в худшей ситуации, чем пять лет назад в Гмюнде, когда был майором. По моему ощущению, наши правители растеряли всякое умение править, если вообще им когда-либо владели. Мне кажется, что переворот уже происходит, хотя снаружи это и не видно. Телега увязла хуже некуда. [...]

Письмо родителям, [Остероде] 5 марта 1932 г.

BArch. N 265/147. Bl. 72–74f. Ms.

[...] Ваше решение голосовать на президентских выборах за Дюстерберга¹⁶ я считаю решением тупиковым и бесполезным. Вам наверняка придется 10 апреля снова идти на выборы и уж тогда прямо отвечать на вопрос, который сейчас обходите: Гитлер или Гинденбург¹⁷. [...]

¹⁵ Как правило, мать жены Хейнрици Алиса Элерт получала копию его машинописных писем родителям Паулю и Гизеле Хейнрици.

¹⁶ Теодор Дюстерберг (1875–1950) — подполковник в отставке, с 1924 по 1933 г. был заместителем руководителя «Стального шлема (Союза фронтовиков)», в марте 1932 г. кандидат на пост рейхспрезидента от «Стального шлема» и Немецкой национальной партии.

¹⁷ 13 марта 1932 г. в первом туре выборов рейхспрезидента Гинденбург, которого поддерживали социал-демократы, но не «Стальной шлем» и Немецкая национальная партия, получил 49,6 % голосов и совсем немного не добрал до абсолютного большинства. Дюстерберг получил лишь 6,8 % и снял свою кандидатуру. Во втором туре (10 апреля 1932 г.) Гинденбург был выбран с 53 % голосов (Гитлер/НСДАП получил 36,8 %, Тельман/КПП — 10,2 %).

Резюмируя: Гинденбург и правительство не желают ничего иного, как создания народной общности для борьбы против французов и поляков. Если те выдвинутся против нас, мы не сможем сказать социалистам: а вам сражаться запрещено, так как вы настроены не национально. Да и при переговорах в Женеве необходимо, чтобы за нашим представительством стояла не какая-то группа, а весь народ как единое целое¹⁸. К сожалению, нам опять сунули палки в колеса. [...]

Письмо матери, [Остероде] 19 марта 1932 г.

BArch. N 265/147. Bl. 76f. Ms.

[...] Возможно, результат выборов и не слишком приятная ситуация для немецких националистов показали вам, какую ошибку они совершили, выставляя собственного кандидата. Они должны были бы выступить сейчас, на выборах в Пруссии, а не на выборах рейхспрезидента. Итог ныне таков, что разумные правые ослаблены и разбиты, социалисты празднуют триумф, в качестве их единственного противника стоят лишь национал-социалисты с их дикой радикальной программой. [...]

С октября 1932 г. Хейнрици служил в Берлине, сначала как первый штабной офицер в командовании группы I, с февраля 1933 г. как глава общего отдела военного управления министерства рейхсвера (с 1935 г. военное рейхсминистерство), занимаясь большей частью вопросами набора новобранцев и организации службы комплектования. С мая 1937 г. он возглавил в министерстве вновь созданную группу службы комплектования сухопутных войск. В марте 1933 г. Хейнрици был произведен в полковники, в январе 1936 г. — в генерал-майоры.

¹⁸ Перед женевской конференцией по разоружению (с 2 февраля 1932 г. до 11 июня 1934 г.) немецкое правительство (тогда еще рейхсканцлера Брюнинга) рассчитывало на принципиальное признание военного равноправия рейха, чей рейхсвер, согласно Версальскому договору, был ограничен армией в 100 000 солдат и флотом в 15 000 моряков.

**Письмо родителям, [Берлин-Шляхтензее¹⁹]
4 февраля 1933 г.**

BArch. N 265/148. Bl. 11f. Ms.

[...] То, что сейчас в правительство пришлось привлечь нацистов, было фактически неизбежным²⁰. Управлять, не считаясь с ними, способными чуть ли не в союзе с левыми устроить генеральную забастовку, было невозможно. Пока найдена сравнительно мягкая форма их участия в правительстве. Я сомневаюсь, что ее удастся надолго сохранить. Ожидая, что в ближайшее время национал-социалисты займут еще больше правительственных постов. [...]

Наступающая весна не будет легкой. Мне хотелось бы, чтобы у нас в правительстве были люди поспокойнее, как тогда при Папене²¹. А нацисты бы их поддерживали. Но этому не суждено случиться. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 12 февраля 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 14f. Ms.

[...] Мы слышали по радио речи Гитлера, Гугенберга²², Папена и Зельдте²³. Я хотел бы сказать, что речь Гитлера мне понравилась чуть ли не меньше всех²⁴. Восторг в ней казался мне каким-то наигранным. И постоянно повторяемое утверждение, что до сего дня всё лишь портилось, а ничего разумного не делалось, я в таком виде принять не могу. Лучше и решительнее всех говорил Папен, но, возможно, чересчур заумно для простого народа. Наибо-

¹⁹ Район Берлина, в котором семья Хейнрици жила с 1933 по 1937 г. В дальнейшем упрощенно передается как «Берлин».

²⁰ 30 января 1933 г. рейхспрезидент Гинденбург назначил «вождя» НСДАП Адольфа Гитлера рейхсканцлером. В первый кабинет Гитлера входили члены НСДАП, «Стаального шлема», Немецкой национальной партии и беспартийные, как Папен.

²¹ Франц фон Папен (1879–1969) — с июня по декабрь 1932 г. рейхсканцлер, с января 1933 г. по июнь 1934 г. вице-канцлер (беспартийный).

²² Альфред Гугенберг (1865–1951) — с октября 1928 г. глава Немецкой национальной партии, с января по июнь 1933 г. рейхсминистр продовольствия.

²³ Франц Зельдте (1882–1947) — с 1920 по 1933 г. руководитель «Стаального шлема», с 1933 по 1945 г. рейхсминистр труда.

²⁴ Относительно речи Гитлера в берлинском Шпортпаласе 10 февраля 1933 г. см.: *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen...* Bd. 1. S. 203–208.

лее симпатичным и трогательным показалось мне то, что Гитлер и Гугенберг, отбросив личные устремления, хотят держаться вместе, а не снова расходиться в стороны. Если они это осуществят, а после вчерашних обещаний видно, что они по этому поводу настроены решительно, то дела точно пойдут в гору. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 17 февраля 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 16f. Ms.

[...] Правительство между тем принимает жесткие меры. Чиновничеству они дали прикурить. Запрещение берлинской асфальтовой прессы²⁵, которая должна всё смешивать с грязью, мне более чем по душе. Мне любопытно, когда левые решат, что настал момент для ответного удара. Это, очевидно, станет ключевым для исхода выборов. Я надеюсь, что соотношение сил хотя бы чуть-чуть изменится в пользу правительства. Абсолютного большинства им, понятно, не достичь²⁶.

На Дальнем Востоке, кажется, что-то начинает медленно двигаться²⁷. Там сейчас творится история. Но и у нас все еще в стадии становления, и надо надеяться, что мы наконец уйдем от этого жидовско-марксистского свинства. И в Женеве наконец найден правильный тон, хотя фиаско Лиги Наций день от дня становится очевиднее. [...]

²⁵ Примеч. рус. ред.: термин «асфальтовая пресса» активно использовался в национал-социалистической риторике. В толковом словаре Мейера 1936 г. объясняется как «уродливый подвид прессы в крупных городах (охочей до сенсаций и бесстыдной), которую газетные торговцы громко рекламируют на асфальтовых улицах и бульварах (бульварная пресса) крупных городов, по внутреннему содержанию ориентируется лишь на жажду сенсаций. В национал-социалистической Германии устранена».

²⁶ На выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. НСДАП, несмотря на всю пропаганду и мероприятия по запугиванию, получила большинство лишь в коалиции с Немецкой национальной партией: НСДАП — 43,9 %, Немецкая национальная партия — 8,0 %, партия Центра и Баварская народная партия (в сумме) — 13,9 %, СДПГ — 18,3 %, КПГ — 12,3 %, остальные — 3,6 %.

²⁷ В ходе маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 г. — февраль 1932 г.) Япония заняла китайскую Маньчжурию и с тех пор находилась в состоянии постоянного конфликта с правительством Гоминьдана (Чан Кайши), позиции которого дополнительно ослабляла гражданская война с коммунистами.

Письмо родителям, [Берлин] 24 февраля 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 19f. Ms.

[...] В Женеве и в Китае всё теперь основательно перемешалось. Все противоречия выходят наружу. Мы наконец приблизились к моменту, когда подготовка к началу новой эпохи идет открыто. Наступающие годы будут, безусловно, весьма волнительными и приведут в конце концов к войне. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 4 марта 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 24f. Ms.

[...] Кто в последние дни видел в Берлине это море черно-бело-красных и нацистских знамен, которое скрывало под своими светящимися полотнами целые кварталы, тот не понимает, как эта перемена могла случиться чуть ли не за ночь. Эта вера в идею, которая позволяет свернуть горы, эта сила духа, которая преодолевает все мелкие каверзы наших прежних политиков и сбивает с ног всех противников. Пусть порой палка слегка и перегибается, главное, что в страну хлынул свежий воздух и прежним действиям тихой сапой положен конец. Я искренне радовался, когда читал, как коммунистические вши вдруг выкарабкались из своих шубеек и попытались уползти за границу. Я убежден, что руль уже никогда не повернется налево, а господин Лёбе²⁸ весьма ошибается, если надеется еще когда-то попасть в правительство. Слава Богу, наступают иные времена, пусть они и не будут легкими. [...]

Еще одно хочу сказать: просто замечательно, насколько верно национал-социалисты понимают, как нужно вести пропаганду. Образцово то, сколь поступательно велась подготовка к выборам, образцово то, как они приводят людей в восторг факельными шествиями, музыкой, маршами перед собраниями. Сегодняшнее проведение собрания в Кёнигсберге можно назвать образцом массовой пропаганды²⁹. Как людей готовили и подхлестывали перед

²⁸ Пауль Лёбе (1875–1967) — с 1919 г. по 1933 г. депутат рейхстага (СДПГ), с 1920 г. по 1933 г. президент рейхстага.

²⁹ Предвыборная речь Гитлера в Кёнигсберге 4 марта 1933 г. передавалась по радио. См.: *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen...* Bd. 1. S. 216f.

речью, как она вылилась в «Нидерландскую благодарственную молитву»³⁰ и перешла в колокольный перезвон, как земное и надземное переплетались между собой — режиссура достойна всяческого восхищения. [...]

Письмо отцу, [Берлин] 10 марта 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 28–30

[...] В последние дни политические события развиваются бурно, в некоторых случаях даже чересчур бурно. Кое-где мне видится переход к самоуправству. Но перегибы — это символ любой революции, а именно в нее мы внезапно и угодили. Я всем сердцем радуюсь, что мы снова возвращаемся к нашим прежним цветам флага и надеюсь, что мы стоим на пороге иного развития событий, чем в 1919 г. и после. В Берлине нет ни одного здания, на котором не развевались бы черно-бело-красные и нацистские флаги, а вся нечисть с «Железным фронтом» и генералами «Рейхсбаннера»³¹ вдруг исчезла. Показателен и отъезд господина Брауна³² в Швейцарию!

В остальном, думаю, мы должны быть довольны тем, что большая битва за власть между правыми и левыми обошлась без крупных потрясений. Если сравнить сегодняшний день с 1918 г., то мы живем вполне мирно. А то, что Трудель вчера услышала перед универмагом Розенхайна³³, пока ждала меня там: «Что, фройляйн, договорились встретиться со своим мужем прямо перед жидовской лавкой?», а Эмма³⁴ получила затрещину, так как делала покупки у еврея Титца³⁵, вполне можно перенести. [...]

³⁰ «Нидерландская благодарственная молитва» была посвящена победе Нидерландов над испанцами в битве под Тюрнхаутом (1597 г.) Из-за воинственного тона молитвы ею часто злоупотребляла национал-социалистическая пропаганда.

³¹ Примеч. рус. ред.: «Железный фронт» — военизированная организация СДПГ; «Рейхсбаннер» — межпартийная политическая и боевая организация под эгидой СДПГ.

³² Отто Браун (1872–1955) — с марта 1920 г. по июль 1932 г. министр-президент Пруссии, 4 марта 1933 г. эмигрировал в Швейцарию.

³³ Универмаг «Альберт Розенхайн», Берлин.

³⁴ Служанка в семье Хейнрици.

³⁵ Предположительно, магазин фирмы «Херман Титц» («Херти»).

Письмо матери, [Берлин] 19 марта 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 33–35f. Ms.

[...] В прошедшее воскресенье я с Хартмутом был на Унтер ден Линден на празднике Дня памяти павших. Мы нашли место у университета напротив оперы, видели приезд Гинденбурга, обход им роты почетного караула, его проход по улице вдоль рядов СА³⁶ и «Стального шлема» и дальше к посту у памятника, к которому он возложил венок. Вокруг были огромные людские массы. Прекрасен вид знамен и флагов в этих теплых лучах весеннего солнца. Это был исторический день, так как фельдмаршал в форме впервые прошел перед строем коричневорубашечников. Перед ними рядом с графом Хелльдорфом³⁷ стоял в качестве его ординарца принц Август Вильгельм³⁸. Всех охватила волна восторга, и когда в конце маршировала с флагами рота почетного караула, то повсюду — и слева и справа — мы видели людей, вскинувших руки в нацистском приветствии. Несмотря на всю радость в связи с национальным курсом, для старого фельдмаршала всё это, вероятно, выглядело иначе, чем он ожидал изначально.

Но всё это внешние проявления, предназначенные для народа, которому они нравятся. Без них, без пышности образцово срежиссированных представлений нацисты бы не привлекли на свою сторону большинство народа. Но ведь лишь благодаря этому успеху удалось отбросить социалистов прочь таким манером, который практически не представлялся возможным. Перегибы, которые там и тут происходят, на мой взгляд, отступают на задний план по сравнению с этим успехом. Да, прискорбно, что именно бравый доктор Кляйн разбил нос о мостовую. Но как было в 1919 г., когда мы вернулись домой и всем правили матросы с красными повязками, когда господин Шеппер³⁹ си-

³⁶ Примеч. рус. ред.: СА — штурмовые отряды, военизированная организация НСДАП.

³⁷ Вольф-Генрих фон Хелльдорф (1896–1944, казнен) — в 1933 г. возглавлял СА и СС в Берлине.

³⁸ Август Вильгельм Прусский (1887–1949) — четвертый сын кайзера Вильгельма II, с 1930 г. член НСДАП, с 1933 г. оберфюрер СА.

³⁹ Владелец музыкального магазина в Кёнигсберге, в начале 1919 г. возглавлял местный совет рабочих и солдат.

дел за письменным столом кайзера, когда всё отбиралось и реквизировалось, когда мы, люди в форме, не знали, не будем ли насмерть забиты на улице сбродом? Я считаю опасным то, что радикальное крыло национал-социалистов тянет штурвал на себя, как обычно бывало и в большинстве прочих революций. Но если происходящее ныне может быть названо революцией — прилежно проводящейся правительством, чтобы освободиться от неудобных пут закона (Конституционный суд)⁴⁰, — у меня есть ощущение, что по самой сути своей это всё же не революция. Да и люди больше не хотят жить как при революции, они довольны уже тем, сколь спокойно совершается переход. В остальном энергичные выступления Гитлера (которые можно лишь приветствовать) против перегибов в известной части опираются на соответствующие желания министров-националистов. Итак, в настоящее время у меня нет поводов беспокоиться о том, что принесет нам будущее, я надеюсь, что всё пойдет хорошо.

И кадровые изменения во многих сферах следует приветствовать. Должности в берлинских больницах сейчас почти без исключения заняты еврейскими врачами. Доктор Аттиг, три года работавший в клинике «Шаритэ», всегда говорил, что под влиянием этих личностей в практику вошли резкости в общении, ужасная бесхозяйственность и особенно кумовство, что способно испортить жизнь любому человеку иного племени. Он часто горько жаловался на такое положение дел, хотя обычно оправдывал его и вообще был скромнейшим человеком, никогда ничего не требовавшим для себя. Я никогда не проклинал евреев последними словами, но будет точно неплохо, если им и центристам укажут то место, которого они действительно достойны. Гизела принесла сегодня домой известие, что ее директор съезжает, — очевидно, его выгнали, — и Хартмут тоже рассказывает о разнообразных переменах. [...]

⁴⁰ Примеч. рус. ред.: так как после прихода Гитлера к власти в Германии установился вождизм, который не предусматривал проверку правительственных решений независимым вышестоящим органом, Конституционный суд прекратил свою работу, хотя формальных постановлений о его роспуске не принималось. Последнее его решение датируется 21 февраля 1933 г.

Письмо родителям, [Берлин] 1 апреля 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 37

Вы уже догадались, что я не писал из-за недостатка времени и обилия работы. Я хотел отправить вам отчет о Потсдамском празднике⁴¹, но у меня не было времени, чтобы им заняться. Это был духоподъемный день, пропагандистски всё было поставлено крайне действенно. Многим, что случилось с тех пор, я не слишком доволен. Бойкот евреев⁴² я считаю крайне неудачным мероприятием, которое должно вызвать много несправедливости и обид. Такие ошибки трудно снова исправить, так как прежде всего задета честь оскорбленных. Бойкотом мы сами вредим собственной экономике. Было необходимым оттеснить евреев на периферию и уменьшить их чрезмерную сферу влияния. Но способ выбран неудачный. И о кадровой политике есть разные мнения. Не каждый штурмовик СА обладает качествами, нужными руководящему чиновнику. И тот факт, что наряду с правительством некая «партия» выпускает указания для государства, заставляет задуматься. Всё это называется диктатурой. Но я всё же надеюсь, что не будет затронута основная цель — снова превратить Германию в национальное государство. Было бы прискорбно, если бы такие улучшения и такие надежды были похоронены неверными мероприятиями. В маленьких городках доходит до анекдотов. В Остероде прекратился подвоз молока, так как коровы принадлежат еврею. Так дают они правильное молоко или жидовское? В итоге приняли решение считать коров немецкими. Аптекарю Вильде закрыли аптеку, так как его жена — еврейка. В маленьком городке такие вещи постоянно оборачиваются комической стороной. [...]

⁴¹ 21 марта 1933 г. Гинденбург и Гитлер совместно посетили праздничную службу по случаю открытия Рейхстага в потсдамской Гарнизонной церкви. «День Потсдама» был пропагандистской инсценировкой, призванной подчеркнуть союз между старой национал-консервативной элитой и национал-социалистическим движением.

⁴² Управляемый правительством и НСДАП антиеврейский бойкот 1 апреля 1933 г. привел к нападениям на евреев и еврейские магазины и мародерству прежде всего со стороны членов СА. Официально бойкот был приостановлен вечером 1 апреля 1933 г. и официально закончен 4 апреля 1933 г.

Письмо родителям, [Берлин] 9 апреля 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 39

[...] Существующее между нацистами и националистами напряжение, которое трудно полностью отрицать, по-прежнему определяет политическую ситуацию. К сожалению, оно оказывает влияние на многих, в том числе близких к нам по убеждениям. Но, на мой взгляд, нужно выделять и выдвигать на первый план главное: сколь неслыханные вещи уже произошли и еще произойдут. [Новые власти] хотят, конечно, добра, хотят принести пользу немецкому народу. То, что для этого порой нужен нажим (что не всем по нраву) и определенная жесткость — вне всяких сомнений. То, что Гитлер и Геббельс⁴³ недавно сообщили прессе, совпадает с ощущениями многих; то, что они сейчас призвали СА к порядку, — очень хорошо. Еврейский бойкот они устроили, а затем всё же свернули с большой искусностью! [...]

Письмо родителям, [Берлин] 2 июня 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 57f. Ms.

[...] В политическом плане никаких особых новостей. Наша газета⁴⁴ запрещена, другие ничем не заполнены, я даже не знаю, какую мне читать. Положение в Женеве кажется не слишком выгодным для нас, я не понимаю, как французам постоянно удастся настоять на своем, но это вопрос силы, а не права. Лишь когда Гитлер поставит под ружье весь немецкий народ — его программа иного и не предполагает, Служба труда⁴⁵ этой цели и подчинена — и мы сами обречем силу, тогда положение, вероятно, изменится. Если снова случится война, то в одном она будет отличаться от той, что была пятнадцать лет назад: не будет критиканов. Этого-то нацисты добьются. И они сумеют вести за собой народ. [...]

⁴³ Йозеф Геббельс (1897–1945, самоубийство) — среди прочего, с февраля 1933 г. по май 1945 г. рейхсминистр народного просвещения и пропаганды.

⁴⁴ Национал-консервативная «Дойче Альгемейне Цайтунг».

⁴⁵ Обязательная трудовая служба была одним из краеугольных камней правительственной программы Гитлера, она была подготовлена «Законом о трудовой службе рейха» от 26 июня 1935 г. и поэтапно введена.

Письмо родителям, [Берлин] 7 июля 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 67f. Ms.

[...] Одно нужно всё же говорить и многократно подчеркивать: в военном плане новое правительство дает нам так много, оно так поддерживает все наши военно-политические запросы, что иного и желать нельзя. Второе, что я тоже должен всегда подчеркивать — то, что наконец решительно объявлена война преступности. Раньше каждый день на улице лежали трупы, сейчас же полицейская служба скоро станет синекурой, да и число самоубийств, на мой взгляд, явно снизилось⁴⁶. Попрошайничества в Берлине стало существенно меньше. После того как против него выступили жестко, все эти неприятные субъекты внезапно исчезли. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 20 июля 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 70f. Ms.

[...] Во вторник я пригласил к себе на ужин с курицей, раками, булочками, запеченными с сыром, клубничным пуншем и мюнхенским пивом обоих соломенных вдовцов, чьи жены тоже на Боркуме⁴⁷, — полковников Кармана и фон Фитингхофа, — а кроме того, еще двух осиротевших мужей — полковников фон Штюльпнагеля и Гудериана⁴⁸. Обед

⁴⁶ Примеч. рус. ред.: в нацистской Германии эта тема табуировалась, хотя государство и публиковало статистику вплоть до 1939 г. Суицид однозначно волновал партийных лидеров: так, Гитлер затрагивал эту тему в своих речах 17 мая и 24 октября 1933 г. В целом количество самоубийств после 1933 г. осталось на том же уровне, что и в поздние годы Веймарской республики. Одновременно антиеврейский бойкот апреля 1933 г. и насильственное увольнение с работ привели к сотням самоубийств среди немецких евреев, которые не выделялись в статистике в отдельную величину. Вторая волна суицидов прокатилась после принятия Нюрнбергских расовых законов в 1935 г. Нацисты были осведомлены об увеличении попыток уйти из жизни среди немецких евреев. См. подробнее: *Goeschel C. Suicide in Nazi Germany*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 68, 97–99.

⁴⁷ Примеч. рус. ред.: самый западный из немецких островов в Северном море, курорт.

⁴⁸ Все четыре офицера, которые затем дослужились до высоких генеральских чинов в вермахте, были, как и Хейнрици, начальниками отделов в министерстве рейхсвера: полковник Фридрих Карман (1885–1939) возглавлял отдел Лиги Наций, полковник Генрих фон Фитингхоф (1887–1952) — отдел вермахта, полковник Карл-Генрих фон Штюльпнагель (1886–1944, казнен) — отдел

без напитков встал в четыре марки, как я позже подсчитал с Эммой. Но он был очень вкусным и стал хорошим подспорьем тому, что вечер прошел так оживленно и весело, как до того ни один в нашем доме. Мы перемыли косточки всему служебному и внеслужебному и лишь в два ночи закончили со всеми темами. Эмма и я так хорошо рассчитали наши запасы, что всё было уничтожено, не считая четверти курицы, одной булочки и двух бутылок пива. Этим я особенно горд! Да и гости мои — я с ними позже говорил об этом вечере — остались более чем довольны. Наконец-то удалось высказаться безо всяких недомолвок в кругу людей своего возраста и своих убеждений, некоторые из которых весьма умны. Мы были едины во мнении, что можем быть благодарны тому, что имеем в рейхе правительство, столь четко и энергично отстаивающее национальную идею, столь недвусмысленно свернувшее в сторону от революционных эксцессов и столь жестко проводящее свою линию по любому вопросу. Никто не станет отрицать, что имело место и нечто ненужное. Но определяющей является общая линия и ее — по сравнению с годами господства социал-демократов — следует одобрить. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 6 августа 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 77–79f. Ms.

[...] На обратном пути⁴⁹ один попутчик дал нам почитать издаваемую в Амстердаме тамошними эмигрантами еврейскую газету. Я в первый раз получил представление о том, что такое пропаганда ужасов. [...] Лишь в двух аспектах можно согласиться с газетой: относительно ограничения свободы прессы и упадка театра. Верно, что — особенно в отношении критиканской прессы — наконец-то пришлось принять резкие меры, хотя они явно перешли черту того, что можно назвать полезным для правительства. В отношении театра надеюсь, что зима внесет некоторое оживление. Не нужно совершать ошибку и ставить лишь пьесы национал-социалистического толка. — Что же

«Иностранные армии», подполковник Гейнц Гудериан (1888–1954) — инспекцию моторизованных войск.

⁴⁹ До этого Хейнрици описывает поездку на Боркум.

касается упомянутой газеты, то ее тон, ее содержание, ее лексика были столь вульгарны и отталкивающи, что к этой бездарной мазне можно притрагиваться лишь с отвращением. Если эти люди представляют еврейство, то оно заслужило то, как обращаются с ним. Приличным евреям эти беженцы оказывают тем самым медвежью услугу! [...]

Письмо родителям, [Берлин] 8 сентября 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 87f. Ms.

[...] Празднества в Нюрнберге, говорят, были великолепны⁵⁰. Принимавшие участие в них сотрудники министерства весьма впечатлены. Мы посмотрели вчера в кинотеатре съемки со съезда. Мне кажется, что эти массовые шествия, прежде не организовавшиеся в таких масштабах, весьма импонируют народу. Хартмут должен завтра принять участие в школьном празднике на стадионе как участник школьного хора. Да и Гизела распевает только гитлеровские песни. Недавно они вдвоем маршировали по саду. Старые песни я уже почти забыла, сказала Гизела, и запела: дорогу коричневым батальонам, и далее про то, что расстрелянные «Рот Фронтом»⁵¹ и реакцией шагают с нами в наших сердцах⁵². Знаешь, сказала она, с расстрелянными так же, как с нашим дедушкой, он тоже идет с нами по саду в наших сердцах. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 11 ноября 1933 г.

BArch. N 265/148. Bl. 99f. Ms.

[...] На Унтер ден Линден мы видели развод караула перед мемориалом. Люди уже за час до того выстроились

⁵⁰ Рейхспартайтаг (съезд НСДАП) в Нюрнберге, проходивший с 30 августа по 3 сентября 1933 г. (так называемый «Съезд победы»).

⁵¹ Примеч. рус. ред.: сокр. от «Союз красных фронтовиков» — германская коммунистическая организация 1924–1933 гг., одна из самых радикальных политически активных групп эпохи. В веймарской Германии ротфронтовики являлись активными оппонентами нацистов и участвовали в массовых уличных столкновениях.

⁵² Цитируются строки первого и второго куплетов «Хорста Весселя», партийного гимна НСДАП и с 1933 г. неофициального «второго национального гимна» (после «Песни немцев»).

в несколько рядов, и когда караул пришел в час дня, на всей улице от памятника Фридриху Великому вдоль университета и до цейхгауза яблоку негде было упасть. Когда караул маршировал под музыку, все стояли с вытянутыми руками, а когда под «Песнь немцев»⁵³ и под «Хорста Весселя» он торжественно занял свой пост, все сорвали с голов шляпы и начали подпевать. Еще год назад это было невозможным, ни по форме, ни по количеству зрителей. С недавнего времени наша газета печатает новости об исходе войны под рубрикой «15 лет назад». Когда представишь себе тогдашнее положение дел и сравнишь его с нынешним, то благодаришь Бога, что мы стали настолько старше. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 4 февраля 1934 г.

BArch. N 265/149. Bl. 5–8f. Ms.

[...] Речь Гитлера нам очень понравилась⁵⁴. Единственное, на что посмотрят косо, был, очевидно, пассаж относительно церкви. Она выступает не против национал-социалистического государства, а лишь против лжеучителей. В пассаже о самодержцах имелось в виду совершенно не то, что поняли депутаты рейхстага. Гитлер хотел лишь сказать: немецкий народ должен позднее решить, какую форму правления он хочет. И Гитлер собирается подготовить условия для принятия этого решения. Но показательно для людей в рейхстаге то, что аплодисменты звучали сильнее всего после пассажа против церкви и пассажа, якобы направленного против самодержцев. Весьма безрадостны недавние происшествия в районе Цоо, где Союз бывших офицеров Рейха устроил своеобразное празднование дня рождения кайзера. Туда направились довольно дикие ребята, которые взрывпакетами и жутким грохотом разогнали весь праздник, перешедший к тому времени в безобразные танцульки. Такие вещи вызывают раздражение,

⁵³ Примеч. рус. ред.: гимн Германии с 1922 г., при власти национал-социалистов исполнялась лишь первая строфа («Германия, Германия, превыше всего»), в ФРГ исполняется лишь третья строфа.

⁵⁴ Выступление Гитлера перед рейхстагом 30 января 1934 г. См.: *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen...* Bd. 1. S. 352–362.

в результате чего возникают трещины, которые нам в нынешней борьбе за освобождение не нужны вовсе. Слава Богу, что наше руководство столь энергично и целеустремленно. Внешнеполитические разъяснения Гитлера были действительно блестящи, ясны и тверды. [...]

Письмо родителям, [Кольберг] Троица [20 мая] 1934 г.

BArch. N 265/149. Bl. 25–27

[...] Большая речь Геббельса против критиканов, похоже, тоже оказалась не слишком полезна. Нападки на католическую церковь были как удар плеткой по лицу, и кардиналы в Риме этого точно не забудут. Рассказывают, что церковь уже готова выйти из договора о конкордате⁵⁵. — Указание на то, что если заграничные евреи будут нам вредить, то мы в качестве компенсации возьмем в заложники собственных, — политически не менее неуклюже, а по сути аморально. Многое, что казалось верным, — то, что не надо во всем видеть плохое и нельзя лишать народ мужества, — из-за подобных промахов снова уходит на второй план. Один крестьянин из Мазурии сказал: сам Адольф-то хорош, но вот адольфыши опять всё испортят. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 23 июня 1934 г.

BArch. N 265/149. Bl. 34f. Ms.

Похоже, мы находимся в исключительно критической для национал-социализма ситуации. Внезапно каждому есть на что жаловаться, и то хорошее, что уже сделано, игнорируется и проклиняется. Я не хочу тем самым защищать то, что мы все уже упрекали, да и под любым пунктом речи Папена, произнесенной восемь дней назад перед марбургским университетом, можно только подписаться. Геббельс воспрепятствовал ее публикации, тем не менее многим она знакома⁵⁶. [...]

⁵⁵ Рейхskonкордат от 20 июля 1933 г. между рейхом и Святым Престолом давал католической церкви в Германии гарантии от посягательств государства.

⁵⁶ В своей марбургской речи вице-канцлер Франц фон Папен позволил себе острожно покритиковать диктатуру и репрессии.

Письмо родителям, [Берлин] 4 июля 1934 г.

BArch. N 265/149. Bl. 36–39f. Ms.

[...] События прошлых выходных наверняка поразили вас так же, как и нас⁵⁷. Внезапность и жестокость атаки, видимо, потрясла всех одинаково. Верно то, что Рём⁵⁸ давно пестовал мысль стать диктатором Германии. Эта мысль укреплялась тем сильнее, чем яснее он видел, что его СА стали лишними в государстве. Если бы он построил их разумным образом в армию, к чему постоянно стремились министерство рейхсвера, всё закончилось бы хорошо. Но Рём хотел поддерживать не армию, а себя, и видел СА как ее замену.

Лично я могу сказать, что, по моему мнению, Гитлер должен был бы вмешаться прежде и не дать делу зайти столь далеко. Говорят, что более ранний момент не мог быть выбран из-за внешне- и внутривнутриполитических причин. Но в интересах национал-социализма было избежать хирургического вмешательства с использованием лома. [...]

Письмо родителям, [отель Антенберг, Берхтесгаден] 29 декабря 1934 г.

BArch. N 265/149. Bl. 74–76

[...] Моя борьба за Солдатский союз⁵⁹ неожиданно приняла интересный оборот: меня вместе с министром рейхсвера⁶⁰ вызвали к Гитлеру. Речь шла о вопросе, следует ли

⁵⁷ 30 июня 1934 г. произошла эскалация до этого тлевшего конфликта между партийным руководством и СА («Путч Рёма»). По приказу Гитлера около 200 фюреров СА, оппозиционеров и иных неугодных лиц были арестованы и убиты, в их числе руководитель СА Эрнст Рём, Грегор Штрассер, Густав Риттер фон Кар, а также генералы Курт фон Шлейхер и Фердинанд фон Бредов.

⁵⁸ Эрнст Рём (1887–1934, убит) — с января 1931 г. по июль 1934 г. «высший начальник штаба» СА.

⁵⁹ Инициатива Хейнрици в итоге привела в декабре 1935 г. к созданию Национал-социалистического солдатского союза, который подчинялся военному министру рейха, в котором могли быть собраны и организованы резервисты. Союз не имел практически никакого значения.

⁶⁰ Вернер фон Бломберг (1878–1946) — генерал-полковник, с января 1933 г. по май 1935 г. министр рейхсвера, с мая 1935 г. по февраль 1938 г. военный министр рейха (на 1938 г. генерал-фельдмаршал).

приписывать молодых парней, закончивших срочную службу, к СА или к Солдатскому союзу. Глава СА, конечно, выступал за свою организацию, мы — за свою.

Новое здание рейхсканцелярии, которое было построено еще при Брюнинге⁶¹ и в котором теперь живет Гитлер, обустроено весьма прилично. Его рабочий кабинет — это очень длинная комната, в дальнем конце которой у большого окна стоит письменный стол. Когда генерал-полковник начальник штаба [СА] Лютце⁶² и я вошли, Гитлер вышел из-за своего стола и стоя приветствовал нас. Меня он сначала долго сверлил взглядом с таким выражением лица, будто хотел сказать: а этот как ко мне попал. Мизансцена настолько затянулась, что вызвала у меня недоумение. Но внезапно его лицо прояснилось, и он дружески пожал мне руку.

Совещание протекало так: генерал фон Бломберг в качестве введения изложил постановку вопроса, после чего Гитлер сразу взял слово. Мы уселись за небольшим круглым столом у одной из стен кабинета, и он с ходу произнес полуторачасовую речь, не давая себя прервать. Часто у меня возникало ощущение, что он выступает не перед маленькой группой, а перед народным собранием. Его взгляд был направлен в угол комнаты, разгорячившись, он захлебывался словами и при этом жестикулировал, как будто оратор на митинге.

Как всегда, Гитлер начал с *ab ovo*: в древние времена каждый человек был сам себе ремесленник, воин, охотник и так далее, затем наступило время специализации по профессиям. Лишь тогда во многих областях знаний начался подлинный прогресс. Но, с другой стороны, подобное разделение имеет тот недостаток, что люди разных профессий отдаляются друг от друга. И прежде не существовало организации, которая и далее воспитывала бы людей в государственном духе после того, как они покинули армию. Так они все становились жертвами и добычей марксистов. Этого он более не потерпит ни при каких обстоятельствах. Каждый немец до конца своей жизни должен находиться в руках организации, ставящей задачу сохранить в нем государственное мышление.

⁶¹ Генрих Брюнинг (1885–1970) — с марта 1930 г. по май 1932 г. рейхсканцлер (партия Центра).

⁶² Виктор Лютце (1890–1943) — с июля 1934 г. по май 1943 г. начальник штаба СА.

Решить такую проблему крайне трудно. Мы, солдаты, жаловались на то, что у нас недостает офицеров, чтобы увеличить армию. Каково же ему, которому надо воспитывать 25 миллионов взрослых немцев? Откуда взять политических офицеров? Недостает даже журналистов, способных пристойно писать для газет. Эту проблему удастся преодолеть лишь лет через тридцать. Так что же, до этого момента ему отказаться от своего замысла? Ни в коем случае, пусть из-за неумелых рук многое и идет вкось.

Мы должны сейчас мировоззренчески воспитывать молодых людей. Заниматься этим лишь в рядах СА — неверно. Для 60 миллионов немцев хватит СА численностью в 1–1,5 миллиона человек. Туда должны вступать лишь те, кто по-настоящему жаждет политической борьбы. Для массы же остальных организацией, определяющей становление политической воли, должен быть Трудовой фронт⁶³. Рядом с ними может спокойно существовать и Солдатский союз, не вмешиваясь в их дела. Он сам тоже состоит в Союзе своего бывшего полка⁶⁴. Пять лет назад они страшились его появления как черт святой воды. Сейчас, конечно, он весьма почитаем, и они больше не отменяют мероприятия, прослышав, что он придет. Он вполне понимает, что люди, когда-то жившие вместе в казарме, хотят снова увидеться. Они спокойно могут этим заниматься и не помешают тем самым ни СА, ни кому-либо иному. Но всё нужно организовывать лишь на добровольной основе, без принуждения. В остальном он не советует министру слишком вникать в эти дела. «Вы чересчур интересуетесь деталями. Мне тоже приходится ограничивать себя. Если бы я этого не делал, у меня уже давно случился бы нервный срыв».

Было весьма интересно слушать его речь, хотя у меня было ощущение, что он тратит на это дело чересчур много времени. После своей речи Гитлер несколько потух.

⁶³ Примеч. рус. ред.: организация, занявшая при нацистах место профсоюзов и ставшая тем самым инструментом, с помощью которого нацистское руководство управляло рабочими. Она была создана в 1933 г. после законодательного роспуска прежних профсоюзов, ареста их лидеров и введения запрета на забастовки. «Закон о порядке национального труда» от 20 января 1934 г. заложил правовой фундамент для Германского трудового фронта.

⁶⁴ С августа 1914 г. Гитлер служил добровольцем в 16-м королевском баварском резервном пехотном полку («полк Листа»).

Чувствовалось, что он затратил много сил. К остальному, что обсуждалось, он не проявлял особого интереса. В заключение он сказал, что согласен с проектом документа, который, однако, не вполне соответствовал его прежним рассуждениям. Я этому, надо сказать, слегка удивился. Однако, когда он через несколько дней его подписал, он попросил генерал-полковника еще раз обдумать, хочет ли тот действительно использовать документ в таком виде. Он не советует. — После совещания он простился с нами очень дружелюбно и тепло.

Письмо матери, [Берлин] 17 марта 1935 г.

BArch. N 265/150. Bl. 24–26

Билеты для путешествия в Кёнигсберг уже лежали в ящике стола, завтра утром мы должны были отправиться в путь, но неожиданное решение фюрера покамест перечеркнуло все планы⁶⁵. Еще осенью он сказал, что не сможет ввести всеобщую воинскую повинность до 1936 г. и собирается поднять занавес лишь тогда, когда новая армия выстроится на сцене в полной готовности. Но сейчас в качестве ответа на угрозы французов он решил действовать немедленно и провернул всё с такой внезапностью, что удивил даже нас. Еще днем в субботу мы, немногие посвященные в министерстве, знали лишь, что что-то затевается: главнокомандующий сухопутными войсками⁶⁶ был вдруг вызван от министра к фюреру. В четыре часа дня нас, ждавших в министерстве, распустили, намекнув, что до понедельника мы не понадобится. Но уже через два часа вечерние газеты на улицах сообщали о введении воинской повинности.

Трудель верно сегодня сказала, что старая немецкая сага из «Песни о Нибелунгах» снова становится реально-стью: «Сломанный меч героя выкован снова». — И теперь он найдет своего Зигфрида, который умеет с ним обращаться. То есть нас ждет работенка. [...]

⁶⁵ 16 марта 1935 г. «Законом об устройении вермахта» была снова введена всеобщая воинская повинность.

⁶⁶ Вернер фон Фрич (1880–1939, погиб) — генерал артиллерии, с февраля 1934 г. по февраль 1938 г. командовал сухопутными войсками рейха (на 1939 г. генерал-полковник).

Письмо родителям, [Берлин] 22 сентября 1935 г.

BArch. N 265/150. Bl. 50–52

[...] Служанок в Берлине теперь как собак нерезаных, так как от евреев им приходится уходить⁶⁷. Да и служанки неарийцев тоже разбегаются, так как боятся попасть в щекотливое положение. Надеюсь, что Трудель найдет подходящую и не слишком дорогую. Изданы строжайшие предписания более не предпринимать против евреев никаких одиночных акций. Очевидно, всемогущий Шахт⁶⁸ весьма энергично требовал этого. Говорят, что готовится вообще альтернативная оценка вопроса о неарийцах. При разделении людей на государственных подданных и граждан рейха, лишь последние из которых должны иметь все права, возникают — если не признавать неарийцев — непреодолимые трудности. Для многих и вовсе невозможно точно установить, кем были их предки. Рассказывают, что будущий лозунг будет не «За уничтожение каждой капли еврейской крови», а наоборот «За заботу о каждой капле арийской крови». Правда ли это, не знаю.

Письмо родителям, [Берлин] 19 января 1937 г.

BArch. N 265/151. Bl. 6f. Ms.

[...] Циквольфа⁶⁹ направили в Берлин на курсы политического обучения, и я тоже прослушал там доклад главы СС Гиммлера⁷⁰. Для своего СС он хочет отбирать людей

⁶⁷ 15 сентября 1935 г. в Нюрнберге были оглашены Нюрнбергские законы. «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести», помимо прочего, требовал, чтобы в еврейских домах не служили немцы в возрасте до 45 лет. Закон о гражданстве рейха вводил различия между полноценными гражданами рейха и еврейскими подданными рейха с урезанными правами.

⁶⁸ Ялмар Шахт (1877–1970) — среди прочего, с марта 1933 г. по январь 1939 г. президент Рейхсбанка, с августа 1934 г. по ноябрь 1937 г. рейхсминистр экономики.

⁶⁹ Фридрих Циквольф (1889–1944) — полковник, с октября 1936 г. по март 1939 г. командир 119-го пехотного полка (Штутгарт).

⁷⁰ Генрих Гиммлер (1900–1945, самоубийство) — среди прочего, с июня 1936 г. рейхсфюрер СС и шеф германской полиции, с октября 1939 г. рейхскомиссар по укреплению германской народности, с августа 1943 г. министр внутренних дел рейха, с июля 1944 г. командующий резервной армией и начальник управления вооружений сухопутных войск.

и строить его наподобие ордена. Каждый должен доказать, кем были его предки до 1750 г. Эссэсовцы должны жениться в молодом возрасте, но лишь на женщинах, чьи расовые качества предварительно проверены. Ему кажется доказанным, что высокие люди в целом более расово годны, чем низкие. Он также довольно интересно докладывал о находящихся в его подчинении концентрационных лагерях. Могут себя представить, что туда немалой частью сгоняют самый мерзкий народец. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 5 февраля 1937 г.

BArch. N 265/151. Bl. 10f. Ms.

Вчера был большой день: мы были в гостях у фюрера. Мы выехали вовремя, и добрались до места в четверть девятого, хотя приглашены были на половину девятого. Очередь из автомобилей, отдающие честь постовые, дворщики в треуголках и туфлях с пряжками приняли нас в старом и вновь отремонтированном здании, из которого управлял страной рейхсканцлер Бисмарк.

Было примерно 150 человек: Бломберг, Геринг, Фрич, Редер⁷¹, статс-секретари Ламмерс⁷² и Мейснер⁷³, несколько господ из рейхсканцелярии, а в остальном лишь генералы сухопутных войск, флота, авиации. Хартмут заметил, что в том, чтобы быть приглашенным в такой большой компании, нет ничего особенного. Но с нашей точки зрения, лучше быть среди 150 приглашенных, чем среди 65 миллионов неприглашенных.

Я думал, что фюрер появится лишь тогда, когда соберутся гости. Поэтому мы были ошарашены, когда, пройдя через переднюю и завернув за угол в салон, внезапно оказались перед ним. Рядом с ним стоял Бломберг, сзади пара адъютантов. Фюрер принимал своих гостей у дверей, пожимал руки мужчинам и целовал ручки дамам. Затем нас направили дальше, и мы оказались в очень

⁷¹ Эрих Редер (1876–1960) — адмирал, возглавлял немецкий флот с октября 1928 г. по январь 1943 г. (с 1939 г. в чине гросс-адмирала).

⁷² Ганс Генрих Ламмерс (1879–1962) — с января 1933 г. по апрель 1945 г. шеф рейхсканцелярии.

⁷³ Отто Мейснер (1880–1953) — с 1920 по 1934 г. шеф бюро рейхспрезидента, с 1934 по 1945 г. шеф президентской канцелярии.

большом, превосходно отделанном салоне, в котором лежал роскошный ковер. Немецкий рейх приобрел его изначально для дворца Лиги Наций в Женеве. Но дворец рейхсканцлера — гораздо лучшее место для него. В сутолоке было сложно приветствовать всех знакомых. Геринг оббежал всех и всем пожал руку. С Трудель он немедленно вступил в беседу, так как та сказала, что знакома с его женой⁷⁴, хотя лишь односторонне: не раз видела ее на сцене. И со статс-секретарем Мильхом⁷⁵ она сразу же завела душевный разговор.

Через несколько комнат, прекрасное и полное вкуса убранство которых бросалось в глаза, мы проследовали к столу в большом праздничном зале. [...] Красиво украшенный стол, а за ним люди в форме и дамы в пестрых туалетах — столь яркую и многоцветную картину увидишь нечасто. Несколько лакеев в синих с галунами и серебряным шнуром ливреях и белых туфлях принесли суп из бычьих хвостов, филе из морского языка, баранью спинку, мягкое мороженое и выпечку с сыром; к этому, среди прочего, подавали превосходное рейнское, а в конце шампанское. Через час с четвертью мы покончили с едой. Гитлер, который сидел под роскошным гобеленом в центре поставленных подковой столов, поднялся, дворецкий трижды стукнул жезлом об пол, и Гитлер вышел из зала в сопровождении сидевшей рядом с ним супруги адмирала Редера. Общество разошлось по уже описанным в начале комнатам, в которых подавали кофе, пиво, виски, сигары и которые сейчас можно было без спешки осмотреть. Общее резюме: превосходный вкус, особое чувство прекрасного и умение сочетать цвета: ничего назойливого, всё просто, красиво и благородно. Говорят, что Гитлер посвятил себя обустройству комнат и многие детали убранства выбирал самостоятельно. Повсюду бросались в глаза красивейшие цветы, порой такие редкие, что их можно увидеть лишь в оранжереях.

Наконец настал момент, когда, как мы надеялись, можно будет пообщаться лично с фюрером. Но тут нас постигло горькое разочарование. Он немедленно уселся с Блом-

⁷⁴ Эмми Геринг, урожд. Зоннеман (1893–1973) — актриса Берлинского государственного театра, с апреля 1935 г. замужем за Герингом.

⁷⁵ Эрхард Мильх (1892–1972) — генерал, с 1933 г. статс-секретарь в рейхсминистерстве авиации (на 1945 г. генерал-фельдмаршал).

бергом, Герингом и одним генералом, только что прибывшим из Испании, и приказал рассказать ему о делах там, на юге. Мы видели, как он беседует, но сами не могли с ним поговорить. Было о чем пожалеть, тем более что ситуация изменилась лишь тогда, когда настало время разъезжаться. Каждый отвечивал фюреру поклон, в ответ он пожимал руку. Трудель сказала еще «Большое и сердечное спасибо», но ответной речи не последовало. В этом отношении мы желали несколько большего. [...]

Письмо родителям, [Берлин] 25 июня 1937 г.

BArch. N 265/151. Bl. 58

[...] Сейчас арестованы пасторы Исповедующей церкви, война идет и против католической церкви. Ничего хорошего. Поговаривают, что скоро состоятся церковные выборы с вопросом: хочешь ли ты облечь доверием твоего фюрера и вручить в его руки управление церковью? [...]

Письмо родителям, [Берлин] 10 сентября 1937 г.

BArch. N 265/151. Bl. 106f.

Вернулся сегодня после обеда из Нюрнберга, где провел два дня на партийном съезде. Я был на дне Службы труда рейха и видел закладку фундамента Немецкого стадиона. Постоянно удивляешься, сколько сил вложено в организацию этих мероприятий, как великолепно они проводятся и с каким большим художественным вкусом оформлены. Десятки тысяч людей участвуют в каждом из этих маршей, более ста тысяч зрителей следят за ними, и всё идет без сучка без задоринки и пунктуально до последней минуты. Ничего подобного в таком масштабе еще не осуществлялось. [...] На улицах Нюрнберга толпы, вечером всё освещено ярче некуда, самые красивые здания подсвечиваются прожекторами, из каждого окна свисают полотнища и флаги, венки и зеленые гирлянды делают город таким красивым, каким его редко увидишь. Все магазины открыты допоздна, все рестораны и кабачки переполнены, отовсюду льется музыка, партийная униформа придает всему почти военный привкус, народ на улицах

оживлен, но не в подпитии. Действительно, очень сильное впечатление производит вечерняя прогулка по этому прекрасному старому наряженному городу, приятно смотреть на его жизнь, которая окутана флером подлинного южнонемецкого радушия и уюта. Превосходен был и праздник Службы труда, на котором ораторы сменяли друг друга перед собравшимися 38 000 рабочих и который был похож на литургию, хотя понятия «фюрер» и «Отечество» стояли на первом месте, но при этом говорилось: «Если мы работаем во благо Отечества, тем самым мы служим Богу».

После четырех с половиной лет службы на посту главы отдела и главы группы в военном министерстве, в октябре 1937 г. генерал-майор Хейнрици был назначен командиром 16-й пехотной дивизии в Мюнстере (Вестфалия). В марте 1938 г. он был произведен в генерал-лейтенанты.

Письмо матери⁷⁶, [Мюнстер] 11 декабря 1937 г.

BArch. N 265/151. Bl. 134

[...] Недавно, кстати, здесь был доктор Геббельс. Мне пришлось специально приехать из Хамма, где я вел курс обучения, чтобы заместить командуемого округом. Министра принимали в старинном зале ратуши, в котором была завершена Тридцатилетняя война. Зал сохранили точно в том виде, в каком он был тогда, даже подушки остались теми же, на которых тогда сидели депутаты. Геббельсу была подана чаша в виде петуха в натуральную величину из чистого золота — средневековая драгоценность. Когда петуха осушают, он опускает крылья, которые поднимаются при наполнении. Г[еббельс], однако, его не осилил. Отставив петуха, он направился ко мне, будто я его старинный знакомый. На ужине у гауляйтера мы потом сидели рядом. Он был весьма общителен. Жители Мюнстера ожидали большой речи против епископа⁷⁷, но всё прошло весьма мирно.

⁷⁶ 24 сентября 1937 г. умер отец Хейнрици Пауль.

⁷⁷ Клеменс Август фон Гален (1878–1946) — с 1933 г. епископ Мюнстера.

Письмо матери, [Мюнстер] 13 февраля 1938 г.

BArch. N 265/152. Bl. 11f., teils ms.

[...] Мы все весьма потрясены событиями в Берлине⁷⁸. Рассказывают разное; помимо прочего, в газетах пишут, что вермахт теперь будут партийно-политически воспитывать.

Верно то, что весь кризис имеет одну причину: брак министра. Когда я в середине января был в министерстве, никто действительно не подозревал, к какому исходу приведет это супружество, которым каждый был изумлен. Бломберг наткнулся на женщину весьма сомнительного толка, которую он, очевидно, знал уже некоторое время. [...]

Благодаря своего рода новому регламенту для ведения дел надеются, что и в будущем работа будет вестись профессионально. Вновь назначенные люди — умелые работники, которые сделают всё для блага дела. В любом случае найден наилучший выход из кризиса, и мы довольны той искусностью, с которой удалось всё опять поставить на твердую почву.

Остается лишь вопрос, удастся ли генералу Кейтелю настаивать на своей точке зрения на самом верху. Я хорошо его знаю, он мой старый начальник по Берлину. Он весьма дипломатичен и умеет хорошо говорить. Но легко ему в новой должности не будет. Став советником фюрера, он сейчас занял высшее положение в иерархии вермахта. Для этого пришлось уйти и генералу Фричу, стоявшему над Кейтелем. Уход Фрича — очень большая потеря. Он был умным, здравомыслящим человеком с большим чувством ответственности, он был чужд любой показухе и высоко ставил лишь действительные заслуги каждого. Остальные отправленные в отставку генералы и так должны были уйти к 1 апреля. Чтобы уход Бломберга и Фрича не слишком бросался в глаза, дату несколько сместили. [...]

⁷⁸ 27 января 1938 г. был отправлен в отставку военный министр рейха Бломберг (вследствие того что его новая супруга в прошлом была проституткой), а 4 февраля 1938 г. — командующий сухопутными войсками рейха Фрич (которого подозревали в гомосексуализме), что вошло в историю как «кризис Бломберга–Фрича». Место Фрича занял генерал-полковник Вальтер фон Браухич, а командование вермахтом Гитлер возложил на себя. Место министерства заняло Верховное командование вермахта (ОКВ), которое возглавил генерал артиллерии Вильгельм Кейтель.

Письмо матери, [Мюнстер] 13 марта 1938 г.

BArch. N 265/152. Bl. 22

[...] Мы все под впечатлением австрийских событий⁷⁹. Уже с января говорилось, что будет что-то предпринято против Австрии. Но то, как это было сделано, и результат — большой сюрприз для нас. Жалко, что я не был там лично. Шушнигг⁸⁰ просил о помощи оружием как французов, так и англичан. И те и другие отказали, но сообщили, что будут протестовать в Берлине против вторжения. Протест действительно был подан — в том духе, что они заявляют несогласие с вторжением и применением силы. На это им ответили, что они ошибаются. Мы не применяли силу против австрийцев — напротив, они нас приветствовали. Ты — одна из тех немногих людей, которые пережили разрыв в 1866 г.⁸¹ и воссоединение в 1938 г.

Запись в дневнике, 26 сентября 1938 г.

BArch. N 265/9

В 20:00 Ад[ольф] Гитлер говорит в Шпортпаласе⁸². Мы слушаем его речь в семейном кругу вместе со слугами.

Речь явно произносится в сильном возбуждении. Фразы кажутся рублеными, как будто их не произносят, а выталкивают. Речь, похоже, оставляет не слишком много шансов на мирный исход. Ведь мы слышим день за днем, что Чехия отклоняет немецкие требования.

С военной точки зрения нас не очень радуют условия, в которых может начаться военная кампания. Одно из важнейших вспомогательных средств на войне — эффект

⁷⁹ 12 марта 1939 г. вермахт вступил в Австрию, 13 марта 1938 г. был выпущен «Закон об объединении Австрии с немецким рейхом» («аншлюс»).

⁸⁰ Курт Шушнигг (1897–1977) — с июля 1934 г. по март 1938 г. австрийский бундесканцлер.

⁸¹ Примеч. рус. ред.: после Австро-прусской войны 1866 г., согласно Пражскому мирному договору, Австрия согласилась на роспуск Германского союза.

⁸² См.: *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen...* Bd. 2. S. 923–933. Речь произносилась в разгар «судетского кризиса». Большую войну, к которой Германия, по мнению генералитета, еще не была готова, удалось предотвратить на Мюнхенской конференции (29–30 сентября 1938 г.) ценой Чехословакии, которой пришлось уступить Германии Судеты.

неожиданности — для нас полностью отпадает. Чехи невероятно активны на своей границе. Они поджидают нас в своих укреплениях с английским оружием.

Французы и англичане готовы к тому, чтобы стрелять нам в спину.

Никто не может точно распознать, чего хочет высшее политическое руководство: оно рассчитывает на то, что наши западные противники всё же не решатся напасть?

Или надеется, что они нападут лишь тогда, когда с Чехией мы уже справимся? Игра, в которую оно играет, кажется — мягко говоря — чудовищно смелой.

Верно то, что нам удастся быстро разделаться с Чехией. Превосходство с нашей стороны слишком велико, чтобы этот враг смог долго сопротивляться. К тому же чех — солдат трусливый, на него нельзя положиться. Его войска, кроме того, полны людей, на которых чешские офицеры не могут рассчитывать: судетские немцы, венгры, поляки. И всё же предупрежденный враг, который после нынешней речи может вычислить дату нападения, может нанести нам куда больший ущерб, чем враг, ошарашенный немецким нападением.

В общем, твердо рассчитываем на войну. Она кажется неотвратимой, причем не только с Чехией, но и с Англией — Францией и Россией. Настроение в основном подавленное. Восторгов и ликования, как в 1914 г., нет. Народ в целом хочет скорее мира. Лишь молодежь, которая не пережила войну, спрашивает: почему мы не наносим удар?

Открытка матери, [Мюнстер] 18 ноября 1938 г.

BArch. N 265/152. Bl. 85

В Берлине⁸³, как и во всех городах, разрушены еврейские магазины и синагоги⁸⁴. Смешно, что нетронутыми остались как раз «Герсон», «Розенхайн», «Грюнфельд», так

⁸³ Хейнрици как раз вернулся из берлинской командировки в Мюнстер.

⁸⁴ Национал-социалистическое руководство использовало убийство Гершелем Гриншпаном секретаря немецкой дипломатической миссии в Париже Эрнста фон Рата 7 ноября 1938 г. как повод организовать еврейский погром 9–10 ноября 1938 г. («Хрустальная ночь»), а также ужесточить преследование и еще более ограничить права немецких евреев.

как их недавно «ариизировали». Повсюду слышны выражения недовольства случившимся. [...]

Письмо матери, [Мюнстер] 16 января 1939 г.

BArch. N 265/153. Bl. 6f. Ms.

[...] Мне пришлось в восемь утра ехать в Детмольд, где проводился большой национал-социалистический праздник в память о выборах в Липпе⁸⁵ в 1933 г. Гизела поехала со мной, чтобы хотя бы раз увидеть Тевтобургский лес. Она заняла рядом со мной место почетного гостя и выслушала речь Розенберга⁸⁶. Он целый час рассказывал об ужасных евреях. Еврейский вопрос якобы будет решен лишь тогда, когда в Германии не останется ни одного еврея. Они полны решимости воплотить это. Лучше всего было бы, если бы по всей Европе не осталось ни одного еврея! В конце он обрушился еще и на церковь, так как она выступает против антисемитизма. Он воспроизвел все возможные дружественные по отношению к евреям высказывания пасторов, на что публика стала скандировать: «Повесить! Повесить!» (пасторов). [...]

Письмо матери, [Мюнстер] 3 февраля 1939 г.

BArch. N 265/153. Bl. 10f. Ms.

[...] В целом из всех докладов и рассказов в Берлине может создаться впечатление, что никакие военные заботы сейчас не затемняют горизонт⁸⁷. Все считают, что 1939 г. будет годом спокойного военного обучения. Надеюсь, так и выйдет!

⁸⁵ После неудачи на выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 г., НСДАП с большими пропагандистскими затратами добилась 15 января 1933 г. победы на выборах в маленьком регионе Липпе (39,6 %).

⁸⁶ Альфред Розенберг (1893–1946, казнен) — среди прочего, с апреля 1933 г. возглавлял Внешнеполитическое ведомство НСДАП, с июня 1933 г. рейхссляйтер НСДАП, с июля 1941 г. рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий.

⁸⁷ Во время своего пребывания в Берлине Хейнрици присутствовал на выступлении Гитлера перед генералами 25 января 1939 г. См. запись в архиве Хейнрици «Воспроизведение смысла сказанного с использованием...» (BArch. N 265/9).

Письмо матери, [Мюнстер] 12 февраля 1939 г.

BArch. N 265/153. Bl. 13f. Ms.

[...] Из мехов папочки я приказал пошить себе меховую униформу. Со всеми примерками, подгонками, новыми примерками прошло аж четыре недели, пока она была готова. Портные и меховщики совершали удивительнейшие ошибки; видно, что люди здесь не имеют никакого опыта в таких делах. Сначала они напускают умный вид, требуют кучу денег, а потом им приходится объяснять, что надо делать, так как они слишком глупы, чтобы самим увидеть свои ошибки и их устранить. Форма получилась хорошая и теплая, хотя и не легкая. Говорят, что ондатру теперь вообще не достанешь. Меховщику пришлось добавить несколько новых шкурок, что обошлось весьма дорого. В Лейпциге торговцам мехами приказали продавать меха за границу, чтобы получать валюту. Затем меховщик жаловался, что выгнали всех евреев, а они как никто умели торговать мехами и всё время умели доставать хоть что-то — не то, что сейчас. [...]

Письмо матери, [Мюнстер] 18 марта 1939 г.

BArch. N 265/153. Bl. 21–23

[...] Переход Чехии в немецкое владение действительно прошел так невероятно быстро, легко и неожиданно, что и сегодня в это трудно поверить⁸⁸. Кому бы год назад могло прийти в голову, что и ее можно так легко стереть с карты мира. Даже в Берлине, где люди в министерстве достаточно осведомлены, такого не слишком ожидали, хотя, с другой стороны, и не рассчитывали на серьезное сопротивление. Печальнее всего, с моей точки зрения, судьба чешской армии: она без единого звука была обезоружена и отправлена по домам. Она отдала свою родину врагу, не сделав ни единого выстрела. Подобное не прибавит ей чести. Но мы должны быть рады тому, как легко и удачно всё получилось. Жалею лишь, что опять не

⁸⁸ 15 марта 1939 г. вермахт без сопротивления вошел в чешскую часть Чехословакии, 16 марта 1939 г. был образован «Рейхспротекторат Богемии и Моравии».

участвовал. В Мюнстере же никогда ничего не происходит. [...]

Письмо матери, [Глоттербад] 30 мая 1939 г.

BArch. N 265/153. Bl. 48

[...] Слишком поздно в этом году тебе лучше не путешествовать. Кто знает, не возникнет ли осенью в Польше та же ситуация, что сейчас в Чехии. [...]

Незадолго до начала войны, в конце августа 1939 г., 16-я пехотная дивизия под командованием Хейнрици переняла охрану Западного вала на границе с Люксембургом и оставалась на этих относительно спокойных позициях, занимаясь рытьем окопов и обучением, всё время Польской кампании, начавшейся 1 сентября.

Запись в дневнике, 25 августа 1939 г.

BArch. N 265/9

В 5 часов вечера, когда я нахожусь в своем кабинете, приходит приказ X — о мобилизации. В обед Трудель и Гизела вернулись из Земмеринга с чувством, что я их позвал безо всякой нужды. Сейчас же они, как и бабушка, испугались. Много тем для обсуждения и попыток заглянуть в будущее. Особенно обсуждается вопрос, достаточно ли надежное место Мюнстер⁸⁹. Если Бельгия откажется — о чем шепчутся — от своего нейтралитета, расположение Мюнстера не слишком выгодно. Англичане и французы в многочисленных речах настаивают на своей решимости отвечать «на силу силой». Настроение населения спокойное, но серьезное. Нет закупок продуктов из страха или съема крупных сумм денег. На улицах люди стоят и перешептываются. Мы пакуем чемоданы и читаем с бабушкой Библию.

⁸⁹ Вскоре после начала войны Гертруда Хейнрици переехала на «запасную квартиру» в санатории Глоттербад (Глоттерталь) под Фрайбургом, которая до 1944 г. была важным местом встречи членов семьи.

Запись в дневнике, 29 августа 1939 г.

BArch. N 265/9

[...] Вообще говоря, ситуация довольно поразительная: фюрер готов вести войну, но не находит для себя противников. Поляки тоже объявили, что готовы к переговорам. Рассказывают, что за границей весьма косо смотрят на наш договор с Россией⁹⁰ и называют нас беспринципными, так как мы вроде бы хотели спасти Европу и мир от русских. Но союз с русскими, вне сомнений, в интересах немецкого народа.

После обеда. Переговоры между Берлином и Лондоном продолжаются. Я думаю, что всё растает как дым и ничего не случится.

Запись в дневнике, 1 сентября 1939 г.

BArch. N 265/9

[...] Думаю, что, не начнись война сегодня, она была бы объявлена через несколько лет, когда Англия, Франция и Америка усилились бы и их возглавили бы люди дела. В целом эта война — превентивная, позже мы были бы принуждены вести ее. Но сейчас англичанам и французам она не ко времени. [...]

Запись в дневнике, 13 сентября 1939 г.

BArch. N 265/9

[...] Недавно мы разговаривали о России. Мнения о том, насколько чистосердечен этот союзник, весьма разделились. [...] Я надеюсь, однако, что это честный союзник, который всерьез относится к данному им слову. Когда Германия и Россия выступали вместе, это всегда приносило пользу обоим. Но большинство не доверяет господину Сталину. [...]

⁹⁰ Немецко-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. предоставил национал-социалистической Германии свободу действий против Польши и разделил в своем секретном дополнительном протоколе зоны интересов Германии и СССР в Восточной Европе.

Запись в дневнике, конец сентября 1939 г.

BArch. N 265/9

[...] Итак, всё-таки дело должно прийти к войне, которой, в сущности, не желает ни один народ. Но английское правительство считает ее необходимой, так как чувствует, что его положение мирового гегемона находится под угрозой. Все остальные причины второстепенны. Англия убеждена, что вообще должна сражаться за сохранность своей империи. Поэтому на ведении войны будут настаивать, а народы истекут кровью.

Но как наши западные враги начнут войну, никто не может себе представить. Нападение на Западный вал, который постепенно действительно укрепился и который после окончания Польской войны получит серьезное усиление с востока, дает не слишком много шансов на успех. Получится лобовое столкновение без шансов на окончательную победу — мероприятие бессмысленное.

Запись в дневнике, 16 октября 1939 г.

BArch. N 265/9

[...] Меня беспокоит положение на востоке. Там русские вводят крупные военные соединения в Балтийские страны⁹¹. В Латвию должны прибыть 80 000! человек. [...] Не очень хорошая история, горькая потеря, придется забирать оттуда живших там немцев и расселять их в Польше. Будто бы необходимо, чтобы усилить слабый пока немецкий элемент в Позене. Несколько недель назад я удивлялся, глядя на карту народностей, живущих в Позене. Судя по ней, там более 50 % поляков. Это сейчас изменят при помощи балтов. В любом случае я уверен в том, что

⁹¹ Латвия (5 октября 1939 г.) и Литва (10 октября 1939 г.) с вынужденным подписанием «пактов о взаимопомощи» с Советским Союзом фактически утратили свой суверенитет и были частично оккупированы Красной армией. Советская оккупация Эстонии последовала в июне 1940 г. Все три страны в июле–августе 1940 г. были также формально аннексированы в качестве социалистических советских республик. Договоры с рейхом регулировали переселение немецкого населения из них главным образом в Вартегау.

в конце этой войны Латвия и Эстония исчезнут. Что будет с Либав и владением Трудель⁹²? Будет оно ликвидировано русскими методами? Это было бы очень неприятно. [...]

Запись в дневнике, 9 ноября 1939 г.

BArch. N 265/9

Вчера вечером фюрер выступал в пивной Бюргербройкеллер. Из его слов проступала невероятная ненависть к Англии. Его речь была страстной как никогда.

Сегодня утром поступает известие о попытке покушения, совершенной в Бюргербройкеллер вечером⁹³. Пишут, что много убитых и раненых. На нас это произвело сильнейшее впечатление. Конечно же, англичане попытались столь коварным образом устранить своего главного врага. Они сами дадут разъяснение: мол, в Германии всё зашло слишком далеко.

Запись в дневнике, 10 ноября 1939 г.

BArch. N 265/9

7 убитых и 63 раненых при покушении в Мюнхене. Оно произошло через 20 минут после того, как фюрер покинул зал. Его действительно хранило чудо. Что бы с нами было, если бы он погиб! [...]

⁹² Умерший еще в 1904 г. отец Гертруды Хейнрици был владельцем сталелитейного завода в Либав, его наследство и имущество позволяли семье Хейнрици в период между войнами поддерживать довольно высокий уровень жизни. Ср. запись в дневнике Хейнрици от 19 октября 1939 г. (BArch. N 265/9): «Вдобавок в связи с выселением немцев из Латвии и входом туда русских возникают новые весьма сложные имущественно-правовые вопросы. Внезапно шатается весь фундамент, на котором мы стояли».

⁹³ Покушение Георга Эльзера на Гитлера в мюнхенском Бюргербройкеллер 8 ноября 1939 г. не удалось, так как диктатор покинул помещение раньше, чем ожидалось, за 13 минут до взрыва.

Запись в дневнике, 3 декабря 1939 г.

BArch. N 265/9

[...] Говорят, что генерал-полковники Клюге, Бласковиц⁹⁴ и Рейхенау не советовали наступать. К этому отношению, очевидно, замечание, что у вермахта нет той веры в фюрера, что у партии. Тем не менее фюрер дал им назначения. Но ему и не остается ничего иного. Стоя на месте, войну выиграть нельзя. Всё говорит за нынешний момент — как военные, так и политические причины. [...]

В начале февраля 1940 г. Хейнрици две недели замещал командующего VII армейским корпусом в Трире, а затем отправился в Берлин для операции на кисти, которую провел профессор Фердинанд Зауэрбрух.

Запись в дневнике, 16 февраля 1940 г.

BArch. N 265/9

[...] Война — элемент неизвестности, говаривал Клаузевиц⁹⁵, не только в командовании войсками, но и вообще. Желания довести ее до победного конца у нашего командования в достатке. Необыкновенно суровая зима, которой не припомнят и старожилы, доставляет ему большие трудности. Трижды оно готовило наступление и трижды приходилось его отменять. [...] Несмотря на это, командование использовало предоставленное ему время отдыха. Много сделано, чтобы увеличить армию и вычерпать людские резервы. Так что весна принесет крупные битвы. Два сконцентрированных войска фронтально сойдутся друг с другом. Они встретятся на бельгийско-голландской земле. Это, очевидно, положит конец существованию этих

⁹⁴ Йоханнес Бласковиц (1883–1948, самоубийство) — генерал-полковник, с октября 1939 г. по март 1940 г. главнокомандующий вооруженными силами на Востоке. Занимавшие высокие посты генералы (помимо названных, прежде всего Гальдер, Лееб и Бок) в октябре–ноябре 1939 г. высказывали серьезные возражения против наступления на западе.

⁹⁵ Карл фон Клаузевиц (1770–1831) — прусский офицер и военный теоретик, автор сочинения «О войне».

двух нейтральных стран. В будущем им придется присоединиться к одним или к другим. Усидеть между большими государствами им не удастся.

После своего выздоровления Хейнрици был назначен командующим XII армейским корпусом под Саарбрюкеном вместо заболевшего генерала пехоты Вальтера Шрота.

Запись в дневнике, 13 апреля 1940 г.

BArch. N 265/9

[...] Оккупация Дании и Норвегии уже несколько дней держит нас в напряжении⁹⁶. Проведение этой операции было великим решением фюрера. Быстрота, с какой операция была проведена, всех поразила. Наше положение против Англии тем самым существенно улучшилось. Улучшились условия ведения войны с Англией для моряков и летчиков. Надеюсь, мы и дальше будем получать с севера жир и руду. Пацифистским народам там наверху это хороший урок — не удастся прожить в постоянном мире, сколь ни мечтай об этом. [...]

Запись в дневнике, 16 апреля 1940 г.

BArch. N 265/9

[...] Решающее значение во всем северном предприятии имеет тот факт, что добыча и вывоз руды, пусть теперь и не вдоль норвежского побережья, остается в наших руках. В остальном развитие событий указывает на то, что эти скандинавские государства в случае победы великого германского рейха должны стать его сателлитами. Они понадобятся в войне против Англии. Решение фюрера овладеть ими — в любом случае наполеоновское: смелое и великое. [...]

⁹⁶ С 7 апреля 1940 г. шла операция «Учения на Везере», которая привела к занятию Дании без боя, в то время как Норвегию удалось оккупировать лишь после жестоких боев с норвежскими войсками и силами союзников.

После начала кампании на Западе (10 мая 1940 г.), возглавляемый Хейнрици XII армейский корпус прорвал под Спешераном оборону французов, подошел к линии Мажино и оставался там до 16 июня, когда ему удалось пробить линию французских укреплений к востоку от Пюттлингена (Саар). Получивший 1 июня 1940 г. чин генерала пехоты, Хейнрици был 18 июня 1940 г. назначен командующим XXXXIII армейским корпусом на Луаре. В день заключения перемирия с Францией (22 июня 1940 г.) он находился в Бурже.

Отчет семье, [Шато Турли под Бурже] 24 июня 1940 г.

BArch. N 265/10. Bl. 4f. Ms.

[...] То, что наша победа достигнет столь невероятных масштабов, никто не смел и надеяться. То, что Франция битвой во Фландрии оголит всех помогающих ей союзников, наконец останется одна и в этой изоляции будет разбита наголову, я не отваживался и помыслить. И следует с почтением взирать на руководство нашего государства, которому удалось подвести всех наших врагов по одиночке под удар нашего штыка, сначала Австрию, затем Чехию, потом Польшу и так далее, так что нам всё время удавалось сосредоточить крупные силы в одной-единственной точке.

С Францией покончено. Она разгромлена так, что в обозримом будущем не сумеет подняться. Армия, экономика, все государственные структуры — сплошные развалины, так же как и города, которые наши летчики забросали бомбами. Какой беспорядок здесь царит, я сам вижу на примере города Бурж с населением в 50 000 человек. Большая часть из них покинула город, но их место заняли 20 000 беженцев, и нам с огромным трудом удастся наладить питание для этих людей. Ведь подвоза продуктов из Нанта, Орлеана и Бордо, которые раньше снабжали Бурж, теперь нет. Особенно тяжело противостоять самовольным закупкам и реквизициям со стороны наших солдат, а особенно офицеров, которые как стервятники набросились на городские запасы и скупают всё мыслимое и немыслимое: не важно, меха ли это, золотые кольца или дамские чулки. Лишь с крайней беспощадностью и без оглядки на лица удастся поддерживать порядок. Если этого не делать, то все препоны благочестивой робости исчезают и изнутри —

что стыдно видеть — лезет корысть. Но свирепыми репрессиями мне удалось устранить самые неприглядные явления.

Условия, на которых Франции позволят заключить мир, как мне кажется, будут гораздо более суровыми, чем мы ждем. Похоже, фюрер хочет аннулировать вестфальский мир, а однажды кто-то даже сказал, что мирный договор должны будут подписать в Мюнстере⁹⁷. Но сначала он, конечно, передаст в Версальском дворце условия этого мира. В сущности, мы сейчас находимся в крайне необычной ситуации. Заключено перемирие, но война продолжается. Тому есть две основные причины: помогать несчастным итальянцам, которым в этой войне пока не удалось проявить себя ничем, кроме швыряния бомб, а с другой стороны, ослаблять французов так долго, как это возможно. Чем сильнее мы их ослабим, тем позже им удастся задуматься о собственном возрождении, если оно вообще окажется возможным.

Впечатление о французском народе, которое мы получаем, — опустившееся, почти нежизнеспособное общество. Народ выглядит так же, как и шато, вокруг которых он толпится, — пришедшие в упадок и с налетом декадентства. Показательно, что в последнее время воюют уже не белые французы, а только черные. Следы их потомства постоянно встречаются в народе. Вчера один взятый в плен студент с типично негритянскими чертами ответил мне на вопрос о своей расе: Cocktail (помесь). В остальном повсюду в народе видна явная ненависть к англичанам. наших солдат встречают с подчеркнутой покорностью. Сильной национальной гордости не заметно вовсе. Недавно в одном из замков я видел эстамп Наполеона Великого. Он был превосходен по своему исполнению. Наполеон был изображен как император в роскошном одеянии. Какая пропасть между тогдашней Францией и теперешней! [...]

Мы уже готовимся к перемирию. В Бурже я проведу военный парад. Такого здесь еще не бывало. В первый раз в истории здесь оказались немецкие солдаты.

⁹⁷ Примеч. рус. ред.: подписанный в 1648 г. в Мюнстере Вестфальский мир положил конец Тридцатилетней войне и дал начало вестфальской системе государственных отношений, основанной на концепции государственного суверенитета.

Что готовит будущее в продолжение войны с Англией — об этом мы не имеем четкого представления. Ступят ли в ходе этой войны немецкие или вообще иностранные войска на землю острова впервые в истории — вопрос открытый. После того как высадка десанта стала в этой войне чуть ли не повседневным явлением, ничто нельзя считать невозможным.

Отчет семье, [Шато Турли под Бурже] 28 июня 1940 г.

BArch. N 265/10. Bl. 6–8f. Ms.

[...] В день подписания перемирия я приказал XXXXIII корпусу выйти на торжественное построение на площадь у собора в половину одиннадцатого вечера. Горожанам пришлось убирать баррикады из мешков с песком, которыми были прикрыты великолепные портики. У находящейся напротив префектуры были выставлены все имеющиеся прожекторы, с помощью которых освещалась величественная церковь. Мы сказали ответственному за электричество в городе, что если свет отключится, мы его повесим. Площадь была украшена флагами со свастикой, за трибуной, на которой стоял я, развевался военный флаг рейха. С точностью до минуты мы вместе с командующим армией⁹⁸, которого я пригласил, въехали на площадь. Вечернее небо было еще столь светлым, что контуры собора резко выделялись на его фоне. Площадь была заполнена кавалерами Железных крестов из всех дивизий. Сзади напирала французская гражданская публика, но, очевидно, лишь люди из низших слоев общества. На площадь торжественно вступил военный оркестр, занял свое место и сыграл: «Нидерландскую благодарственную молитву», Баденвайлер-марш, марш по случаю вступления в Париж и «Славу Пруссии»⁹⁹, затем последовала торжественная вечерняя зоря. После молитвы я приказал сыграть строфу из «Хороших товарищей»¹⁰⁰ и сказал:

⁹⁸ Адольф Штраус (1879–1973) — генерал пехоты, с июня 1940 г. по январь 1942 г. командующий 9-й армией.

⁹⁹ Примеч. рус. ред.: праздничные марши 1914, 1814 и 1871 гг. соответственно.

¹⁰⁰ Примеч. рус. ред.: германский военный похоронный марш, также известный по первой строке («Был у меня один товарищ»).

Товарищи по XXXXIII армейскому корпусу!

В этот торжественный час в сердце поверженной вермахтом Франции, которая столетиями приносила нашему народу столько страданий и мучений, мы вспоминаем о наших павших товарищах, думаем о нашем немецком Отечестве и благодарим нашего фюрера и верховного командующего вермахта, победителя в бесчисленных сражениях, Адольфа Гитлера. Зиг хайль!

Затем были сыграны «Песнь немцев» и «Хорст Вессель», оркестр покинул площадь, и впечатляющий праздник закончился. [...]

Приложение 2. На пути к полному поражению — документы 1942–1945 гг.

В середине июля 1942 г. Хейнрици возвращается из своего отпуска, проведенного во Фрайбурге, и через Берлин едет в Спас-Деменск, где 20 июля вновь принимает руководство 4-й армией. После первого года войны на Востоке, ставшего для Хейнрици и его войск столь бурным и драматичным временем, генерал еще более года (до августа 1943 г.) руководил вверенным ему участком фронта южнее Вязьмы, самым тихим и стабильным районом группы армий «Центр» и вообще Восточного фронта. Помимо обороны в редких боях местного значения, задачей 4-й армии в указанный период стало обустройство позиций, а также подготовка и осуществление запланированного отступления на позицию «Бюффель» в рамках укорачивания линии фронта в марте 1943 г. 30 января 1943 г. Хейнрици был произведен в генерал-полковники.

Письмо жене, [из поезда] 17 июля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 54–57

[...] Визиты [в Берлине] в учреждения, занимающиеся Балтикой, ни к чему не привели. Для граждан рейха еще ничего не решено. Трастовая компания¹ будет искать твои документы; найдет ли она их, мне пока неясно. Они были несколько смущены существующим беспорядком. Один эсэсовец высказался: «Ну, получите Вы позже усадьбу на Востоке». Я говорю: «Где же, в Польше?» — «Нет, — говорит, — еще восточнее!» [...]

¹ Примеч. рус. ред.: на оккупированных территориях было основано некоторое число частных или полугосударственных компаний, которые были объявлены трастовыми компаниями и получили монопольные права на соответствующую отрасль экономики (энергетику, горное дело и проч.).

Отчет семье, 30 июля 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 62f. Ms.

[...] Когда возвращаешься из Германии и бросаешь взгляд на русские поля, то видишь колоссальную разницу между обработкой полей здесь и дома. Нормальное удобрение земли отсутствует, а пахут чуть ли не допотопными методами. Впрочем, иногда и тут есть чем насладиться, а именно грибами. В некоторых районах в большом количестве растут лисички и боровики; свежесобранные, они особенно вкусны. Один корпус их даже засушивает и отправляет домой. Я хотел было вверить столь полезное дело в руки нашей новой домохозяйки Марии, но она отказалась со словами «Нет грибы, лесной патруль стрелять». — Она испугалась, что ее примут за партизанку. Хотя наш тыловой район недавно в целом зачистили, несмотря на это (в результате операции против Белова мы взяли почти 15 000 пленных) по чащам всё еще бродят банды и русский почти каждую ночь летает через нашу линию фронта, дабы сбросить этим своим сообщникам радиостанции, провизию и перевязочный материал². Позавчера вечером на наших глазах такой самолет был подбит из зенитной пушки. Попали по чистой случайности. Но точно в цель: машина с 5 людьми на борту рухнула вниз как камень и разбилась.

Вчера мы поняли, что эти рассредоточенные по лесам русские терпят всё из страха, что при пленении мы их расстреляем. На свет из чащи, где мы в феврале! окружили и разбили несколько дивизий, вышли офицер, 1 комиссар и 6 бойцов. Они с того времени сидели в лесу, не питались ничем, кроме дохлых лошадей, чье мясо они сушили на солнце, плюс еще грибами, ягодами и лягушками. Конина, должно быть, уже полностью разложилась,

² Несмотря на несколько успешных операций против отрезанных частей Красной армии и партизан весной и летом 1942 г. — например, операция «Ганновер» в зоне расположения 4-й армии, — движение сопротивления в тылу вермахта с середины 1942 г. постоянно усиливалось и до весны 1943 г. выросло еще сильнее. Обнищание, эксплуатация и порабощение населения под немецким владычеством способствовали этому так же, как и советские диверсионные мероприятия. См.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*: 10 Bde. / hrsg. von Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Stuttgart; München, 1979–2008. Bd. 6. S. 911–926.

поскольку от самих этих ребят несло как от падали, и одежда на них вся сгнила. Они просто как дикие звери, наши парни столько времени никак не смогли бы продержаться. Огонь они разводили, используя порох из найденных патронов, который поджигали с помощью стекла из карманного фонарика и солнца.

В итоге комиссар разрешил выйти к немцам только после того, как нашел листовку, в которой указывалось, что даже комиссарам сохраняют жизнь. Абсолютно точно, что подобное бродяжническое существование ведут тысячи других людей в нашем тыловом районе, не все в таких неслыханных условиях, но в целом живя как робинзоны или разбойники. В этих лесных чащах постоянно слышишь невероятнейшие истории.

[...] Время от времени маленькие советские дети приносят нам букетики полевых цветов — они их странным способом крепко сплетают, что выглядит мило, — и пытаются обменять на хлеб. Поскольку люди, и в особенности дети, живут здесь бедственно и впроголодь, то они рады каждому кусочку, полученному от нас. Зальмут³ хотел было перетащить нашу Марию в Берлин в качестве горничной. Она поначалу тоже согласилась, но в итоге из-за своей 70-летней матери передумала. Но пояснила, что если мы уйдем, то она не останется здесь, а пойдет с нами. [...]

Отчет семье, 29 августа 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 71f. Ms.

[...] Больше особо мне сообщить о себе нечего. Что нам совсем не доставляет радости, так это наша весьма пассивная роль, на которую мы уже многие недели обречены. Правда, и таких боев, как, например, под Ржевом, мы тоже не хотим⁴. Но вот подобное происходящему на юге⁵

³ Ганс фон Зальмут (1888–1962) — генерал пехоты, в июне–июле 1942 г. командующий 4-й армией, с июля 1942 г. по февраль 1943 г. командующий 2-й армией.

⁴ На выступ фронта в районе Ржева, удерживаемый 9-й армией (к северу от 4-й армии), с июля 1942 г. постоянно предпринимались большие советские наступления, которые часто приводили к кризисным ситуациям, пока в марте 1943 г. немцы не покинули этот район.

⁵ В районе группы армий «Юг» 28 июня 1942 г. началось немецкое летнее наступление (операция «Блау»). Его целью было уничтожить советские войска в на-

было бы хорошо для изменения нашего положения. Сейчас же мы играем роль дойной коровы.

Нас очень обрадовал успех под Дьепом⁶. Англичане пытаются представить всю операцию так, как будто это была просто разведка. Но они хотя бы попытались, даже если ничего и не вышло. Когда дела не пошли на лад, было решено по-быстрому прекратить операцию. С другой стороны, как говорится, чего не попробовать, если тебе везет. Участники операции будут премного благодарны, если в будущем их еще раз так же заставят послужить подопытными кроликами. Теперь мы ждем, не повторят ли они трюк в обозримом будущем. Что снова попытаются — это точно, но вряд ли в этом году.

Письмо жене, 14 сентября 1942 г.

BArch. N 265/156. Bl. 78

На данный момент почта у нас работает из рук вон плохо. В тылу партизаны совершили налет на мост, перебили охрану и подорвали его. Железнодорожное сообщение там встало на неделю. Вероятно, поэтому полевая почта и не доходит. В других тыловых районах в этом смысле ситуация тоже всё еще безрадостная. На огромных пространствах и в гигантских лесах этим бандам есть где укрыться от нападения. Они снабжают себя за счет местных жителей, у которых отбирают всё. Так что в этом отношении ситуация напоминает Тридцатилетнюю войну. У меня тут недавно был господин из Министерства иностранных дел. Бумс, наехал на мину и погиб бы, если бы не сел случайно на другое сиденье машины.

Сражения на Кавказе, особенно под Сталинградом, под Ржевом — повсюду крайне тяжелые. Сталинград, похоже, стал практически новым Верденом, так же как и Ржев, только с обратным знаком. От Хартмута очень давно ни-

правлении Дона и Волги (Сталинград) и затем завоевать важные для ведения войны нефтяные районы на Кавказе (Майкоп, Грозный, Баку). В июле 1942 г. наступление по приказу Гитлера против первоначальных планов было разделено на два параллельных: на Сталинград и на Кавказ.

⁶ 19 августа 1942 г. у северофранцузского города Дьеп провалилась операция по высадке десанта союзников (операция «Юбилей»), в которой участвовало 6100 (преимущественно канадских) солдат. Союзники понесли большие потери.

каких вестей⁷. Да хранит его Господь. К сожалению, стало ясно, что моя надежда на разгром русского как основного противника этим летом не воплотится в жизнь⁸. После осенней паузы, зимой он точно будет атаковать дальше. Он держится, и у него есть как люди, так и ресурсы, чтобы выстоять до следующей весны, когда еще раз попытаются открыть второй фронт на западе. [...]

Запись в дневнике, 10 октября 1942 г.

BArch. N 265/13

[...] Праздник урожая, как сказал граф Мой, психологически попал «прямо в яблочко» в плане управления русским народом. Передачей населению церкви, произнесением речей, раздачей еды, праздничной демонстрацией, проведением народного фестиваля с пением, плясками и играми, завершившегося просмотром кинофильма, мы во многом склонили настроения в нашу пользу. Общее отношение стало более дружелюбным и открытым. «Немцы могут не только работать, они умеют и праздновать», — говорили русские. Теперь они неоднократно приветствуют нас, некоторые вскинутой рукой. Идея проведения Праздника урожая пришла в голову графу. Хочется надеяться, что это поможет противостоять угрозе партизанщины. На данном примере видно, до чего же просто влиять на русских, если пойти навстречу этому эмоциональному народу и немного ему помочь. Весьма интересно, что профессор Зилла⁹ в недавнем докладе отстаивал точку зрения

⁷ Во время немецкого наступления Хартмут Хейнрици был снова тяжело ранен 8 сентября 1942 г. и благодаря пребыванию в лазарете (до конца ноября) не разделил судьбу своего 71-го пехотного полка (моторизованного), разбитого под Сталинградом.

⁸ В августе–сентябре 1942 г. немецкое наступление как на Кавказ, так и на Сталинград застопорилось. Тем самым летнее наступление практически провалилось, и стратегическая концепция того, как может быть выиграна война на Востоке, с тех пор отсутствовала. Об отрезвлении, которое в этот поворотный момент овладело главной ставкой фюрера, см.: Hitler in Vinnica. Ein neues Dokument zur Krise im September 1942 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / hrsg. von J. Hürter, M. B. Uhl. 2015. N 63. S. 581–638.

⁹ Предположительно врач и профессор Адольф Зилла (1896–1977), который во время Первой мировой войны побывал в русском плену и с 1941 г. служил на Восточном фронте как врач-консультант.

на русских, совпадающую с нашей: лишь вместе с ними, а не против их воли следует завоевывать Россию. Кто владеет народом, тот владеет Россией. Но я думаю, что это трудно осуществить. Конечно, здесь много людей, которые, будучи врагами большевизма, не принимают нынешней России. Но всё же больше тех русских, которые, несмотря ни на что, остаются убежденными противниками Германии и немцев.

Запись в дневнике, 13 октября 1942 г.

BArch. N 265/13

[...] Похоже, что ненадолго приостановившиеся уличные бои в Сталинграде теперь продолжаются. Под Грозным, кажется, от намерения завоевать нефтепромышленный район отказались, так как его подожгли бомбардировками с воздуха. Такой отказ кажется мне горькой потерей. Топлива у нас, без сомнения, недостает. Похоже, на Кавказе спокойно наступаем на Туапсе. Быть может, всё еще сможем взять этот важный порт. — От атаки на Ленинград, по-видимому, отказались. Удовольствовались уже тем, что прорыв русских захлебнулся.

Когда тот, кто дрался тут год назад, сравнивает те времена с нынешними, то видит, что в прошлом октябре право первого хода было у нас в руках. Мы атаковали и повсюду отбрасывали русского назад, убежденные, что нам это по плечу. Сегодня инициатива опять в руках русского. Мы ожидаем его атаки, причем силами, превосходящими наши.

Но всё же кажется, что и на той стороне не всё в порядке. Новый призыв Сталина открыть второй фронт и упразднение института комиссаров, которых теперь переобучают в офицеры, говорят о том, что дела там не выглядят радужно. Утрата территорий и людские потери имеют сильный эффект и с точки зрения экономики, и с точки зрения резервов. Но до весны русский, конечно, продержится и самое позднее атакует тогда, когда на западе или в Норвегии будет открыт второй фронт. Может, он сделает это на нашем участке и раньше, а именно зимой. Нам точно пойдет на пользу, если она будет очень снежной, так как это усложнит любое нападение.

Запись в дневнике, 5 ноября 1942 г.

BArch. N 265/13

[...] Общий итог: война еще не выиграна. Но для уныния нет причин. В военном отношении и в смысле снабжения положение удовлетворительное. Хотя есть и проблемные ситуации, например, с топливом.

На оккупированных территориях общее настроение кажется в целом безрадостным. Сейчас все действительно переносят невзгоды. Все надеются на победу наших противников. Настроения не в нашу пользу.

Запись в дневнике, 8 ноября 1942 г.

BArch. N 265/13

Днем сообщение, что американцы и британцы высадились в Западной Африке и Марокко¹⁰. Вот чертова проказа. В Восточной Африке Роммель крепко потрепан и под сильным давлением¹¹, а в Западной появилась свежая армия противника. Пусть от нее до Роммеля и далеко, быть может 2000 километров, но кто их должен оттуда выбивать? «Война вновь становится интересной», — говорит мой начальник штаба¹². Должен сказать, я премного благодарен за такую вводную. Это действительно обещанный нам второй фронт, но на направлении, которое меня все же поразило. [...]

Запись в дневнике, 10 ноября 1942 г.

BArch. N 265/13

[...] Если Африка будет потеряна, то и Средиземному морю крышка. Это будет тяжелый удар, ведь мы так сра-

¹⁰ 7–8 ноября 1942 г. союзники высадились в Марокко и Алжире (операция «Торч»).

¹¹ С 23 октября по 4 ноября 1942 г. танковая армия «Африка» (Роммель) потерпела решающее поражение под Эль-Аламейном (Египет) в битве с 8-й британской армией (Монтгомери).

¹² Ганс Рёттгер (1896–1960) — генерал-майор, с апреля 1942 г. по май 1943 г. начальник штаба 4-й армии, с июня 1943 г. по март 1944 г. начальник штаба группы армий «А».

жались за Маре Нострум. Что скажут итальянцы, если области, превращающие сейчас королевство в империю, будут утеряны?

И какую же позицию займут французы, когда возьмут их Северную Африку? Я считаю невозможным, что Франция будет сражаться на нашей стороне против своих старых союзников. Напротив, мне кажется вероятным, что в один день правительство Петэна будет просто устранено.

Второй фронт открыли на нашем слабейшем направлении — итальянском. Наши противники надеются выбить Италию из числа держав Оси. С Муссолини в качестве премьер-министра им будет трудно это сделать. Но возможно, что и он падет.

Африка являлась продолжением новой Европы. На сегодня я не вижу возможностей отбить ее назад, если она будет потеряна.

Учитывая эти обстоятельства, правильно ли было начинать русскую кампанию? Я до сих пор склоняюсь к отрицательному ответу. Надо было сделать из них союзников, пусть даже ценой проливов, Дарданелл, — эта война в России поглотила столько немецких сил и сковывает их большую часть. [...]

Запись в дневнике, 13 ноября 1942 г.

BArch. N 265/13

[...] В то время как идут сражения за континенты, нужно спрашивать разрешения фюрера, чтобы отвести один батальон. Надо освободить его голову от столь второстепенных деталей. Зачем ему тогда группа армий или армия? Тогда нашу роль здесь могут исполнять и манекены. [...]

Запись в дневнике, 23 ноября 1942 г.

BArch N 265/13

[...] Чуждая, отсталая, средневековая культура России — нет, это не наша Европа, а буквально другой континент. Если бы не кровавая и жуткая серьезность войны за всем этим, то, даже несмотря на большевизм, красотами природы можно было бы любоваться. Такой вот ноябрь, с су-

хим холодом и светящим солнцем, куда лучше, чем пасмурный и промозглый ноябрь в Берлине или Кёнигсберге.

Пока у нас тут всё спокойно, на юге разыгрываются впечатляющие события. Русский прорвал фланкировавшие Сталинград с обеих сторон позиции румынских войск и широко — на 70 километров — углубился в тыл¹³. Очевидно, его приготовления к наступлению не были замечены, потому создается впечатление, что этот удар столь же внезапен, как и высадка во французской Африке. Согласно приходящим сообщениям, на сегодняшний вечер ситуация такова, что 6-я армия Паулюса¹⁴ окружена под Сталинградом. Это уже не просто неприятно, а весьма скверно. Поскольку не похоже, чтобы в нашем распоряжении были достаточные резервы, с помощью которых ее удалось бы быстро вытащить из окружения. [...]

Запись в дневнике, 1 декабря 1942 г.

BArch. N 265/13

Начальник штаба вчера подсчитал, что если отойти на предложенную фельдмаршалом укороченную линию фронта, срезая лишние углы, то это бы высвободило всю 9-ю армию, которая насчитывает порядка 23 дивизий¹⁵. И тогда дивизии на позициях имели бы участки обороны вполовину короче наших нынешних. Мягкая осень предоставляла бы превосходную возможность для обустройства отличных позиций, а доступность дорог наилучшим

¹³ Благодаря своему контрнаступлению (операция «Уран») с 19 ноября 1942 г., Красная армия быстро прорвала фланги сталинградского фронта, которые обороняли 3-я и 4-я румынские армии, и окружила 6-ю армию.

¹⁴ Фридрих Паулюс (1890–1957) — генерал танковых войск, с января 1942 г. по январь 1943 г. командующий 6-й армии (на 1943 г. генерал-фельдмаршал), затем в советском плену.

¹⁵ Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге с сентября 1942 г. тщетно выступал за отвод войск с ржевского и вяземского выступов. Ср. запись в дневнике Хейнрици от 31 декабря 1942 г. (BArch. N 265/13): «Во время поездки в Глоттербад я говорил об этом с первым офицером штаба группы армий полковником фон Тресковым, который сказал: “При написании истории войны еще вспомнят о том, как было отклонено это предложение фельдмаршала!”»

образом обеспечила бы маневр отхода. Как счастливо бы было верховное командование, окажись сейчас в их распоряжении еще 23 дивизии, почти столько, сколько во всей группе армий «Север». Но теперь момент упущен! [...] Военное искусство всё же чуть сложнее, чем уличная драка. Придет время, когда это всем станет ясно, поскольку за такие ошибки придется расплачиваться, и если оно придет слишком поздно, то всё закончится очень плохо. Возможно, первым тут должен выступить начальник генерального штаба, который не услужливо гнется под мнением вышестоящего, а напротив, совершенно четко возражает: «Так продолжаться не может».

Запись в дневнике, [Глоттербад¹⁶] 27 декабря 1942 г.

BArch. N 265/13

[...] Конечно, и у врага тоже много потерь. Но Россия + Англия + Америка (и рассматривать их надо не по отдельности, а как совместную тройную силу) всё-таки легче могут перенести потери, чем мы: ведь напряжение наших германских сил уже и без того неслыханное, особенно если взглянуть на растянувшиеся по Европе и Северной Африке театры военных действий. Чтобы справиться с этим, по воле фюрера постоянно создаются новые соединения. Уже существующие соединения из-за этого терпят нужду: они получают недостаточные пополнения в живой силе и технике и поэтому не могут быть столь эффективны. Особенный камень преткновения представляют ныне формирующиеся авиаполевые дивизии. Геринг в известном смысле сотворил их из ничего. Они очень хорошо вооружены. Но состояние их выучки жалкое, и они себя ведут как зеленые рекруты. Со всех сторон доносятся вопли, что мы должны снабдить их обучающим персоналом. Если бы эти авиаполевые дивизии влили в ряды уже существующей армии, то тогда мы могли бы вновь довести личный состав во многих дивизиях до 9 батальонов, могли бы усилить артиллерию, то есть значительно укрепить боевую мощь. Тогда бы для этих слесарей из люфтваффе существовал фундамент из уже обученных подразделений,

¹⁶ Рождество Хейнрици провел со своей семьей в санатории Глоттербад.

что постепенно превратило бы их в настоящих солдат. Но, конечно, ничего этого не будет, потому что люфтваффе тоже нужна своя особая армия, как и СС. И всё за счет регулярной армии. Впрочем, подобное развитие ситуации даже приносит мне определенное удовлетворение: когда я в 1936 и 1937 гг. прорабатывал в министерстве вопрос о воинской повинности, я боролся против завышенных бюджетов для люфтваффе, которое перегружало себя кадрами. Разумеется, борьба не имела успеха. [...]

Отчет семье, 7 января 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 4f. Ms.

Рождественские елка и ясли остались теперь в 2500 километрах от меня. С благодарностью вспоминаю я о славных деньках, которые смог провести в их блеске в Глоттербаде. Тем не менее обратная дорога в Спас-Деменск стала своеобразным «возвращением домой». Чем дольше длилась поездка, тем с большей радостью я предвкушал приезд в наш тамошний маленький домик и новое погружение в привычную работу. Столь грандиозным был тогда во Франции наш замок Конде, где мы квартировали, столь уютной стала для нас деревянная избушка у церкви¹⁷ в Спас-[Деменске]. [...]

Запись в дневнике, 22 января 1943 г.¹⁸

BArch. N 265/13

[...] Вечером был у фельдмаршала фон Клюге в его спецпоезде, в котором он переночевал после безрезультатной охоты (на лося, лис, волков) в районе 137-й дивизии. Вечер был особенно приятный.

¹⁷ Примеч. рус. ред.: речь идет о Спасо-Преображенской церкви в Спас-Деменске. Закрытая в декабре 1937 г., она использовалась как зернохранилище. Во время оккупации церковь была очищена от зерна, был восстановлен иконостас. Первая служба была совершена в Великую пятницу 3 апреля 1942 г. священником Алексием (фамилия не установлена).

¹⁸ Сверху пометка Хейнрици: «Секретно и лично. Не предназначено для общественности».

С глазу на глаз мы обсуждали общее положение на Восточном фронте. Оно меняется с пугающей быстротой. [...] Никакой надежды на освобождение Сталинграда. Большой риск, что сражающиеся на Кавказе армии будут отрезаны. Успехи летнего наступления практически полностью сведены к нулю. Поистине жуткая и крайне огорчительная ситуация! Сколько же пройдет времени, прежде чем она начнет сказываться и на нас.

Когда я 3 января по дороге из отпуска остановился в Берлине у генерал-полковника Фромма¹⁹, то он мне сказал: «В каких же фантазиях живут эти люди! На этом стуле 12 декабря сидел генерал-фельдмаршал Кейтель и говорил: “Русский более не способен на ведение наступательных действий, имеющих оперативное значение!”» — Похоже, на самом вершине желаемое принимается за действительное; конечно, оптимистичный взгляд на вещи неплох, но он не должен полностью затенять реальную ситуацию. Я боюсь, что всё обуславливается фюрером, перед которым никто не хочет показаться колеблющимся. У нас было полно примеров, когда руководящие инстанции ложно оценивали Россию:

Недооценка русского вооружения и способностей русских вооруженных сил. Во время последнего совещания в Варшаве, незадолго до начала кампании, бывшего военного атташе в Москве²⁰ попросили дать оценку состоянию Красной армии, и он тогда сказал относительно их офицерского корпуса: «Он на уровне унтер-офицеров из самой худшей немецкой роты».

Сокращение производства боеприпасов и орудий в июле 1941 г. Ресурсы пошли на изготовление подводных лодок и на программы люфтваффе, поскольку предполагалось, что Красная армия уже разбита и кампания подходит к концу²¹. Результатом стал значительный недостаток вышеуказанного зимой 1941/42 гг.

¹⁹ Фридрих Фромм (1888–1945, казнен) — генерал-полковник, с сентября 1939 г. по июль 1944 г. командующий резервной армией и начальник управления вооружений сухопутных войск.

²⁰ Эрнст-Август Кёстринг (1876–1953) — генерал кавалерии, с октября 1935 г. по июнь 1941 г. немецкий военный атташе в Москве.

²¹ 14 июля 1941 г. после первых успехов на Восточном фронте Гитлер приказал перенести основную тяжесть с производства вооружений для сухопутных сил на производство вооружений для авиации и флота.

Речь фюрера по случаю начала кампании Зимней помощи в 1941 г.: «Русская армия потеряла 11 (кажется, называлась эта цифра) миллионов убитыми, ранеными и пленными. Такие потери не может выдержать и самая сильная армия, значит и русская тоже»²².

Заявление шефа прессы рейха Дитриха²³ в конце октября или начале ноября 1941 г.: «Исход войны в России ясен». (Тут играли роль и политические причины, желание сподвигнуть Японию вступить в войну.) — Нас, бывших тогда на фронте, просто ошеломило, когда мы услышали это высказывание и сравнили с тем, что переживали мы.

Оценка состояния противника перед Вяземским сражением (2 октября 1941 г.). ОКХ заявляло, что русский располагает лишь 10–12 дивизиями оперативного резерва. Стоит их уничтожить, и всё закончится.

Постоянно озвучиваемое ожидание, что военный потенциал России будет значительно ослаблен, если удастся достичь несколько удаленных целей, что и было сделано во время наступления на юге в 1942 г. (При этом вообще не упоминая о танках и самолетах, ОКХ недавно признало, что Россия смогла восполнить свои невероятные потери в артиллерии за 1941 г.)

Точка зрения фюрера, высказанная в моем присутствии в штаб-квартире 28 февраля 1942 г.: «1942 г. будет последним годом использования танков. Наша превосходная противотанковая оборона каждый раз будет побеждать это оружие, и оно исчезнет как инструмент ведения войны». Точно так же он тогда во всеуслышание заявил: «Внутриполитическое состояние Англии такое же, какое было в Германии в 1918 г. Она находится в стадии прогрессирующего разложения».

В сумме складывается такая масса ошибочных оценок противника, что это с сожалением нужно признать, как и то, что поражение (которое постепенно надвигается) на южном направлении, произошло, помимо прочего, и не без нашей вины.

²² О речи Гитлера в Шпортпаласе к открытию кампании Зимней помощи 3 октября 1941 г. см.: *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen...* Bd. 4. S. 1758–1767. Цитата, о которой вспоминает Хейнрици, в этой речи отсутствует, однако в ней утверждается, что «враг уже сломлен и никогда больше не поднимется».

²³ Отто Дитрих (1897–1952) — с августа 1931 г. шеф прессы НСДАП, с 1937 г. по 1945 г. статс-секретарь в рейхсминистерстве народного просвещения и пропаганды. Речь идет о пресс-конференции Дитриха 9 октября 1941 г. в Берлине.

В этой связи я хочу еще вспомнить одно высказывание фельдмаршала Кейтеля, сделанное во время переговоров о перемирии во Франции в 1940 г. или чуть позже: «Война выиграна. Теперь осталось только ее завершить».

Вероятно, руководствуясь подобным подходом, и двинулись против России, предполагали, что и этот поход тоже будет окончен в несколько недель. Мне известно, что уже были заранее назначены гауляйтеры Москвы и Тифлиса. Говорят, что в Берлине до сих пор сидит комиссия, ждущая своей отправки туда.

Из-за этого же своего внутреннего убеждения наше руководство не видело доводов против того, чтобы отправить на — вероятно, крепкий летом — Донской фронт практически исключительно венгров, итальянцев и румын, растянув их на сотни километров фронта. Они решили, что русские, вероятно, исчерпали свой наступательный потенциал. Теперь же последние разгромили первых за несколько часов, разорвали их там, где не было немецких дивизий.

Мне не забыть, как в середине августа мы устраивали проводы генералу фон Хольтицу²⁴, замещавшему тогда командира 260-й дивизии. За обедом его кто-то спросил: «Куда бы Вы хотели получить теперь назначение?» Когда он ответил «На юг», мой начальник штаба сказал: «Будьте осторожнее! Лучше оставаться в зоне группы армий «Центр» или 2-й армии, но не отправляться на юг. Когда начнется русское наступление, оно должно пойти через занимаемую итальянцами территорию в направлении Ростова. И тогда бы я не хотел оказаться южнее этого участка. А то, может, вам еще и Черное море переплывать придется». Вот так мы оценивали положение в августе.

Запись в дневнике, 23 января 1943 г.

BArch. N 265/13

[...] В Сталинграде — 20 немецких дивизий, оголодавших, замерзших, вне укреплений, агонизирующих. Радио-

²⁴ Дитрих фон Хольтиц (1894–1966) — генерал-майор, с августа по октябрь 1942 г. командовал 260-й пехотной дивизией, в августе 1944 г. командующий вермахтом в Париже.

вещание теперь готовит почву для сообщения об их уничтожении. Должно ли было всё пойти так?

С точки зрения управления войсками ситуация удивительная: 20 дивизий, с лучшим вооружением, закрепились в городе. Пусть и не заняв его полностью, мы стояли на Волге и перерезали ее основное течение. Приходится лишь еще больше изумляться, что фланги этого выдвинутого вперед «острия копья» охранялись румынами, которые, вообще говоря, как бойцы ненадежны и плохо оснащены противотанковым вооружением. Как только южнее и северо-западнее города их позиции были прорваны, командуемый 6-й армией генерал Паулюс запросил разрешение осуществить маневр отхода. Группа армий (Манштейн) запросила то же самое. О том же просили и сотрудники ОКХ. Единственное, что сказал фюрер: «Нет, надо держаться»²⁵. 3 января мне это рассказал генерал-полковник Фромм, а 6 января полковник фон Тресков²⁶ из группы армий [«Центр»] подтвердил этот рассказ.

Немецкий художник Адам²⁷ описывал военный совет Наполеона в Смоленске в 1812 г., где на повестке стоял вопрос «Надо ли продолжать наступать на Москву?». Он тогда сказал, что некоторые отсоветовали, но большинство согласилось. «Так воля одного-единственного человека определяет судьбу сотен тысяч», — добавляет он. Иначе ли выходит тут?

[...] Генерал Цейтцлер²⁸, без сомнения, человек энергичный и усердный, но сильно тщеславный. По мелочам он сделал много хорошего. Но он не начальник генерального штаба [...]. Надвигавшуюся в октябре, еще до начала сталинградских событий, опасность он вообще, похоже, не увидел. Он был увлечен частностями: тем, что сам

²⁵ Уже 24 ноября 1942 г. Гитлер лишил Паулюса свободы действий и приказал удерживать Сталинград. Опасность слабой обороны флангов 6-й армии силами двух румынских дивизий Гитлером осознавалась, причем яснее, чем начальниками генерального штаба Гальдером и Цейтцлером.

²⁶ Хеннинг фон Тресков (1901–1944, самоубийство) — полковник, с декабря 1940 г. по октябрь 1943 г. первый офицер штаба группы армий «В» (с апреля 1941 г. группы армий «Центр»).

²⁷ Альбрехт Адам (1786–1862) — немецкий художник, участвовавший с армией Наполеона в наступлении на Москву. См. его мемуары: *Albrecht A. Aus dem Leben eines Schlachtenmalers*, Stuttgart, 1886.

²⁸ Курт Цейтцлер (1895–1963) — генерал пехоты, с сентября 1942 г. по июль 1944 г. начальник генерального штаба сухопутных войск.

распределял оперативные резервы по армиям и приказывал привезти ему карты масштаба 1:50 000, чтобы по ним управлять действиями войск в локальных боях. При всем признании необходимости строгого руководства, тут оно зашло слишком далеко. Полководец не должен думать в формате 1:50 000. Перед ним стоят более серьезные задачи. И они, по-видимому, в данном случае не были осознаны. Иначе не случилось бы и поражения на юге. [...]

Теперь зашаталось всё южное направление Восточного фронта. Сражающиеся дивизии выгорают дотла. Упомянутые в донесениях цифры потерь наводят ужас. И что же будет дальше при таком раскладе? Русские будто бы заявили, что настоящее наступление на всех фронтах они поведут следующей весной, возможно, вместе со вторым фронтом англичан и американцев. Если мы с нашей полуразбитой армией так и будем стоять на бескрайних просторах, то это принесет нам много радости. — Мы завоевали почти всю Европу. Наши фронты растянулись до предела подобно мыльному пузырю, внутренних резервов для замещения потерь нет. Возникает опасная трещина.

Вдобавок ситуация в Африке, где мы потеряли Триполи²⁹. Не знаю, какое впечатление это произведет на итальянцев. Их колониальные владения тем самым потеряны. Уже начиная с осени они находятся в скверном расположении духа. Что же будет, если они выйдут из борьбы?

Геббельс сказал, что война может закончиться быстрее, чем кто-либо думает. Сегодня мы должны сказать: «Не приведи Господь, чтобы его слова случайно оказались ужасным пророчеством».

Таковы тревожные мысли, которые я здесь изложил. Нужно носить их в себе и управляться с ними в одиночку. Говорить об этом невозможно. Дай Бог, что-то еще изменится. Надо сделать всё, что в наших силах. Но одно ясно, хотя я всегда одинок в этом мнении: война против России была неправильной затеей. Если боялись их вооружения и их совершенно точно втайне вынашиваемых планов, то нужно было обратиться к искусству политики и искоренить эти угрозы, но не создавать себе нового сверхсильного врага вдобавок к уже имеющимся. В феврале 1941 г.

²⁹ Триполи (Ливия) был занят 8-й британской армией 23 января 1943 г.

я писал Отто Коглеру в ответ на его вопрос: не могу себе представить, что такого противника можно дополнительно повесить себе на шею, если уже воюешь против половины мира. То же самое несколько дней спустя я высказал в Нанси полковнику Рёрихту³⁰. И всё же это произошло, и мне кажется, до добра это нас не доведет. Но не стоит видеть мир в черном цвете, и я надеюсь, что многое, как и прошлой зимой, еще встанет на свои места.

Запись в дневнике, 28 января 1943 г.

BArch. N 265/13

Теперь прорыв коснулся и 2-й армии. Так болезнь пожирает тело, которое теперь уже наполовину в ее власти. Сталинград всё еще защищается. Но, по-видимому, теперь уже недолго осталось. Изуродованное тело бьется в конвульсиях. Ситуация теперь становится ясна и широким массам. Ее не утаить, хотя большинство вообще не представляет, насколько далеко всё зашло.

Мыльный пузырь, столь тонкий и столь растянувшийся, теперь лопнул. Опубликованный сегодня закон о всеобщей трудовой повинности показывает всем, какие трудности испытывает верховное руководство с людскими резервами. Стоило ли в такой ситуации рисковать армией у Сталинграда?

Недооценка противника, переоценка собственных сил, как и желание одурачить других блефом и таким образом добиться успеха, — всё это способствовало возникновению нынешней ситуации. С психологической точки зрения любопытно, что никто не посмел высказаться против этого блефа, ведь ранее он столь часто приносил успех. Столь часто приносил успех вопреки всем вероятностям. Никто не хотел показаться пессимистом и выступить против его использования.

Еще ничего не закончилось. Потребуется сильнейшее напряжение сил, чтобы выйти из кризиса. Ведь и на стороне противника силы наконец-то начали таять. Разумно усомниться в том, что у него есть силы, позволяющие еще

³⁰ Эдгар Рёрихт (1892–1967) — полковник, с октября 1940 г. по июнь 1942 г. начальник штаба 1-й армии.

долгое время вести наступление подобного масштаба в его нынешней форме. В конце концов и у него тоже растягиваются позиции и слабеют войска. [...]

Отчет семье, 30 января 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 14f. Ms.

Сегодня меня произвели в генерал-полковники. Я и не мечтал, что когда-то смогу дослужиться до такого чина. [...]

Фельдмаршал фон Клюге сообщил мне о моем повышении, добавив, что он рад, что наконец-то произошло то, на чем он давно настаивал. Также и от некоторых моих подчиненных я получил поздравления с добавкой «Мы этого давно ждали и хотели». — С другой стороны, должен сказать, что то, что меня по сравнению с другими так долго игнорировали, не ослабило моего мужества. Мы в моей армии прошлой зимой исполнили не просто наш долг, а сделали куда больше. Если прошедшее лето не дало нам возможности себя показать и отличиться, то виной тому положение на фронте, противник и решения нашего собственного командования. [...]

Но по-настоящему порадоваться повышению 30 января не удалось, поскольку общее положение и речи первых лиц государства так недвусмысленно продемонстрировали, сколь тяжела обстановка на данный момент. С внутренним беспокойством следили мы за событиями последних недель, особенно волновала нас судьба Сталинграда. У каждого из нас там знакомые и друзья. [...]

Запись в дневнике, 5 февраля 1943 г.

BArch. N 265/13

[...] 2 февраля — в Смоленске в группе армий в связи с совещанием по операции «Бюффель». Фельдмаршал [Клюге] рассказал, что, увидев фюрера два дня назад, подумал о знаменитом бюллетене, который *Le Moniteur*³¹

³¹ Примеч. рус. ред.: *Le Moniteur universel* (Национальная газета) — французская газета, основанная в Париже в 1789 г., в 1812 г. являлась официальным органом французского правительства.

выпустила при отступлении Наполеона из России: «Самочувствие Его Величества лучше, чем когда бы то ни было». — То же впечатление было и у меня при визите год назад. Но тогда один из адъютантов, кажется Энгель³², сказал: «Это не всегда так. Перед такими особенными днями, как сегодняшний, доктор всегда приводит его в порядок специальными уколами». — Думаю, что человек в его возрасте, который несет такую ношу и ответственность, вполне может позволить себе пару уколов с витаминами³³. [...]

Разумеется, очень трудно — для нашего брата следует сказать, невозможно — дать объективную оценку причин поражения на юге. Но каждый, кто находится внутри событий, ощущает, хочет он того или нет, верно или неверно идут дела. И здесь каждый более или менее благоразумный человек чувствует: то, что всё случилось именно так, не было неизбежным. Командование совершило крупные ошибки, сводящиеся по сути своей к корню всех зол: на самом верху приказы отдает некто, не видящий или неверно оценивающий соотношение собственных и вражеских сил, так как его собственная точка зрения препятствует ясности взгляда. И он ни при каких условиях не готов сделать даже шага назад, чтобы улучшить собственную ситуацию. Прошлой зимой эта твердолобость принесла нам огромные трудности и беды. Мы бесконечное число раз оказывались в тяжелом положении безо всякой нужды, войскам приходилось вступать в бои, чреватые крупными потерями. Тогда с горем пополам мы преодолели трудности, однако ценой ослабления боевой мощи

³² Герхард Энгель (1906–1976) — подполковник, с марта 1938 г. по октябрь 1943 г. адъютант Гитлера от сухопутных войск.

³³ Примеч. рус. ред.: считавший себя смертельно больным еще с 1930-х гг., ипохондрик Гитлер регулярно прибегал к услугам своего личного врача Теодора Морелля. После того как в 1941 г. у Гитлера обнаружили отеки на икрах, Морелль назначил ежедневно по 10 капель кардиазола и корамина, что в связи с повышенным артериальным давлением Гитлера приводило к легкой возбудимости. Морелль также давал «пациенту А» кофеин и первитин. После обнаружения в середине августа 1941 г. быстро прогрессирующего коронарного склероза Морелль назначил внутривенные инъекции прострофанты, никотиновой кислоты и строфантина, что продлилось циклами по 2–3 недели вплоть до 1945 г. Кроме того, дважды в день (в 1942–1944 гг.) Гитлер принимал витамины А и D, содержащий глюкозу интелан, а также тонофосфан.

многих дивизий. В этом году это не удалось, так как пространства, на которых шло зимнее наступление, были гораздо больше прошлых годов. Кроме того, армии союзников бесследно исчезали, из-за чего в позициях возникали бреши такого размера, которые германская армия со своими слабыми резервами просто не могла прикрыть. И наконец, русский многому научился у нас по части ведения боев. Он командует лучше и целеустремленнее, чем в 1942 г. [...]

Запись в дневнике, 13 февраля 1943 г.

BArch. N 265/13

[...] Когда я недавно был у фельдмаршала [Клюге], мы говорили о том, что всё сталинградское командование теперь в плену: не слишком завидная судьба. Они были изнурены многомесячными ужасными нагрузками. Вопреки собственным убеждениям, они, выполняя приказ, остались вместе со своей армией в безвыходном положении. При таком исходе битвы с психологической точки зрения было бы лучше всего, если бы с самого верха им был отдан приказ в последний момент сложить оружие, чтобы избежать дальнейшего уже совсем бессмысленного кровопролития. При нынешнем исходе трагедия лишена кульминации. Она требует от ее участников почти нечеловеческих сил³⁴. Факт, что они сделали больше, чем было в человеческих силах, и никто не сможет оценить это, не оказавшись в таком адском котле под артиллерийским огнем, бомбами, при морозе, в снегу, испытывая холод и жажду. Нет, это не слишком хорошее чувство, горькое поражение — оказаться в окружении. Но насколько еще усиливается оно, если ясно, что помощи ждать больше неоткуда. [...]

³⁴ За этим следует предложение, впоследствии замазанное. Вероятно, речь идет о возможности самоубийства генералов под Сталинградом.

Запись в дневнике, 19 февраля 1943 г.

BArch. N 265/13

[...] Какая жалость, что мы должны оставить наши прочные, так хорошо обустроенные позиции. Сколько всего мы теряем из того, что просто не можем увезти с собой. Хочется плакать!

Так как весь маневр отхода должен быть осуществлен как можно быстрее, русский, конечно, уже заметил наши приготовления. Шоссе похоже на улицы Берлина сразу после закрытия магазинов. [...]

Ни один из них, ни Гальдер, ни Цейтцлер, не настояли на своем на самом верху. Гальдер не сумел предотвратить то, что армии — как выразился под Рождество полковник Шульце-Бюттгер³⁵ — были растранижены клочками по огромному фронту (Западный Кавказ, Грозный, Сталинград), Цейтцлер не осознал в полном объеме слабость фронта на Дону и согласился с тем, что оперативно важные позиции прикрывали три слабые армии союзников. Далее он не смог предотвратить то, что был отдан приказ удерживать Сталинград. Оба — и Гальдер, и Цейтцлер — не смогли настоять на своем.

У всего этого есть психологические причины. Перед войной и во время войны важные чины часто противились военным пожеланиям фюрера. Генерал-полковник фон Фрич, Бек³⁶, генерал фон Витерсхайм³⁷ выступали

³⁵ Георг Шульце-Бюттгер (1904–1944, казнен) — полковник, с декабря 1941 г. по февраль 1943 г. в штабе группы армий «Центр», с февраля 1943 г. по июнь 1944 г. первый офицер штаба группы армий «Юг». Семья Хейнрици была хорошо знакома с Шульце-Бюттгером. Когда он как доверенное лицо Трескова был арестован после покушения 20 июля 1944 г., Хейнрици безуспешно вступался за него. См. письмо Рейнеке (начальник национал-социалистического главного штаба вермахта) Хейнрици от 24 октября 1944 г. (BArch. N 265/35. Bl. 54): «К сожалению, я не могу более выполнить Вашу просьбу и оказать влияние на дело Шульце-Бюттгера, так как Народная судебная палата уже вынесла 12 октября 1944 г. смертный приговор. Доказательства вины Ш.-Б. были так очевидны и однозначны, что даже если бы Ваше письмо поступило раньше, в факте совершения им преступления это ничего бы не изменило».

³⁶ Людвиг Бек (1880–1944, самоубийство) — генерал-полковник, с октября 1933 г. по октябрь 1938 г. возглавлял генеральный штаб сухопутных войск.

³⁷ Густав фон Витерсхайм (1884–1974) — генерал пехоты, с марта 1938 г. по сентябрь 1942 г. командующий XIV армейским корпусом (с июня 1942 г. XIV танковый корпус), как и Бек, во время «судетского кризиса» 1938 г. высказался против войны.

против его планов. Они казались пораженцами, кроме того, оказывались не правы в ситуациях, о которых тогда шла речь. После этого многие, наученные горьким опытом, сегодня уже не отваживаются настаивать на своем мнении, если оно касается не удерживания позиций или дерзких атак, а отступления или сдачи. А ведь временный отход мог бы стать фундаментом двойного успеха. В результате ситуация такова, что в военном и экономическом смысле потери не только все приобретения 1942 г., но противник далеко углубился в области, взятые еще в 1941 г. [...]

В целом немецкая армия не рассчитала свои силы. Ей ставились задачи на фронте такой протяженности, что их можно было выполнить лишь при условии, что противник полностью бы развалился сам, как, к примеру, во Франции. — Но так как на Востоке этого не случилось, командованию не хватило благоразумия и мудрости. Оно всё время хотело успехов за счет отваги и смелости, но они не улучшали ситуацию, а лишь ослабляли войска изнутри, снова и снова растягивая их по фронтам. [...]

В марте 1943 г. войска группы армий «Центр» были отведены на укороченную линию фронта (позиция «Бюффель») между Велижем и Кировом. При этом линия фронта сократилась на 230 километров, что позволило высвободить 21 дивизию. Отход на позиции «Бюффель», сопровождавшийся большими инженерными работами и мероприятиями по разрушению прежней инфраструктуры, в 4-й армии осуществлялся планомерно с 3 по 17 марта 1943 г.

Запись в дневнике, 2 марта 1943 г.

BArch. N 265/13

[...] Итак, завтра начинается «Бюффель». Тем самым заканчивается наше пребывание в Спас-Деменске. Я провел здесь 13,5 месяцев в маленькой избушке у церкви. Ни на одном постое во время войны я не провел столько времени. В уютном маленьком домишке я чувствовал себя почти как дома. Я пережил в нем немало довольно тяжких и очень тяжких часов. Без помощи Бога мы бы не выстояли. Он защищает нас и помогает нам и на новом месте.

Слава Богу, на юге Восточного фронта намечается большой успех. Вклинившиеся глубоко во фланг южной группы [армий] русские разбиты Манштейном³⁸. После того как он наконец вырвал у фюрера право на самостоятельное принятие решений, он смог действовать и добился цели. Значительные русские силы окружены и обездвижены. В последний момент сыграли свою роль дивизии, так долго удерживавшиеся на неправильном участке фронта. Они в последнюю секунду сумели спасти ситуацию и одновременно превратили отчаянное положение в победу. Если бы «Бюффель» начали раньше и освобождающиеся при этом дивизии оказались бы своевременно в нужном месте и могли нанести удар с севера, то весь корпус русской победы немедленно бы рухнул. Но фельдмаршалу [Клюге] еще восемь дней назад (когда мы считали всё давно одобренным) пришлось снова несколько часов сражаться за проведение операции! Непостижимо! Мы довольны, что хотя бы сейчас она начинается. Столь скромными стали наши запросы. [...]

Отчет семье, 7 марта 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 26f. Ms.

[...] Как я несколько раз намекнул в рождественском отчете, наш фронт теперь пришел в движение. Чтобы высвободить войска, мы отходим от противника. Русский энергично наступает вслед за нами и особенно напирает у шоссе на Вязьму. Из каждой взятой деревни он пропагандистски раздувает большую победу, хотя на практике ему не удалось взять ни одной деревни в бою. Лишь когда мы ее оставляем, он занимает ее. Радует то, что на юге ему пришлось испытать на себе мощь наших ударов, так что сегодня он сам признаёт, что снова утратил большие территории и важные города. Из-за этого ему из пропагандистских соображений важно подчеркивать свои успехи в иных местах так, будто ему удалось обратить нас в бегство. На деле же в ходе своего наступления он понес

³⁸ В марте 1943 г. группе армий «Юг» под командованием Эриха фон Манштейна удалось стабилизировать южный фланг Восточного фронта и вновь завоевать Харьков.

тяжелейшие потери. Только вчера одна дивизия подбила 17 танков. Частью это были американские машины, которые при попадании разлетались, как консервная банка.

Успешно защищаясь против наступающего противника, наши войска получили хороший импульс: они видят, что превосходят противника. В одной из радиопередач русский, кстати, признаёт, что мы затрудняем ему жизнь, так как сообщает, что бои стали куда ожесточеннее и что немцам удается взрывать и уничтожать множество домов и минировать дороги, а это доставляет большие трудности русским саперам. Мы сделали всё, что было в наших силах с учетом времени и боезапасов, чтобы таким образом затруднить ему преследование. На каждой дороге лежат мины. Повсюду взорваны мосты. Железные дороги разрушены. На большом шоссе, ведущем в Москву, воронки от взрывов длиной в 200 метров. По обочинам шоссе динамит проделал в земле расселины до 50 метров в ширину. [...] Целый город [Вязьма] недавно тем же способом сделан непригодным для врага, не осталось ни одного строения, за исключением архитектурно ценных и того дома, в котором Наполеон жил в 1812 г.³⁹ От остальных остались лишь пара стен и куча щебня. По улицам почти невозможно пройти, так как обломки практически перекрывают путь. Постоянно натыкаешься на горящие дома, из окон и дверей которых вырываются языки огня, и ветер разносит пламя по улицам. Даже если быстро ехать мимо в машине, чувствуешь, какое там пекло. Взрывы всё время сотрясают воздух, с раннего утра до позднего вечера. Ночью небо светится от огня пожаров. Отвратительная работа, которой, однако, приходится заниматься. Даже для саперов, которым нет большей радости, чем хорошенько что-нибудь взорвать, это чересчур. Внутренне мы противимся таким разрушениям, даже если речь идет о вещах, которые по нашим меркам не только некрасивы, но и безвкусны. Но мы должны этим заниматься, чтобы мак-

³⁹ Ср. донесение Хейнрици, в чью зону ответственности входило разрушение Вязьмы, от 11 марта 1943 г.: «Все важные для ведения войны сооружения полностью разрушены», «вследствие их разбросанности по городу [...] разрушение города было неизбежно». Из «архитектурно ценных строений» остались лишь два «занятых русскими солдатами и гражданскими лазарета» (цит. по: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 8. S. 253f.). О стратегии «выжженной земли» вследствие приказа Гитлера Nr. 4 см.: *Ibid.* S. 256–259.

симально затруднить русскому жизнь на оставленной нами территории. [...]

Отчет семье, 28 марта 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 31f. Ms.

[...] В отрыве от прочего, местное население вполне может вызвать к себе жалость. Сплошной кавардак. Работоспособные увезены нами с оставленной территории, старые и неработоспособные оставлены. В их распоряжении лишь пара годных для жилья домов, чтобы они нашли себе пристанище, всё остальное сожжено. Население пешими колоннами направляется в тыл, в мешках они тащат с собой свой небогатый скарб, редко у кого встречаются сани или корова. В тылу эти колонны еще раз просеиваются, кого-то направляют в местные деревни, кого-то в Германию, кого-то на строительные работы⁴⁰. Тем самым разъединяются семьи: один остается, другой копает бункеры и мостит дороги, третий едет в Мюнстер заниматься сельскохозяйственным трудом. Никто из них не знает, куда их забросит в будущем; свои вещи и жалкие владения они потеряли. Но они хотя бы благодарны, что мы заботимся о том, чтоб им было что есть. Чтобы выдерживать всё это, нужны русские покорность и способность выдерживать страдания. [...]

Письмо жене, 8 апреля 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 41–43

[...] Русские теперь внесли меня вместе с генерал-полковником Моделем⁴¹ в список военных преступников

⁴⁰ Эксплуатация местных жителей немцами внесла существенный вклад в рост партизанского движения на оккупированной территории Советского Союза. «Добровольно» вызывалось работать лишь меньшинство и то, чтобы не умереть с голода. Большинство рекрутировалось на работы насильно — всё чаще с помощью настоящей «охоты за людьми». Всего в рейх было депортировано 2,75 миллиона «остарбайтеров» (в том числе 1,4 миллиона из зоны действий вермахта), многие миллионы рабочих нещадно эксплуатировались на оккупированных территориях.

⁴¹ Вальтер Модель (1891–1945, самоубийство) — генерал-полковник, с января 1942 г. по ноябрь 1943 г. командующий 9-й армией.

и официально объявили об этом по радио с дополнением, что после войны я должен понести наказание. Якобы по моему приказу жестоко истязались и были замучены до смерти тысячи советских граждан: им отрезали носы и уши, отрубали ноги и руки и выкалывали глаза! То есть та же пропаганда ужасов, что и в малой мировой войне. Особенно озлобляет их, конечно, разрушение городов и деревень в ходе нашего маневра отхода⁴². [...]

Отчет семье, 15–16 апреля 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 44–48, 73–76f. Ms.

[...] Когда я на днях ездил на охоту, мне бросилась в глаза та первозданность, которая проявляется во всей жизни этой гигантской страны. Здесь, на голой земле, нет ничего воображаемого или притворного. Здесь властвует еще не прирученная природа. Ее напору могут противостоять лишь здоровые и сильные. Здесь люди еще слиты с ней так, что живут не рядом с природой, а внутри ее. Поэтому понятно, что русский солдат превосходит немецкого во многих практических вещах и в своей закаленности по отношению к явлениям природы. Недавно я спросил одного пленного старшего лейтенанта-танкиста: почему вы считаете зиму лучшим временем года для ведения войны? Почему ваши люди более привычны к ней? Ведь они же с ноября по апрель лежат на печках. — Но уж если они слезут, ответил он, они побегут голыми ногами по снегу и даже не почувствуют этого!

⁴² Примеч. рус. ред.: речь идет о напечатанном в советских газетах 7 апреля 1943 г. сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

«В районах Вязьмы и Гжатска, Ржева и Сычевки командующие 4-й германской армией генерал-полковник Хейнрици и 9-й германской армией генерал-полковник Модель, не считаясь ни с какими законами человеческой морали, глумились, истязали и убивали мирных, ни в чем не повинных советских граждан. По их приказанию офицеры и солдаты германских воинских частей пытали, выкалывали глаза, отрезали ноги, руки, уши, убивали женщин, детей, стариков» (цит. по: Ни давности, ни забвения...: по материалам Нюрнбергского процесса. М.: Юридическая литература, 1983. С. 56).

Несмотря на пренебрежительный тон записи, эта информация, судя по последующим заметкам, произвела известное впечатление на Хейнрици. Ср. записи о разрушениях городов до (7 марта 1943 г.) и после (19 сентября 1943 г.).

16 апреля. Когда мы в 2:45 вышли на токовище, совсем невысоко над нами послышался гул, по которому можно было опознать летящий на запад советский самолет. Снабжение партизан. Он хотел либо приземлиться где-то в стороне от леса, ориентируясь на световые сигналы, либо сбросить боеприпасы и прочее на парашютах. Повсюду в нашем тылу до самой Польши в лесах засели банды, которые пытаются взрывать дороги, нападать на немцев, изымать в свое владение скот и провиант, грабить крестьян, не позволять им сдавать нам продукты, и — благодаря своей власти — препятствовать сельскохозяйственному и лесохозяйственному освоению территорий.

Против них приходится вести настоящие военные походы. С упорством и выдержкой они, будучи преследуемы, пробиваются из леса в лес и представляют из себя — при снабжении по воздуху — довольно подлого врага. Бои ведутся безо всякой пощады с обеих сторон. Лучше всего против них задействовать наши восточные части (бывших русских солдат), которые столь же хорошо подготовлены к условиям и вероломству боев в болотах и лесах. Под началом немецких командиров, в жилах которых тоже течет немного разбойничьей крови, они прекрасно себя проявляют. В этой войне главные роли играют ночь, засада, набег. У бандитов повсюду есть осведомители и источники информации, поэтому их редко удается ошеломить. Здесь, под внешним покровом, существует система оповещения, которой мы не можем противопоставить ничего адекватного. Гонцами в ней являются дети, женщины и девушки, старики. Световые сигналы, белое полотенце на заборе, тряпка, висящая на кусте, незатемненное вечером окно, внезапно гаснущая лампа — вот их предупредительные и опознавательные сигналы. И так под нами, вокруг нас, против нас живет и работает широко распространенная организация, использующая как примитивные, так и современные (радио) средства связи и желающая навредить «фрицам». Они знают, что тысячи схвачены и расстреляны. Но остальные тем не менее продолжают борьбу. Снова и снова в Смоленске, в Орле, в Рославле организации заговорщиков разоблачаются и несут заслуженное наказание. Но возникают новые.

Но это лишь часть населения. Ей противостоят те русские, которые враждебны большевизму, те многие тысячи,

которые по вине большевиков потеряли своих родственников, друзей, самых близких людей, и большая часть сельского населения, которая тогда утратила свою собственность или сейчас грабится партизанами. Из них назначаются бургомистры, организуется охранная служба, они — информаторы и источники сведений для нас, из них в настоящее время создаются восточные формирования. Остаток колышется между двумя сторонами, боится и тех и других, подстраивает свои взгляды под ситуацию на фронтах, сегодня кричит: осанна! — а завтра: распни его! Совесть у них чаще всего нечиста, ибо они прислуживали немцам, работали на них как ремесленники или возчики и теперь опасаются мести большевиков, если те вернутся. Так как Сталин на отвоеванных им территориях приказал убивать любого, кто сотрудничал с немцами, пусть даже уборщиц, — это доказанный факт⁴³. Но эти же самые люди после того, как мы оставили их территории, рассказывают истории о немецкой жестокости, чтобы показать свои безупречные красные убеждения. Именно из-за этого нас с Моделем по русскому радио объявили военными преступниками, которые должны понести справедливое наказание. Наше радио недавно выступило с опровержением и очень энергично опротестовало наветы, согласно которым люди по нашему приказу сжигались или зверски убивались.

При этом неподалеку от Смоленска обнаружился пример того, как большевики поступили с польской интелли-

⁴³ Примеч. рус. ред.: формализованного приказа на убийство всех коллаборационистов не было. Партизаны на оккупированной территории старались действовать, смешивая устрашающие акции и пропаганду, которая должна была подтолкнуть местные кадры на немецкой службе к дезертирству. С другой стороны, в целом коллаборанты могли меньше рассчитывать на пощаду при пленении. Случай с уборщицей действительно имел место: остается неясным, было ли это совпадением или до Хейнрици дошли какие-либо слухи.

«Судебное преследование за измену родине началось в конце 1941 г., после того как Красная армия в результате своего первого контрнаступления вновь обрела территории в Западной России. Во время этой ранней фазы перезавоевания наказание было в особенности строгим, как показывает пример Калининского района: половина обвиняемых в измене была приговорена к смерти. В их числе была женщина, которая работала в качестве уборщицы у немецкого командующего» (цит. по: Franziska Exeler, *The Ambivalent State: Determining Guilt in the Post-World War II Soviet Union* // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. No. 3. P. 615.

генцией⁴⁴. Это настолько ужасно, что невозможно описать. Мой квартирмейстер вчера был там и видел, как идентифицировали ректора варшавского университета, начальника польской военной академии и польского бригадного генерала. Их форма была на них, при них нашлись письма, ценные вещи, портупеи. Все, лежащие в ряду из восьми человек, убиты выстрелом в затылок.

Отчет семье, 7 мая 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 60f. Ms.

[...] Сейчас мы создали повсюду женские батальоны для инженерных работ, и они трудятся хорошо. Они прилежны и так хорошо разбираются в деле, что достаточно сказать: здесь позиция для пулеметчика! — и позиция будет подготовлена с точностью до сантиметра. Они размещены в лагере из финских палаток, унтер-офицер — начальник их лагеря — заботится о подъеме и построении, потом они работают десять часов, потом возвращаются домой и получают еду, которую тем временем приготовили кухарки. Если еды достаточно, то они вполне довольны. В ходе этой войны происходят действительно удивительнейшие вещи! [...]

Письмо жене, 8 мая 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 61

[...] Тунис и Бизерта пали, то есть Африке конец⁴⁵. Это один из решающих поворотов в ходе войны, и он не в нашу пользу. Как долго еще продержится Италия? Свои владения она сейчас потеряла полностью. Кажется вообще, что есть желание начать мирные переговоры, но другую сторону на это не сподвигнуть. Они ведь ей и не нужны.

⁴⁴ В начале апреля 1943 г. в лесу под Катыню, в 20 километрах западнее Смоленска, было найдено массовое захоронение около 4400 убитых НКВД поляков, преимущественно офицеров. Эту находку Геббельс немедленно использовал для пропаганды против «еврейского большевизма».

⁴⁵ После того как 7 мая 1943 г. пали Тунис и Бизерта, 13 мая 1943 г. капитулировали последние соединения группы армий «Африка». В плен попали около 275 000 немецких и итальянских солдат.

Отчет семье, 6 июня 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 77ff. Ms.

[...] На нашем фронте никаких изменений. С обеих сторон в целом спокойно. Позиции укреплены весьма хорошо, и жизнь идет своим чередом с известной регулярностью. Потепление, высохшая земля, редкие боевые действия и короткие ночи, облегчающие караульную службу, — всё это делает жизнь солдат сносной для военных условий. Также наш самый большой бич, а именно вши, практически исчезли, так как мы настойчиво боролись с ними с помощью помывок, саун, свежего воздуха. Число заболеваний сыпным тифом тем самым существенно снизилось. В связи со всем этим настроение хорошее, солдаты довольны. Они надеются, что где-нибудь начнет-ся немецкое наступление и война тем самым подойдет к концу. [...]

Отчет семье, 11 июня 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 79–83f. Ms.

[...] [Во вторник] с утра, к заключительному аккорду наших боев с бандитами, я полетел на юг. В целом уничтожено около 600 бандитов и разрушено до 50 их лагерей. Тем не менее остатки всё еще шляются по большому лесу⁴⁶.

⁴⁶ Примеч. рус. ред.: речь идет об операции «Соседская помощь», проводившейся западнее Брянска, в Мамаевских лесах, в зоне тылового района (корюка) 559 4-й армии. К начавшейся 19 мая операции были привлечены силы 98-й пехотной, 707-й пехотной, 221-й охранной дивизий, 108-й легкой пехотной дивизии (венгерской), а также местных восточных формирований. Ценой тяжелых потерь, в том числе в командном составе, части партизан удалось прорваться. Всего партизаны потеряли 571 человека убитыми, 369 были взяты в плен, 24 дезертировали; немцы захватили множество трофеев, в том числе 1 самолет. Из района боевых действий было эвакуировано 16 900 «подозрительных лиц». Операция была завершена 19 июня. В отчете разведки 4-й армии и отчете корюка 559 позднее отмечалось, что сплошное окружение в плотной лесополосе редко приносит положительный результат, хотя партизан удалось рассеять и заставить их отступить, уничтожив свои базы и запасы. См. подробнее: *Армстронг Д.* Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. М.: Центрполиграф, 2007. С. 139; *Howell E.M.* The Soviet Partisan Movement 1941–1944. Department of the Army Pamphlet 20–244. Washington, DC: Dept. of the Army, 1956. P. 160.

По пути следования самолета я видел совсем недавно взорванный именно этими людьми мост, они также обстреляли занимаемую нами деревню. Они уклоняются от любого боя, рассыпаются поодиночке, прячутся в кронах деревьев или непролазных болотных чащобах. Их там удастся найти лишь благодаря случаю. Но как только наши солдаты уходят, они вылезают, собираются вместе и снова начинают разбойничать. Неблагодарное дело — сражаться против врага, который лишь уклоняется и исчезает. Наши солдаты, мучимые мошкаркой и паразитами, днями шагают по лесу, ночуют в нем, ищут и ничего не находят, но внезапно их обстреливают, и едва они успевают пойти в контратаку, как врага и след простыл. Сейчас мы эвакуируем всех жителей из этой местности. Тем самым мы надеемся затруднить или даже прекратить снабжение бандитов. [...]

Запись в дневнике, [Киссинген⁴⁷] 29 июня 1943 г.

BArch. N 265/13

[...] Очень плохо, что мы не в состоянии противостоять воздушным налетам на Германию. Кёльн, Дюссельдорф, Дуйсбург, Эссен, Дортмунд, Вупперталь, Бохум, Майнц — печальный баланс, и это только на западе. Памятники архитектуры, разрушенные в Кёльне, Майнце, Дюссельдорфе и Дортмунде, — это невозполнимые потери для немецкой культуры. Гнев и ярость охватывают каждого, кто думает об этом.

Думали ли наши авиаторы, когда осенью 1940 г. собирались лететь в Англию, что последует такое возмездие? Тогда Геринг хотел своими налетами поставить Англию на колени за 14 дней. Теперь у наших врагов те же намерения, пусть и на более продолжительном отрезке времени. Англия рассматривает воздушные налеты как единственный способ быстрее закончить войну, объявил Черчилль. Кажется, что при известных обстоятельствах это кажется ему даже более действенным, чем высадка в Европе.

⁴⁷ С середины июня до начала августа 1943 г. Хейнрици находился в отпуске в Германии.

Было время, когда Геринг заявлял, что за каждую сброшенную на Германию бомбу в ответ будет сброшена сотня. Наши враги напоминают сегодня об этом посредством листовок, которые сбрасывают десятками тысяч. Уже два года, как наша авиация скована на Средиземном море и на Востоке. И защита от налетов не столь удачна, чтобы враг не решился на новые, и из возмездия ничего не вышло. В этом отношении в течение трех лет дело приняло, к сожалению, совсем иной оборот.

Запись в дневнике, 5 июля 1943 г.

BArch. N 265/13

Те люди в Германии, которые способны заглядывать несколько вперед, понимают, что общая ситуация не слишком многообещающа. Об этом много «размышляют». Но говорят вслух очень немногие. В основном люди отмалчиваются — из предосторожности. Но они ощущают изменения по сравнению с прежними годами: в 1940 г. — победа над Францией, в 1941 г. — стремительное наступление на Россию, в 1942 г. — хотя бы частичное наступление с завоеванием территории. Сегодня — затишье и ожидание. Изменение оперативной обстановки при этом сравнении довольно ясно. Кроме того, продолжающиеся воздушные налеты на Рейн и города Рурской области, а также снижающееся количество судов, затопленных подводными лодками. При этом все жаждут выстоять, так как каждому ясно, что в этой войне нельзя потерпеть поражение, ибо то, что последует за ним, и представить себе невозможно. Германия погибнет, и мы вместе с ней.

Запись в дневнике, 8 июля 1943 г.

BArch. N 265/13

Уже четыре дня, как идет битва под Орлом⁴⁸. Наши приготовления в целом были закончены уже в мае. Но

⁴⁸ С 5 июля 1943 г. немецкие армии: с севера из района Орла 9-я армия (Модель), с юга 4-я танковая армия (Гот) и армейская группа Кемпфа — пытались отсечь

и враг собрал там более чем сильную группировку войск. Он был готов и к тому, чтобы отразить немецкое нападение, и к тому, что атакует сам, очевидно, чтобы вернуть себе Украину. Фюрер долго тянул с началом наступления. Казалось, что наши соединения недостаточно сильны по сравнению с крупными силами противника. Прежде всего следовало увеличить численность и мощь наших танков, с тем чтобы они действительно смогли прорваться, ибо здесь в битве сошлись наиболее сильные части вермахта и Красной армии. Массы обеих армий, точнее, массы, находящиеся в распоряжении командиров, стоят друг против друга. [...]

Так ведется это судьбоносное сражение. Когда я уезжал в Киссинген, фельдмаршал Кл[юге] сказал: вероятно, оно состоится. Ясности у него при этом не было. Одно бесспорно: если оно будет выиграно и враг понесет такие тяжелые потери, что сам не сможет атаковать ни летом, ни даже зимой, то это будет иметь решающее значение для защиты от концентрических атак наших противников в Европе. Если русский будет парализован, то на Восточном фронте, возможно, удастся высвободить силы, чтобы укрепить фронт против англичан и американцев. Можно лишь просить Бога о том, чтобы он был на стороне нашего оружия.

В рамках этого сражения задачей 4-й армии будет выстоять при любых обстоятельствах. Возможность того, что противник нанесет ответный удар на ее фронте, вполне существует, хотя бы с целью связать наши силы и не позволить их перебросить, чтобы решить исход битвы. Вся моя деятельность, которая описана в начале этой тетради, служила тому, чтобы позволить нам отразить это наступление. [...]

выступ советского фронта в районе Курска. С помощью этой операции («Цитадель») наступательная сила Красной армии должна была быть ослаблена, а линия фронта сокращена. Наступление, о планировании которого советская сторона своевременно получила сведения, застопорилось уже через несколько дней после очень больших потерь техники, прежде всего танков, с обеих сторон.

Запись в дневнике, [Киссинген] 29 июля 1943 г.

BArch. N 265/13

[...] Случившаяся высадка и постепенное продвижение на Сицилии представляют собой весомую угрозу нашим позициям в Европе⁴⁹. Настроения в Италии разнятся. Многие не желают Муссолини и его системы. Именно на этих людей и опирается план Антанты с высадкой в Сицилии. Здесь враг видит наше слабое место. Если ему удастся выбить Италию из Оси, это означало бы опасную брешь в немецкой системе обороны. Как близко он может подобраться к Южной Германии со своей авиацией! Да и Балканы бы оказались тогда в известном смысле «охвачены». Поэтому успехи противника нам всем крайне неприятны. Кроме того, там сражается Хартмут⁵⁰. Мы знаем, что в подобных боях его поджидают серьезные опасности. Пусть Бог не покинет его и хранит его!

Иная и, кажется, лучшая ситуация с битвой на Востоке. Согласно сводкам вермахта, там были разбиты действительно крупные русские силы. Уничтожено более 5000 танков, более 2000 самолетов — это цифры прежде невиданные. Русское наступление на Орел и на Миусском фронте тоже не увенчалось успехом. Похоже, что русская наступательная операция в помощь союзникам захлебнулась. Тем самым достигнут действительно весомый результат. То, что сейчас — после такого поражения — противник сможет добиться сколь-нибудь крупного успеха, ожидать не стоит. То есть решение наступать в обход Курска было всё-таки верным. [...]

7 августа Красная армия начала большое наступление на позиции 4-й армии в направлении Смоленска. Оно было отражено, но с 16 сентября по 2 октября 4-я армия отошла примерно на 100 километров назад, заняв подготовленную позицию «Пантера» к западу от Смоленска. И эта плановая операция отхода снова сопровождалась систематическими разрушениями («выжженная земля»).

⁴⁹ Союзники высадились на Сицилии 10 июля 1943 г. 25 июля 1943 г. Муссолини был арестован и маршал Бадольо объявлен премьер-министром. Первоначально Италия продолжила воевать против союзников.

⁵⁰ Лейтенант Хартмут Хейнрици был в марте 1943 г. переброшен в Италию, где служил полковым адъютантом.

Отчет семье, 6 августа 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 87–89f. Ms.

[...] Мы обустроили всё, что было в наших силах, ожидая предстоящего наступления и подготовились, чтобы устроить противнику достойный прием. Настроение в войсках хорошее, и события в Италии в целом не слишком на него воздействуют. Каждому приходится выполнять здесь столько собственной работы, что на мысли об этом удаленном театре военных действий времени не остается. Вчера один командир дивизии так сказал мне о настроениях в дивизии: «Италия не лежит на дороге из Вязьмы в Ельню. Поэтому нас не интересует то, что творится у итальянцев». [...]

Письмо жене, 6 сентября 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 98–101

Сегодня впервые за долгие дни — утро, в которое не случилось ни единого кризиса. Но до вечера загадывать не стоит. Сколько раз в последние недели нам пришлось наслаждаться тяжелейшими ситуациями, уже и представить нельзя. Но это и неудивительно. Русский собрал против меня настолько превосходящие силы, у него так много артиллерии, боеприпасов, самолетов и такая многочисленная пехота, которая всё время получает пополнения и новое оружие, так что с полным правом можно сказать: мы справляемся со всем этим лишь чудом. Но постоянно так продолжаться не может. Ведь мы с каждым днем становимся слабее, но не получаем пополнения. Его просту нет. Мы на последней стадии этой войны. Нужно осознать это совершенно четко. Собственными силами развернуть ситуацию мы уже не сможем. Время ушло. Народы на оккупированных территориях начинают бунтовать. Балканы уже превратились в одно большое повстанческое движение, Дания поднялась слишком рано⁵¹, но Польша и остальные вскоре за ней последуют. И надо всем этим стоят наши враги, алчущие нас уничтожить.

⁵¹ После забастовок и актов саботажа немецкие оккупанты распустили 29 августа 1943 г. датское правительство и объявили военное чрезвычайное положение.

Для тебя из этого следует, что не надо прекращать попытки хоть во что-то вложить твою компенсацию⁵². Не лучше ли даже купить участок в разрушенном городе, который позже должен быть заново застроен, так как находится в черте города? [...]

Как моментально рушится всё то, на что люди молились и что они почитали с 1933 г. Внезапно люди осознают, что с Богом шутки плохи и Он один сидит на своем небесном троне.

Дела движутся так, как движутся. Серьезные решения — как обычно — в такое время не принимаются. Все верят, надеются, ждут до тех пор, пока ситуация не станет нестерпимой. А она таковой в один прекрасный день станет. [...]

Письмо жене, 8 сентября 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 102f

Только что поступило известие, что итальянцы безоговорочно капитулировали⁵³. Они обязались более не воевать против союзников, но воевать против тех, кто противостоит англичанам и американцам, то есть против нас. Так что итальянцы, похоже, обратят свое оружие против находящихся там наших солдат. Возможно, они попытаются перерезать им снабжение через Альпы. Но против этого наверняка примут меры предосторожности. Как и в 1918 г.⁵⁴, они снова нас предали. Кстати, перемирие они заключили еще 3 сентября, но сообщили о нем лишь се-

⁵² За потерю собственности в Либиау Гертруда Хейнрици получила компенсацию с условием вложить ее в недвижимость. Она изучала возможность покупки недвижимости в различных местах: в Люксембурге, Эльзасе, Ларе (Шварцвальд), позднее в Кобурге. Поиск стал еще более активным после того, как квартира Хейнрици в Мюнстере была разрушена в ходе воздушного налета 10 октября 1943 г. В 1944 г. Гертруде удалось приобрести квартиры в Штауфене и, очевидно, также в Люксембурге.

⁵³ 3 сентября 1943 г. правительство Бадольо заключило перемирие с союзниками. После этого вермахт оккупировал Северную и Центральную Италию, разоружил итальянскую армию, частично совершая военные преступления. 13 октября 1943 г. Италия объявила войну рейху.

⁵⁴ Примеч. рус. ред.: на самом деле, Италия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты в 1915 г.

годня, в удобный для союзников момент. Вероятно, те хотели при помощи перемирия использовать ситуацию, высадиться где-нибудь в Италии в тылу наших войск и отрезать их. Благородное общество! Кстати, итальянцы арестовали известных лидеров фашистской партии, а некоторых из них и убили. О судьбе Муссолини никто ничего не знает, даже фюрер⁵⁵.

Так дела идут своим чередом. Теперь на Восточном фронте отступает группа армий «Юг», так как ее позиции были многократно прорваны на большую глубину. И искусство Манштейна не может это предотвратить, так как сил повсюду слишком мало. Тем самым снова освобожден русский промышленный район, который давал нам уголь и руду. У нас уже два дня спокойно. Но это означает лишь подготовку нового наступления русских, которые производят передислокацию. Самое позднее в конце недели нас снова ожидают тяжелейшие бои, целью которых должен стать прорыв на Смоленск.

Прочитай 73-й псалом относительно счастья и конца безбожников⁵⁶. Интересно, господин Розенберг в курсе?

Запись в дневнике, 19 сентября 1943 г.

BArch. N 265/43. Bl. 125f. Ms.

[...] Между тем мне второй раз поручили задачу по разрушению города. Я отказался его разрушить полностью, что было намечено исполнителями⁵⁷. Взрываются лишь

⁵⁵ Муссолини держали в заключении в горах Гран-Сассо, откуда его 12 сентября 1943 г. освободили немецкие парашютисты.

⁵⁶ Примеч. рус. ред.: речь идет о следующих строках: «...я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их... И думал я, как бы уразуметь это, но это трудно было в глазах моих, доколе не вошел я во святилище Божие и не уразумел конца их. Так на скользких путях поставил Ты их и низвергаешь их в пропасти. Как нечаянно пришли они в разорение, исчезли, погибли от ужасов!»

⁵⁷ При отступлении из Смоленска, кроме систематического сноса зданий (как прежде в Вязьме, чье почти полное разрушение Хейнрици в марте 1943 г. еще оправдывал, см. комментарий к записи от 7 марта 1943 г.), имели место и многочисленные «дикие» разрушения города солдатами, против которых Хейнрици выступил уже 19 сентября 1943 г. См. приказ от 19 сентября 1943 г. (BArch. N 265/46. Bl. 3): «Господин командующий сегодня вечером при облете позиций армии

важные с военной точки зрения сооружения и здания. Постоянное сожжение и уничтожение невыносимо. [...]

Отчет семье, 10 октября 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 110f. Ms.

Уже три дня у нас некоторая пауза в боях. Девять недель подряд постоянные атаки противника не давали нам передышки. Из района восточнее Смоленска он оттеснил нас в район восточнее Орши. Мы можем сказать, что нам повезло, так как ему не удалось при подобном превосходстве в живой силе и технике уничтожить нашу армию. Нам совершенно ясно, что нынешняя пауза лишь временная. Пройдет несколько дней, и атаки противника начнутся снова. Он готовится к этому, используя все средства. Осеннего перерыва, как в прошлые годы, в этот раз не будет. Невзирая на грязь или снег, он будет бить по нам, чтобы выпихнуть из страны. В прошедшие девять недель к командирам и солдатам предъявлялись невероятные требования. Были некоторые, кто не выдержал нагрузки. Уже опасаясь поднимать телефонную трубку. Несмотря на всё, мы можем быть благодарны за то, что сумели встретить вражеский натиск именно так, как встретили. Ценой совершенно непредставимого напряжения и жарких боев для войск, ценой забот и трудов для командования. За это

увидел многочисленные пожары, особенно на главных улицах, хотя командованием вовсе не отдавался приказ на это. [...] Еще раз подчеркивается, что разрушения и уничтожения разрешается проводить лишь по приказу командования, то есть армии, корпуса, дивизии или военного коменданта Смоленска». Незадолго до поражения группы армий «Центр» в июне–июле 1944 г., в преддверии которого, вероятно, искали козлов отпущения, Хейнрици был оговорен Герингом перед Гитлером. Ср. письмо Буша (командующий группы армий «Центр») Хейнрици от 15 июня 1944 г. (Ibid. Bl. 6): «Сегодня рейхсмаршал доложил фюреру, что генерал-полковник фон Грейм сообщил ему о том, что командующий 4-й армией генерал-полковник Хейнрици в свое время, при совершении 4-й армией маневра отвода войск в конце лета 1943 г., недвусмысленно запретил совершать запланированные разрушения в районе Смоленска посредством повторных приказов штабу флота люфтваффе и непосредственно самому фон Грейму. Фюрер требует немедленного разъяснения этих событий». После подробного изложения Хейнрици своей позиции в письме Бушу из Карлсбада от 26 июня 1944 г. (Ibid. Bl. 11–14) жалоба Геринга не имела дальнейших последствий.

время мы останавливались на постой там и тут. С каждым местом соединены воспоминания о тяжелых днях. Чаще всего после нашего отступления дома пожирали языки пламени. Другие люди, следовавшие за нами, разрушали их. Война здесь приняла формы, далеко превосходящие формы Тридцатилетней войны. Несмотря на все старания как-то сдерживать такое развитие, которое мне не по душе, часто чувствуешь себя бессильным. Солдатское ремесло более не приносит удовлетворения. [...]

С 12 октября 1943 г. по 31 марта 1944 г. советский Западный фронт (с пятью армиями в его составе) атаковал позицию «Пантера», новую оборонительную линию 4-й армии Хейнрици. Несмотря на то что ему приходилось защищать линию фронта длиной в 120 километров силой 11 дивизий без сколь-либо значительных танковых соединений, его армии удалось отразить восемь больших наступлений, главными из которых были пять сражений на шоссе Москва–Минск. При этом 4-я армия потеряла 10 566 человек убитыми и пропавшими без вести и 24 490 ранеными, в то время как общие потери Красной армии составили 530 537 человек. Этот успех окончательно закрепил за Хейнрици славу одного из лучших специалистов по обороне в немецкой армии. 24 ноября 1943 г. Гитлер наградил его дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

Письмо жене, 18 октября 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 112f

Наверняка ты ждала 16 октября [в день свадьбы] моего звонка. К сожалению, ныне по вечерам нельзя так просто поговорить из России с рейхом, так как с 20:00 все линии связи выводятся из строя с помощью взрывов или саботажа и наладить их удается лишь к утру. За нашими спинами уже не просто хозяйничают партизаны, а восстает практически вся страна⁵⁸. Некоторое спокойствие царит

⁵⁸ Партизанская война в районе группы армий «Центр» летом 1943 г. приняла исполинские масштабы — помимо прочего, с помощью крупных диверсионных кампаний «Рельсовая война» в августе и «Концерт» в сентябре, в каждой из которых принимало участие около 100 000 партизан, — и до разгрома группы армий летом 1944 г., несмотря на все жестокие контрмеры, ее так больше и не удалось взять под контроль.

лишь в районе фронта, так как там слишком много солдат. Никто из местного населения более не верит в нашу победу. Вследствие этого они все хотят создать себе алиби, годное при возвращении красных, и занимаются враждебной Германии деятельностью. Этот факт характеризует наше положение. На Балканах дела еще хуже, чем здесь. В других оккупированных странах много актов саботажа и ожидание нашего крушения. Поэтому с удивлением читаешь в газетах или слышишь по радио разглагольствования о «сплочении» Европы. Разве что против нас, но ни в коем случае не с нами или вокруг нас.

На фронте картина такова: вся инициатива в руках противника. Он выбирает точки для массированного наступления, как и когда он хочет. Вынужденные держать линию фронта длиной в 3000 километров, мы можем действовать, лишь постоянно осознавая его превосходство. Наша армия в пятидневном сражении отразила в одном месте крупное наступление противника⁵⁹. Это был славный успех, хотя он и стоил нам немало крови и забот, ведь против 2,5 немецких дивизий стояли 18! вражеских, кроме того, танковый корпус, два танковых полка и тяжелая артиллерия, далеко превосходящая нашу. Они за один день расстреляли столько снарядов, сколько мы тратим за неделю. Солдаты, которые выстояли в этом сражении, с начала августа! непрерывно находятся в бою. Просто чудо, на что они еще способны. Но на то, что такое продлится еще долго, никто не может рассчитывать. Таково реальное положение дел, которое, однако, от всех утаивают. [...]

Письмо жене, 27 октября 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 116f

Если почитать сводки вермахта, то война здесь состоит из сплошных оборонительных побед. В действительности же, упорно сражающиеся войска медленно, но верно оттесняются врагом назад. Каждый горд уж тем, что его позиции не были прорваны и он относительно без потерь отошел на новые позиции. Пять дней подряд противник

⁵⁹ Оборонительное сражение под Ленино (с 12 по 18 октября 1943 г.).

так поливал нас артиллерийским огнем, что и смотреть-то было жутко⁶⁰. Пехота была просто раздавлена. Русский палил из своих стволов в пять–шесть раз сильнее того, на что способны мы. Люди выходили с позиций, совершенно обезумевшие от артиллерийского огня. Даже несколько дней спустя они еще не пришли в себя. Превосходство в живой силе, превосходство в технике, свежие резервы, в то время как у нас сражаются одни те же, — таковы характерные черты этих боев, и, если они будут продолжаться без изменений, нас однажды ждет крушение. У меня сейчас одиннадцать недель крупных боев! Чем это кончится!

Над многими корпусами Манштейна на юге нависла серьезнейшая угроза. Вероятно, это будет стоить нам Крыма. Это означает опасность воздушных налетов для Румынии и месторождений нефти. Положение выглядит неудовлетворительным в крайней степени. И как должны в нем произойти перемены? Политическим путем? Но мы ни с кем не можем вести политические переговоры. Все беспредельно ненавидят нас. Мы хозяйничаем в таких странах, что не дай Бог! Наши люди еще воображают, что их действия достойны похвалы, если они всё уничтожат. Но из-за этого немецкий народ ждут лишь позор и возмездие. Но они как будто умалишенные. Я пытался под Смоленском управлять этим, противостоять. Но было невозможно остановить людей. Каждая тыловая крыса назначала себя поджигателем во исполнение приказа фюрера⁶¹. На такое и смотреть-то омерзительно [...].

⁶⁰ Первое «сражение на шоссе», с 21 по 26 октября 1943 г.

⁶¹ Ср. приказ Хейнрици по армии от 14 декабря 1943 г. (BArch. N 265/46. Bl. 4f.): «Бои при отводе войск осенью показали, что разрушения разрешаются производить лишь по единообразному плану, своевременно, под строгим контролем в отношении объектов разрушения. Неприемлемо то, что каждый солдат чувствует себя призванным проводить разрушения и поджигает, и взрывает, когда и где ему заблагорассудится. Следствием этого является ослабление дисциплины, совершение самых тяжелых проступков, которые заранее выдают противнику намерения командования и зачастую разрушают последние пристанища для сражающихся частей. Подобная мешанина из совершаемых по приказу и бесконтрольно проводимых разрушений в районе Смоленска привела к крупным разногласиям между командованием и войсками. В самом городе отвод сражающихся войск был частично в огромной опасности. [...] Важно, чтобы были уничтожены большие и действительно важные для ведения военных действий объекты, а не каждая изба, скирда сена или не имеющая значения лачуга ремесленника.

Отчет семье, 3 ноября 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 120f. Ms.

[...] Предателям-итальянцам я желаю всего наихудшего. Но нет ничего хорошего в том, что и эта страна теперь так разворовывается и опустошается. Одна из безрадостных глав этой войны повествует о том, какие невероятные ценности были бессмысленно разрушены. Часто кажется, что человечество уже не понимает, что делает. В [Первую] мировую войну ничего подобного не было. Тогда страдали города и деревни, лежавшие в зоне боевых действий. Но это были ограниченные территории. Сейчас же большая часть Европы состоит наполовину из груд развалин. Я постоянно злюсь из-за разрушений здесь, в России. Прежде командование не приказывало, что всё должно быть уничтожено. Мне подобное не по душе, раньше нас воспитывали иначе. [...]

Отчет семье, 26 ноября 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 129f. Ms.

Вот и пробил час сражения⁶². Прорыв русскому не удался. При невероятной концентрации своих сил он понес большие потери. Мы сами потеряли 5600 человек. При неудавшейся атаке потери атаковавшего должны исчисляться цифрами в 3–4 раза больше. То есть порядка 20 000 человек. Согласно показаниям пленных, мой Ис [отдел разведки] исходит из 40–50 000. Но эту цифру я считаю завышенной. 250 танков были подбиты, многие из них фаустпатронами. Особенность этого сражения в том, что если бы атака русских удалась, Восточный фронт был бы прорван в самом центре. Противнику ничего бы не стоило дойти до Минска. У всей группы армий «Север» и южной части группы армий «Центр» почва ушла бы из-под ног, оставаться на месте они бы уже не смогли. Это предотвращено.

Каждому солдату должно быть ясно, что общим опустошением местности он не помогает вермахту, а наносит ему ущерб, провоцирует ненависть населения к немцам и играет на руку бандитам».

⁶² Третье «сражение на шоссе», с 14 по 19 ноября 1943 г.

По этой причине успех особо отмечен и в сводках вермахта. Поэтому почти в тот же самый момент я получил и дубовые листья. Внезапность, с которой это произошло, была для меня доказательством, какую радость вызвал исход этой битвы на самом верху и какое успокоение он принес. Осознавая последствия, которые мог иметь успех русских, на этот ключевой участок противника на Восточном фронте взирали с некоторым беспокойством.

Я всегда смотрел вперед с известной верой в будущее. Хотя в ходе сражения случались кризисы более опасные, чем я ожидал. [...]

Отчет семье, 5 декабря 1943 г.

BArch. N 265/157. Bl. 130–134f. Ms.

[...] Само собой, такое сражение⁶³ не протекает без кризисов. Часто решающее значение имеет третий или четвертый день битвы. Тогда обороняющийся может не выдержать тяжелых ударов, так как находится под таким сильным давлением, под непрерывным огнем, продолжавшимся 72 часа, испытывая нервное перенапряжение из-за готовности день и ночь (сейчас 14 часов) отражать раз за разом накатывающиеся человеческие массы, несмотря на собственные потери, кажущуюся безнадежность, отсутствие чувства локтя на изрядно прореженных позициях. Можно себе представить: 100–120 человек стоят на участке километровой ширины, на них накатываются 800–1000–1200 человек, волна за волной, при поддержке танков. Все оружие обороняющихся забрызгано грязью из-за продолжающегося артиллерийского и минометного огня или упало в грязь, практически неработоспособно. Безоружные, если не считать лопат, прикладов да ручных гранат, они днями напролет стоят по колено в воде, снегу, грязи и — серые от перенапряжения — отражают атаки десятикратно превосходящего противника. Но бывает, что кто-то бежит с позиций. Внезапно исчезает батальон. Теряется целый участок обороны. Но если находится офицер, который собирает вместе десяток солдат и немедленно ведет в контратаку, решительно, вопреки двадцати-

⁶³ Четвертое «сражение на шоссе», с 30 ноября по 2 декабря 1943 г.

кратному превосходству врага, то только что праздновавшие победу русские, в свою очередь, бегут. Если таких энергичных людей не находится (ведь именно они погибают в подобных ситуациях), тогда приходится выкатывать штурмовые орудия, доставать огнеметы и в делящихся часами или даже сутками боях латать подобные дыры с помощью кровопролитных штыковых атак. Потом полдня или целую ночь над участком нависает опасность, что русский подтянет из тыла новые силы, нажмет вместе с ними и прорвет жиденькую немецкую линию обороны. Достаточно часто мы переживали моменты, когда наша главная линия оборона была потеряна и не было никого, кто бы мог ее защитить. Такие ситуации стоят немалых нервов. Нужно полагаться на то, что и у противника не всё в порядке и что из многих тяжелых ситуаций в итоге находится выход. И так, слава Богу, часто и случалось. [...] Четыре месяца подряд мы втянуты в непрерывную череду сражений. Сколь немногие еще остались на передовой с августа? Кто такие гренадеры самых сражающихся дивизий? Главным образом обозники, писари, плохо обученные новобранцы, едва умеющие обращаться с оружием. Но у русских дела еще хуже. Как я уже упоминал, там пехота состоит из гражданских лиц с освобожденных территорий, на которых просто надели военную форму. [...]

Отчет семье, 7 января 1944 г.

BArch. N 265/158. Bl. 4f. Ms.

[...] После хорошего ночного путешествия я с двухчасовым опозданием прибыл в Берлин⁶⁴. Светило солнце, так что я сразу смог сфотографировать развалины Потсдамского вокзала. [...] Я отправился на Лейпцигерплац, чтобы выяснить в транспортном бюро вермахта время отправления курьерского поезда, и обнаружил бюро сидящим в полуразрушенном помещении. При последнем воздушном налете пострадал дом, выходящий на Фосштрассе, одновременно по всему фасаду новой рейхсканцелярии фюрера, что находится напротив, были выбиты стекла. Стены

⁶⁴ Хейнрици снова удалось провести Новый год и Рождество с женой и дочерью в санатории Глоттербад.

и внутреннее убранство повреждены осколками. Фоссштрассе была перекрыта, повсюду шла работа над расчисткой улиц от обломков. Проехав по Лейпцигерштрассе, Фридрихштрассе, Унтер ден Линден, вдоль Тиргартена и по Кайзераллее, я еще раз получил возможность детально рассмотреть все случившиеся там разрушения. То, что я уже сказал в Глоттербаде, снова пришло мне на ум: эпоха Вильгельма, в которую я вырос, погребена под развалинами не только внутренне, но сейчас и в ее внешних проявлениях. Она более не вернется. [...]

Отчет семье, 20 января 1944 г.

BArch. N 265/158. Bl. 10f. Ms.

[...] Я снова провел два дня внизу в Могилёве, который, собственно, является центральным пунктом наших раздумий. Разместиться снова пришлось в русском скором поезде, который из-за резкой перемены погоды в первый день был так жарко натоплен, что спать было невозможно. При ночной прогулке в районе нашей сортировочной станции я видел вокруг меня, практически как зимой 1941/42 гг., мерцающий свет осветительных ракет. На востоке он шел с фронта, на западе от частей, охраняющих местность от партизан. Район вокруг Могилёва особенно загажен этим народцем. Недавно в Минске произошел совершенно невероятный случай: один прибывший в немецкой униформе с Рыцарским крестом и множеством удостоверений офицер хотел убить крупного чина СС в его кабинете. В последний момент у злоумышленника отказали нервы. Кроме ручных гранат и крайне чувствительной взрывчатки, в его кармане был револьвер с пулями, сделанными по типу «дум-дум» и содержащими в своей полости сильный яд⁶⁵. Вот какими методами пользуются большевики. [...]

⁶⁵ Примеч. рус. ред.: речь идет о провалившейся попытке покушения завербованного советской разведкой немецкого военнопленного Фридриха Аугустина на группенфюрера СС Курта фон Готтберга. См. докладную записку фон Готтберга от 12 декабря 1943 г. (IfZ. MA 795).

Письмо жене, 27 января 1944 г.

BArch. N 265/158. BL. 14f.

Я сижу в железнодорожном вагоне в Восточной Пруссии, чтобы через несколько часов снова отправиться в Россию. От тебя я не получил вообще никаких известий. Вероятно, ты снова была в отъезде и вовсе не получила мои сообщения.

Эти дни здесь были интересными, но обсуждения шли в весьма серьезном тоне⁶⁶. Столь многое могло быть лучше и идти легче. Кое в чем видна и подлинная трагедия. Встреча со знакомыми со всех концов Европы была увлекательной. [...]

Отчет семье, 12 марта 1944 г.

BArch. N 265/158. BL. 39–41f. Ms.

Неделя минула очень быстро. Она началась в прошлое воскресенье с пятого сражения на шоссе⁶⁷. В этот раз оно продолжалось всего четыре дня. Атаки были мощными, но всё же не такими, как осенью. [...] Там, где [противник] некоторое время занимал наши позиции, он оставил 1071 «беспорных»⁶⁸ трупа. То есть он понес тяжелые потери, если считать, что на одного погибшего приходится три раненых. С тех пор снова царит спокойствие. Наш выступающий «балкон» постепенно становится для русских костью в горле. Пленные говорят, что их командиров упрямляют в том, что они — в единственном месте на всем Восточном фронте — пока не добились успехов. Действительно, от Балтийского до Черного моря нет никого, кроме нас, кто стоял бы на тех же позициях, что и в сентябре. Значит, мы постоянно должны быть готовы к тому, что противник будет пытаться раздавить наш «балкон». [...]

⁶⁶ Хейнрици присутствовал на «мировоззренческой» конференции командующих армиями и командиров всех родов войск в Позене, на которой Гиммлер 26 января 1944 г. без прикрас говорил о «еврейском вопросе», о Холокосте: «Полновесное решение, чтобы некому было мстить нашим детям». Присутствовавшие генералы встретили доклад Гиммлера бурными аплодисментами. Об этой конференции см.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 9/1. S. 602–605.

⁶⁷ Последнее из пяти «сражений на шоссе», с 5 по 9 марта 1944 г.

⁶⁸ Имеются в виду точно подсчитанные, то есть тела, оставшиеся на поле боя.

Запись в дневнике, 18 марта 1944 г.

BArch. N 265/15f. Ms.

[...] Интересно, что эти пленные рассказывают о пропаганде ужасов, которая играет в Красной армии крайне важную роль, чтобы удержать перебежчиков. В глазах красноармейцев сожжение населенных пунктов немецкими войсками подтверждает правильность этой пропаганды. Это обстоятельство умело используется красноармейскими пропагандистами как свидетельство, позволяющее осознать, какими бестиями являются немцы. Мне было интересно услышать, что разрушения, против которых я всегда боролся, оказывают такое воздействие. Как я злился под Смоленском, когда каждая тыловая крыса считала себя призванной жечь и разрушать. Но все попытки и приказы предотвратить это тогда не имели успеха, так как людей, занимавшихся разрушениями, нельзя было обуздать. Только казалось, что где-то удалось кому-то помешать, как в другом месте уже полыхал пожар. Это походило на болезнь, распространяющуюся повсюду, и от нее, несмотря на все приказы и контрмеры, никак нельзя было защититься. [...]

Письмо жене, 23 марта 1944 г.

BArch. N 265/158. BL 48–51

[...] Надо прямо сказать, что обстановка в нашем Отечестве просто невероятная. Никто не чувствует, что его жизнь в безопасности, один город за другим превращаются в развалины и пепел. Мы заварили такую кашу, что не в силах ее расхлебать. Каким образом? Из-за того что наше руководство утратило чувство меры и потеряло из виду цель, переоценило собственные силы и способности, то, что оно освободило человека ото всех нравственных оков, которые ему предписаны, — причина, по которой старый Фриц написал своего Анти-Макиавелли⁶⁹. Ведь основой наших действий стали именно принципы Макиа-

⁶⁹ Под влиянием Вольтера Фридрих II Прусский выступил в своем сочинении «Анти-Макиавелли» (первое французское издание в 1740 г.) против книги «Il Principe» Никола Макиавелли.

вели. Сейчас нам пришлось оккупировать Венгрию, так как эта страна устремилась к другому берегу⁷⁰. [...] Да, мы были вынуждены это сделать, но именно эта вынужденность — лучший показатель того, каково на самом деле наше положение. На юге Восточного фронта наши неудачи столь велики, что объяснить их можно лишь тем, что войска из-за потерь в живой силе и технике утратили способность сопротивляться. Там, где враг наступает, наша оборона рушится. Кажется, что скоро будет достигнут момент, когда там всё будет кончено. Отсюда, вероятно, и венгерская инициатива. В этой ситуации решающее значение будет иметь успех или неуспех высадки во Франции. От этого зависит наша судьба.

Какие требования выдвигает подобная ситуация к нам самим? Неверно или, по крайней мере, непредусмотрительно ориентироваться на какие-то границы. Ведь Лар или Штауфен, не говоря уже о Люксембурге, могут оказаться крайне неудачно расположенными городами. Кобург и окрестности остаются тогда наилучшим вариантом. Меня не покидает чувство, что твои усилия направлены в неверном направлении, что тебе не хватает осознания реальной ситуации. Такое вложение средств в этой связи — не лучшее решение. Зачем мне мебель в Штауфене или Ларе? Господин фон Биля⁷¹ действует совершенно иначе. Он купил своей жене браслет, настоящий ковер и меха. Тем самым он вкладывает средства надежнее, и это имущество движимое. Его супруга постоянно находит возможности что-то такое купить. Мне кажется, что они действуют правильнее, чем ты, раз ты задорого тащишь вещи в города, в которых однажды может стать весьма небезопасно. Это я бы хотел тебе еще раз растолковать. В глубине души я не могу одобрить все твои планы полностью. Перед тем как сделать последний шаг, надо еще раз уяснить для себя все требования. Цель этого письма — сказать это тебе. При этом я еще раз указываю на отправной пункт. Мы находимся в тяжелом кризисе, одна

⁷⁰ Когда приметы того, что Венгрия под началом Миклоша Хорти собирается выйти из войны, стали явными, вермахт 19 марта 1944 г. оккупировал страну. 23 марта 1944 г. было создано зависимое от Германии правительство премьер-министра Дёме Стояи.

⁷¹ Капитан, ординарец Хейнрици.

из опор, а именно Манштейн, грозит обвалиться⁷². Дай Бог, чтобы ему удалось закрепиться хоть где-нибудь в Карпатах. [...]

Сегодня снежная буря. В скором будущем нас ожидает новое, весьма мощное, наступление русских. Вчера при хорошей погоде я пролетел около 60 километров над партизанским районом. Ни одного живого существа — куда ни взглянешь, все деревни покинуты. Зловещее впечатление.

Отчет семье, 31 марта — 2 апреля 1944 г.

BArch. N 265/158. Bl. 54–59f. Ms.

Кажется, что сегодня вечером сражение между Днепром и Чаусами завершилось, по крайней мере пока. После того как критическая ситуация, снова возникавшая в последние 48 часов, была сегодня во второй половине дня преодолена, вечером противника полностью выбили с наших позиций. Кажется, что наступательная мощь русских теперь подорвана. Противник намеревался, наступая на Могилёв с юго-востока, раздавить наш «балкон» и для этой цели перебросил дивизии и с других фронтов. На многих участках ему не удалось добраться и до первой линии наших окопов. Почти везде, где он взял эту линию, его уже отбросили назад. Только там, где он с самого начала сконцентрировал свои сильнейшие и самые свежие части, он на небольшом отрезке продолжает владеть первой линией наших окопов, в то время как мы занимаем вторую. То есть, резюмируя, он не добился ничего, хотя ему пришлось понести тяжелые потери. И всё это несмотря на чрезвычайно сильный артобстрел и активное взаимодействие штурмовой авиации, в один день мы насчитали 550 самолетов. Наши солдаты превосходно сражались и безупречно выполнили свои задачи против превосходящих сил русских. [...]

⁷² Советское наступление на Западной Украине сдвинуло фронт группы армий «Юг» с конца декабря 1943 г. до середины апреля 1944 г. с Днепра до предгорий Карпат. После длительных споров и разногласий с Гитлером о подвижной защите наиболее способный в оперативном плане командующий Эрих фон Манштейн был 30 марта 1944 г. смещен и более не задействовался.

Советское наступление на южный фланг 4-й армии между Чаусами и Днепром стало конечным пунктом безуспешных попыток Красной армии начиная с октября 1943 г. совершить решающий прорыв сквозь позиции 4-й армии. До крупного наступления летом 1944 г. на этом участке фронта воцарилось спокойствие.

Письмо жене, 21 апреля 1944 г.

BArch. N 265/158. Bl. 76–78

Извини, но в пасхальную пятницу ты написала мне довольно глупое письмо. Лучше будет, если я его сейчас предам огню.

В первую очередь не надо мне рассказывать, что общая ситуация такова, что всеми трудностями можно попросту пренебречь. Эти трудности равно велики и в военной, и в политической, и в экономической сферах. В военной сфере нет оснований отчаиваться, но потери на юге и в людях, и в технике велики и частично угрожают общей ситуации на Восточном фронте. В настоящее время опять пытаются спасти армию или скорее то, что от нее еще можно спасти, из Крыма⁷³. Она должна быть перевезена по морю в Румынию и Болгарию. Враг старается этому помешать и рассказывает, что уже затопил многие суда. Конечно, большая часть прорвется, но отдельные затонут. Из наших сводок ты и представить себе не можешь, как много уже потеряно этой зимой из-за таких котлов и окружений. Поэтому и убрали Манштейна, Клейста и Рёттигера⁷⁴, ведь они видели то, что надвигается, и хотели это предотвратить. Из-за всего этого возникли положения на фронтах или общее положение на Восточном фронте, которое никак нельзя считать удачным и которое таит в себе серьезные опасности для будущего. Понимая это, зашатались финны и венгры, шведы и турки доставляют нам экономические проблемы, запрещая вывоз необходимых нам товаров. Измена

⁷³ Вследствие советского наступления и отхода группы армий «А» (Клейст) 17-я армия (Йенеке) с октября 1943 г. была отрезана в Крыму. Во время советского освобождения полуострова в апреле–мае 1944 г. большую часть немецких и румынских войск удалось эвакуировать по морю.

⁷⁴ Командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал Эвальд фон Клейст и его начальник штаба генерал-майор Ганс Рёттигер были сняты со своих постов одновременно с Манштейном.

двух первых была нейтрализована. В Венгрии даже весьма элегантно способом, но это более не надежные союзники, которые в минуту опасности или нужды станут с нами плечом к плечу. Уясни себе, что из-за — мягко говоря — превосходства [союзников] в воздухе наша промышленность и транспортная сеть понесли сильный ущерб, что сказывается не только на оборонной промышленности, но и на продуктах питания. Именно здесь станет заметна потеря южной части России. Немецкий народ, с его силой и волей к защите, которую он проявляет на пятом году войны, действительно достоин восхищения. Но нужно ясно понимать, что перевес в живой силе и технике не на нашей стороне. Это еще не гарантия победы врага — пусть Бог избавит нас от нее, ведь она будет ужасна, — но эту возможность нельзя запросто сбрасывать со счетов. [...]

Так, письмо вышло весьма длинным. Оно не должно ввергнуть тебя в беспокойство. Но должно указать тебе, что страусиная политика хоть и приятна в настоящее время, но в перспективе вредна. [...]

Письмо детям, 29 мая 1944 г.

BArch. N 265/158. Bl. 95f. Ms.

[...] На нашем участке боев нет. По-прежнему мы ожидаем наступления на Могилёв. В этой местности враг концентрирует свои силы. Но пока он еще не готов нанести удар. Вследствие этого хочется надеется, что и высадка [союзников] покамест несколько задержится.

В конце мая 1944 г. Хейнрици заболел гепатитом и был вынужден уйти 3 июня в многонедельный отпуск для излечения и восстановления. Поэтому за началом советского наступления 22 июня 1944 г., крахом группы армий «Центр» и разгромом его 4-й армии между Могилёвом и Минском в первой половине июля он наблюдал лишь издалека.

Письмо детям, [Глоттербад] 27 июля 1944 г.

BArch. N 265/158. Bl. 100

[...] Целый день меня преследовал телефонный вызов, который из-за поврежденных линий связи удалось при-

нять лишь поздно вечером. Содержание разговора было не слишком радостным, мне не нужно ехать на фронт, а ждать, когда меня вызовут. До этого я должен лечиться дальше. После того как я уже дважды продлил свое пребывание здесь, я не могу тут больше оставаться, да и не хочу. Мне пора снова в свою ставку. Но сейчас я не знаю, как долго продлится неизвестность, не знаю и где мне следует находиться. [...]

Из-за печальных событий последних дней у всех нас перехватило дыхание⁷⁵. Действительно чудо, что при такой силе взрыва фюрер остался невредим. [...]

16 августа 1944 г. генерал-полковник Хейнрици был назначен командующим 1-й танковой армией, которой временно подчинялась 1-я венгерская армия (группа армий Хейнрици). Под командованием Хейнрици армии пришлось выдержать тяжелые оборонительные бои против Красной армии на севере Венгрии, в Восточной Словакии и на юге Польши. Еще в феврале–марте 1945 г. ей удавалось защищать угольные месторождения под Остравой. За это 3 марта 1945 г. Хейнрици получил мечи к Рыцарскому кресту.

Отчет семье, 19 августа 1944 г.

BArch. N 265/158. Bl. 103f. Ms.

Прибыл сегодня на место моей новой службы. Чтобы сюда добраться из Кракова, пришлось совершить девятичасовую поездку на машине. Сначала путь лежал через Галицию, затем через всю Словакию, затем мы въехали в Венгрию. Мы находимся примерно на широте Будапешта. Температура воздуха соответствующая. Говорят, сегодня днем было +42° в тени. Мне кажется, что я на краю света. [...]

Разместили меня в вилле увезенного еврея, для местных условий весьма элегантно обставленной. После Франции у меня не было такого королевского жилья. По вечерам затемнение почти отсутствует.

⁷⁵ 20 июля 1944 г. в главной ставке фюрера «Вольфшанце» в Растенбурге (Восточная Пруссия) было совершено покушение на Гитлера, а в Берлине начался путч, быстро подавленный.

Тем не менее меня не покидает неясное чувство, что всей местной обстановке не слишком-то можно доверять. Как-то мне не по себе. Кроме немецких войск, под моим началом еще целая армия союзников.

Отчет семье, 22 декабря 1944 г.

BArch. N 265/158. Bl. 114f. Ms.

Непрерывно продолжающиеся бои не позволяли мне в последнее время писать письма. Я часто был занят с раннего утра до позднего вечера. Вчера вечером (точнее, сегодня утром) я опустил телефонную трубку на рычаг в 2:00. Теперь я полностью втянут в бои в районе Кашау⁷⁶ и дальше к западу. У меня снова фронт длиной в 250 километров, северный фланг которого находится еще в Польше, а юго-западный — в Венгрии. Под моим началом снова остатки венгерской армии, а передо мной три различных поля боя, у каждого из которых свои требования и нужды. На разных участках идут тяжелые бои. Всё время исход боев балансирует над пропастью. Для ситуации к востоку от Кашау это не просто сравнение, бои там действительно идут на покрытых лесом горных склонах высотой 700–900 метров. Если мы потеряем горный хребет, то и долину под ним, в которой расположен этот город, уже не защитить. На всех этих опасных участках русский сосредоточил силы, которым мы не можем противопоставить ничего равнозначного. Если мы всё равно добились, что за четырнадцать дней, прошедших с начала боев, он продвинулся лишь на восемь километров, то это отрадный показатель того, с каким упорством сражаются наши, месяцами не вылезавшие из оборонительных боев, ослабленные потерями и испытывающие невероятное физическое перенапряжение войска.

Общее положение, увеличение моей зоны ответственности и вырисовывающееся будущее развитие событий требовали, чтобы мы перенесли нашу ставку. Подходящим местом для размещения показались курорты на юго-восточном склоне Высоких Татр. Там со вчерашнего дня мы и сидим. [...]

⁷⁶ Примеч. рус. ред.: Кошице.

Здесь, в этом чудесном пейзаже, мы и проведем Рождество. Просто сказка, что мы сюда попали посреди войны и в часы тяжелейших сражений. Пропасть между красотами природы и происходящим на фронте так велика, что объединить одно с другим попросту не удастся. После того как я почти десять дней без перерыва провел в поездах, сегодня я остался в нашей ставке. Я позволил себе утром немного прогуляться на солнце с альпенштоком и показался себе отпускником, прибывшим зимой в Швейцарию. Когда я вернулся домой, стол уже был завален сообщениями об авианалетах, сильной артподготовке, лесных боях, танковых атаках, брешах, которые нечем закрыть из-за недостатка резервов. Так из одной крайности бросаешься в другую. Но с этим куда легче смириться, чем с вечной серой пустотой русского осеннего неба. [...]

С большим напряжением и участием мы следим за нашим наступлением на западе⁷⁷. Наконец-то нам удалось застать врасплох и врагов и друзей. Я догадывался об этом уже шесть недель назад, не зная никаких подробностей. Мы опасались, что прорыв в Эльзасе лишит нас войск, предназначенных для наступления. Но верховное командование проявило большую внутреннюю стойкость, выдержав удар. Огромной радостью наполнила нас картина того, как противник, вроде бы гарцевавший на красивом коне, внезапно рухнул под копыта. Во всех своих публикациях господин Эйзенхауэр⁷⁸ уже представлял себя полным диктатором Германии. Мы желали ему от всего сердца того, чтобы его дешевые успехи, которых он столь легко добился из-за превосходства в технике и огромных людских резервах, обернулись поражением. Этим людям, которые годами вели войну так, будто им ничего не угрожает, придется сейчас познать то, через что пришлось

⁷⁷ Наступление в Арденнах с 16 декабря 1944 г. — последняя большая наступательная операция немецких войск на Западном фронте — должно было по примеру «удара серпом» в мае 1940 г. вбить клин в позиции англо-американцев от Арденн через Маас до побережья (Антверпен) и тем самым уничтожить отрезанные войска союзников. После первых успехов операция уже через несколько дней провалилась прежде всего в связи с превосходством союзников в воздухе.

⁷⁸ Дуайт Д. Эйзенхауэр (1890–1969) — американский генерал, с декабря 1943 г. главнокомандующий войсками союзников в Западной Европе, с мая 1945 г. военный губернатор оккупированной американцами зоны Германии, с 1953 по 1961 г. 34-й президент Соединенных Штатов (республиканец).

пройти нам. И они теперь должны увидеть, что означает оказаться в окружении и иметь в собственном тылу вражеские танки. Надеюсь, в этой ситуации они насладятся всеми возможными удовольствиями. Я был бы особенно рад, если бы нам однажды удалось нанести им разгромное поражение. Венгерский командир корпуса, чьи люди разбегались, недавно процитировал мне Кошута⁷⁹: «Нам нужно хоть махонькую победу, господин генерал-полковник!» — и показал кончик своего мизинца. Дай Бог, что в этой битве на западе победа окажется покрупнее, чем махонькая. Возможно — хотя об этом и думать не отваживаешься, — матушка всё же въедет в свой дом в Штауфене⁸⁰, а возможно, и в Люксембурге. [...]

Запись в дневнике, [Карлсбад⁸¹] 7 января 1945 г.

BArch. N 265/158. Bl. 117f.

Вчера я прибыл в Карлсбад, но не для курса лечения, а чтобы провести мой недельный «бомбовый отпуск»⁸². Глоттербад по железной дороге более недостижим и наполовину превращен в лазарет, запасное жилище в Штауфене превратилось — до того, как в него удалось въехать, — в командный пункт дивизии ополчения. Поэтому в Германии я сейчас бездомный и связываю слово «дом» со ставкой моей армии. Солдату это должно быть по душе, но для человека это искажение привычного хода вещей. И своих пожитков у меня сейчас нет. Они — после проведения сложной спасательной операции, которая заняла недели, — находятся в районе Кобурга и Хильдбургхаузе-на. Где конкретно пребывают мои одежда, обувь, письма, фотографии и прочее, я не знаю. Я могу искать их у герцога Кобургского в замке и на дворе у моего денщика из Первой мировой войны, и еще в трех разных местах. То есть я освобожден от внешних атрибутов частной жизни.

⁷⁹ Лайош Кошут (1802–1894) — в 1848–1849 гг. глава венгерского движения за независимость.

⁸⁰ В Штауфене Гертруда Хейнрици летом 1944 г. приобрела квартиру.

⁸¹ Примеч. рус. ред.: Карловы Вары.

⁸² Примеч. рус. ред.: речь идет о специальном срочном увольнении, которое давалось на ограниченный период для ликвидации последствий бомбежек союзной авиации.

Тем не менее я доволен и счастлив, ведь я остановился здесь в очень хорошем отеле, в котором мы прекрасно себя чувствовали еще летом, живу в теплой и очень уютной комнате, у нас очаровательные хозяева, которые предпринимают всё, чтобы сделать нашу жизнь приятнее, в красивейших окрестностях царит чудесный покой, так как официально отель закрыт, да и курортников в эту пору не слишком много. Поэтому я могу бродить по легкому снегу в горах и буковых лесах вокруг, где одна из многочисленных памятных досок от 1795 г. сообщает: «Как прекрасна природа, как прелестен божественный след, оставленный в этой долине». — Вышло так, что моя супруга, когда в Эльзасе случился неожиданный и ни в коем случае не предусмотренный прорыв, по моему совету приняла решение переехать внутрь Германии. Для отъезда из Фрайбурга она выбрала вечер, в который был совершен первый большой воздушный налет на город⁸³. Бог защитил ее, она осталась в живых. В ее отель угодили две бомбы, он загорелся и рухнул. Ее чемоданы и все ее ценные вещи, включая драгоценности, были уничтожены. Она сама покинула, обернутая в мокрую простыню, задымленное бомбоубежище, при этом у нее не осталось ни шляпы, ни пары чулок, ничего вообще. Поблуждав по пути, она попала в Дрезден, где нашла временное пристанище в санатории Вайдена. Сейчас мы примем здесь решение, что ей делать дальше. В голову мне ничего не приходит. У нее есть различные планы, которые меня пока не убеждают!

Отчет семье, 31 января 1945 г.

BArch. N 265/158. Bl. 122f. Ms.

Печальные события на востоке⁸⁴ заставили и нас отправиться дальше на запад. Еще в Карлсбаде я говорил, что русское наступление, которое готовилось месяцами, простым не будет. Да и соотношение сил между сторона-

⁸³ В ходе британского воздушного налета 27–28 ноября 1944 г. немалая часть Фрайбурга была разрушена, погибло около 3000 человек. За несколько дней до этого союзники заняли северный Эльзас.

⁸⁴ Советское наступление с 12 января по 2 февраля 1945 г. привело к быстрому прорыву немецкой обороны на Висле и выходу к Одеру. 27 января 1945 г. был освобожден концлагерь Освенцим. До Берлина оставалось менее ста километров.

ми казалось мне далеко не равным. Но что события примут подобный размах, никто из нас не верил и не считал возможным. И в Восточной Пруссии, и в Позене, и в Силезии можно лишь горестно жаловаться, что наше чудесное Отечество так опустошается. Все находится под впечатлением этих трагических событий.

Для нас отступление из Польши, которое ведет наш сосед с севера, означает то, что мы покидаем Высокие Татры. Прощание дается нам чрезвычайно трудно. Замечательное расположение, наша ставка, прекрасная зимняя погода там наверху, исполинские горы вокруг — всего этого нам будет недоставать. [...]

Отчет семье, 25 февраля 1945 г.

BArch. N 265/158. Bl. 129–131f. Ms.

[...] Кажется, первое крупное сражение за Остравский угольный район закончилось. Мы его выиграли. На востоке противник хоть и преодолел треть расстояния до первых шахт, но до них так и не добрался. Это означает для рейха 30 000 тонн угля в день, железная дорога и некоторые фабрики продолжают действовать. То есть ваш папочка сражался не напрасно. Но это была тяжелая работенка и крайне обременительный период времени. Нам сильно помогло, что противник принял несколько неверных решений. Наступление на плацдарм между Ратибором⁸⁵ и Козелом он повел столь нескоординированно, что его соединения двинулись в три разные стороны. Вследствие этого он уже на третий день попал в бедственное положение. Мне доставило много трудностей и то, сколь разные соединения мне пришлось принять под свое командование. Среди них были дивизии ополчения или остатки разбитых соединений, пополненные вышедшими из окружения. Они оказались заметно слабее, чем мои старые дивизии. Происходили несчастные случаи, которые вовсе не должны были случаться. Контратаки не удавались. Батальоны бежали с позиций. С огромным трудом и невероятной подручной помощью мне постепенно удалось перебросить все мои сильные соединения из словацких гор в Богемию.

⁸⁵ Примеч. рус. ред.: Рацибуж.

Но я сделал и еще одно. Я так долго заседал на людей, занимающихся промышленностью, пока они не вызвали своего главного шефа, министра Шпеера⁸⁶. Вчера он был здесь, посетил со мной три дивизии и шахту Эмма под Рыбником. Результатом был приказ фюрера, который немедленно передал в мое распоряжение 70 танков-истребителей. Это уже что-то. Шпеер мне очень понравился. Это спокойный, профессиональный и, в сущности, скромный человек. С ним можно хорошо поговорить. Мы провели вместе целый день. Он принял все наши пожелания. В итоге я настолько его убедил, что он повторил буквально моими же словами те мысли, которые я здесь высказал относительно защиты его промышленности. Это он передаст и фюреру. Так что для битвы здесь у меня хорошая поддержка. Она мне пригодится. Ведь русский не собирается прекращать атаки. После того как он доукомплектует свои соединения из резервов, пляски начнутся снова. [...]

В Силезии рассказывают ужасные вещи о поведении русских. Из Оппельна они вывезли в Россию мужчин. Стариков и женщин погнали копать окопы и мостить дороги⁸⁷. С женщинами и девушками обращаются так, что не хватает слов, зачастую их просто убивают. Нет ни малейшего чувства приличия или проявлений человечности. Человек — вещь, с которой можно обходиться как угодно. Его с удовольствием убивают. Да, наше время действительно далеко превзошло нравы Тридцатилетней войны. [...]

Говорят, что по Германии туда и сюда ездят тысячи солдат, непрерывно, бесконтрольно, с поддельными удостоверениями и так участвуют в войне. В 1918 г. всё началось именно так. Положение там, похоже, чудовищное.

О больших событиях на Восточном фронте я и говорить не хочу. Хорошо, что так занят, что некогда и подумать об общей ситуации. В руках противника уже и Гросс-Петервиц под Бреслау⁸⁸, где бабушка провела так много лет и была помолвлена. Какова обстановка в Кёнигсберге, остались ли родственники в нем или выбрались — об этом ничего не известно и не слышно. В Померании русские, по крайней мере, еще не добрались до Дитерсдорфа. Я рад

⁸⁶ Альберт Шпеер (1905–1981) — с февраля 1942 г. рейхсминистр вооружений и боеприпасов (с 1943 г. рейхсминистр вооружений и военного производства).

⁸⁷ Примеч. рус. ред.: ср. записи от 28 марта и 7 мая 1943 г.

⁸⁸ Примеч. рус. ред.: Вроцлав.

хотя бы тому, что Гизела уехала из области восточнее Одера. В этом смысле ее призыв в Трудовую службу был благом, потому что таким образом она была эвакуирована. Иначе бы она, видимо, осталась у Кнебельсов. А как русские обращаются с немецкими девушками, об этом лучше помолчать. На самом деле, я сейчас даже не знаю, куда я должен адресовать письма мамочке и Гизеле. [...]

Я не могу даже выразить, насколько сильно я потрясен всем происходящим в Германии. Каково сейчас приходится родственникам в Кёнигсберге, знает только Бог. А ведь еще совсем недавно дядя Отто рассказывал о своей домашней идиллии. Сегодня на улицах Кёнигсберга бушует ярость войны. Уцелели ли церковь в Хаберберге⁸⁹, дом священника, аптека «Лёвен»? Где Воттрих, дядя Херберт, фрау Бених? А в Эльзасе противник приближается к горам Кайзерштуль. Люксембург, Штауфен, Кёнигсберг и Либау более не в наших руках. И где же ты сама, моя Гизела? Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо.

Сегодня утром после долгого перерыва снова была церковная служба. Две темы легли в основу проповеди: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина не могу отлучить нас от любви Божией», — это дедушка читал на поминовении. И другая: «Радуйся в надежде, будь терпелив в страданиях, будь постоянен в молитвах», — это читали на нашем обручении. Обе совершенно ко времени! Действительно, всадники Апокалипсиса топчут наше Отечество! [...]

Отчет семье, 5 марта 1945 г.

BArch. N 265/158. Bl. 132f. Ms.

[...] После того как 3 марта после обеда мне пришлось разбираться с различными безрадостными проблемами, уже на выходе адъютант со словами «Наконец-то хоть что-то радостное» принес мне следующую телеграмму: «Принимая во внимание Ваш постоянно доказываемый делом героизм, вручаю Вам, 136-му в вермахте, дубовые листья с мечами к Рыцарскому кресту Железного креста.

⁸⁹ Отец Хейнрици был пастором в Хабербергской церкви, а приемный отец Гертруды Хейнрици владел аптекой «Лёвен» в Кёнигсберге.

Адольф Гитлер». Позднее позвонил начальник [штаба] группы армий фон Нацмер⁹⁰ и сказал, что хочет мне сообщить следующее: фюрер принял решение наградить меня спонтанно, во время обсуждения положения на фронтах, так как особо выделяет превосходную устойчивость, которую демонстрирует моя армия. После того как мы прибыли на юго-восток, пришлось выдержать один или другой крепкий удар. Бои в предгорьях Карпат и на Дукельском перевале были более чем жаркими. Непростой была оборона Карпатского хребта. И под Ужгородом, и к югу от Дукельского перевала всё зачастую висело на волоске. Трехнедельное сражение под Кашау было выиграно лишь потому, что у русского не хватило сил в самый последний момент, когда ему оставалось лишь пожать плоды победы (надеюсь, и общий исход войны будет тем же). Да и здесь, в промышленном районе, никак не сказать, что нам пришлось легко. Надеюсь, и предстоящее наступление, которое должно скоро начаться и начнется, мы отразим успешно. И в полководческом деле, после того как всё спланировал, подготовил, вывел войска на позиции, а затем взял на себя управление сражением, нельзя совершенно точно предсказать итог. Он зависит от множества других факторов, над которыми ты не властен.

20 марта 1945 г. Хейнрици был назначен командующим группой армий «Висла», которая должна была на Одере остановить наступление Красной армии на Берлин⁹¹. Советские атаки, начавшиеся 16 апреля,

⁹⁰ Олдриг фон Нацмер (1904–1980) — генерал-майор, с января по май 1945 г. начальник штаба группы армий «Центр».

⁹¹ В архиве Хейнрици не сохранилось писем и дневниковых записей за тот период, когда он находился на своей последней командной должности. Свой взгляд на события Хейнрици описал в послевоенных мемуарах «Последнее сражение Третьего рейха. Берлин, 1945», ок. 1948–1949 („Der Endkampf des Dritten Reiches. Berlin 1945“. IfZ. ZS 66/1. URL: http://www.ifz-muenchen.de/archiv/zs/zs-0066_1.pdf). Эти мемуары, как и вообще экспертную оценку Хейнрици, использовал Юрген Торвальд (настоящее имя Хайнц Бонгартц) в своих книгах «Это началось на Висле» (Thorwald. J. Es begann an der Weichsel. Flucht und Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Stuttgart: Steingrüben Verlag, 1949) и «Конец на Эльбе» (Thorwald. J. Das Ende an der Elbe. Die letzten Monate des Zweiten Weltkriegs im Osten. Stuttgart: Steingrüben Verlag, 1950). Позже и Корнелиус Райан в книге «Последнее сражение» (Ryan C. Der letzte Kampf.

удавалось сдерживать четыре дня (битва на Зееловских высотах), затем Красной армии удалось прорваться, в результате чего Берлин был окружен и взят. Когда Хейнрици выступил с инициативой вопреки приказам ОКВ (Кейтель, Йодль) оставить Берлин и удерживать Сви-немюнде, 29 апреля 1945 г. под Нойштрелицем Кейтель снял Хейнрици с поста командующего. После этого Хейнрици со своим штабом отправился во Фленсбург к гросс-адмиралу Деницу и нашел временное пристанище в Нибюлле (Шлезвиг).

Письмо жене, 5 мая 1945 г.

BArch. N 265/158. Bl. 137–146

Твой пессимистично настроенный муж в итоге оказался прав: он предвидел наступление конца, и этот конец пришел. Божий суд жесток и ужасен. Но он только начался. Кто знает, что плохого случится еще.

В последние три недели я пережил кошмары внутренних потрясений, душевных мук, сомнений и битв. Долг, повиновение, совесть и собственные убеждения боролись внутри меня. Никаких путей для отступления не было, не было возможности уйти от судьбы, если не считать смерти. Но самому стремиться к ней было бы мерзким кошунством. И так, когда меня терзали страшнейшие угрызения совести, когда требования громоздились на требования и не означали ничего иного, как бессмысленно жертвовать немецкими жизнями, когда случился сильнейший конфликт с Кейтелем, настаивавшем на том, чтобы я повиновался, мне пришлось подчиниться ему, но одновременно я подал в отставку. Я объяснил ему, что требования собственной совести ставлю выше всех прочих обязательств. Я отошел в сторону и сказал, что не могу больше идти вместе с ним!

Наконец мне удалось вырваться из этой сети обязанностей и обязательств, в которую я угодил. После этого он снял меня с моего поста. Уже пять дней как я без должности и убегаю от врага. [Ординарец] Била меня тайно по-кинул, при этом украл автомобиль и шоферов. Теперь

я добрался до датской границы, дальше я не пойду. Я жду здесь, когда меня заберет англичанин, возможно, с тем чтобы впоследствии выдать русскому. В календаре местной церковной общины на эти дни я нашел кое-какие слова утешения, хотя это был прошлогодний календарь. Да смиростивится надо мной Господь и поможет мне. Груз, который был на меня возложен, слишком тяжел. Эти строки не способны его описать, разве что в самых общих чертах. Но я знаю, что путь, которым я шел, был всегда ясен и верен. Я не прятался за болезни и прочие извинения. Когда настал момент, я заявил открыто: «Тем, что со мной не позволяет, я не занимаюсь. К каким последствиям это приведет, я не знаю. Но я не могу иначе, всё остальное не имеет значения».

Оба моих командующих армиями отказали Кейтелю, когда он попросил их занять мой пост, так что замены мне у него не было. Генерал фон Мантойфель⁹² сохранил эту точку зрения, повел себя мужественно и честно, как благородный человек. Генерал фон Типпельскирх⁹³ сначала воспротивился, но затем изменил свою позицию и сдался. Он согласился временно занять мой пост, хотя сперва и заявлял, что не пойдет на это. Так в тяжелые времена проявляются характеры.

Милая Трудель! Если бы я мог тебе описать эти противоречащие друг другу, но равно важные задачи, эти обязательства, эти нравственные требования, эти решения, которые мне предлагались и которые мне пришлось отклонить как аморальные, бесполезные или противоречащие присяге, то получилась бы драма невероятных масштабов и мощи. Сражающийся в своем бункере со смертью фюрер, требующий от меня освободить его, что было невозможно, после того как он сам себя там приковал, приказы, даваемые Кейтелем и Йодлем⁹⁴, которые всё же пытались заставить меня сделать это. Хотя они сами и понимали, что это означает лишь бессмысленные жерт-

⁹² Хассо фон Мантойфель (1897–1978) — генерал танковых войск, с марта по май 1945 г. командующий 3-й танковой армией.

⁹³ Курт фон Типпельскирх (1891–1957) — генерал пехоты, с апреля по май 1945 г. командующий 21-й армией.

⁹⁴ Альфред Йодль (1890–1946, казнен) — генерал-полковник, с августа 1939 г. по май 1945 г. начальник штаба оперативного руководства верховного командования вермахта.

вы и станет для них лишь самооправданием после того, как они выбрали для себя иную судьбу, чем фюрер, вместо того чтобы остаться рядом с ним как верные паладины. Что за жуть и отчаяние обрушились бы на Мекленбург с его имениями аристократов, цветущими деревнями и усадьбами, — и вот перед тобой вопрос, должен ли ты ради этой земли, последнего клочка земли, еще не затронутого войной, самовольно положить конец безумию этой битвы, без приказа, без разрешения, или ты должен пожертвовать этой землей, чтобы ее заняла хотя бы не армия русских, а сражающиеся уже в нашем непосредственном тылу и наступающие англичане и американцы, и тем спасти ее от Сибири? Тем самым я как солдат нарушил бы все обязательства, пока Гитлер был еще жив, и стал бы мятежником. Я бы своими решениями влиял и на судьбу других групп армий, нужд которых я не знал.

Вопреки осознанной мной необходимости как можно быстрее закончить эту безумную битву, Кейтелем и Йодлем выдвигалось требование освободить фюрера в Берлине, в связи с чем они отдавали приказы, надсмехавшиеся над реальным положением дел и означавшие бессмысленные жертвы. Мне сказали, выведи этих людей из игры, арестуй их или сделай еще что-то, но тогда бы в глазах немецкого народа я бы стал тем самым человеком, который, будучи солдатом, в последний момент предал фюрера и о котором говорили бы: без этого предателя кое-что сложилось бы иначе. Итак, я подчинился, но когда ситуация совсем ухудшилась, сказал Кейтелю: то, что Вы от меня требуете, не сочетается более с моей совестью. Я должен Вам подчиняться, но своим именем я такого не подпишу. Я не могу переступить через мою совесть. Я этого не сделаю, иначе перестану себя уважать.

Этот мой ответ сделал меня злейшим врагом Кейтеля и Йодля. Кейтель весьма странным образом лишил меня моего поста. Вероятно, они думали о том, что я должен расплатиться, возможно, собственной шкурой. Но полагаю, они уже не могли ничего сделать. Однако в последние дни мне пришлось быть осмотровым.

На пути сюда, после того как Кейтель отдал меня «в распоряжение» чужого штаба, Била постоянно пытался меня удержать с тем, чтобы я попал в руки англичан, а он бы смог отправиться домой. Но так как я не хотел стать перебежчиком, он покинул меня сам, прихватив наш

автомобиль, бензин, паек и двух шоферов! — Но из-за всех этих событий я избежал необходимости капитулировать и тем самым после сорокалетней службы сделать шаг, означающий для любого полководца самое страшное, что с ним может случиться. Судьба хранила меня от этого. Это пришлось сделать Типпельскирху.

Сейчас я попаду в руки врага как одиночная персона. Что со мной случится дальше — в руках Божьих. [...]

28 мая Хейнрици под Фленсбургом был взят в плен англичанами (POW 560720, Island Farm Special Camp 11, Bridgend, South Wales), из которого был освобожден 19 мая 1948 г.

Список источников и литературы¹

Архивные источники

BArch — Bundesarchiv, Abteilung Militärarchiv, Freiburg i. Br.

MSG 209: Sammlung Rigg

N 67: Nachlass Hans Felber

N 265: Nachlass Gotthard Heinrici

PERS 6/30: Personalakten Gotthard Heinrici

PERS 6/276010: Personalakten Hartmut Heinrici

RH 20–4: Oberkommando der 4. Armee

RH 24–43: Generalkommando des XXXXIII. Armeekorps

IfZ — Institut für Zeitgeschichte München–Berlin, Archiv

ZS 66/1–2: Zeugenschrifttum Gotthard Heinrici

Литература

Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg: 10 Bde. / hrsg. von Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Stuttgart; München: Deutsche Verlags-Anstalt DVA, 1979–2008.

Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. „Unternehmen Barbarossa“ 1941. Berichte, Analysen, Dokumente / hrsg. von G. R. Ueberschär, W. Wet-
te. Paderborn: F. Schöningh, 1984.

Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen: 4 Bde. Wiesbaden: Löwit, 1973.

Энциклопедия des Holocaust: Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden: 4 Bde. / hrsg. von I. Gutmann, E. Jäckel, P. Longerich, J. H. Schoeps. München; Zurich: Piper, 1998. Bd. 3.

Gerlach C. Кalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition, 1999.

¹ В список не включена литература, которая приводится переводчиками.

Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg: Kurt Vowinkel, 1951.

Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Auszeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942: 3 Bde. / hrsg. von Arbeitskreis für Wehrforschung, bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart: Kohlhammer, 1962–1964.

Hartmann C. Unternehmen Barbarossa. Der deutsche Krieg im Osten 1941–1945. München: Beck, 2011.

Hartmann C. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. München: R. Oldenbourg, 2009.

Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt am Main: Bernard & Graefe, 1965.

Howell E.-J. Von den Besiegten lernen? Die kriegsgeschichtliche Kooperation der U.S. Armee und der ehemaligen Wehrmachtseleite 1945–1961. Berlin: De Gruyter, 2016.

Hubatsch W. (Hrsg.). Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. München: Bernard & Graefe, 1983.

Hürter J. Ein deutscher General an der Ostfront. Die Briefe und Tagebücher des Gotthard Heinrici 1941/42. Erfurt: Sutton, 2001.

Hürter J. Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945: 4 Bde. / hrsg. von P. E. Schramm, bearb. von H.-A. Jacobsen, A. Hillgruber, W. Hubatsch, P. E. Schramm Frankfurt am Main: Bernard & Graefe, 1961–1965.

Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indoktrination. Hamburg: R.v. Decker's, G. Schenck, 1969.

Müller K.-J. Armee und Drittes Reich 1933–1939. Darstellung und Dokumentation. Paderborn: F. Schöningh, 1987.

Müller K.-J. Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime 1933–1940. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1969.

Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München: R. Oldenbourg, 1999.

Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2008.

Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1972.

Rigg B. M. Hitlers jüdische Soldaten. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003.

Römer F. Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008.

Ryan C. Der letzte Kampf. Neuauflage. Darmstadt: Theiss, 2015 (первое изд.: Stuttgart: Dt. Bücherbund, 1966).

Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978 (русский перевод: *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2009).

Die Tagebücher von Joseph Goebbels // Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte: 29 Bde. / hrsg. von E. Fröhlich. München: K. G. Saur., 1993–2005. Т. II. Bd. I–II.

Научное издание

Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг.
в записях генерала Хейнрици

под редакцией Й. Хюртера;
перевод с немецкого, предисловие к русскому изданию, комментарии
О. И. Бэйдя, И. Р. Петрова

Редакторы *В. В. Боварь, М. Ю. Кондратьева*
Корректор *Д. М. Капитонов*
Дизайн *А. Ю. Ходот*
Верстка *М. Ю. Виноградова*

Подписано в печать 24.09.2018. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1500 экз.

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
e-mail: books@eu.spb.ru
тел.: +7 812 386 7627
факс: +7 812 386 7639
Сайт и интернет-магазин издательства
WWW.EUPRESS.RU

Отпечатано в ООО ИПК «Парето-Принт»
Бурашевское сельское поселение,
Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А» Тверь
www.pareto-print.ru
Заказ № 7565/18

«Записки отображают войну на Восточном фронте так, что редкий исторический источник, вышедший из-под пера высокого немецкого чина, может с ними сравниться»

(журнал «Шпигель», июнь 2016 г.)

Отечественному читателю впервые предоставляется возможность ознакомиться с уникальными заметками одного из высших военачальников вермахта.

Воюя против Советского Союза в течение четырех лет, генерал Готхард Хейнрици последовательно командовал корпусом, армией и группой армий.

Увиденное на войне шокировало и поражало даже такого бывалого командира. Личные записи Хейнрици, не предназначавшиеся для публикации, наглядно показывают, как из консервативного молодого офицера выковался пессимистичный, аналитически мыслящий генерал вермахта, который поставил весь свой талант стратега на службу Гитлеру, участвуя в преступном колониальном походе против СССР.

ISBN 978-5-94380-264-5

